

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

«Русский улус» Золотой Орды

Споры о вере в XVII в.

Частная жизнь и «духовные дела» 1660—1670-х гг.

Ландратские книги петровского времени

Испанские революции и русские сановники в 1810—1820-е гг.

Политические партии начала XX в. и их исследователи

Ф.А. Головин: либеральный политик революционной эпохи

Раскол Союза русского народа

Казахский автономизм в 1918 г.

Белогвардейцы в Дагестане

Китайцы на Урале в 1920—1930-е гг.

Обсуждаем книгу

Границы и маркеры социальной стратификации
в России XVII—XX вв.

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

МОСКВА
ГАУН-ПРЕСС

1 январь
февраль
2021

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Г. Пихоя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**А.Н. Артизов, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
В.В. Кондрашин, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
К.В. Никифоров, Ю.С. Пивоваров, Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков,
Е.А. Тюрина, У. Эньюань, В.С. Христофоров**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, А. Блюм, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская,
П.Г. Гайдуков, А.В. Голубев, И. Граля, В. Дённингхаус, С.В. Журавлёв,
В.Н. Захаров, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В. Зубок, Б.И. Колоницкий,
М. Крамер, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев (*зам. главного редактора*), Е.А. Мельникова,
Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (*зам. главного редактора*), Д.Б. Павлов, Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Д.А. Редин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев,
П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723-69-10
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: П.Ф. Никонов. Геологи (1962)

© Российская академия наук, 2021

© ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2021

© Редколлегия журнала «Российская история» (составитель), 2021

«Русский улус» Золотой Орды

Вадим Трепавлов

«Russian ulus» of the Golden Horde

Vadim Trepavlov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870013438-2

После монгольского нашествия 1237—1241 гг. большинство русских княжеств вынуждено было покориться завоевателям. Русь стала частью Еке Монгол улуса — Монгольской империи. Поездки князей на поклон к новым сюзернам — в волжскую ставку правителей Улуса Джучи (будущей Золотой Орды) и в имперскую столицу Каракорум, проведение в русских землях общеимперской переписи населения, введение там налогообложения ясно демонстрировали этот новый статус Руси. После того, как во второй половине 1260-х гг. империя распалась на самостоятельные улусные ханства, верховная власть над славянскими подданными перешла к Джучидам — ханам Золотой Орды. И если принадлежность завоеванной Руси к Монгольской империи, кажется, не вызывает заметных споров и сомнений в историографии, то ее положение в «постимперской» ситуации остаётся дискуссионным.

Сам факт завоевания не показался российским и советским исследователям достаточным основанием для расценивания русских земель как части Золотой Орды. Ю.В. Кривошеев справедливо отметил: «Большинство отечественных историков считали и считают, что Русь как территория и общество не стала территорией “Джучиева улуса”»¹. Не случайно автор единственного монографического исследования исторической географии Золотой Орды В.Л. Егоров не стал рассматривать русские земли в числе ордынских владений².

Если взять исследования последнего времени, то в качестве примера концентрированного изложения такого подхода можно сослаться на А.А. Горского: после походов Батыея и административных мероприятий правительства Еке Монгол улуса в 1240—1250-х гг. «русские земли *попали в зависимость* от монгольских ханов (здесь и далее в цитатах курсив мой. — В.Т.)». Когда же Золотая Орда стала отдельным государством, «русские княжества остались в *вассальной зависимости* только от него»; эта «вассальная зависимость» выражалась в праве ордынских ханов утверждать князей на столах и получать от них дань («выход») и другие подати³.

Понятие «зависимость» по отношению к русско-ордынским отношениям в последнее время активно внедрилось в российский научный дискурс, потеснив (но не вытеснив полностью) прежнее устоявшееся «монголо-татарское иго»,

© 2021 г. В.В. Трепавлов

¹ Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XIII—XIV вв. СПб., 2003. С. 117.

² Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985.

³ Горский А.А. Русь: от славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 190—191.

и даже было узаконено в Федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования⁴. Таким образом, нет и речи о том, чтобы считать порабощённую Русь частью золотоордынского государства. «Россия явно не была частью улуса, и татары позволили русским князьям сохранить их престолы», — пишет Ч. Гальперин⁵, подразумевая под улусом, очевидно, территорию Орды, напрямую управляющуюся ханом, его чиновниками и наместниками.

Определение зависимости Руси от Орды часто сопровождается эпитетом «вассальная» (как в приведённой выше цитате из работы Горского). Однако внимательный анализ русско-ордынских отношений господства-подчинения обнаруживает существенные отличия от их западноевропейских феодальных и более поздних прообразов — вассалитета, протектората, министералитета и др.⁶ Поэтому время от времени в литературе высказывалось предположение о более тесном взаимодействии этих двух исторических субъектов. Так, Л.Н. Гумилёв видел в периоде XIII—XV вв. взаимовыгодный союз и даже заимствованный из биологии «симбиоз» Руси и Орды⁷, т.е. тоже воспринимал их как два несовпадающих — пусть и якобы взаимно лояльных — элемента системы. Г.В. Вернадский полагал, что «Русь была частью Монгольской империи и региональным ханством», и «пока Западная и Восточная Русь находились под контролем хана, обе были частями одного политического образования, Золотой Орды»⁸. Но такие точки зрения долгое время почти никем из историков не разделялись, оставаясь, по существу, маргинальными.

В последние годы в связи с ростом интереса и активизацией исследований по золотоордынской истории альтернативный взгляд всё более проникает на страницы научных докладов, статей и монографий (но не учебников — до этого пока далеко). Рассмотрению степени и признаков подчинённости Руси Орде через разбор взаимоотношений князей и ханов посвящены работы Ю.В. Селезнёва. Он пришёл к заключению, что правители Рюрикава дома занимали в ордынской государственной системе «по сути, административные должности», были включены «в систему взаимодействия элиты Джучиева улуса», что означало «включение их в состав правящего слоя Орды»⁹. Во многом по-новому представлены русско-ордынские отношения в третьем томе «Истории татар» и обобщающей фундаментальной монографии «Золотая Орда в мировой истории»¹⁰.

Вероятно, пока можно говорить лишь о первых шагах, наметившейся тенденции к переосмыслению данной проблемы. Однако уже эти шаги позволили Т.Р. Галимову утверждать, что недавние исследования «вполне убедительны».

⁴ См.: Программа основного общего образования по истории. 5—9 классы (базовый уровень) (URL: https://prsgim.edu.yar.ru/annotsatii_k_rabochim_programmam/2017_2018/programma_po_istorii_5_9_kl_fgos.pdf; дата обращения: 21.07.2020).

⁵ Halperin Ch.J. Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington, 1985. P. 63.

⁶ См.: Селезнёв Ю.В. Картины ордынского ига. Воронеж, 2017. С. 33, 34.

⁷ Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989. С. 543; Гумилёв Л.Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М., 1992. С. 155.

⁸ Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 6, 240.

⁹ Селезнёв Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII—XV веках. Воронеж, 2013. С. 304; Селезнёв Ю.В. Картины ордынского ига. С. 34.

¹⁰ История татар с древнейших времён. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. Казань, 2009; Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016.

тельно» показали, что «древнерусские княжества были не просто в зависимости от Орды, а являлись частью золотоордынского пространства». При этом «совокупность русских княжеств становилась своего рода отдельным “русским улусом”»¹¹. В 2019 г. в рамках VI международного Золотоордынского форума в Казани состоялся «круглый стол» на тему «Русский улус: вопросы подчинённости древнерусских земель Золотой Орде».

Так в современную историографию постепенно проникает понятие «Русский улус» как цельный и самостоятельный объект изучения¹². Я в своё время решил определить русские княжества, обложенные «выходом», как составную часть Золотой Орды¹³. Одним из оснований для этого послужило именование в русских летописях княжеств «царевым улусом» (см. ниже). Такая интерпретация через много лет вызвала критику со стороны исследователя монгольского завоевания Руси Ю.В. Кривошеева. По его мнению, в подходе Трепавлова не учитывается многозначность термина «улус», который изначально обозначал «социально-потестарную общность гетерогенного характера» (по Т.Д. Скрынниковой), а позже приобрёл «государственно-территориальный акцент». Между Ордой и Русью сложились отношения «даннической эксплуатации» на основе «данничества» с сопутствующими набегами и грабежами. Следовательно, «русские летописи позволяют трактовать “улус” не как подчинённые Орде и управляемые ханом земли, а как территорию, население которой платит дань»; улус, как и *тьма*, — это «даннические единицы, не имеющие отношения к территориально-государственной структуре Золотой Орды, непосредственно управляемой ханами»¹⁴.

Здесь есть чему возразить. Во-первых, несколько схоластические рассуждения об изменениях смысла термина «улус» не опровергают моё понимание части Руси как части Орды, будь он «социально-потестарной общностью» (проще говоря, народом) или территориальным владением. Но из контекста редких упоминаний улуса в летописях в связи с русскими землями предстаёт всё же, прежде всего, территориальное значение данного понятия, хотя иногда возможно и исконно монгольское понимание как «подданного народа», или «народа, переданного в управление». В XVII в. улус вошёл в русский язык настолько, что при переводах тюркских грамот в Посольском приказе заменял фигурирующие в оригиналах понятия «народ», «подданные», «слуги»¹⁵. Как бы то ни было, это никак не опровергает тезис о принадлежности завоёванной части Руси к золотоордынскому государству.

¹¹ Галимов Т.Р. О вхождении древнерусской знати в состав элит Золотой Орды (постановка вопроса) // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 261, 263.

¹² Турецкий исследователь И. Кемальоглу (Камалов) написал книгу «Золотая Орда и Россия. Тюрко-татарское влияние на Россию», которая в русском переводе вышла под названием «Золотая Орда и Русский улус». В ней, однако, по-прежнему используются традиционные и во многом абстрактные характеристики: «вассалы», «вассалитет», «подчинение Золотой Орде» и т.п. (Камалов *I.* Altın Orda ve Rusya: Rusya Üzerindeki Türk-Tatar Etkisi. İstanbul, 2009; İstanbul, 2015; Камалов *И.* Золотая Орда и Русский улус (татарское влияние на Россию). Казань, 2016). Чёткого ответа на вопрос, составляли ли русские княжества часть Джучиева улуса, автор не даёт.

¹³ Трепавлов В.В. Статус «Белого царя»: Москва и татарские ханства в XV—XVI вв. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1992. С. 59—62.

¹⁴ Кривошеев Ю.В. Русь и монголы... С. 246—248; Кривошеев Ю.В. Средневековая Русь и Джучиев улус: формирование и развитие системы отношений // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 194—196.

¹⁵ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2020. С. 739, 740.

Во-вторых, многозначное древнерусское понятие «дань», похоже, интерпретируется моим уважаемым оппонентом слишком одномерно, в соответствии с современным значением — как изъятие ресурсов завоевателями у несчастных жертв завоевания. Между тем ордынская дань — «выход» (*чыкыши, харадж*) — была обычным налогом, которым облагалось всё оседлое население Джучиева улуса, и не только русское. При этом в средневековом русском языке слово «дань» означало не только выплаты врагу-победителю, но и «подать», и даже «дар, подношение»¹⁶.

В-третьих, странно утверждать, будто княжества, которые сами же русские называли «царевым (т.е. ханским) улусом», не имели отношения к «территориально-государственной структуре» государства, которое было разделено на улусы. Другое дело, что славянские регионы Восточной Европы, конечно, не уподоблялись улусам в кочевой степи — это бесспорно. Как отмечал Г.А. Фёдоров-Давыдов, термин «улус» применялся к русским княжествам «с оттенком, обозначающим их вассальное по отношению к хану положение»¹⁷.

Обратимся к упоминаниям улуса в русских источниках, описывающих события XIII—XV вв. Как и следовало ожидать, это понятие фигурирует, прежде всего, в передаваемых средневековыми хронистами словах татар. При этом следует учитывать вероятность домысливания авторами цитируемых текстов этих речей — если и не общего содержания их, то отдельных деталей, в том числе терминологии. В частности, историки-русисты традиционно скептически относятся к информации поздней Никоновской летописи (XVI в.) относительно той эпохи. В ней читаем о том, как в сентябре 1383 г. Тохтамыш, «царь Воложский и всѣхъ ордь высочайшій царь», пожаловал князя Михаила Александровича великим княжением Тверским со словами: «Язь улусы своя самъ знаю, и кійждо князь Русскій на моемъ улусе, а на своемъ отечествѣ живет по старинѣ, а мнѣ служить правдою... а что неправда предо мною улусника моего князя Дмитрея Московскаго, и азъ его поустрашилъ»¹⁸. Тверской сборник (конец XV в.) передаёт слова того же Тохтамыша к осаждённым им москвичам в 1382 г.: «Азь не пришель улуса своего истеряти, но соблюсти»¹⁹.

Стоит обратить внимание на то, что русские земли не предстают в приведённых фрагментах как единый «Русский улус». Из летописных цитат следует, что особыми улусами являлись и Тверское великое княжество, и Владимирское (тогда уже — фактически Московское), и прочие регионы, управляемые князьями, подвластными Орде («каждый князь на моем улусе»). В целом представление о княжестве как о ханском улусе здесь просматривается ясно и неоднократно отмечалось в историографии. Гораздо более частого цитирования в литературе удаивались речи русских посетителей ханских ставок с упоминанием улуса. Симеоновская летопись (конец XV в.) и Воскресенская летопись (XVI в.) под 1348/49 г.: «И слышавъ царь (Джанибек. — *В.Т.*) жалобу князя великаго (Семёна Ивановича московскаго. — *В.Т.*), оже Олгердь съ своею братьею *царевъ улусъ, а князя великаго отчину* испустишил»; «Слышавъ же царь от пословъ великаго князя, яко Олгердь съ братіею *улусъ его, отчину князя*

¹⁶ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. СПб., 1893. Стб. 627—629; Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. II. М., 1989. С. 426, 427.

¹⁷ Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 117.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897. С. 84.

¹⁹ Там же. Т. 15. М., 2000. С. 442.

великого, испустошили»²⁰. Никоновская летопись под 1399 г.: Иван Михайлович тверской прислал к хану депутацию с просьбой «пожаловать его отчиною его и дѣдиною, а своим улусом, великимъ княжениемъ Тверскимъ», и тот «даде улусъ свой, великое княжение Тверское, князю Ивану Михайловичю по отчине и дѣдине его»²¹. Более известны и чаще приводятся сведения о споре вокруг великокняжеского стола (и соответствующего ярлыка) между Василием Васильевичем московским и Юрием Дмитриевичем звенигородским в ставке хана Улуг-Мухаммеда в 1431—1432 гг. В монологе, обращённом к хану, приближённый Василия убеждал того в неукоснительном соблюдении своим патроном установленных Ордой порядков, в противовес Юрию — приверженцу наследственного права на вокняжение: «Нашъ осподарь велики князь Василеи ищет стола своего великого княжения, а твоего оулуса по твоему цареву жалованию и по твоим девтерем и ярлыком... А ты волень во своемъ оулусѣ кого восхочеш жаловати по твоей волѣ»²².

Примечательно, что летописцы этот двуединый статус княжеств как наследственных владений и ордынских улусов никогда не комментировали. Такое умолчание не могло быть случайным и требовало от историков объяснений. В целом, они пришли к заключению, что это было следствием примирения с фактом завоевания и участием татарских данников как проявлением божественной воли. Ведь, как сказано в «Житии Михаила Черниговского» (середина XVI в.), Русь после нашествия оказалась в положении «земли канови и Батыевъ» (т.е. монгольского императора-каана и Батыева), поэтому на ней «не подобает жити... не поклонившееся има»²³. Следовательно, констатировалось вхождение Руси не только в империю Чингисидов, возглавляемую кааном, но и в число владений Батыева — «землю Батыеву», т.е. Джучиев улус. Во всяком случае, так обстояло дело с точки зрения монголов (в «Житии» пересказывается их обращение к князьям, уцелевшим после нашествия). Хан же ордынский выступал в качестве орудия Божия гнева против Руси, отчего и получил возможность безраздельно распоряжаться судьбой русских земель²⁴.

Кроме того, демонстрация лояльности при визитах в Орду и внешне нейтральное отношение к «игу» могло быть продиктовано опасением, что ордынские правители в любой момент могут перейти к непосредственному управлению русскими данниками, без посредничества местных князей — так же, как на остальной территории Золотой Орды²⁵.

В общем, как сформулировал Ч. Гальперин, русские интеллектуалы XIII—XIV вв. «обошли опасное осмысление монгольского правления путём отказа от

²⁰ Там же. Т. 7. СПб., 1856. С. 215; Т. 18. М., 2007. С. 96.

²¹ Там же. Т. 11. С. 183.

²² Там же. Т. 27. М.; Л., 1962. С. 103; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 249; Т. 26. М.; Л., 1959. С. 188. Об этой ситуации см.: Арапов Д.Ю. Русские князья в Орде в 1432 г.: история одного эпизода московской «замятни» XV в. // Русское средневековье. Источники. 2000—2001. М., 2002. С. 98—100; Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 45—47.

²³ Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. М., 1915. С. 55; Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2002. С. 221.

²⁴ Селезнёв Ю.В. Полемические заметки об образе татар в русской средневековой книжности // Петербургские славянские и балканские исследования. 2011. № 1(9). Январь—июнь. С. 220.

²⁵ Горский А.А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности империи // Исторический вестник. Т. 10(157). М., 2014. С. 59.

трактовки русско-татарских отношений в терминах суверенитета, т.е. отказа от явного признания того, что Русь была завоёвана»²⁶. Именно этому американскому исследователю принадлежит весьма здравая, с моей точки зрения, идея о своего рода «идеологии молчания» (*the ideology of silence*), «избегания [артикулирования] идеи татарского сюзеренитета»²⁷. По его мнению, русские авторы средневековых текстов организовали фактически «заговор молчания», просто избегая затрагивать проблемы, связанные с завоеванием, а между ненавистью к врагу и игнорированием его выбрали второе. Гальперин даже видит «невероятный подвиг» в том, что идеологи Руси возвеличивали ханов и в то же время не признавали, что они являлись её правителями²⁸, т.е. не признавали этого очевидного, хотя и прискорбного для православных славян факта.

Впрочем, А.В. Лаушкин посчитал данную трактовку умонастроения русских книжников «во многом искусственной». В действительности, по его мнению, постоянное сравнение ими ордынского владычества над Русью с ветхозаветным «вавилонским пленом» иудеев было пронизано «историческим оптимизмом» — уверенностью в неперменном будущем избавлении от этой небесной кары. Уменьшение же негативных характеристик монголов в текстах, начиная со второй половины XIII в., «не столько свидетельствует о некоей политической осмотрительности летописцев, сколько в целом соответствует манере, которую их предшественники более раннего времени выработали, рассказывая о половцах, булгарах и литве»²⁹.

В.Н. Рудаков, рассматривая нечастое присутствие татарских ханов на страницах древнерусских сочинений, сосредотачивается на убеждённости их авторов в божественном источнике любой государственной власти, из чего вытекало беспрекословное подчинение власти ордынского «царя», которой надлежало «подчиняться в той мере, в какой она касается дел земных»³⁰. Рудаков подошёл к проблеме несколько с другой стороны, но отмеченная им несомненность для русских книжников прерогатив «власти кесаря» также объясняет их молчание относительно положения Руси в системе ордынской государственности.

Таким образом, русские источники — с их сухими констатациями улусного статуса княжеств и князей как ханских улусников — мало помогают в определении положения «Русского улуса» в Золотой Орде. Поэтому обратимся к текстам, происходящим из сопредельных с Русью стран.

Русско-ордынские отношения эпохи «монголо-татарского ига» отразились в Книгах записей Литовской метрики конца XV — начала XVI в. В этих документах время от времени ощущается память о прежних даннических обязанностях Руси. При общении с великим князем Иваном III татары не решались даже упоминать об этом. В начальном протоколе ханских грамот из Крыма употреблялась формула «(такого-то хана) слово Ивану», т.е. просто с обозначением разного ранга правителей — хана («царя») и великого князя, уже без

²⁶ Halperin Ch.J. Russia and the Golden Horde... P. 63.

²⁷ Гальперин Ч. Татарское иго. Образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012. С. 14, 30, 202; Halperin Ch.J. Russia and the Golden Horde... P. 74; Halperin Ch.J. The Tatar Yoke. The Image of the Mongols in Medieval Russia. Columbus (Ohio), 1986. P. 5, 20, 192.

²⁸ Гальперин Ч. Татарское иго... С. 203, 205, 206, 209.

²⁹ Лаушкин А.В. Русь и соседи: история этнокофессиональных представлений в древнерусской книжности XI—XIII вв. М., 2019. С. 181—193, 228.

³⁰ Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII—XV вв. М., 2009. С. 111, 121.

прежнего повелительного оборота *сёзюм* — «слово моё»³¹. Однако в переписке с Вильно и Краковом крымцы давали волю ностальгии, сопровождая упоминания московского государя неперменным добавлением «холоп наш»³². Называл Ивана III холопом и Шейх-Ахмед — последний хан Большой Орды³³.

Польско-литовская сторона охотно поддерживала эти настроения, укрепляя антимосковский настрой в своих татарских собеседниках. Власти Польско-Литовского государства, некогда поспособствовавшие воцарению Гиреев, придерживались аналогичной трактовки при общении с крымцами: «У московского (великого князя. — *В.Т.*) предки холопья были, предкомъ твоимъ дань завжды даивали къ столъцу царскому, на которомъ ты, брат нашъ, седишь»³⁴.

При этом у польско-литовских правителей вызывали возмущение амбиции московских князей на иерархическое равенство с ханами: «А хто перед тымъ твоимъ предком холопом ся писывал, тотъ нине вжо тебе братомъ ся называетъ. И тот неприятель господара нашего велики княз московский»³⁵. Различие в рангах правителей они считали существенным ещё и потому, что Москва некогда выплачивала Орде дань-«выход», в то время как Литва ограничивалась добровольными (хотя и довольно разорительными) дарами-«упоминками»: «Предки наши и отецъ нашъ своими великими послы предъковъ твоихъ и отца твоего впомянками навежал, а московский холопъ вашъ в кажъдыи годъ выходъ давалъ»³⁶.

Такое же отношение видится в рассказе Никоновской летописи об обращении великого князя литовского Ягайло к «царю» Мамаю в преддверии Куликовской битвы: «Слышахъ, господине, яко хошеши страшити *свой улус*, своего служебника Московскаго князя Дмитрея... Велику обиду творить князь Дмитрей Московской *твоему улуснику* Олгу князю Рязанскому». Мамай якобы отвечал: «Елико хошете *улуса моего, земли Руския*, тем всем жалую васъ, моихъ присяжниковъ и *улусниковъ*»³⁷. Здесь также наблюдаем различие между «улусниками» Московского и Рязанского княжеств и «присяжниками» княжества Литовского (в начале письма Ягайло представляется как «про твою милость присяжник»). Кроме того, «внелитовская» Русь предстаёт в глазах Мамай как «улус мой, земля Русская», т.е. подвластный хану Русский улус Золотой Орды (неважно, что «царский» титул приписан этому беку летописцем, скорее всего, незаслуженно).

Итак, в документах, связанных с Великим княжеством Литовским, мы видим ясное впечатление современников о Северо-Восточной Руси как о том же «цареве улусе», что упоминается в русских летописях, — подчинённом хану владении, управляемом князьями — ханскими «улусниками».

Современники и наблюдатели из более дальнего Запада оценивали положение Руси по отношению к Орде довольно однозначно: она данница и, следовательно, часть державы «тартар». Т. Оллсен обратил внимание, что французский

³¹ Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 179, 180.

³² Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5 (1427—1506). Vilnius, 1994. P. 172, 173, 175, 179, 181, 235.

³³ Lietuvos Metrika. Knyga Nr 6 (1494—1506). Vilnius, 2007. P. 80.

³⁴ Lietuvos Metrika. Knyga Nr 7 (1506—1539). Vilnius, 2011. P. 337 (наказ послу короля и великого князя Сигизмунда I к крымскому хану Менгли-Гирею, 29 марта 1516 г.).

³⁵ Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5 (1427—1506). P. 276 (наказ послу великого князя Александра Ягеллона к Менгли-Гирею, 7 ноября 1500 г.).

³⁶ Lietuvos Metrika. Knyga Nr 7 (1506—1539). P. 84.

³⁷ ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901. С. 47—48.

посол Г. Рубрук при перечислении регионов Джучиева улуса, которые платили монголам дань мехами в середине 1250-х гг., называет русские княжества³⁸. За ними закрепились репутация земли, подвластной ордынским правителям. Через 100 лет после Рубрука анонимная Штирийская хроника рассказала о вторжении польских войск в Галицию в 1340 г., на что последовала реакция хана Узбека: «Царь тартар, услышав об этом, утверждал, что *королевство* (Галицкое. — В.Т.) было его, выплачивало ценз ему и его родоначальникам. Он пришёл с бесконечным множеством тартар к границам Краковии»³⁹. Обратим внимание, что здесь приводится ссылка на мнение ордынской стороны насчёт подданства Западной Руси. Хотя возможно, что австрийский автор его домыслил.

Младший современник штирийского анонима, неизвестный кастилец, сочинивший «Книгу знакомства со всеми царствами», в тех царствах сам не бывал и описывал своё вымышленное путешествие по ним. Среди городов, что «находятся в империи Сарая», он, наряду с несколькими неидентифицируемыми топонимами, называет «Тифер»⁴⁰. Соблазнительно было бы предположить, что это название города Твери, но только записанное кем-то на слух от некоего тюркоязычного информатора.

В 1394 г. турки пленили баварского солдата Иоганна Шильтбергера. В течение последующих 33 лет он вместе со своими хозяевами побывал во многих странах, в том числе в Золотой Орде, а в 1427 г. бежал на родину, где описал свои странствия. Одну из глав он назвал «Страны, подвластные Татарии, в которых я был», т.е. кажется, что речь идёт о странах, подчинённых Золотой Орде, но не входящих в её состав. Однако таковыми он называет несомненные ордынские провинции Хорезм, «Бештамак» с главным городом Джулатом (т.е. Северный Кавказ), Кипчак (т.е. Дешт-и Кипчак), и среди них «королевство Россия, которая платит дань татарскому королю»⁴¹.

Концентрированное отношение европейцев к положению Руси под «игмом» выразил австрийский (имперский) дипломат С. Герберштейн. В своих «Записках о московских делах», впервые опубликованных в 1549 г., он отметил, что после нашествия Батыея «[почти] все государи Руссии были поставляемы татарами и повиновались им вплоть до Витольда, великого князя литовского, который храбро защитил от татарских войск [свои] земли [и то], что занял в Руссии... Но великие князья владимирские и московские, вплоть до нынешнего князя Василия, всегда пребывали в верности и повиновении, однажды обещанных татарам»⁴². Как видим, определённого ответа на интересующий нас вопрос — входила ли Русь в состав Золотой Орды — автор не даёт. Но «верность и повиновение» князей, наряду с выплатой дани, очевидно, должны были создать у читателей впечатление об интегрированности Руси — за исключением её части, освобождённой литовским князем Витовтом, — в государственное пространство Орды. Причём не в степную кочевую «Татарию» Шильтбергера, а в обширную «империю Сарая» кастильского анонима.

³⁸ *Allsen Th.T.* Mongol Imperialism. The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251—1259. Berkeley, 1987. P. 183.

³⁹ *Хаутала Р.* В землях «Северной Тартарии». Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313—1341). Казань, 2019. С. 734.

⁴⁰ Там же. С. 556.

⁴¹ *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Баку, 1984. С. 44, 45.

⁴² *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 165.

Обратимся к источникам, происходящим из монгольской, золотоордынской, постордынской и в целом мусульманской средневековой среды. Сразу отмечу, что в повествованиях о покорении Восточной Европы авторы этих текстов игнорировали разделение Руси на фактически самостоятельные государства-княжества. Для восточных современников все они были областью обитания русского народа (*рус, урус, орусут*). На завоевание русских в целом, как некоего единого сообщества, нацеливал Чингисхан прославленного военачальника Субедэя, а его преемник, каан Угедэй, отправил своих сыновей и племянников во главе с Бату, которые и «полонили Орусутов»⁴³. Очевидно, здесь сказалось первичное и архаичное представление о территории, стране не как о географическом пространстве, а как в первую очередь о месте расселения народа — в соответствии с изначальным значением монгольского понятия «улус».

Авторы, отразившие официальные доктрины Еке Монгол улуса, также видели в народе, подвластном князьям Рюрикова дома, русских вообще, «страну Русов»⁴⁴. При описании населения Золотой Орды те перечислялись наряду с черкесами и ясами, которые «не в силах сопротивляться султану этих стран и потому (обходятся) с ним как подданные его, хотя у них есть (свои) цари»⁴⁵. Не вызывала каких-либо эмоций и комментарий мобилизация ордынским ханом русских воинов, когда, например, для борьбы с Тимуром по приказу Тохтамышша «из русских, черкесов, болгар, кипчаков, аланов, (жителей) Крыма с Кафой и Азаком, башкирдов и м.к.с. (мокша? — *В.Т.*) собралось войско изрядно большое»⁴⁶. Нашествие на Улус Джучи хронист Тамерлана расценивал как «набег на области и места того края — (земли) Укека, Маджара, русских, черкесов, башкирдов, Микес, Бальчимкина, Крыма, Азака, Кубани и аланов со всем к ним принадлежащим и относящимся»⁴⁷.

Единая и в некотором смысле абстрактная «область Рус», «страна Рус» со временем, в XIV в., явственно разделилась на «владимирскую (московскую)» и «литовскую» части. Если последнюю татары называли «Либка» (опять же без различия балтского и славянского населения), то для Северо-Восточной Руси в восточных текстах того времени и позднее утвердилось понятие «Московский вилайет» (*Москов вилайети*)⁴⁸. Хотя иногда использовалось и традиционное «Русский вилайет» (*Урус вилайети*)⁴⁹. Как же этот «вилайет» воспринимался в ряду прочих ордынских владений?

⁴³ *Козин С.А.* Сокровенное сказание монголов. Монгольская хроника 1240 года. М.; Л., 1941. С. 189, 192, 194.

⁴⁴ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960. С. 36, 38, 45, 121; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. Алматы, 2006 (История Казахстана в персидских источниках. Т. IV). С. 56 (Джувейни, середина XIII в.).

⁴⁵ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. Алматы, 2005 (История Казахстана в арабских источниках. Т. I). С. 171 (ал-Омари, первая половина XIV в.).

⁴⁶ Там же. С. 303 (Йазди, первая половина XV в.).

⁴⁷ Там же. С. 344 (Йазди).

⁴⁸ *Утемиш-хаджи.* Кара таварих. Казань, 2017. С. 31, 63, 72, 73 (середина XVI в.); *Кырыми Абдулгаффар.* Умдет ал-ахбар. Кн. 1. Транскрипция, факсимиле. Казань, 2014. С. 62, 104 (середина XVIII в.); *Кырыми Абдулгаффар.* Умдет ал-ахбар. Кн. 2. Перевод. Казань, 2018. С. 43, 78.

⁴⁹ *Утемиш-хаджи.* Кара таварих. С. 30, 104; *Кырыми Абдулгаффар.* Умдет ал-ахбар. Кн. 1. С. 93; Кн. 2. С. 69.

Арабские и персидские авторы, далёкие от Джучиева улуса, видели в завоеванной Руси один из округов этого государства («округ десятый страна Рус» — ал-Калкашанди, начало XV в.). Они не ведали о политическом разделении русских земель и понимали под страной/округом Рус всю территорию бывшего Древнерусского государства⁵⁰. Однако при описании пределов Золотой Орды они единодушно включали Русь в её состав. Бату «принадлежали владения: Хифчак, Рус, Черкас, страна ас, Булгар, Укака, Джанд, Баркчанд, Джурджанийа' Хваразма и другие территории до пролива ар-Рума»⁵¹; «От Железных ворот, ар-Рус, ал-Кифджак, Хварезма и Судака до границ ал-Кустантинийа — это владение царя Берке»⁵²; «В 738 г.х. ... царём (от) “Железных ворот”, земель ар-Рус и ал-Кифджак (до) ал-Кустантинийа был Йузбак»⁵³. Те же пределы Орды очерчивает поздний тюркский хронист: власть хана Тимур-Кулуга и беклербека Едигея в начале XV в. «распространялась, с одной стороны, до Хварезма, с другой — до Казани и Руси и шла до границ вилайата Крым, Сарай, Сарайчук, Хаджи-Тархан... В их великое государство входили вилайет Хорезм, Сарачык, Крым, Казак, Казань, Башкурт, Алатырь, Хаджи-Тархан, Русский и Булгарский вилайеты»⁵⁴.

Таким образом, всюду, где речь у восточных авторов заходит о территории государства Джучидов, Русь упоминается в одном ряду с прочими ордынскими провинциями: Дешт-и Кипчаком, Хорезмом, Крымом (Судак, Кафа), Нижним (Сарай-Берке) и Средним (Булгар, Укек, Алатырь, буртасы/фуртасы) Поволжьем, Южным Уралом (Башкурт), Северным Кавказом и Северо-Западным Причерноморьем (Черкас, Маджар, Кубань, страна асов, область алан), присырдарьинскими оазисами (Дженд, Баркчанд), Западной Сибирью (Ибир-Сибир).

По-видимому, критерием для присоединения «вилаята Рус» к их числу служила регулярная выплата податей в государственную казну. Завоевание русских земель завершилось, по Утемиш-хаджи, именно с организацией налогообложения сразу после нашествия (хотя в действительности этот процесс оказался растянут во времени): Бату и его брат Шибан «пришли в вилайат Москау. Там они находились несколько месяцев, устроили дела вилайата, взыскали скот (имущество) и харадж, назначили хакимов и с победой и одолением вернулись в свой вилайат»⁵⁵.

Те, кто у хорезмийского хрониста названы *хакимами*, в источниках XIII—XV вв. именуется *даругами* (*даругачи*). Это были чиновники, назначавшиеся для управления отдельными регионами Монгольской империи, и в том числе Улуса Джучи. В Орде XIV в. они находились в подчинении визиря и отвечали за исправность выплаты разнообразных налогов, переписи податного население

⁵⁰ Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник. 2001. М., 2002. С. 267, 273.

⁵¹ Джамал ал-Карши. Ал-мулхакат би-с-сурах. Алматы, 2005 (История Казахстана в персидских источниках. Т. I). С. 120 (начало XIV в.).

⁵² Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений... С. 161 (ал-Муфаддаль, первая половина XIV в.).

⁵³ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений... С. 200 (аноним XIV в.).

⁵⁴ Кырыми Абдулгаффар. Умдет ал-ахбар. Кн. 2. С. 63, 69.

⁵⁵ Утемиш-хаджи. Кара таварих. С. 31.

ния и ведения соответствующих реестров⁵⁶ (*девтерей*, как называли их русские). Как полагает С.А. Маслова, даруги состояли при ханском дворе, в отличие от баскаков, которые в первые десятилетия после завоевания непосредственно присутствовали в княжествах⁵⁷.

Поскольку монгольские правители поначалу воспринимали «страну Рус», очевидно, как некую единую провинцию, то и даруга назначался один на всю Русь. В источниках имеются лишь единичные сведения на этот счёт. По китайской династийной истории «Юань ши» (1360-е гг.), в 1257 г. каан Мункэ назначил Китая (Китата русских летописей), сына своего зятя, «даругачи по умиротворению и охране порядка у русских, в связи с чем пожаловал ему 300 коней и 5 000 овец»; «Китай... сделали даругачи, чтобы привести в повиновение и править [землями] русских и алан»⁵⁸. Из летописей известно, что в тот год жители Северо-Восточной Руси подверглись переписи, которой руководил этот самый Китай/Китат. Судя по всему, он надзирал за общим ходом дел у православных данников, отвечал за сбор податей и доставку их ко двору⁵⁹. В то время, в период единства Еке Монгол улуса, канцелярия этого даруги, надо полагать, базировалась в имперской столице Каракоруме.

Когда Золотая Орда отделилась от центральноазиатской метрополии, «русский» даруга стал базироваться уже в Сарае⁶⁰. В известных мне источниках имеется единственное упоминание о нём до XV в. — в биографическом словаре египетского историка Таки ад-Дина ал-Макризи «Китаб ал-мукаффа ал-кабир» (Большая рифмованная книга), написанном приблизительно в первой половине столетия. В рассказе об учёном Мавляна-задэ ас-Сараи говорится: «Отец его был достопочтенным, аскетичным и щедрым учёным мужем. Он являлся управляющим вакуфным имуществом в Сарае, а также *отвечал за сбор налогов с вакуфов и подушной подати в русских землях*⁶¹. Из этого имущества он не брал ни для себя, ни для своей семьи ни одного дирхема и не кормил за счёт [общественной казны] своих животных»⁶². Надо понимать так, что предшественники «щедрого учёного мужа» на этой должности не гнушались казнокрадством, присвоением части «выхода». Соседство вакуфных сборов и налогов с Руси в компетенции одного ведомства может свидетельствовать о специализации этого «департамента» правительственной канцелярии (*дивана*) на контроле за поступлением в казну доходов с оседлых областей.

Политическое развитие Северо-Восточной Руси — появление, помимо владимирского, еще нескольких «великих столов» — внесло коррективы и в аппарат ордынского управления «Русским улусом». Для XV в. есть упоминания

⁵⁶ Фёдоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. С. 30; Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009. С. 106, 118, 120.

⁵⁷ Маслова С.А. Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, послы). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 17.

⁵⁸ Золотая Орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 195, 208.

⁵⁹ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 224.

⁶⁰ Б. Шпулер допускал, что даруги в основном располагались в русских городах, а в ордынскую столицу приезжали по необходимости, например, для отчёта (*Шпулер Б.* Золотая Орда. Монголы в России. 1223—1502 гг. Казань, 2016. С. 330).

⁶¹ Перевод С.З. Ахмадуллина, любезно сделанный им по просьбе автора: «Ему было поручено нести (ответственность) за имущество вакфов и подушную подать в стране русских».

⁶² Зайнуддинов Д.Р. Учёный из Сарая — Мавляна Зада ас-Сараи (754/1353—791/1389) — в биографическом словаре ал Макризи Таки ад-дина (766/1365—845/1441) «Китаб ал-мукаффа ал-кабир» (Большая рифмованная книга) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 1. С. 128.

о даругах отдельных великих княжеств. В вышеупомянутом споре о ярлыке между Василием московским и Юрием звенигородским в ставке хана Улуг-Мухаммеда в 1432 г. сторону московского князя принял «дорога Московкой Миньбулат». В чиновной иерархии он занимал высокое положение, так как титулуется в ряде летописей «великим князем татарским», «великим князем ордынским». Поблизости от резиденции Улуг-Мухаммеда у него имелась своя ставка, в которой разместились оба князя, прибывшие на ханский суд⁶³. Возможно, это был «симметричный» аналог ордынского подворья, оборудованного в Московском Кремле для визитёров из Сарая.

В Симеоновской летописи (XV в.) фигурирует «дорога Рязанской», который вместе с прочими ордынскими вельможами убеждал хана Ахмеда выступить в военный поход на Московское княжество Ивана III⁶⁴. Он явно отвечал за дела, связанные с великим княжеством Рязанским. Думается, можно согласиться с гипотезой Г.В. Вернадского о том, что, скорее всего, в Орде существовали также даруги других великих княжений — Тверского и Нижегородского⁶⁵.

Таким образом, первоначально единый «Русский улус», «Русский вилайет» в XIV в. стал восприниматься в Орде как совокупность нескольких самостоятельных княжений-улусов (плюс русские земли Великого княжества Литовского с не вполне ясным статусом). Князья-правители этих улусов, ханские «улусники», в силу признания верховной власти ордынского падишаха, получения от него ярлыков на княжение, выплаты налогов и участия в военных кампаниях на стороне (и в составе) ордынских войск оказались включены «в систему взаимодействий элиты Джучиева улуса на правах улусных владельцев», как справедливо отмечает Ю.В. Селезнёв⁶⁶. Однако причисление им князей к категории темников и тысячников представляется сомнительным. Скорее, их следовало бы уподобить аналогичному рангу ордынской нединастической аристократии — *нойонам* (монг.), они же *беки* (тюрк.), они же *эмиры* (арабо-перс.). В частности, такой её категории, как *улус-беки*, названные в русских переводах ярлыков «улусными князьями» и, возможно, также «людскими князьями»⁶⁷. Теоретически возможно было бы допустить соотнесение русского великого князя с татарским *улугбеком* (*беклербеком*). Однако высочайшее положение в государстве этого вельможи — верховного военачальника и фактического главы сословия беков — едва ли позволяет ставить его в один ряд с предводителями христианских данников.

Важным аргументом в пользу пребывания русских князей в составе ордынской элиты являются указания на принадлежность их к одному из крыльев Улуса Джучи — аналогично «крыльевому» распределению татарских беков. Во время военных действий князья со своими отрядами непременно должны были занимать какое-то определённое место в построении ордынского войска в походах и сражениях. Действительно, при описании военно-административного деления Золотой Орды на правое и левое крылья (правда, иногда путаясь между ними) персидские хронисты относили Русь к одному из них: «Правое же

⁶³ ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1856. С. 96; Т. 12. С. 15; Т. 33. Л., 1977. С. 97.

⁶⁴ Там же. Т. 18. С. 224.

⁶⁵ Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 235.

⁶⁶ Селезнёв Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты... С. 304.

⁶⁷ Березин И.Н. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам). Казань, 1850. С. 7; Фёдоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. С. 91, 92.

крыло, к которому относятся Ибир-Сибир, Рус, Либка⁶⁸, Укек, Маджар, Булгар, Башгурд и Сарай-Берке, назначили потомкам Токтая⁶⁹; «Область левой руки (от) Улуг-тага до фуртасов и Руси была в их (ордынских ханов. — В.Т.) обладании»⁷⁰. При молчании прочих текстов позволительно допустить пребывание Руси в крыльевой структуре Орды *он-сол* — но пока с неизвестным и непонятным статусом.

Как почти любая империя, Еке Монгол улус имел сложную структуру. Наряду с уделами сыновей Чингисхана (в том числе Улусом Джучи — Золотой Ордой), в состав гигантского монгольского царства входили наместничества и автономные владения разного статуса и ранга. Русь как часть империи находилась в таком же положении, как Уйгурия, Рум (сельджукская Малая Азия), Грузия, страна енисейских кыргызов и др. Все эти государства сохраняли (во всяком случае, в первое время после завоевания) собственных правителей и домонгольское внутреннее устройство. С ослаблением империи, в течение второй половины XIII в., от неё постепенно отделилась Золотая Орда. Русь оказалась единственной унаследованной от империи подчинённой Орде оседлой страной с покорными государями, оставленными у власти. Поэтому русские составляли теперь часть подданных ханов-Джучидов. При этом на них не распространялись многие нормы государственной жизни, которые практиковались в кочевой степи и в тех оседлых регионах, где местные домонгольские элиты были лишены власти, — Волжской Булгарии и Хорезме.

⁶⁸ Здесь Литва уже отделена от Руси.

⁶⁹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений... С. 252 (Натанзи, начало XV в.).

⁷⁰ Там же. С. 409 (Хайдар Рази, начало XVII в.).

«Прения с греками о вере» Арсения Суханова в историческом контексте

Андрей Богданов

«The Debate on Faith with the Greeks» by Arseny Sukhanov in a historical context

Andrey Bogdanov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870013439-3

Одно из самых ярких русских публицистических произведений XVII в., актуальное по сей день, не задумывалось как памфлет о первенстве Русской Церкви в мировом православии. «Прения с греками о вере» являлись частью посольского отчёта русского дипломата Арсения Суханова, написанной и отредактированной им в Валахии летом 1650 г.¹ Обязанность Суханова заключалась в том, чтобы веско отвечать на каждый выпад иноземцев против России. Эта работа и показана в статейном списке. Повод был серьёзен: греческие монахи сожгли книги московской печати, изданные от имени царя с благословения патриарха, как содержащие ересь. Русское православие расценивало это как оскорбление, которое каралось по 1-й статье Соборного уложения 1649 г.; виновных требовалось «сыскивати всякими сыски накрепко» и сжечь². Суханов провёл следствие о сожжении книг. В ходе дискуссий он убедил греческое духовенство отказаться от обвинения русских книг и обрядов в ереси и вывел оппонентов из-под этой статьи. В то же время он чётко сформулировал официальный взгляд Москвы на мнение греков, что восточные патриархи могут быть для русских «учителями веры».

Черновой автограф церковной части отчёта Суханова в Посольский приказ сохранился³. Он написан на бумаге, взятой дипломатом в поездку 1649—1650 гг.⁴ и предназначенной для наиболее важных документов. Впоследствии манускрипт был приплетён к одной из рукописных книг, которые Арсений увлечённо собирал, переписывал, редактировал и дополнял. Это один из двух «Русских хронографов» его авторской редакции: список с обильными пометами

© 2021 г. А.П. Богданов

¹ «Прения» редактировались с 6 июня (последняя дата белового, затем не раз исправленного текста) до 23 сентября (отъезд автора с другой, весьма трудной дипломатической задачей) 1650 г.

² Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 70.

³ РГАДА, ф. 181, д. 659, л. 348—360. Предшествующий черновику «Прений» Хронограф Суханова датируется по бумаге 1650-ми гг. (Богданов А.П. Автограф «Прений с греками о вере» Арсения Суханова // Источниковедение отечественной истории. М., 1989. С. 175—205).

⁴ На идентичной по рисунку водяного знака и по интервалам между понтюзо бумаге им были написаны челобитная, удовлетворённая царём 9 мая 1649 г.; отписка в Посольский приказ из поездки не ранее 11 февраля 1650 г.; перевод с греческого языка «Проречения над гробом Константина Великого», поданный в приказ «в вечеру» 9 декабря 1650 г. и подклеенный в столбец после политической части статейного списка, перед «Прениями» (РГАДА, ф. 52, оп. 1, стлб. 1649 г., № 22, л. 1, 76; стлб. 1649 г., № 8, л. 35—36).

и комментариями, но без обширного текста на основе Троицкой редакции Никоновской летописи, который сделал знаменитым его второй Хронограф, отредактированный в начале 1660-х гг.⁵

Автограф сохранил две первые редакции церковной части отчёта, который Суханов в течение лета 1650 г. уточнял и дополнял, прежде чем осенью вновь с головой уйти в политические дела. Третья, окончательная редакция была подана им в Посольский приказ 9 декабря 1650 г. «в вечеру», на следующий день после возвращения в Москву, в составе полного отчёта о дипломатической миссии 1649—1650 гг. Это рукопись приказных подьячих, бегло поправленная Арсением. Как и черновой автограф, авторизованный список не имеет заглавия, начинаясь (как было принято в посольских отчётах) описанием обстоятельств этой части его дипломатической миссии. Общая цель миссии указана в начале Статейного списка 1649—1650 гг. Помещённая после политического отчёта в конце написанного на столбцах свитка, третья редакция нуждалась в восстановлении части текста, утраченного из-за ветхости⁶. В то же время она стала основой богатой старообрядческой рукописной традиции после реформ Никона, когда официально считалось, что греки, с которыми дискутировал Суханов, правы, а его позиция в споре отражает русское невежество⁷.

Арсений не участвовал в спорах, в ходе которых книжники называли его текст «Прениями с греками о вере»; в науке это название закрепил митрополит Макарий (Булгаков). Но обращает на себя внимание, что рукописная традиция основана не на списке, поданном Сухановым в Посольский приказ, а на пока не обнаруженном авторском списке, не содержавшем писцовых ошибок посольской рукописи. Это позволяет предположить, что, оставаясь в стороне от споров никониан и староверов, Арсений сам запустил рукопись в обращение. Но это произошло не в ходе реформ Никона, когда «Прения» звучали как нехарактерный для Суханова призыв к бунту, а ещё до его отъезда в новое посольство в 1651 г. Арсений никогда не оспаривал волю царя, которого представил в «Прениях» высшим гарантом правой веры. Именно русский царь «во всей подсолнечной своим благочестием сияет, яко солнце посреди земля, и во всем ревнует первому благочестивому царю Константину Великому, церковь Христову чисто снабдевает, и от всяких ересей защищает»⁸. Очевидно, что государственные идеи, которые Суханов отстаивал как представитель России в споре с греками, были и его идеями. Это следует из изучения его работы над «Прениями» и всех сочинений, написанных на службе, которую учёный монах редко покидал.

⁵ РНБ, Ф.XVII.17. Кодекс с правкой Суханова 1661—1663 гг. О нём см.: *Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в.: Очерки и исследования. М., 1969. С. 486—487; *Каган-Тарковская М.Д.* Младшие редакции «Повести о двух посольствах» // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Т. XXX. Л., 1976. С. 304—306; *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 274—280.

⁶ РГАДА, ф. 52, оп. 1, стлб. 1649 г., № 8, л. 37—71.

⁷ Итоги изучения рукописной традиции «Прений», насчитывающей 54 списка, подведены в монографии: *Богданов А.П.* «Прения с греками о вере» 1650 г.: Отношения Русской и Греческой церквей в XI—XVII вв. М., 2020.

⁸ РГАДА, ф. 181, д. 659, л. 358. Это говорилось, помимо прочего, на церемонии венчания Алексея Михайловича в 1645 г., где Арсений обязан был присутствовать. Два списка чина венчания: РГАДА, ф. 135, отд. IV, руб. 1, д. 12. Третий список, по итогам церемонии: Древняя российская вивлиофика. Ч. VII. М., 1788. С. 234—303.

«Прения с греками о вере» не задумывались как публицистика — они констатировали позицию Московского правительства, изложенную его официальным представителем. Суханов не занимался публицистикой, личным его увлечением было собирание книг, служением — монашество, публичной деятельностью — церковное управление и государственная дипломатия. Поместье его отца недалеко от Стародуба сильно пострадало в Смуту и отошло к Речи Посполитой по Деулинскому перемирию 1618 г. Антон Путилович Суханов с братом почти нищенствовали. Антону, как говорит помета на одной из его рукописей, удалось устроиться дьячком в коломенский Голутвин монастырь. При поддержке Коломенского епископа Рафаила он принял постриг под именем Арсения и был посвящён в сан диакона⁹.

В конце 1632 г. любивший книги юноша оказался в числе братии Чудовского монастыря в Московском Кремле. Уже 23 августа 1633 г. он стал архидиаконом — управляющим делами патриарха Филарета. Месяц и одну неделю Арсений был, говоря словами Адама Олеария, «канцлером и правой рукой» царского отца и первого человека в государстве¹⁰, а после его кончины более года — архидиаконом патриарха Иоасафа. Затем на два года он погрузился в книги, участвуя лишь в придворных церемониях, обязательных для чудовской братии. Новым поворотом в жизни книголюба стала поездка в 1637—1639 гг. в Кахетию «для исправления и утверждения святыя православныя христианския веры». Группа просвещённых монахов во главе с соборным старцем Троице-Сергиева монастыря, бывшим ипатьевским архимандритом Иосифом, должна была, по свидетельству Суханова, разобраться, как кахетинцы «веруют, и нет ли у них каких прибылых статей иных вер, да будет у них есть что несправливо, и нам велено им о том говорить, чтобы они в том исправились». В посольском наказе требование «разсмотреть и разведати» звучало ещё строже; в Москве подозревали отступление кахетинцев от правил апостолов и святых отцов и, самое страшное, наличие в их Церкви католического влияния¹¹.

Светские послы во главе с кн. Ф.Ф. Волконским-Шерихой улаживали политические дела с царём Теймуразом. Но без исправления веры обращение кахетинцев в русское подданство представлялось сомнительным. Иноверцев принимали в подданство, позволяя сохранять свою веру¹². А к отклонениям от православной истины относились с опасением, выявляя и «исправляя» их у всех христиан, желающих жить в России, включая «греков», как обобщенно называли представителей православного Востока¹³. Отличия грузинского богослужения от русского были зафиксированы в Статейном списке церковного

⁹ Все важные факты биографии Арсения установлены: *Белокуров С.А.* Арсений Суханов. Исследование. Ч. I. Биография Арсения Суханова. М., 1891; *Каган М.Д.* Арсений (в миру Антон Суханов) // *Словарь книжников и книжности Древней Руси* (далее — СККДР). Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992. С. 98—103.

¹⁰ *Богданов А.П.* Патриарх Филарет. Тень за троном. М., 2014.

¹¹ Статейные списки светского и церковного посольств: РГАДА, ф. 110, оп. 1, д. 3 (1635—1641 гг.), ч. IV; д. 4 (1637—1640 гг.). О миссии см.: *Белокуров С.А.* Поездка старца Арсения Суханова в Грузию (1637—1640 гг.) // *Христианское чтение*. 1884. № 3—4; *Белокуров С.А.* Арсений Суханов... Ч. I. С. 123 и след., XVII—XXX.

¹² Попытки христианизации, например народов Поволжья, предпринимались и при Михаиле, и при Алексее Михайловиче, но массовая христианизация знати иноверных подданных стала реальностью лишь при царе Фёдоре (*Богданов А.П.* Царь-реформатор Фёдор Алексеевич: старший брат Петра I. М., 2018. С. 354—356).

¹³ *Опарина Т.А.* «Исправление веры греков» в русской церкви первой половины XVII в. // *Россия и Христианский Восток*. Вып. II—III. М., 2004. С. 288—325.

посольства, отдельно от отчёта светских послов. С.А. Белокуров справедливо полагал, что текст был составлен и подан в Посольский приказ Арсением, вторым человеком в церковной делегации, так как её глава Иосиф в поездке почти ослеп¹⁴. Однако работа с кахетинцами, как и описано в документе, являлась коллективной.

Члены делегации увидели отступления от двуперстного благословения, поругание веры «немецкими» фресками, церкви без крестов, не разгороженные от общего помещения церкви алтари и т.п. Обо всём они спрашивали местное духовенство, дознаваясь, откуда неисправности произошли, и излагая сомнения в правдивости ответов. Впоследствии Суханов стал ещё более чётко фиксировать отличия греческой службы от русской и не менее пытливо дознаваться о причинах «неисправлений» во владениях иерусалимского патриарха.

Причинами отступлений от правого обряда было разорение кахетинских церквей и гибель почти всех священников. Это зафиксировано в Статейном списке и грамотах царя Теймураза в Москву. В то же время Теймураз ссылался на древность кахетинской Церкви сравнительно с русской и «свидетельство» истинности её православия от четырёх восточных патриархов: Константинопольского, Антиохийского, Александрийского и Иерусалимского, — которые приезжали в Грузию и ничем не укоряли местное духовенство, поскольку грузины «держат закон», как и они¹⁵. Эти аргументы русские не приняли. «Что грузинская земля крещение приняла давно, это всем известно из летописей, — отвечали послы, — и теперь мы видим, что в сердцах вы держите веру христианскую. Но в церковном благочинии и украшении, и в божественной литургии, и прочем у вас большое несогласие с святою соборною и апостольскою церковью, и чин и утверждение церковное вы держите не по преданию святых апостол и святых отец». Русские, заявил в жёстком споре соборный старец Иосиф, имеют полное право об этом судить, поскольку «великий господин святейший Иоасаф, Божию милостию патриарх царствующего града Москвы и всего великаго Российскаго царства, благословил нас на то»¹⁶.

Нет сомнений, что это правда. Духовные особы, посланные в Кахетию с наказом царя, не могли действовать без благословения патриарха Иоасафа, которого архидиакон Суханов вскоре по возвращении в Москву соборовал. Патриарх Иоасаф считался «недерзновенным» к царю, но в пределах своей власти действовал твёрдо, как и его преемник Иосиф¹⁷. Оба были «смирненными» лишь сравнительно с Филаретом, Никоном и Иоакимом. При Иосифе Суханов стал иеромонахом Троице-Сергиева монастыря и строителем его подворья — Богоявленского монастыря в Китай-городе. В этой должности Арсений получил в 1649 г. благословение патриарха на изучение чинов и обрядов в Святой земле. Отправлял Суханова Посольский приказ, в котором он затем отчитался.

Новая поездка Арсения, как и миссия в Кахетию, имела светский и церковный смысл. Она также отразилась в двух отчётах. Но на сей раз Суханов был единственным послом, с небольшой командой¹⁸, без указанных в отчёте

¹⁴ РГАДА, ф. 110, оп. 1, стлб. 1640 г., № 2; *Белокуров С.А.* Арсений Суханов... Ч. I. С. 153.

¹⁵ Ср.: Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями. СПб., 1861. С. 7—9, 37—38 (оригинал и перевод).

¹⁶ *Белокуров С.А.* Арсений Суханов... Ч. I. С. 142, 144—145.

¹⁷ *Богданов А.П.* Русские патриархи от Иова до Иосифа. М., 2015. С. 376—400.

¹⁸ Спутниками Суханова в 1649—1650 гг. были чудовский иеромонах Пахомий, вернувшийся в Москву в начале 1650 г., и троицкий диакон Иона Маленький, завершивший путешествие и оставивший «Повесть и сказание о походе в Иерусалим и в Царьград».

товарищей. Целью миссии, согласно делу Посольского приказа о поездке и Статейному списку Арсения, являлось только «описание святых мест и греческих церковных чинов» по указу царя и благословению патриарха¹⁹. На деле политическая часть миссии отражена в первом, помещённом перед церковным, отчёте. В Москву, где подозрительно относились к грекам, приехавшим в Россию всё чаще²⁰, неожиданно явился Иерусалимский патриарх Паисий²¹. Скитаясь по миру в поисках милостыни, он оказался в Киевской митрополии, объединявшей православных Речи Посполитой и формально подчинённой его врагу, патриарху Константинопольскому. Патриарх Паисия использовал Богдан Хмельницкий для передачи Москве очередной просьбы о военной помощи²². Гетман стремился втянуть Россию в войну с Речью Посполитой без обязательств со своей стороны. Он рассчитывал на юность Алексея Михайловича, который, вступив на трон в 15 лет, был обуреваем страстью к великим свершениям, особенно в делах благочестия. В целом расчёт оказался верен, но момент неудачен.

Когда Суханов в июне 1649 г. отправился с патриархом Паисием на Восток, имея негласную, но первую по важности задачу — разобраться в намерениях Хмельницкого, по России катилась волна городских восстаний (1648—1650). Для спасения страны Земский собор составил и перед отъездом Арсения утвердил Уложение 1649 г. В нём главной целью государя объявлялась защита православия. Заступничеством за православие мотивировалась для россиян на последующих соборах (1651, 1653) необходимость пострадать за «братьев», притесняемых Речью Посполитой на землях Малой и Белой Руси. Война остановила движение России на Дальний Восток и привела к экономической катастрофе. Она завершилась перед смертью Суханова, разочаровавшегося в идее «братской любви» с малороссами так же, как и московское правительство²³.

Миссия Арсения красноречиво предрекала такой исход. Дипломат ярко передал характер Хмельницкого и его помощников, легко переходивших от требований военной помощи к угрозам разорить Москву, соединившись с любым её врагом. Но сообщения Суханова и его товарищей-дипломатов лишь раздражали царя, мнившего себя всемогущим²⁴. Политический характер миссия

¹⁹ Белокуров С.А. Старца Арсения Суханова «Статейный список» и «Прения с греками о вере». СПб., 1883; Белокуров С.А. Арсений Суханов... Ч. II. Сочинения Арсения Суханова. Вып. 1. М., 1894. С. 1—22, 216—218, 103—114 (порядок текстов в свитке № 8 перепутан издателем), 213—216, 218—220 (из д. 22).

²⁰ С XVI в. до миссии Суханова: РГАДА, ф. 52, оп. 1, кн. 1, 2, 3, 5; столбцы с 1525 г., число которых сильно выросло в первой половине XVII в. (оп. 1, реестр 2); 326 грамот 1557—1648 гг. в оп. 2, без которых не обходились приезды и отправления «греков».

²¹ Документы «приезда» Паисия и отношений с ним: РГАДА, ф. 52, оп. 1, стлб. 1649 г., №7, ч. 1—2. См. также: Кантерев Н.Ф. Приезд в Москву иерусалимского патриарха Паисия в 1649 г. // Прибавления к изданию Творений св. отцев в русском переводе за 1891 г. Кн. 1. М., 1891; Кантерев Н.Ф. Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия // Православный Палестинский сборник. Т. 15. Вып. 1(43). СПб., 1895.

²² Ср. «листы» Хмельницкого к царю 1648—1651 гг.: Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. В 3 т. Т. 2. М., 1953.

²³ Богданов А.П. Украина и мотивация войн России (1653—1700) // История русско-украинских отношений в XVII—XVIII веках (К 350-летию Переяславской Рады). Бюллетень Научного совета РАН «История международных отношений и внешней политики России». Вып. 2 (2004—2005 гг.). М., 2006. С. 51—70; Богданов А.П. Украина в политике России XVII века // Проблемы русской истории. Вып. VI. Магнитогорск, 2006. С. 235—269.

²⁴ Талина Г.В. Царь Алексей Михайлович: личность, мыслитель, государственный деятель. М., 1996; Талина Г.В. Всяя Великия, и Малыя, и Белья России самодержавие. М., 2005.

Арсения приняла не сразу. Суханов перед отъездом из Москвы просил казённой поддержки у государя: «По твоему государеву указу посылает меня в Ерусалим с патриархом Ерусалимским великий господин святейший Иосиф, патриарх Московский и всеа Руси, для осмотра святых мест и их церковных чинов греческих, а твоего государева жалованья и подмоги мне ничего не указано». По докладу думного дьяка Посольского приказа М.Д. Волошенинова, царь 9 мая 1649 г. распорядился дать посланнику на Восток деньги и запасы, как «для грузинския службы» делегации Иосифа²⁵. С этого дня Арсений в Статейном списке начал свою миссию, хотя реально выехал из Москвы с патриархом Паисием только 10 июня. Этим же документом открывается дело Посольского приказа о его поездке²⁶. Челобитной Суханов превратил задуманное патриархом паломничество по Святым местам в посольство, связанное с инициативой Хмельницкого.

Следующий документ в деле о миссии Арсения содержит детальные инструкции, которые он получил вместе с государевым жалованьем и полностью выполнил. В июле 1649 г., проехав малороссийские города Конотоп и Киев, Суханов чётко доложил о военных силах казаков, их победе под Збаражем и походе в Литву с татарами, а также о патриотических настроениях малороссов. В феврале 1650 г. Суханов переслал в Москву добытый им текст ратифицированного польским королем и сеймом договора с казаками²⁷. Поездка оказалась удачной именно для политической части миссии. В столице Молдавии Яссах Арсений, строго по посольскому протоколу, вручил царскую грамоту господарю Василию Лупу²⁸. Патриаршие грамоты, с которыми путешествовали паломники, так не вручались. Суханов остался недоволен патриархом Паисием, из-за которого не мог продолжить путешествие в Иерусалим. Тот отказывался следовать в свою епархию, потому что боялся, что по приказу патриарха Константинопольского Парфения, владения которого лежали на пути, он будет убит²⁹. Арсений спокойно собирал политическую информацию, пока в конце октября не получил свидетельство появления самозванного «сына» царя Василия Шуйского.

Так началось дело по поимке опасного авантюриста Тимофея Акидинова, пытавшегося собрать военные силы в Малороссии³⁰. Хмельницкий, заключив с Речью Посполитой выгодный Зборовский мир и утвердив власть над Гетманщиной, был не прочь использовать карту самозванца в отношениях с Москвой. «Вора Тимошку» он снабдил охраной и довольствием. Волна восстаний, начавшись Соляным бунтом в Москве, не утихая, катилась по городам России, пока весной следующего года не достигла Пскова и Великого Новгорода. Суханов понимал, что разыгрывается партия Лжедмитрия I: того тоже поддерживали сначала невеликие частные силы интервентов. 10 ноября, купив коней

²⁵ Белокуров С.А. Арсений Суханов... Ч. II. Вып. 1. С. 213.

²⁶ РГАДА, ф. 52, оп. 1, стлб. 1649 г., № 22, л. 1; № 8, л. 1.

²⁷ Белокуров С.А. Арсений Суханов... Ч. II. Вып. 1. С. 214—216.

²⁸ РГАДА, ф. 52, оп. 1, стлб. 1649 г., № 8, л. 2.

²⁹ В Статейном списке 1651—1653 гг. Суханов рассказал, как патриарх Паисий в 1651 г. сам ликвидировал Парфения с помощью наёмных убийц. Иерусалимский патриарх стал главным отрицательным персонажем всей книги о путешествии (Белокуров С.А. Арсений Суханов... Ч. I. С. 255; Жарова И.Ю. «Проскинитарий» Арсения Суханова: историко-литературная основа и жанрово-поэтическое своеобразие текста. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2013).

³⁰ О нём см.: Панченко А.М. Акундинов (Акидинов, Анкидинов, Анкудинов) Тимофей Демидович // СККДР. Вып. 3. Ч. 1. С. 53—55.

и наняв проводника, он «поехал наскоро» с этими вестями в Москву, везя также добытые в Яссах польские и казацкие документы. 11 декабря 1649 г. в первом часу дня Суханов уже «сказывал» Волошенинову вести. Распоряжения о ловле «вора» были даны. 26 января 1650 г. думный дяк по государеву указу отправил Арсения в обратный путь с заданием «проведать» содержание мирного договора короля и сейма с казаками, качество приёма королём русских послов, «и про вора Тимошку, и про татар проведать, и о том всем писать ко государю»³¹.

Глава Посольского приказа велел Арсению «писать», а не «докладывать», потому что надеялся на его успешный проезд к Святым местам. В феврале 1650 г. в Киеве Суханов собрал информацию о польском сейме и отправил её в Москву. 9 апреля он передал патриарху Паисию новые царские подарки в валашской столице Тырговиште, в монастыре, где затем провёл следствие об оскорблении государевой чести афонскими монахами и спор с греками о вере. 10 апреля Арсений вручил государеву грамоту валашскому господарю Матею I Басарабу (Водэ), который принял её по протоколу³². 5 мая Суханов расспрашивал о «воре Тимошке» монахов, приехавших из Польши. 1 августа он убедился, что самозванец живёт при Хмельницком. Наконец, 23 сентября посол гетмана в Валахии подтвердил, что Хмельницкий тому вору «указал давать корм», хотя казаки и запретили ему собирать войско против Москвы. Арсений, напугавший патриарха Паисия расследованием о сожжении московских книг, потребовал у него грамоту к Хмельницкому о выдаче «вора» в Россию. Патриарх согласился и даже просил Арсения написать текст этой грамоты. С ней Суханов 30 сентября покинул Паисия, который передал царской семье в Москву приветы строго по протоколу³³.

Путь через Молдавию и охваченные эпидемией польские земли был трудным. В дороге Арсений собрал сведения о настроениях казаков, из которых одни хотели воевать против России с поляками, другие — перейти в русское подданство. 4 ноября он прибыл в гетманскую столицу Чигирин и приступил к переговорам, которым посвящена значительная часть его Статейного списка. Генеральный писарь и сам гетман высказали Суханову множество претензий на то, что царь не принимает их в подданство и не посылает войск на их защиту. Если царь этого не сделает, казаки грозили соединиться с турками, татарами, валахами, румынами и венграми для похода против России. Хмельницкий как бы по секрету сообщил Арсению (но письменно не подтвердил), что король, имеющий с царём мир, подбивает крымского хана воевать против него. Гетман просил тайно передать его просьбу о подданстве царю, обещая, что «за него, государя, станут вся греческая страна и вси... благочестивии» народы Балкан, «чтоб нам всем в соединении быть»³⁴.

Фарс с обещаниями царям Алексею Михайловичу, Фёдору, Ивану и Петру Алексеевичам помощи в восстановлении креста над Софией Константинопольской разыгрывался впоследствии многократно. Арсений показал в Статейном списке нелепость обещаний верности от казаков, которые, прося помощи у России, не выдавали «вора Тимошку». Напрасно генеральный писарь и гетман твердили, что они, как на Дону, «никаких беглых людей не выдают», даже убийцу короля «у нас не выдадут». Суханов стоял на своём, развенчивая

³¹ Белокуров С.А. Арсений Суханов... Ч. II. Вып. 1. С. 6.

³² РГАДА, ф. 52, оп. 1, стлб. 1649 г., № 8, л. 6—8.

³³ Там же, л. 9—11.

³⁴ Там же, л. 12—28 (цит. л. 19, 22).

легенду самозванца и используя страстное желание казаков получить от царя военную помощь, не связывая себя никакими обязательствами. Они даже не хотели направить послов или написать царю, уповая на передачу Арсением их тайного желания стать подданными России. Наконец, 11 ноября 1650 г. генеральный писарь показал Арсению грамоту к государю о высылке «вора Тимошки» из «казачьих городов»³⁵. Суханов проверил её достоверность и убедился, что Хмельницкий действительно выслал самозванца в Венгрию, правда, дав ему сопровождение, подводы и корм³⁶. Миссия Арсения была исчерпана.

13 ноября Суханов выехал из Чигирина и 8 декабря прибыл в Москву. Вечером 9 декабря он изложил, помимо сказанного, речи Хмельницкого о его пожизненном союзе с крымским ханом, который не пойдёт на Москву без гетмана; что султан против союза Крыма и казаков, но помешать не может, опасаясь их силы в условиях войны Турции с Венецией. Арсений собрал сведения об обмене посольствами гетмана с венецианским дожем и турецким султаном; о внезапном нападении казаков и татар на Молдавию под прикрытием слухов об их походе на Москву, когда господарь едва спас в лесах свою семью; о переговорах господаря с султаном и гетманом, сыну которого (Юрию) господарь обещал свою дочь; о ситуации на границе Гетманщины с поляками и приготовлениях к новой войне³⁷.

На Восток Суханов снова отправился зимой 1651 г. Из дела о поездке, открытого его челобитной о жалованье, удовлетворённой царем 9 мая 1649 г., следует, что второе его пребывание в Москве (8 декабря 1650 — 24 февраля 1651 г.) было таким же недолгим, как и первое (11 декабря 1649 — 26 января 1650 г.). Титульная церковная миссия продолжалась и закончилась 26 июля 1653 г., когда Суханов подал в Посольский приказ Статейный список 1651—1653 гг.³⁸ Поездку в Святую землю он увенчал созданием фундаментальной книги для царя и нового патриарха Никона — «Проскинитария»³⁹.

Деловые качества Арсения, проявленные в Грузии, Молдавии, Валахии и Правобережной Украине, опровергают сложившиеся в историографии представления о книжном полемисте. Да и сама задача поездки «для описания святых мест и греческих церковных чинов» не выглядит благостно при сравнении «Прений о вере» 1650 г., Статейного списка 1651—1653 гг. и «Проскинитария». Последний описывает церковную жизнь православных на Востоке столь откровенно, что Суханов при доработке авторских списков в подносной экземпляр сам сглаживал его натуралистичность⁴⁰. Особо нецензурной выглядела полити-

³⁵ Белокуров С.А. Арсений Суханов... Ч. II. Вып. 1. С. VI—IX.

³⁶ Русская дипломатия затем преследовала Лже-Шуйского в Прибалтике, Швеции и Восточной Пруссии, добившись его выдачи в 1653 г. от Голштинии. Он был изобличён и четвертован в Москве.

³⁷ РГАДА, ф. 52, оп. 1, стлб. 1649 г., № 8, л. 29—34.

³⁸ В составе «Проскинитария»: РНБ, Собрание СПбДА, д. 317.

³⁹ Путеводитель по Православному Востоку, использовавшийся до начала XIX в., включает сокращённую редакцию Статейного списка, Историческое описание Иерусалима («Собрано от писаний о граде Иерусалиме») и Обзор палестинской церковной службы («Тактикон»). Авторские списки с редактурой, по старшинству: ГИМ, Синод. собр. № 575 и 574; № 573 (производный чистой). Цензурированное издание с приложением Статейного списка полной редакции, «Прений» и челобитных: Проскинитарий Арсения Суханова с рисунками и планом: 1649—1653 гг. // Православный Палестинский сборник. Т. 7. Вып. 3(21). СПб., 1889.

⁴⁰ Своё обращение к грекам Вифлеемского монастыря: «Вы в церкви *срете* всем миром и сделали ея конюшнею», Арсений смягчил, что греки в церкви «испражняют», а затем написал слово по-гречески. В издании текста: «вы из церкви сделали конюшню». Фразу «шах посылает...

ческая жизнь греческого духовенства — с взаимными заговорами, убийствами и сменой власти путём подкупа турок. По сравнению с поданным в приказ Статейным списком, в «Проскинитарии» немало жутких деталей сокращено.

Весной 1651 г. Суханов вновь присоединился к патриарху Паисию в Валахии и наконец-то отправился с ним в Святую землю. Преодолев множество опасностей, дипломат исследовал Святую землю, побывал в Каире и Александрии, осмотрелся в Средиземноморье и в 1653 г. вернулся домой, сдав в Посольский приказ новый отчёт. Неизвестно, как бы он себя повёл, если бы не был в Палестине при объявлении в Москве греческого троеперстия, которое он обличал как нововводное, единственно правильным и начале расправ над староверами в феврале 1653 г. Вернувшись летом, Арсений почти сразу был отправлен новым патриархом Никоном назад к грекам: неофициально, без царских грамот к турецким властям и отчётности в Посольский приказ. В 1655 г. Суханов вернулся в Россию как простой паломник, но с целой библиотекой купленных в Афонских монастырях древних книг⁴¹, и не преминул добавить к обличительному для греков «Проскинитарию» записку «О чинах греческих вкратце»: сухой перечень поразительных отступлений восточного духовенства от правой веры. Как раз перед Расколом Русской Церкви на Поместном соборе 1656 г., предавшем анафеме «еретиков», крестившихся двуперстно, как требовал Арсений в «Прениях».

К тому времени Коломенский епископ Павел сгорел в срубе, а Аввакум Петров замерзал в Сибири, хотя ещё ничего подобного «Прениям» не написал. Суханов же спокойно жил в Троице-Сергиевом монастыре, если можно назвать спокойной должность келаря, ответственного за огромное хозяйство обители (1655—1660). Причины этого ясны: Арсений не выказал неповиновения царю и патриарху. Вдобавок он ещё летом 1655 г. был объявлен «крестным отцом» никонианского исправления церковных книг. Это сделал Епифаний Славинецкий в Предисловии к «Служебнику» 1655 г., куда последовательно до 1658 г. вносились никонианские исправления древних русских обрядов по малороссийским книгам, основанным на новых западных изданиях греческих книг (всё, как описано в «Прениях»)⁴². Епифаний уверил читателя, что правка делается по древнейшим греческим манускриптам, привезённым Сухановым. В действительности эти бесценные книги никак не использовались. Они лежали мёртвым грузом в подвале у Никона, были подняты оттуда и переписаны при его удалении из Москвы в 1658 г. и отправлены вслед за ним в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь, за исключением 48 книг, взятых на Печатный двор в беллетристических целях⁴³.

Когда Никон в 1658 г. удалился в Новый Иерусалим, Суханов перебрался в Москву, в давно любимый им Богоявленский монастырь, и возглавил государев Печатный двор (1661—1664). Должность требовала большой хозяйственной работы, но Суханов находил время для любимого занятия — чтения и редактирования книг. Помимо многочисленных помет на рукописях, мы имеем

выбирать хороших ребят *на постелю*» Арсений оставил, но издатели выбросили выделенные слова (Проскинитарий Арсения Суханова... С. 55—58, 108); ср. ГИМ, Синод. собр. № 574, 573 и 575.

⁴¹ РГАДА, ф. 52, оп. 1, стлб. 1655 г., № 6.

⁴² Дмитриевский А.А. Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах. М., 2004.

⁴³ Беляев И.[Д]. Переписная книга домовых казны патриарха Никона // Временник Общества истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 15. Отд. II. М., 1852. С. 1—136.

два списка отредактированного и дополненного им «Хронографа Русского». Арсений начал русскую историю недавно появившимся Сказанием о Слове не и Русе, подчёркивая, что отечественная история не уступает древностью и славностью истории мировой. Для уточнений рассказа об истории Руси книжник использовал крупнейшую Никоновскую летопись Троицкой редакции. Но его и это не вполне удовлетворяло, заставляя привлекать массу других источников. Арсений сумел тихо оставить непростую, связанную с множеством споров и обвинений должность, чтобы дожить последние годы в Троице (скончался 14 августа 1668 г.). Судьба и заступничество Епифания хранили его, когда с середины 1660-х «Прения» распространялись староверами в Москве, а Соловецкое восстание, знаменем которого тоже стали «Прения», вспыхнуло лишь за полтора месяца до кончины учёного, дипломата и книгоиздателя.

После смерти Суханова официальная Церковь объявила «Прения» злостной подделкой «раскольников». Действительно, сочинение имело множество староверческих изводов и редакций. Их даже без учёта дополнений легко отличить от оригинала. Книжникам ясный деловой язык Арсения казался слишком лёгким для такой важной темы, его усложняли и утяжеляли. Только митрополит Макарий (Булгаков), обратившись к документам Посольского приказа, вернул авторство Суханову⁴⁴. Н.Ф. Каптерев поставил идеи «Прений» в центр фундаментального исследования отношений России с православным Востоком⁴⁵, но и он оказался неправ в заключении, что реформами Никона эти идеи были отвержены. Изменения, внесённые при Никоне в русский церковный обряд, сохранились до наших дней. Однако изучение доступных сегодня источников показало, что идеи, сформулированные Сухановым на основе глубокой русской традиции, развивались при жизни Арсения и после него так, будто Никона не было. Авторы крупных исторических произведений развивали и совершенствовали после Суханова идеи его «Прений» и Хронографа, а составители и переписчики кратких, доступных всему народу летописцев и хронографцев без сомнений выражали те же мысли, что и Арсений. Если Суханов полагал нужным подчеркнуть в «Прениях» святость царства, то просвещённый царь Фёдор Алексеевич, венчаясь на престол в 1676 г., сделал эту идею главной в изменениях своего чина венчания, и её только укрепили в 1682 г. цари Иван и Пётр⁴⁶.

В этом нет ничего удивительного. Суханов по долгу государственной службы сформулировал существенные черты державной идеологии. Не его вина, что царь и патриарх на какое-то время отклонились от идей, объединявших подданных в Российском самодержавном православном царстве. И служебный отчёт Арсения стал в публицистике знаменем протеста против этого частного случая, породившего Раскол.

⁴⁴ Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви. Т. IX. М., 1882. С. 148—158.

⁴⁵ Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914.

⁴⁶ Богданов А.П. Царь-реформатор... С. 294—352.

«Как живут хорошие люди» (историографические проблемы изучения частной жизни в России по материалам «духовных дел» 1660—1670-х гг.)

Вячеслав Козляков

«How good people live»
(source studies of private life in Russia
based on the materials of the «spiritual affairs» of the 1660—1670s)

Vyacheslav Kozlyakov
(Ryazan State University named for S.A. Yesenin, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870013440-5

Антропологический поворот исследований в гуманитарных науках обусловил переключение внимания историков на сюжеты истории частной жизни и повседневности, долгое время остававшиеся в тени изучения проблем власти и общества, революций, социальной и экономической истории. Внимание к частной сфере жизни общества требует изучения особенностей взаимодействия отдельных людей и целых общин, социального быта, соотношения нормы и действительности в светском и церковном праве.

Изучение истории частной жизни в отечественной науке началось в 1990-х гг. под воздействием трудов Ю.Л. Бессмертного, в результате появился Центр «История частной жизни и повседневности» Института всеобщей истории РАН. В статьях исследователей, опубликованных в альманахах «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории» и «Одиссей. Человек в истории», рассмотрен методологический потенциал понятия «частная жизнь», изучена историографическая традиция в трудах по европейской истории Средних веков и Нового времени¹. Впрочем, первоначальный оптимизм, связанный с возможностями культурной антропологии, уже прошёл, проблематика изучения «частной» и «повседневной» жизни становится предметом для дискуссий, историки видят возможные ограничения, обусловленные характером и полнотой источников: «Ведь *описание* какой-то истории, тем более *единичного* казуса, ещё не может быть названо полноценным исследованием по истории повседневности»².

Тема истории частной жизни в России XVII в. исследована недостаточно, особенно в сравнении с аналогичными материалами по западноевропейской истории, а публикуемые работы обычно напрямую не связаны с культурной

© 2021 г. В.Н. Козляков

¹ Бессмертный Ю.Л. Частная жизнь: стереотипное и индивидуальное // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996. С. 11—19; Репина Л.П. Выделение сферы частной жизни как историографическая и методологическая проблема // Человек в кругу семьи... С. 20—34; Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009.

² Тогова О.И. История права и история повседневности: точки пересечения // Одиссей. Человек в истории. 2014. Вып. 25. С. 360.

антропологией. Труды Н.Л. Пушкарёвой созданы в рамках гендерного подхода; она исследовала историю женщин со времён Древней Руси, основываясь на нарративных источниках: литературных и фольклорных памятниках, сборниках проповедей, текстах вопросников на исповедях, епитимийниках и семейной переписке. Основной акцент в работах Пушкарёвой сделан на разнообразных аспектах эмоциональных переживаний женщин, а частное противопоставляется социальному³. О.Е. Кошелева привлекала внимание к «казусным» примерам российской истории, позволяющим интерпретировать их в контексте изучения частной истории⁴. А.А. Селин исследовал повседневную жизнь новгородского общества времён Смуты, используя хорошо сохранившийся «Новгородский оккупационный архив» в Швеции⁵. Традиционно изучаются частные архивы и переписка XVII в., также косвенно затрагивающие понятие «повседневности»⁶. Существует лишь одно направление, где исследователи смогли продвинуться чуть дальше в изучении частной жизни, — свадебное «поведение», брачные обряды, «церковное регулирование» и предыстория метрического учёта⁷. Исторический опыт церковного права, «домостроевских традиций», проблем брака и развода в православии со времён Древней Руси и в России XVI—XVII вв. рассматривались Е.В. Беляковой, Л.П. Найдёновой, М.К. Цатуровой⁸.

Настоящая статья посвящена исследованию источниковедческих проблем изучения частной жизни по материалам церковного суда в России второй половины XVII в.⁹ Обратиться к этой теме позволяет находка записных

³ Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница. М., 1997; Пушкарёва Н.Л. Женщины Древней Руси и Московского царства X—XVII вв. СПб., 2017.

⁴ Кошелева О.Е. Побег Воина // Казус. 1996. М., 1997. С. 55—86; Кошелева О.Е. Лето 1645 года: смена лиц на российском престоле // Казус. 1999. М., 1999. С. 148—170.

⁵ Селин А.А. Смута на Северо-Западе в начале XVII века. Очерки из жизни новгородского общества. СПб., 2017.

⁶ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. / Сост. Б.Н. Морозов, О.В. Новохатко, Л.А. Тимошина. Т. 1—4. М.; СПб., 2001—2013; Архив стольника Андрея Ильича Безобразова / Сост. Б.Н. Морозов, О.В. Новохатко, Л.А. Тимошина. Ч. 1—2. М., 2012—2013; Морозов Б.Н. Частные архивы XVII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; Морозов Б.Н. Из истории частных архивов купцов и горожан XVII в. // Морозов Б.Н., Стефанович П.С. Роман Вилимович в гостях у Петра Игнатьевича: псковский архив английского купца 1680-х годов. М., 2009. С. 153—164; Новохатко О.В. Россия. Частная переписка XVII века. М., 2018.

⁷ Бушнелл Дж. Борьба за невесту. Крестьянские свадьбы в Рязанском уезде 1690-х гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. 2006. Вып. II. С. 81—98; Пиеницын Д.А., Черкасова М.С. Венечные памяти, пошлыны и записные книги XVI—XVIII вв. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 3(23). С. 44—95; Пиеницын Д.А., Черкасова М.С. О предыстории метрического учёта в России (XVII — первая половина XVIII в.) // Российская история. 2019. № 1. С. 86—102; Черкасова М.С. Северная Русь: история сурового края XIII—XVII вв. М., 2017.

⁸ Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии. Церковное право и российская практика. М., 2011. С. 93—134; Найдёнова Л.П. Мир русского человека XVI—XVII вв. (По Домострою и памятникам права). М., 2003; Цатурова М.К. Три века русского развода (XVI—XVIII века). М., 2011.

⁹ См.: Николай (Ярушевич), иеромонах. Церковный суд в России до издания Соборного Уложения Алексея Михайловича (1649 г.). (Опыт изучения вселенских и местных начал и их взаимоотношений в древнерусском церковном суде). Историко-каноническое исследование. Пг., 1917; Полознев Д.Ф. Церковный суд в России XVII века // Исторический вестник: научный журнал. М.; Воронеж. 2002 № 1(16). С. 117—133. Весь выпуск этого издания Воронежско-Липецкой епархии был посвящён современным исследованиям по теме: «Церковный суд в истории России» (см. там же статьи Я.Н. Шапова, Е.В. Беляковой, Е.Б. Емченко, Л.П. Найдёновой, С.Л. Фирова и др.), а также переизданию глав классического сочинения иеромонаха Николая (Ярушевича). См. также:

книг Судного приказа Рязанского архиерейского дома за 1665—1668 и 1675—1679 гг. Рукописи № 13115 (далее — I) и 13105 (далее — II) под названием «Копии челобитных рязанскому архиерею. XVIII в.» хранятся в составе библиотеки Государственного архива Рязанской области (ГА РО). Книги архиерейского Судного приказа оказались надолго «закрыты» от исследователей из-за отсутствия научного описания и неверных заголовков в описи книжно-рукописного собрания архива¹⁰. Между тем ещё в конце XVIII — начале XIX в. эти рукописи использовались архимандритом Иеронимом (Алякринским) при составлении «Рязанских достопамятностей», представляющих собой свод сведений по истории Русской Церкви и Рязанской епархии из актов, рукописей и печатных источников, работа над которым началась после известного указа Синода о присылке летописей в 1791 г.¹¹ В начале XX в. записные книги архиерейского Судного приказа стали предметом исследования воронежского церковного историка С.Н. Введенского. Он верно оценил значение и уникальный характер «трёх объёмистых рукописей (в общей сложности более 2 500 страниц)», хранившихся тогда в собрании Рязанской духовной семинарии, изучил историю их поступления в семинарскую библиотеку из собрания её преподавателя середины XIX в. М.И. Сладкопевцева, опубликовал ряд интересных документов в «Воронежской старине» и в «Трудах Владимирской губернской учёной архивной комиссии»¹². Введенский собирался написать отдельный труд по истории духовных приказов, основанный на обнаруженных им материалах рязанских рукописей (самая поздняя из них, 1690-х гг., пока не найдена). Однако в послереволюционное время ему пришлось переключиться на изучение краеведческих сюжетов, а «Академическое дело» 1929—1930 гг. сделало невозможным продолжение его научной деятельности¹³.

Проблема изучения церковного права XVI—XVII вв. связана с известными трудностями источниковедческого характера. Каноническая сторона и источники византийского и древнерусского права, материалы церковных соборов были подробно изучены ещё в историко-церковной литературе XIX в. Особое значение имели труды Т.В. Барсова о духовном суде, связанные с попыткой «духовно-судебной реформы» в 1870-х гг. Однако разбор конкретных казусов церковного суда основан по преимуществу на материалах Синодального периода Русской Церкви XVIII — начала XX в.¹⁴ Хорошая сохранность

Оспенников Ю.В., Гайденок П.И. Церковный суд на Руси XI—XIV веков. Исторический и правовой аспекты. СПб., 2020.

¹⁰ ГА РО, Библиотека, № 13115; № 13105. См.: *Севастьянова А.А.* Редкие рукописные книги XVII—XIX веков в Государственном архиве Рязанской области // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2018. № 3(60). С. 7—12.

¹¹ *Иероним (Алякринский), архим.* Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом. Рязань, 1889. С. 91, 96. О сохранившихся источниках по истории Рязанской и Муромской епархии см. подробнее: *Головина Н.В.* Источники по истории Рязанско-Муромской епархии XIV—XVII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2012.

¹² *Введенский С.Н.* Материалы для истории Воронежской епархии (из рукописей Рязанской духовной семинарии) // Воронежская старина. Вып. 5. Воронеж, 1905. С. 126—135; *Введенский С.Н.* Из церковной старины Муромского края (Материалы для истории монастырей и приходов в гор. Муроме и его уезде, извлечённые из рукописей библиотеки Рязанской духовной семинарии) // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. Кн. 11. Владимир, 1910. С. 3—22.

¹³ Сергей Николаевич Введенский (1867—1940): Библиографический указатель. Воронеж, 1997.

¹⁴ *Барсов Т.В.* О духовном суде // Христианское чтение. 1870. № 9. С. 462—510; № 10. С. 587—626; *Барсов Т.В.* О светских фискалах и духовных инквизиторах // Журнал Министерства

делопроизводства архиерейских домов до XVII в. является скорее исключением из правил, а материалы церковного суда представлены в архивах лишь разрозненными источниками¹⁵. Изучая фонды патриарших приказов и архиерейских домов, исследователи в первую очередь обращаются к источникам по истории внутренней структуры церковных институтов¹⁶. Известные источниковедческие ограничения есть и для исследования приходской жизни XVI—XVII вв.¹⁷

Целенаправленного изучения «духовных дел» церковных судных приказов до сих пор не проводилось. Хотя в составе архивных комплексов архиерейских домов и в монастырских архивах встречаются документы, имеющие прямое отношение к такому суду: челобитные с просьбами рассмотреть духовные дела, наказные памяти архиереев о сыске и проведении очных ставок, грамоты о решённых делах. Очевидно, что исследователи сталкиваются с проблемой репрезентативности подобного рода материалов: на основании всего лишь нескольких документов очень трудно определить, что это: какой-то казус или распространённая ситуация?

Нормы церковной жизни, перечень духовных дел и порядок их рассмотрения были определены Стоглавом 1551 г.¹⁸ В нём содержались требования к

народного просвещения. 1878. Февраль. Ч. СХСV. С. 350—400; *Бердников И.С.* Краткий курс церковного права православной церкви. Казань, 1903. С. 178—294; *Павлов А.С.* 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887; *Павлов А.С.* Курс церковного права. Сергиев Посад, 1902. С. 394—440; *Суворов Н.С.* Курс церковного права. Т. 1. Ярославль, 1889. С. 303—369; Сборник памятников по истории церковного права, преимущественно русской Церкви до эпохи Петра Великого. Вып. 2. Пг., 1914.

¹⁵ *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии. СПб., 1908; *Греков Б.Д.* Новгородский дом Святой Софии (опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). Ч. I. СПб., 1914; *Покровский И.М.* Казанский архиерейский дом, его средства и штаты преимущественно до 1764 г. Казань, 1906; *Соловьёв Н.А.* Сарайская и Крутицкая епархия // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1894. Кн. 3.

¹⁶ *Устинова И.А.* Книги патриарших приказов 1620—1649 гг. как исторический источник. М., 2011; *Устинова И.А.* Архивы русских архиерейских домов XVII в.: К проблеме изучения // Вспомогательные и специальные науки истории в XX — начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка. Москва, 14—15 апреля 2014 г. М., 2014. С. 385—387; *Башилин Н.В.* «Бюджет» Вологодского архиерейского дома св. Софии в первой трети XVII в. // Российская история. 2017. № 5. С. 114—126; *Гневашев Д.Е.* Двор Вологодского архиепископа в XVII в. // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований. Материалы межрегиональной научной конференции. Вып. 7: Историческое краеведение и архивы. Вологда, 2001. С. 139—149; *Матисон А.В.* Приказная элита Тверского архиерейского дома (1675—1742 гг.) // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. Вып. 92. 2020. С. 61—64; *Мельник А.Г.* Ростовский митрополичий двор в XVII в. // Сообщения Ростовского музея. Вып. 1. 1991. С. 132—144; *Никулин И., священник.* Структура Тобольского архиерейского дома в 90-е годы XVII в. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 2(8). 2014. С. 120—138; *Устинова И.А.* Служебная биография архиерейского дьяка Даниила Игнатьева: к вопросу о светском элементе в русском церковном управлении XVII в. // Труды Института российской истории РАН. Вып. 12. М., 2014. С. 83—92; *Устинова И.А., Шамина И.Н.* История Вологодского архиерейского дома: новые источники // Российская история. 2019. № 4. С. 223—231; *Харина Н.С.* Тобольский архиерейский дом в XVII — 60-е гг. XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2012; *Черкасова М.С.* Архивы вологодских монастырей и церквей XV—XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012. С. 86—100.

¹⁷ *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России XVI—XVII веках. М., 2002; *Швейковская Е.Н.* Русский крестьянин в доме и мире: Северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М., 2012.

¹⁸ Духовные дела были перечислены в 63-й главе Стоглава, повторяющей «Устав о церковных судех» князя Владимира (Стоглав // Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 2. Законо-

архиереям судить самим, не передоверяя суд другим архиерейским чиновникам или настоятелям монастырей, организовывать сыск и очные ставки, не доводить рассмотрение дел до «поля» и, по возможности, не основывать свой суд на крестном целовании сторон. Прерогативы церковных властей на суд и управление в Церкви подтвердились также в ставленных грамотах архиереям. Например, в жалованной грамоте рязанскому архиепископу Антонию 5 марта 1623 г. говорилось: «Указали ему, богомолцу своему Антонию архиепископу, в его Рязанской архиепископии архимаритов и игуменов, и монастырских старцов и слуг, и крестьян, и протопопов, и попов, и дьяконов, и весь причет церковный ведати во всяких духовных делех, и в городех мирских посадских и уездных волостных и всяких людей ведати ж и судити в духовных делех и в безчинствах ему, богомолцу нашему Антонию архиепископу, или кому он, богомолец наш Антоний архиепископ, своим приказным людем судити прикажет, а опричь духовных дел никого и никаких людей ни в чем не судити (курсив мой. — В.К.)»¹⁹. По всем другим делам архиерейских приказных людей и домовых крестьян судили в приказе Большого двorca.

С созданием Монастырского приказа по Соборному уложению 1649 г. изменились правила общего суда по делам духовенства (подчинение духовных лиц светскому суду вызвало противодействие патриарха Никона), в то время как суд по духовным делам оставался по-прежнему в ведении патриарха и архиереев²⁰. Однако исторически существовала система, в которой светские приказные чиновники в архиерейских домах участвовали и в рассмотрении духовных дел. Решение вопроса состоялось только при патриархе Иоакиме на церковном соборе 1674/75 г., когда церковный суд по духовным делам был передан от прежних десятильников, архиерейских дворян и детей боярских к церковным властям: «Мирстии духовных дел ни в чем да не ведают». Во всех архиерейских домах, «в приказаех», устанавливался один порядок «имети... судей из духовного чина»²¹.

Обратимся к сохранившимся записным книгам Судного приказа Рязанского архиерейского двора 1660—1670-х гг. Подчеркну, что их особенность (отмечавшаяся ещё С.Н. Введенским) состоит в передаче только краткого содержания материалов суда. Подлинники дел в большинстве своём утрачены (за исключением немногих единиц хранения, отложившихся в составе Муромского митрополичьего двора в РГАДА, — документы являются включением в хранящийся в РГАДА фонд Рязанского Солотчинского монастыря)²².

дательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 336—337). См. также: *Емченко Е.Б.* Стоглав. Исследование и текст. М., 2000.

¹⁹ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. II. СПб., 1875. Стб. 423—424.

²⁰ Впрочем, некоторые пересечения юрисдикций с архиерейским судом случились после включения в главу XXII Соборного уложения (регламентировавшую применение смертной казни), статей 25 и 26 о наказании за сводничество и убийство детей, прижитых «в блуде», заимствованных из Литовского статута 1588 г. (Соборное уложение 1649 г. Л., 1987. С. 131, 391—392).

²¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. IV. СПб., 1836. № 204. С. 261; *Кантрев Н.Ф.* Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1874; *Лохвицкий А.В.* Очерк церковной администрации в древней России // *Русский вестник*. Т. 7. Кн. 2. 1857. С. 222—224; *Николаевский П.Ф.* Патриаршая область и русские епархии в XVII веке. СПб., 1888; *Перов И.Ф.* Епархиальные учреждения в русской церкви в XVI—XVII вв. Рязань, 1882.

²² РГАДА, ф. 1433, оп. 1, д. 89. См.: Российский государственный архив древних актов. Путеводитель. Т. 3. Ч. 2. М., 1997. С. 729—730. См. также: *Доброклонский А.П.* Описание докумен-

Рязанская и Муромская епархия во второй половине XVII в. включала два основных центра — Переславль-Рязанский и Муром — и имела обширную территорию²³. Среди челобитчиков встречаются жители многих юго-восточных и южных уездов Русского государства — от Каширы и Касимова до Воронежа и Тулы²⁴. Особенно много рассматривалось дел с участием различных категорий служилых людей — детей боярских, рейтар, драгун, стрельцов и полковых казаков в Переславле-Рязанском, Шацке, Рязске, Тамбове, Козлове, Лебедяни и Ельце. Представляет интерес переписка архиерея с поповскими старостами, решавшими на местах несложные дела и в случае необходимости обращавшимися в Судный приказ Рязанского архиерейского двора.

Обстоятельства места и времени создания записных книг Судного приказа Рязанского архиерейского дома, конечно, оказывают непосредственное влияние на содержание дел. Социальная структура населения в этих местах отличалась от остальных российских уездов. На территории Рязанского уезда было немало владений знати и Государева двора, рязанских дворян и детей боярских, в то время как в других уездах преобладали служилые люди «по прибору», было много пришлого и недавно переселённого населения: драгунов, казаков, беглых крестьян, «литовских полоняников». Переславль-Рязанский, Воронеж и Тамбов имели прямые пути сообщения с Доном, поэтому ряд духовных дел связан с донскими казаками. Кроме того, в Рязанской и Муромской епархии находился шацкий Чернеев монастырь, отданный казакам и старшине Войска Донского «на вечное прибежище и на строение», куда старые и увечные донские казаки могли постригаться без вкладов²⁵.

Материалы суда и следствия по духовным делам по большей части отсутствуют, многие обстоятельства тех или иных происшествий остаются неизвестными. Трудно верно оценить влияние на ход дела самих судей, обвиняемых или свидетелей. Иногда даже решение по рассмотренным духовным делам остаётся неизвестным. Поэтому важнее становится фиксация в документах разных явлений, нарушавших привычные нормы жизни, изучение отношения к ним в семьях, крестьянских и посадских общинах, в церковных приходах.

Встретившееся в одном из «духовных дел» и вынесенное в заголовок статьи наставление Рязанского архиепископа Илариона — жить, «как живут добрые люди»²⁶, — показывает существовавшие «идеальные» правила. Суд же архиерейского Духовного приказа, напротив, имел дело с искажениями «обычного» уклада, что, однако, также является важной характеристикой частной жизни в России XVII в. Целью церковного суда было не только наказание, но и исправление, в записных книгах есть примеры того, как при возвращении снятой со священников за провинности «скуфьи» следовало обычное увещевание от архиерея «буде достоин священства, Бог простит» (I, л. 126). Не случайно даже в своём «заветном писании» митрополит Иларион вспомнил о таких нере-

тов Солотчинского монастыря // Труды Рязанской учёной архивной комиссии. Рязань, 1888. Т. 3 [№ 1—7]. С. 51—60, 84—91, 110—116, 137—143.

²³ Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упразднённых... Т. 1—4. Зарайск, 1884—1891.

²⁴ В 1682 г. были созданы отдельные Тамбовская и Козловская, а также Воронежская епархии, поэтому «духовные дела» местного населения были переданы суду новых, впервые назначенных туда архиереев (Комолова Э.В. Воронежская епархия в конце XVII—XVIII вв.: образование, церковная организация, социально-политические отношения. Воронеж, 2007).

²⁵ Иероним (Алякринский), архим. Указ. соч. С. 83.

²⁶ ГА РО, Библиотека, № 13115, л. 293.

шённых духовных делах: «Аще же коего священника, или диакона во епархии нашей бывшей, по правилам святых апостол и богоносных отец, от служения отлучих, а мирских от причастия животворящих таин тела и крове Господа нашего Иисуса Христа, и от входа в церкве удалих, они же коих любо ради вин не успеше от нашего смирения прощения получитьи, от века сего в страну вечности преселишася: и аз вся тья имам прощены и разрешены»²⁷.

Духовное дело обычно начиналось с обращения в Судный архиерейский приказ в Переславле-Рязанском, где при архиепископе Иларионе в 1665—1668 гг. были старец Иов, приказной человек Лев Терехов и дьяк Афанасий Коротнев (I, л. 335). С 1675 г., во исполнение решений церковного собора, в Судном приказе были уже исключительно духовные лица: архимандрит Спасского монастыря Иосиф и старец Гедеон Гундоров «с товарищами» (II, л. 23, 167). Помимо расследования по «духовным делам», челобитчиками выступали люди, заинтересованные в решении разнообразных «частных» дел, например, по рядным записям или оформлении завещания, при долгом безвестном отсутствии мужа или жены. Правом обращения в Судный приказ обладали также священники, поповские старосты, выступавшие на местах, как в городах, так и в сёлах, посредниками с церковным клиром и приходами небольшой округи.

Среди челобитчиков можно встретить рязанских дворян и посадских людей, приказчиков крупных вотчин. Сведения обо всех таких обращениях в архиерейский Судный приказ фиксировались на страницах записных книг. В случае назначения разбирательства по делу для доставления участников процесса на суд высылались архиерейские дети боярские и другие приставы. Они получали доезжие памяти, по прибытии на место им поручалось организовать сыск, взять поручные записи и доставить ответчиков в Переславль-Рязанский. Для содержания обвиняемых существовала тюрьма на архиерейском дворе, иногда подследственных отпускали на поруки с условием дальнейшей явки в Судный приказ. Штрафы и пошлины за суд шли в архиерейский Казённый приказ, архиепископ накладывал запрет на службу священников (или возвращал им право «литургисати»). В отдельных случаях архиерейский приказ участвовал в рассмотрении дел совместно с другими судами — патриаршим Судным или Разбойным приказами.

Например, по грамоте из патриаршего приказа был проведён сыск о пострижении старца Германа, «что был солдат в полку Матфея Кровкова», в Преображенской пустыни Пронского уезда (I, л. 135). По грамоте патриарха Иоакима, присланной в Касимов 14 октября 1675 г., допросили священника касимовской Казанской церкви. В Москве рассматривался донос на касимовского воеводу Константина Панова, неучтиво принявшего государеву грамоту о подводах, выданную «промышленнику» Ивану Турченину (всё произошло, когда воевода был в гостях у этого священника): «и Костянтин тое государеву грамоту сидя принял ли, и чел ли, и бросил ли; и те речи говорил ли, что он никою не боитца» (II, л. 215).

Некоторых обвинённых архиерейским судом людей отсылали для дальнейшего сыска или наказания в воеводские и губные избы (II, л. 432, 454). В 1665 г. козловец Марк Евфимов «перед приказною избою» был «бит на козле и в провотку кнутом нещадно» по обвинению в сожительстве с дворовой (отпущенной потом на волю). Помимо публичного наказания, поповский староста и соборный священник Родион наложил на него строжайшую церковную епитимью,

²⁷ Иероним (Алякринский), архим. Указ. соч. С. 93.

запретив даже входить в церковь, чем и было вызвано обращение козловского служилого человека к архиепископу Илариону. Рязанский архиерей снял с него излишние запреты и «велел в дом ево со всякою святынею входить и в церковь пускать, да ему ж, Марке, указал по вся годы поститься и на исповедь ко отцу духовному приходить» (I, л. 87).

Значительная часть архиерейского судопроизводства посвящена духовным делам, рассматривавшим проблемы семьи, девиантного поведения и насилия во взаимоотношениях полов: «живет без венца и без молитвы», «против рядные записи не устоял», «женат от живой жены», «бил жену смертным боем», «иссильничал блудно», «целовал насильно и хватал нехорошо», «живет содомски», «родила робенка без мужа», «четвертый муж», «четвертая жена», «и за прелюбодейство она с тем мужем своим розведена» и т.п. Много дел связано со ссорами священников и дьяконов по поводу мест их службы, церковных доходов и собственности. Встречаются в записных книгах архиерейского Судного приказа и рядовые дела «о бое и грабеже» или кражах имущества, где истцами или ответчиками выступали «церковные люди». Суть многих дел явно записывали в приказе «с голоса», что придаёт особое значение документам, позволяющим «погрузиться» в повседневную жизнь России XVII в.

Изучение записных книг показывает, что содержание некоторых дел излагалось в книгах открыто, в то время как в ряде случаев содержится одно упоминание о «духовном деле» без подробностей обвинения. Соотношение таких «закрытых» упоминаний явно возросло после 1675 г. по сравнению с предшествующим временем. Иногда создаётся впечатление, что речь шла о своеобразной охране «персональных данных» или доверии только устному суду архиерейских приказных людей. Вполне вероятно, что таково было следствие решений церковного собора 1674/75 г. о передаче суда духовным лицам.

Попытаемся определить, что в записных книгах Судного приказа подразумевалось под словами «духовное дело»? Приведу примеры таких прямых упоминаний содержания духовных дел светских и церковных людей, в частности, в записных книгах 1665—1668 гг. К архиепископу Илариону поступали челобитные в «великом духовном деле» о «четвертом муже» (I, л. 16), на вдову-помещицу, «что живет она блудна с дворовым своим человеком» (I, л. 23), на крестьянина и «беззаконную наложницу ево, с которою он жил от жива мужа, без молитвы» (I, л. 246), «в прелюбодействе» (I, л. 257). Словесный извет в «духовном деле» рассматривался в архиерейском приказе после переполоха, устроенного на одной из улиц Переславля-Рязанского 8 сентября 1667 г. «В третьем часу ночи» дворник запер в клетки «жену тюремного сидельца молодицу Матренку Назарьеву» и пришедшего к ней повара Спасского монастыря Ваську Петрова, который стал с нею «блудно творить». Дворник, кстати, сам «освобоженный тюремный сиделец», стал «кликать певчего дьяка Елисея Андреанова и иных тутошних соседей», но заподозренный в духовном деле повар «ис клетки верхом ушел». После этого всех участников ночного дела допросили и «взяли сказки за руками», а «молодицу» отправили с приставом в съезжую избу к воеводе: «Велено ей за то дать поучения» (I, л. 296). Приведённый пример раскрывает упомянутое в Стоглаве «смилное заставание», отнесённое к первейшим делам церковного суда.

В духовных делах священников речь шла в первую очередь о нарушениях правил церковного венчания, например, «венчал свадьбу третьим браком от жива мужа» (I, л. 13). В этом случае священники поступали корыстно, скрывая

доходы от венчаний, шедшие в архиерейскую казну, и действовали в нарушение норм семейного права. Тогда как церковный суд преследовал безосновательное оставление супругов, жизнь «без венца» или молитвы (для второго и третьего браков), вступление в четвёртый и даже пятый брак (такой случай произошёл с крестьянкой села Росляи Тамбовского уезда из вотчины «Благовещенского собора государева духовника Андрея Савиновича» (II, л. 193)). Отступление от канонических правил венчания в церкви тоже считалось «духовным делом», как и произношение роженичных молитв в случае рождения детей вне брака. На одного из священников били челом «в духовном же деле, что он в избах и на пчельниках свадьбы венчает и вдовам и девкам роженичные молитвы говорит» (I, л. 116).

Преступления священников, вызывавшие недовольство прихожан, также становились поводом для обращения в архиерейский Духовный приказ. 10 июня 1667 г. поповский староста прислал «извесную челобитную» старосты и крестьян села Сысоева Тамбовского уезда на священников Фому и Кирика «в духовных делах» (I, л. 253). В челобитной описывался конфликт на «мирском сходе», где они обвиняли друг друга: один — в сожительстве с родной дочерью, другой — в «блудном насилии» духовных дочерей и оглашении «во весь мир» исповедальных грехов²⁸. Судя по помете в записной книге, дело было положено «в большой ящик», самих виновников конфликта привезли в Переяславль-Рязанский. 14 февраля 1668 г. архиепископ Иларион, даже не разбираясь в деталях обвинений, «снял скуфью» с обоих священников и запретил им служить в церкви.

Споры священников одной церкви были совсем нередки, и когда вражда заходила слишком далеко, в ход шли последние обвинения в «духовном деле». 19 октября 1675 г. священник Никольской церкви села Чеголдаево Рязской десятины Михаил бил челом митрополиту Иосифу на священника Ефрема: «А духовное дело за ево поповою рукою зубной заговорной лист зубной крови из ево Ефремова служебника». Это преступление по Стоглаву могло рассматриваться как «ведовство» или «чародейство»²⁹. Но вывод церковного суда оказался противоположным ожиданиям Михаила, 16 ноября 1675 г. митрополит обвинил его самого, «потому что ссылочных людей допрашивать и веры дать не довелось» (II, л. 223—223 об.).

Заметно стремление назвать «духовными делами» самые серьёзные преступления, привлекавшие общее внимание. Особенно наглядно разницу в делах можно увидеть в челобитной о «матерной брани и духовном деле» (I, л. 295), где союз «и» отделяет простое дело от более сложного. Хотя произнесение «скверных словес» по принятому дополнению в Стоглав тоже относилось к духовным делам, и решение по ним принимал церковный суд. Например, в Духовном приказе разбирали ссору двух соборных дьяконов Моисея и Максима, случившуюся в крестовой палате «за столом» в престольный праздник Успенского собора в Переяславле-Рязанском 15 августа 1675 г. На следующий день

²⁸ О примерах нарушения тайны исповеди в XVII в. см.: *Борисов В.Е.* Тайна исповеди, процедура судопроизводства и повседневная жизнь государевых мастеровых в отдельно взятом деле о семи рублях (1666 г.): публикация и исследование // Сборник статей и публикаций, посвящённый Андрею Алексеевичу Булычеву: на 60-летие со дня рождения и 35-летие начала научной деятельности. М., 2020. С. 17—36.

²⁹ См.: *Булычев А.А.* Два розыска о «заговорных» письмах во второй четверти — середине XVII столетия (по материалам Разрядного приказа) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Т. 64. СПб., 2016. С. 111—120.

один из дьяконов «словесно» бил челом митрополиту Иосифу, чтобы наказать обидчика за оскорбления: «Бранил ево, Моисея, матерно всякою скверною бранью и будто де он, Моисей, от матери своей из суки выпал и называл ево аригеном, и бутто держится арианской ереси, да он же Максим говорил, бутто он, Моисей, согласник и единомысленник вору Стенке Разину и великому государю изменник» (II, л. 167). Дело разбиралось судьями Духовного приказа на очной ставке поссорившихся соборных дьяконов.

Времена разинского движения упоминались в коллективной «изветной» челобитной священников разных сёл Кадомского уезда митрополиту Иосифу 23 июня 1675 г.: «Живут де в твоей святительской Полестине потриарши попы воровски от бунтов, с воровскими казаками воровали, а их де староста поповской села Саватьмы рожественской поп Филип, и он тем попом потаковщик и ворует с ними заодно, и с них посулы емлет. Сам поп Филип ездил в бунты и на приступах был, и многия он бои чинил, и пушки возил он, поп Филип». Кроме поповского старосты Филиппа в челобитной упоминали его свояка Дивея, служившего в том же уезде и тоже участвовавшего в делах разинцев: «В те поры был во дьячках, и с воровскими козаками был в есоулах, и много он государских людей рубил и казнил всяких чинов неповинных, а ныне он в попах». Дополнительно к этим обвинениям в коллективной челобитной кадомских священников говорилось: «А иные де попы и табак пьют» (II, л. 113—114). Упомянутых священников, обвинённых в участии в разинском бунте, вызвали к расспросу в Переславль-Рязанский, но, допросив, отпустили по домам. Имело ли это дело какое-либо продолжение, неизвестно.

В записных книгах архиерейского Судного приказа остались и упоминания о начале церковного раскола. Среди дел, извлечённых С.Н. Введенским для публикации в «Воронежской старине», выделяется характерный казус «белых попов» Василия и Козьмы, обвинённых игуменом воронежского Успенского монастыря Сергием в пьянстве и «безчинствах». В 1674/75 г. игумен добился получения «послушной грамоты» архиерея, увещевавшей священников. Но суть конфликта заключалась в том, что священник Василий хотел построить в приходе монастыря новую церковь «на усилке» (Введенский приводит неверное чтение «на усклоне») и отказывался платить «четвертой жеребей в церковном доходе и в мире». Далее в записных книгах Судного приказа описывалась ссора воронежских священников, выступивших против новых церковных порядков (обращает на себя внимание «способ» утверждения двоеперстия, конечно, если верить челобитной игумена Сергия): «И поп де Василий указу великого господина и грамоты не слушает, к церкви приходит мало, по беседам упиваетца, с троецким попом Иларионом безчинствуют и свою братью священников, которые того дни литургии Божии пели, ухватя за нос двумя персты, раздавливают до крови, и мирским де людем безчинство чинят». Упоминание о церковной службе «того дни» тоже не случайно, оно связано со стремлением усилить обвинение оскорблением церковных одежд и сосудов. Дальше в челобитной описываются действия священника Василия и «немногих» посадских людей — Федота Аникеева, Никиты и Семёна Елисеевых, «стакавшихся» с «раскольщиками» (слово «раскольник» ещё не устоялось в употреблении) для строительства новой церкви. Игумен Сергей подробно описал различия в службах старообрядцев, пока ещё формально подчинявшихся рязанскому митрополиту Иосифу: «А те де раскольщики Андрюшко, да Дейко, да Зенко Аносовы по новоисправленным книгам церковного пения слушать и детей своих крестить не хотят, и детей де своих младенцов возят крестить в иные приходы и в села

и крестят по прежним потребникам, а не по новоисправленным, и лице де свое крестят двумя персты, Иисусову молитву говорят не против новоисправленных же книг. И когда де бывает ход со кресты около града против солнца на восток, и они де, раскольщики, сами за кресты не ходят, и многих де православных христиан совращают» (II, л. 111)³⁰.

Особый интерес в записных книгах представляют дела, позволяющие иначе взглянуть на традиционные и, казалось бы, уже вполне исчерпанные сюжеты истории России второй половины XVII в. Речь идёт о крепостничестве и беглых людях, когда побег рассматривались исключительно как проявления социальной розни или пресловутой классовой борьбы. До сих пор совершенно в тени остаются другие проблемы, возникавшие при побегах с одного места на другое, одного супруга или всей семьи. 4 апреля 1665 г. рязанский сын боярский Матвей Яковлев сын Буженинов подал в Судном приказе челобитную архиепископу Илариону о рождении ребёнка у его дворовой «жонки», «мужней жены», муж которой сбежал от своего владельца «другой год». Всё это дало основание обвинить её в том, что «она родила робенка без мужа своего». По памяти из архиерейского приказа никольскому священнику с. Киселево было велено «той жонки допросить в духовне накрепко, с кем она того робенка прижила». Проверке на исповеди подлежали и обвинения челобитчика в побеге дворового человека: «И тому другой ли год как тот муж ея сбежал?». Хотя, судя по словам распоряжения, особых сомнений у судей дело не вызывало: «Что она скажет на ково в том блудном деле, и тое скаски взять у нее за отца ее духовного и за ево, поповою, рукою, прислать в Судной приказ к приказным людям» (I, л. 155).

В записных книгах упомянуты и «сыщики», возглавлявшие временные приказы для поиска беглых на местах. В ноябре 1667 г. к Афанасию Софоньевичу Заболоцкому в «приказ» в Печерниках привели беглого крестьянина с. Ижевского Фильку Михайлова «з жонкою Соломониткою» стольника Василия Яковлевича Голохвастова. Упоминание о «жонке», а не жене, не случайно, так как крестьянин женился, находясь в бегах, на такой же беглой дворовой, принадлежавшей рязанскому подъячму Василию Метюшникову. Сыщик отослал в Судный приказ духовных дел в Переславль-Рязанский отписку об этом, чтобы наказать венчавшего их священника Топтыкова Козловского уезда (I, л. 336). Есть в делах Судного приказа и примеры того, что беглые люди попадали не только в экономическую, но и личную зависимость, а новые владельцы пользовались их полным бесправием.

Таким образом, материалы записных книг архиерейского суда в России 1660—1670-х гг. дают представление о многих случаях из частной жизни, преимущественно известных по статьям памятников церковного права. Разбор «казусов», сохранившихся в составе духовных дел, позволяет увидеть глубинные основы повседневного быта людей, модели их поведения в разборе коллизий семейной жизни. В записных книгах присутствуют убедительные свидетельства действий людей по защите своей чести и личной неприкосновенности. При этом речь идёт не только о привилегированных лицах, принадлежавших к служилому сословию, но и о делах тех людей, кто составлял в то время «молчащее большинство» народа: приходских священнослужителей, крепостных крестьян, дворовых людей и казаках.

³⁰ Публикацию документа см.: *Введенский С.Н.* Материалы для истории Воронежской епархии... С. 131—132.

Опыт изучения ландратских книг петровского времени

Денис Ляпин

The experience of studying the Landrat's books of Peter the Great's time

Denis Lyapin

(Bunin Yelets State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870013441-6

Среди корпуса исторических источников первой четверти XVIII в. представляют особый интерес результаты последней массовой подворной переписи России, проведённой в 1715—1720 гг. Поскольку составление переписных книг было поручено ландратам (помощникам губернатора на местах из числа царедворцев), в историографии за этой переписью закрепился термин «ландратская», а составленные по её итогам книги получили название «ландратских». Цель этой статьи — показать информативные возможности ландратских книг для получения фактических сведений о населении и учётных институциях Российского государства петровского времени. Особенно важно аргументированно оценить познавательное значение этого массового источника и обратить на него внимание научного сообщества, поскольку до сих пор ландратские книги не были предметом отдельного обстоятельного изучения.

Впервые налоговая политика Петра I была рассмотрена ещё в 1840-х гг. А.И. Кранихфельдом. Рассуждая о ландратской переписи, он отметил присущую ей актуальность, но также указал и на важность перехода страны к подушному налогообложению. Кранихфельд показал большое значение подушной подати в истории России, он считал это начинание одним из важнейших событий петровской эпохи¹. Со временем сложилась традиция особенно выделять подушную подать среди прочих налоговых нововведений царя-реформатора и изучать её как прогрессивное, хотя и не доведённое до конца явление. Ландратская перепись, предшествующая подушной, оставалась в тени и даже была признана неудачной и якобы побудившей власти перейти к подушному сбору. С.М. Соловьёв, изучая процесс учреждения должности ландратов при губернаторах, подробно описал деятельность провинциальных чиновников, но сама проведённая ими ландратская перепись осталась за рамками его работы². Учёный считал, что фискальная политика Петра I была связана главным образом с введением многочисленных косвенных налогов и переходом к прямому подушному налогообложению по указу 1718 г. В труде М.М. Богословского об истории местного управления в начале XVIII в. тоже рассмотрена работа ландратов, но вопрос о составлении ими переписи обойдён вниманием, хотя Богословский и предположил, что опыт составления ландратских книг учитывался при организации новой налоговой реформы: речь шла о традиционном

© 2021 г. Д.А. Ляпин

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научного проекта № 20-09-42073.

¹ *Кранихфельд А.* Взгляд на финансовую систему и финансовые учреждения Петра Великого. СПб., 1845. С. 49—53.

² *Соловьёв С.М.* Истории России с древнейших времён. Кн. 4. Т. XVI—XX. СПб., 1877. С. 148.

сборе «сказок» с населения, дававших главные сведения о его составе³. Упомянув о проведении ландратской переписи, В.О. Ключевский обратил внимание на то, что выборы ландратов в 1713 г. стали попыткой государства привлечь дворянство к внутреннему управлению на новых началах. Несмотря на то что в 1718 г. должность ландратов была отменена, их практический опыт успешно применялся при организации новой подушной переписи, для чего дворянство выбирало из своей среды земских комиссаров⁴. Особенностей проведения переписи и вопроса о её достоверности исследователь не коснулся. П.Н. Милюков считал, что именно неудовлетворённость Петра I составлением ландратских книг заставила его отказаться от подворных налогов в пользу подушного обложения, но конкретных подтверждений этому не привёл. С точки зрения Милюкова, необходимость в составлении ландратских книг отпала сама собой в 1718 г. (когда было решено ввести подушное обложение)⁵.

Со временем мнение о том, что ландратская перепись была неэффективной и даже отразила кризис подворного налогообложения, стала превалировать в историографии. С ландратской переписью всё чаще смешивали подворное описание 1710 г., о котором современники действительно оставили нелестные отзывы, а правительство признало необъективным⁶. Впрочем, согласно мнению М.В. Ключкова, после трёх лет проведения переписи, в 1718 г., правительству стало ясно, что итоговое число дворов не превысит данные 1678 г., а это означало, что дальнейшее использование подворной системы налогообложения не позволит покрыть потребности государства. Именно этим, а не недостатками ландратской переписи, была обусловлена новая налоговая реформа⁷. Стоит отметить и мнение Б.Б. Кафенгауза — автора обширного раздела о финансовых реформах первой четверти XVIII в. в «Очерках по истории СССР». Историк отметил, что итоги подворного описания 1710 г. показали явное сокращение числа дворов. Правительство посчитало это следствием укрывательства населения и недобросовестности со стороны губернских властей. Именно поэтому в 1715 г. началась новая перепись (ландратская), но и она показала сокращение числа дворов из-за реальной убыли населения и бегства низших податных слоёв общества. Практическая необходимость в новой системе взимания прямых налогов (фактическое усиление податного бремени) заставила правительство отказаться от дальнейшего составления подворных переписей⁸. По мнению Кафенгауза, данные ландратских книг показали властям, что единственный быстрый способ пополнить казну — увеличить прямые налоги, изменив систему их сбора.

Мнение Ключкова и Кафенгауза о ландратских книгах как источнике, не уступающем в достоверности предыдущим переписям, не стало поводом к их

³ Богословский М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом. М., 1903. С. 324—326.

⁴ Ключевский В.О. История сословий в России. Собрание сочинений в 9 т. Т. 6. М., 1989. С. 386; Ключевский В.О. Подушная подать и отмена холопства в России // Там же. Т. 8. М., 1990. С. 195.

⁵ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 471—472.

⁶ Лященко П.И. История русского народного хозяйства. М.; Л., 1930. С. 206; Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 322, 328.

⁷ Ключков М.В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. СПб., 1911. С. 420—425.

⁸ Очерки по истории СССР. XVIII в. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. С. 388—389.

обстоятельному изучению. Этот вид фискальной документации так и остался за пределами интересов научного сообщества. Рассматривая особенности проведения податной реформы 1719—1727 гг., Е.В. Анисимов не остановился на исследовании ландратской переписи, хотя и согласился с мнением Ключкова о том, что оснований для признания её недостоверной нет⁹. Известный специалист в области исторической демографии Я.Е. Водарский в работе о населении России в конце XVII — начале XVIII в. сосредоточил внимание на двух переписях — 1678 г. и первой ревизии подушной подати 1719 г. — ландратская перепись вновь осталась за рамками исследовательского внимания¹⁰.

Современные историки обращаются к данным ландратских переписей в основном как к источнику сведений по генеалогии, а также для изучения юридических особенностей ревизского учёта податного населения России¹¹. В последние годы появились исследования, посвящённые деятельности ландратов, в частности работы Д.А. Редина, ставшие результатом анализа деятельности института ландратуры Сибири¹². Учёный отметил большую самостоятельность губернских властей в годы проведения подворной переписи и подчеркнул слабую изученность деятельности ландратов в историографии¹³. Отмечу также статью С.В. Фурсова о ландратской переписи 1716 г. Добровского уезда. Автор остановился на рассмотрении состава и численности населения уезда и проанализировал причины их изменения в 1710—1716 гг.¹⁴

Исторические условия возникновения ландратских книг как массового источника связаны с необходимостью реформирования системы взимания прямых налогов. В 1710 г., впервые после 1678 г., в России провели подворную перепись, причём сразу по её завершении было принято решение о начале нового описания из-за небрежного отношения местных властей к переписи и недобросовестной работы переписчиков¹⁵. В Московской губернии ландраты стали проводить перепись уже летом 1715 г. Затем по указу Петра I от 10 декабря 1715 г. надлежало начать описание дворов и жителей без «утайки и поноровки» во всех губерниях¹⁶. Повсеместная перепись началась в 1716 г. Новое описание должно было пройти в течение 1—2 лет, но затянулось. Не дожидаясь его окончательных итогов, в 1718 г. Пётр I принял решение о переходе к новой

⁹ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Л., 1982. С. 38.

¹⁰ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII — начале XVIII вв.: численность, сословно-классовый состав, размещение. М., 1977. С. 12.

¹¹ Ляпин Д.А., Лильн И.Г. Бехтеевы: родословная роспись. Елец, 2009; Дементьев В.С. История учёта населения России до начала XX в. // Географический вестник. 2015. № 4(35). С. 11—17; Борщик Н.Д. Переписи населения Курского края в XVII—XIX вв.: к историографии проблемы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 12(68). С. 285—289; Мельников П.Ю. Правовые основы ревизского учёта населения в российской империи в начале XVIII века // Вестник Саратовской юридической академии. 2012. № 2(84). С. 49—54.

¹² Редин Д.А. Сибирская ландратура: место вятских ландратов в структуре губернского управления периода первой областной реформы Петра Великого // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. № 3(105). С. 31—47; Редин Д.А. Сибирские ландраты. 1714—1720 гг. (Материалы к исследованию) // Петровское время в лицах — 2005. СПб., 2005. С. 181—194.

¹³ Редин Д.А. Сибирская ландратура... С. 31.

¹⁴ Фурсов С.В. Город Добрый и уезд по материалам ландратской переписи 1716 г. // История: факты и символы. 2018. № 4(17). С. 86—94.

¹⁵ Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительственном Сенате в царствование Петра Великого. Т. VI. Кн. 1. СПб., 1901. С. 302; Милоков П.Н. Указ. соч. С. 471—472.

¹⁶ ПСЗ-I. Т. 5. № 2964. С. 185.

системе сбора прямых налогов — подушной¹⁷. Тем не менее начатая ландратами в 1715 г. работа была доведена правительством до конца и окончена в 1720 г. (вместе с упразднением должности ландратов).

Механизм проведения ландратской переписи был традиционным: сбор сказок с населения, составление переписных книг (черновых вариантов), а затем на их основе — чистовых вариантов, т.е. итоговых результатов переписей. В настоящий момент ландратские книги (111 единиц хранения) находятся в фонде 350 РГАДА. Они не выделены в отдельный комплекс документов и хранятся вместе с переписными книгами 1710 г., различными частными переписями 1707, 1712—1714 гг., а также сказками и перечневыми книгами. При подготовке статьи были выбраны и проанализированы отдельно семь ландратских книг: Елецкая, Дорогобужская, Мещовская, Тульская и Лихвинская, Царёвококшайская и Миропольская. Такой выбор обусловлен географической разнородностью описанных в них уездов. В рамках системного подхода при изучении ландратских книг использованы традиционные приёмы источниковедческого анализа: сравнение, обобщение и систематизация данных. Ландратские книги не имеют единой структуры, их можно разделить на несколько условных групп: 1) составленные по типичному формуляру XVII в. (без колонок и таблиц); 2) чётко разделённые на колонки-столбцы по тексту; 3) состоящие главным образом из сводных таблиц; 4) имеющие комбинированный формуляр. В исследовании использованы книги, относящиеся к каждой из данных групп.

Елецкий уезд находился на северо-западе Азовской губ. Ландратская книга уезда была составлена комиссией во главе с Г.М. Наумовым, происходившим из стольников («царедворцев»), как и большинство ландратов¹⁸. Она представляет собой объёмный фолиант в 1 368 листов¹⁹. Сначала следует описание города (церквей и слобод), потом — уезда. Информация разделена на столбцы по тексту: все листы тетрадей, сшитых в книгу, делятся на две колонки — «наличные» и «убылые», где отмечаются данные по населению с обязательным указанием того, как «убыл» или «прибыл» тот или иной человек в сравнении с прошлой переписью (умер, родился, «сшел безвестно», переселился). Подсчёты в конце книги даны по нескольким грациям: общая численность мужчин и женщин, число убывших и прибывших (с разбивкой на группы).

Описание города содержит упоминание следующих категорий населения: священнослужители, подьячие (площадные и Духовного приказа), бобыли, нищие, стрельцы, пушкари, вóротники, казаки, посадские люди, дети боярские, солдатские дети, зависимые люди. Преобладающей группой были служилые люди, среди которых, в свою очередь, доминировало городское казачество (499 человек²⁰), затем следовали стрельцы (160) и пушкари (112). Численность посадских людей составила 124 человека. Население Елецкого уезда было представлено помещиками и вотчинниками, «служилыми людьми всяких чинов», с одной стороны, и крестьянами, бобылями, задворными и деловыми людьми — с другой. Помещики и вотчинники, этот высший слой местного общества, в ландратской книге не указаны даже количественно. Что же касается «слу-

¹⁷ Там же. № 3287. С. 618—620.

¹⁸ *Захаров А.В.* «Государев двор» и царедворцы Петра I: проблемы терминологии и реконструкции службы // *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682—1750 гг.)*. М., 2013. С. 30.

¹⁹ РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 113, л. 1.

²⁰ Здесь и далее в скобках указано количество мужчин.

жилых людей всяких чинов», то эта категория населения представляла собой потомков рядовых детей боярских, которых обязали в 1710 г. платить подати, освободив от участия в полковой службе²¹. Ландратская книга содержит упоминания в рамках данной группы следующих чинов: рейтары, солдаты, копейщики и городовые. Все они продолжали нести военную службу, пока Елец сохранял значение военной крепости. При этом уездное служилое сообщество являлось социальной базой для набора в солдаты, «гварнизоны» и «ландмилисы»: согласно сведениям ландратской книги с 1710 г. их число пополнили 223 человека (9%). Слово «крестьяне» употребляется в ландратской книге только в предисловии, в заключительной части книги эта категория лиц именуется «работными людьми» (сюда включены все низшие слои общества). Их численность определена в 5 585 человек, бобыли значатся только за местным елецким монастырём (14). Задворные и деловые люди не объединены в одну группу, их упоминания связаны с описанием дворов служилых людей, а численность не превысила 50 человек. Книга содержит подробные сведения о церковнослужителях различных рангов (122).

Дорогобужский уезд в результате административной реформы 1708 г. оказался в центре Смоленской губ., однако в 1713 г. вошёл в состав Рижской губ. За составление переписи отвечал ландрат полковник Иван Михайлович Потёмкин, выходец из «царедворцев»²². Ландратская книга Дорогобужского уезда представляет собой рукопись объёмом в 750 листов. Она архаична по своей структуре и напоминает скорее переписи XVII в.: не содержит разбивки на прибывших и убывших, перечисляет население по дворам в одну строку, отделённую пробелом, сравнения с предыдущими переписями касаются только нескольких общих подсчётов (например, количества посадских людей). В книге имеется своеобразное приложение, находящееся в самом конце, — это единственная таблица под названием «Города Дорогобужа всяких чинов люди». К таблице дан комментарий, сообщающий, что здесь содержатся имена и фамилии тех помещиков и вотчинников, которые упоминаются в книге, с указанием страницы и звания. Первый столбец этой таблицы — «Прозвание» — содержит различные литеры, второй включает имена и фамилии помещиков и вотчинников, третий — листы книги, на которых упомянуты их крестьяне²³. Таким образом, ландратская книга Дорогобужа даёт информацию по фамилиям местной служилой элиты, что само по себе редкость для данного вида источников.

Социальная градация города Дорогобужа выглядит в ландратской книге следующим образом: священнослужители, «служащие» (мелкие чиновники), жёны и дети драгун и солдат, взятых в армейские полки, ямщики, неслужилые пушкари, посадские люди, кузнецы, нищие, монахи, «бельцы», монастырские приказчики и конюхи. Самой большой группой населения были посадские люди — 782 человека в 157 дворах. При этом в переписной книге 1678 г. значилось 232, а в книге 1710 г. — 170 дворов. 63 двора были пустыми, а рядом находились дворы «неимущих вдов, с которых дворов в солдат и в драгун дети и свойственники служат», всего — 15 человек²⁴. Жители Дорогобужского уезда представлены помещиками, вотчинниками, сотниками, крестьянами,

²¹ ПСЗ-1. Т. 3. С. 655—656.

²² РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 111, л. 1; *Захаров А.В.* «Государев двор» и царедворцы Петра I... С. 30.

²³ РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 111, л. 745.

²⁴ Там же, л. 22—38.

монахами и работниками монастыря. Перепись отмечает, что в 1678 г. за помещиками и вотчинниками значилось 2 578 дворов тяглых людей, в 1710 г. — всего 1 803 «двора жилых, а ныне — 2 315 дворов жилых, да помещиковых — 58 дворов». Общая численность крестьян, упоминаемых в ландратской книге Дорогобужского уезда, составила 15 185, помещиков — 293 человека²⁵. Обеспеченность рабочими руками местных землевладельцев была вполне приемлемой.

Мещовский уезд на момент переписи входил в состав Смоленской губ., являясь её восточной окраиной. Общий объём составленной здесь ландратской книги — 177 листов. Рукописный фолиант, написанный двумя аккуратными почерками, хорошо сохранился. Сравнительные данные в книге сведены в таблицы, однако итоги проделанной работы изложены обычным текстом. По своей структуре данная перепись имеет смешанный характер. Население города Мещовска было представлено главным образом посадскими людьми (177), а также нищими (11) и солдатами (9); все солдаты находились на службе, а в их дворах жили женщины и дети (16)²⁶. Землями в уезде владели помещики и вотчинники (численность их обозначена). Наряду с их дворами упоминаются и «скотные дворы». Общее количество дворов составило 350, «а в них дворовых и деловых людей, и скотников» 3 205 человек. Можно предположить, что в это число входят также помещики и вотчинники, иначе количество зависимых людей выглядит слишком значительным (в среднем 10 человек на каждый двор). За помещиками и вотчинниками числилось 17 502 крестьянина и бобыля. Указание количества конюхов — требование, характерное для многих наказов к ландратским книгам, но только здесь мы видим их конкретное упоминание. Отдельно считались монастырские крестьяне, бобыли, скотники, хлебники и прочие служащие. Их количество в Мещовском уезде составляло 1 514 человек, в конце переписи следуют списки «нищих церковных и солдатских» — 18 человек²⁷.

Тульский уезд располагался в южной части Московской губ. Ландратская книга Тульского уезда, состоящая из 900 листов, начала составляться уже в 1715 г., руководил переписью ландрат Гаврила Журавлёв²⁸. Особенность ландратской книги Тульского уезда заключается в том, что она очень подробно расписывает причины убыли населения (переведено, вымерло, бежало, взято в солдаты) с указанием численности по каждому случаю. В Туле перепись зафиксировала церковнослужителей, дворовых людей, дворян, рейтар, солдат, пушкарей и воротников, подьячих, представителей Гостиной сотни, посадских людей, кирпичников, гончаров, ямщиков, нищих²⁹. В 1715 г. в городе было ещё много традиционных социальных групп: представители Гостиной сотни (13 человек), воротники и пушкари (15 человек), рейтары и солдаты (150 человек), церковнослужители различных рангов (623 человека). Наличие военного контингента указывает на то, что город был важным стратегическим пунктом, требующим охраны и защиты. Рейтары и солдаты могли выполнять милицейские функции, а также надзирать за порядком. Посадские люди составляли главную часть населения города, их численность составила 1 350 человек. Не совсем понятно, какая именно категория населения Тулы названа «дворянами», скорее

²⁵ Там же, л. 738 об.

²⁶ Там же, д. 238, л. 176, 177 об.

²⁷ Там же, л. 176 об.

²⁸ Там же, д. 427.

²⁹ Там же, л. 844.

всего, имеются в виду дворы московских чинов («царедворцев»). Уездные жители представлены помещиками и вотчинниками (1 697), а также крестьянами и бобылями (4 675). В среднем на каждого землевладельца в уезде приходилось примерно по 3 крестьянина. Такое соотношение сложилось здесь исторически: в прошлом на южных территориях Тульского края численность крестьян была недостаточной, а в Азовской губ. — и вовсе минимальной³⁰.

Расположенный между Калугой и Тулой *Лихвин* (сегодня — Чекалин) в 1708 г. вошёл в состав Смоленской губ., но в 1713 г. был передан в Московскую. Переписную книгу объёмом 660 листов составил ландрат Илья Брянцев. Книга, написанная аккуратным почерком, по своей структуре напоминает тульскую перепись: в ней отсутствуют таблицы и содержится подробная роспись «убылого» населения. Согласно переписи, в Лихвине находилось 9 828 человек (кроме монахов). За исключением чиновников и церковнослужителей здесь проживали посадские (140) и служилые люди (47). Последние состояли из солдат (35), пушкарей и рассыльщиков (4). Наблюдается явное преобладание посадского населения (60%), а военная функция Лихвина, когда-то находившегося на западном пограничье страны, ушла на задний план. Сравнения с данными 1710 г. показывают, что всё это время местный гарнизон не пополнялся. В Лихвинском уезде состав населения был достаточно однородным и типичным для региона: помещики и вотчинники, солдаты и крестьяне³¹. К сожалению, численность крестьян в источнике не указана — упоминаются лишь их дворы (1 096), помещиков и вотчинников значилось 119 человек. В ландратской книге на поместных землях отдельно отмечены 90 «крестьян нищинских», которым нечем платить подати. Уездные солдаты (59) были ранее архиерейскими слугами.

Царёвококшайск (сегодня — Йошкар-Ола) в 1708 г. вошёл в состав Казанской губ. Ландратская книга (362 листа) была составлена здесь вместе с описанием Яранска и Уржума, что несколько затрудняет работу с ней. Подобные коллективные описания характерны для ландратских книг нескольких небольших уездов Азовской, Киевской и Казанской губерний. Особенность материалов переписи Царёвококшайска заключается в том, что они имеют многочисленные таблицы с указанием всевозможных сопоставлений. В итоговых данных книги отсутствуют чёткие обобщающие выводы, сообщаются только причины убыли населения. Социальный состав жителей города Царёвококшайска представлен священнослужителями, посадскими людьми и «азовскими переселенцами». Судя по фамилиям, жители города были русскими. Такая же ситуация наблюдалась в Яранске и Уржуме, где в 1710 г. даже специально отмечалось, что драгун и солдат нет «и не прибыло»³². Общее количество населения города не обозначено. Таким образом, перепись сообщает только об «убылых дворах» с подробным описанием состава семей и причин убыли. Судя по этим данным, с 1710 г. потери составили 17 человек, значит и общая численность местных жителей вряд ли была большой.

³⁰ Черников С.В. Дворянство и крепостное крестьянство Елецкого уезда в конце XVII — середине XVIII столетия // Вехи минувшего: Учёные записки исторического факультета. Вып. 3. Липецк, 2003. С. 42; Ляпин Д.А. Из помещиков в крестьяне: о происхождении сословия государственных крестьян-однодворцев // История в подробностях. 2010. № 6. С. 11—16.

³¹ РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 226, л. 645, 656.

³² Там же, д. 136, л. 357 об., 365 об.—370.

Город *Мирополье* располагался в центре Киевской губ. Данный регион стал активно заселяться только во второй половине XVII в., когда здесь сформировались несколько казачьих полков, имевших определённую автономию. Это было сделано для защиты центральных русских территорий от возможных нападений крымских татар и турок, претендующих на земли Украины. В 1651—1655 гг. Мирополье вошло в состав Сумского слободского казачьего полка. Ландратская книга Мирополья объемом в 148 листов была составлена позже остальных — в 1720 г. Написанная аккуратным почерком, она не имеет таблиц, хотя достаточно подробна. Особенность рукописи заключается в том, что в ней нет сопоставлений с данными переписей 1678 и 1710 гг. Это может быть связано с тем, что они здесь не проводились. Другая её отличительная черта — наличие подробной информации о земельных владениях, пчелиных заводах, рыбных ловлях и банях, с которых следовало платить налог, с указанием размеров платежа. Согласно данным ландратской книги Мирополья в городе и уезде (они не разделяются здесь по структуре) проживали священнослужители (112), подьячие (4), капитан, прапорщик солдатского строя, представители полковой сотенной службы (8), люди «копеечного чину» (13), солдаты (1 020), городовые (702), а также дворовые люди (151)³³. Интересно, что в общем подведении итогов упоминаются и однодворцы, о которых подробных сведений в подсчётах нет. Представленные в книге данные о составе населения показывают нам сходство с ситуацией в Елецком уезде. Однако в Мирополье не упоминаются посадские люди, что неудивительно, поскольку территории казачьих полков были сугубо военными образованиями.

Обобщая приведённые примеры, следует обратить внимание на то, что переписчики должны были (за редкими исключениями) сравнивать свои результаты с итогами прошлых переписей. Однако стремление к максимально возможной верификации полученных сведений, конечно, не значило, что ландраты получили абсолютно точные данные. Тем не менее ландратские книги содержат ценный материал о численности мужчин и женщин, а также о процессе движения населения. Важно заметить, что логика составления ландратских книг была взята за основу при организации новой подушной переписи: так же собирались сказки (получившие название ревизских) и данные сопоставлялись с предыдущими переписями. В этой связи ландратские книги необходимо рассматривать не как кризисный период в составлении фискальных переписей, а как определённый переходный этап в развитии системы учёта населения в России. Недостатком ландратских книг является отсутствие единой чёткой структуры. Отдельные из них очень подробны и информативны (Тульская, Елецкая) и могут стать предметом специального изучения и публикации, другие содержат не так много информации, почерк писцов не всегда разборчив, а сводные данные даются только по отдельным группам населения. Иногда информация в одной книге включает совокупные данные по нескольким уездам и городам, что затрудняет обработку представленных сведений.

Несмотря на то что ландратские книги, как и другие подворные переписи, не дают общей социальной и демографической картины надлежащей достоверности, они могут быть дополнительным источником для изучения социальной истории России. Во всех изученных рукописях состав городского и уездного общества представлен достаточно чётко. В ландратских книгах мы встречаем упоминания о традиционных группах населения, здесь можно увидеть и при-

³³ Там же, д. 240, л. 140.

знаки формирования новой общественной градации. Очевидно, что калейдоскоп чинов Московского государства в контексте налоговых преобразований постепенно заменяют обобщённые социальные группы, отсутствует традиционное разделение по виду занятий. Только в Туле градация категорий горожан более сложная. Наиболее разнообразным и архаичным был социальный состав Елецкого и Миропольского уездов, где мы встречаем рейтар, солдат, копейщиков и городовых. Эти категории населения — результат исторического развития этих регионов в XVII в., когда дети боярские (Елец) и полковые казаки (Мирополье), почти не имевшие крестьян, но владевшие крупными земельными участками, составляли основную массу жителей — мелких землевладельцев. Немаловажно и то, что ландратские книги фиксируют не только податное население: все они упоминают помещиков и вотчинников.

Ещё один важный процесс, который отразился в ландратских книгах — образование нового слоя уездной элиты — «помещиков и вотчинников». Само по себе это определение отсылает нас к предыдущему столетию, в котором владение землёй являлось привилегией «служилых по отечеству». Вероятно, это обстоятельство и заставило переписчиков использовать данный термин. Процесс формирования нового дворянства петровского времени (шляхетства) во многом зависел от региональной специфики. В Елецком уезде, например, в состав уездной служилой элиты петровского времени вошли около 10% из общего числа помещиков XVII в. — детей боярских³⁴. В Мирополье правительство сохранило земли за представителями казачьих слободских полков, а в уездах ближе к историческому центру России в число помещиков и вотчинников вошла группа лиц, являвшаяся высшим слоем общества уже на протяжении нескольких поколений. В последнее время вопрос о формировании шляхетства и генералитета петровского времени признаётся особенно важным³⁵.

Несмотря на недостатки ландратских книг петровского времени как массового источника, их исследование в целом представляется перспективным в нескольких направлениях. Во-первых, переписи отдельных уездов могут служить свидетельством развития конкретной территории и будут интересны в контексте региональных исследований. Во-вторых, большинство книг содержат много подробных демографических данных, которые отражают происходящие в обществе историко-демографические процессы. В-третьих, перспективным представляется сравнительный анализ данных по социальному составу населения разных уездов страны. Не стоит забывать и о важности ландратских переписей для составления родословных росписей и поиска генеалогических данных. Надеюсь, что научное сообщество обратит должное внимание на эти исторические свидетельства эпохи модернизации Российского государства, ведь информативная ценность ландратских книг обусловлена самим присутствием им переходным характером в истории учёта населения в фискальных целях.

³⁴ Дворянство и его крепостные крестьяне в XVII—XVIII вв. М., 1989. С. 38—92.

³⁵ *Захаров А.В.* Проект информационной системы «Сказки генерального смотря шляхетства 1721—1722 гг.» в контексте изучения массовых источников и регестров // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 16(371). Вып. 65. С. 130—139; *Полонский Д.Г.* Самоидентификация русского дворянства и петровская реформа эпистолярного этикета (конец XVII — начало XVIII в.) // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ... С. 234—255; *Черников С.В.* Правящая элита России 1725—1762 гг.: массовые источники биографического характера и методика их анализа // Гуманитарный вестник. 2016. № 12(50). С. 2.

Первые испанские революции и правящие круги Российской империи

Михаил Белоусов, Ясын Абдуллаев

First Spanish Revolutions and the governing elites of the Russian Empire

Mikhail Belousov, Yasyn Abdullaev

(both — Saint-Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870013442-7

На рубеже 1810—1820-х гг. во внешней политике России наметился переход от поддержки конституционных реформ в европейских странах к стремлению оградить их от мятежей и восстаний. В то же самое время Александр I утрачивает интерес к проекту Государственной уставной грамоты и запрещает в империи деятельность тайных обществ и масонских лож. Ещё в XIX — начале XX в. историки связывали этот консервативный поворот с влиянием австрийского министра иностранных дел, а с 1821 г. — канцлера кн. К. Меттерниха, убедившего российского монарха и его окружение в существовании хорошо законспирированной сети революционных организаций, руководство которой находилось в Париже и желало подорвать политическую и социальную стабильность в Европе¹. Однако могли ли доводы одного, пусть и очень авторитетного, человека вызвать столь радикальную смену курса? Какие сведения получали в Петербурге о европейских событиях, и в частности о положении в Испании, и как их интерпретировали? Следует отметить, что отдельные аспекты и нюансы русско-испанских отношений начала XIX в. изучены достаточно подробно². Но говоря о том, как пиренейские революции и пронунсиаменто воспринимались в России, исследователи освещали преимущественно влияние данного опыта на заговорщиков³, тогда как его воздействие на позиции и взгляды

© 2021 г. М.С. Белоусов, Я.С. Абдуллаев

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда «Антропология политического кризиса: кейс междуцарствия 1825 года», проект № 19-78-00040.

¹ *Соловьёв С.М.* Император Александр I. Политика и дипломатия. СПб., 1877. С. 415—417, 448—456; *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. В 4 т. Т. 4. СПб., 1898. С. 224—225, 254—255, 258—261; *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: опыт исторического исследования. В 2 т. Т. 1. СПб., 1912. С. 238—241, 295—297. Подробнее см.: *Андреева Т.В.* Тайные общества в России в первой трети XIX века. Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 487—513.

² *Додолев М.А.* Россия и Испания 1808—1823 гг.: война и революция в Испании и русско-испанские отношения. М., 1984; *Додолев М.А.* Россия и Испанская революция 1820—1823 гг. // История СССР. 1969. № 1. С. 113—122.

³ *Семевский В.И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 243—245; *Петров Д.К.* Россия и Николай I в стихотворениях Эспронседы и Россетти. СПб., 1909. С. 47—75; *Тарле Е.В.* Военная революция на Западе Европы и декабристы // *Тарле Е.В.* Сочинения в 12 т. Т. 5. М., 1958. С. 7—21; *Нечкина М.В.* Революция наподобие испанской (О тактике Южного общества декабристов) // Каторга и ссылка. 1931. № 10. С. 3—40; *Орлик О.В.* Декабристы и европейское освободительное движение. М., 1975; *Белоусов М.С.* Испанская «подсказка» для декабриста

сановников и дипломатов анализировалось гораздо реже⁴. Как же они формировались и трансформировались в 1812—1823 гг.?

19 марта 1812 г. в Кадисе была провозглашена одна из самых либеральных для своего времени конституций. Она моментально привлекла внимание представителей высшей бюрократии и дипломатов Российской империи. Александр I узнал о её подготовке от Р.А. Кошелёва ещё в сентябре—октябре 1810 г.⁵ А вскоре после начала войны с Бонапартом Россия и Испания подписали 8(20) июля 1812 г. в Великих Луках договор, в котором царь официально признавал законность «генеральных и чрезвычайных кортесов, ныне в Кадисе соединившихся, а равно и конституции, ими учинённой и утверждённой» (ст. 3)⁶. Несмотря на то, что Ф. Сеа Бермудес и Э. Бардахи-и-Асара не переставали заверять своих русских собеседников в «любви испанцев к королю и религии»⁷, в Петербурге многие отнеслись к кадисской конституции и политике кортесов сдержанно, а зачастую и критично прежде всего из-за её фактически «республиканского характера». Поверенный в делах российской миссии в Мадриде барон П.О. Моренгейм ещё в декабре 1811 г. сообщал гр. Н.П. Румянцеву, что власть кортесов, основанная на «догмате суверенитета нации», чрезмерна, аккумулирует все законодательные и судебные полномочия, ограничивая испанского короля сугубо исполнительными функциями⁸. А в депеше занимавшего позднее тот же пост гр. М.Н. Булгари, отправленной статс-секретарю гр. К.В. Нессельроде 24 февраля (7 марта) 1820 г., говорилось о государственном устройстве 1812 г. как о «произведении самой отъявленной демагогии — произведении, созданном по образцу той самой французской конституции 1791 г., из-за которой кровь короля-мученика и его августейшей семьи пролилась на эшафоте, которая повергла всю нацию в ужасы кровавых расправ и ужаснейшей гражданской войны»⁹.

(путешествие С.П. Трубецкого в Париж) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2015. Вып. 4. С. 33—44.

⁴ Нарочницкий А.Л. Испания 1808—1823 гг. глазами российских дипломатов // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 41—53; *Слёзки Л.Ю.* Война Испанской Америки за независимость в оценке русских дипломатов (1810—1816 гг.) // Латинская Америка в прошлом и настоящем. Сборник статей по экономике, истории и культуре стран Латинской Америки. М., 1960. С. 370—394; *Сироткин В.Г.* Борьба в лагере русского консервативного дворянства по вопросам внешней политики после войны 1812 г. и отставка И. Каподистрии в 1822 г. // Проблемы освободительного движения и международных отношений. М., 1975. С. 3—47.

⁵ Являясь доверенным лицом императора, Кошелёв с 1808 г. вёл тайные переговоры с испанским консулом А. Коломби и посланником Регентского совета в Петербурге Ф. Сеа Бермудесом (*Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 2.* СПб., 1912. С. 47—50).

⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел (далее — ВПР). Сер. 1. Т. 6. М., 1962. С. 445—496. Договор подписали канцлер гр. Н.П. Румянцев и Ф. Сеа Бермудес (в декабре 1812 г. он будет назначен генеральным консулом в Санкт-Петербург).

⁷ Нарочницкий А.Л. Испания 1808—1823 гг. ... С. 43.

⁸ *Додолев М.А.* Россия и Испания... С. 41. При этом, отчётливо понимая выгодность союза с Испанией в условиях войны с Наполеоном, тот же барон Моренгейм 25 ноября (7 декабря) 1812 г. писал Сеа Бермудесу, что принятие конституции будет способствовать «процветанию храброго и верного королю испанского народа» (Рукописный отдел Института русской литературы (далее — РО ИРЛИ), ф. 288, оп. 1, д. 186а, л. 228).

⁹ ВПР. Сер. 2. Т. 3(11). М., 1979. С. 305. Схожие оценки давали позднее и исследователи. Так, С.М. Соловьёв отмечал «революционное и хаотичное происхождение» конституции, созданной в 1812 г. «республиканскими учреждениями» (хунты, кортесы) (*Соловьёв С.М. Указ. соч. С. 437*).

4 мая 1814 г. испанский король Фердинанд VII, совсем недавно освобождённый из французского плена, подписал декрет об отмене конституции и роспуске кортесов. Александр I в ответ на такой шаг заявил, что русско-испанский союзный договор 1812 г. сохраняет силу лишь в той мере, в какой с этим согласен король¹⁰. Однако в салоне Ж. де Сталь царь, по словам Н.К. Шильдера, выразил «полное презрение к Фердинанду VII, тотчас по своему возвращению в Испанию уничтожившему конституцию»¹¹. Совершённый королём переворот осудили многие видные российские дипломаты, в том числе Д.П. Татищев, А.Я. Италинский, кн. П.Б. Козловский, графы М.Н. Булгари, Ф.П. Пален, Г.А. Строганов и П.А. Толстой¹². Граф Пален напоминал, что «эксцессы самодержавной власти вызывают эксцессы демагогических принципов»¹³. Служивший посланником в Мадриде с 1814 по 1819 г. Татищев не раз советовал Фердинанду VII смягчить репрессии против либеральных депутатов кортесов¹⁴.

Таким образом, в правящих кругах России не одобряли ни «прореспубликанскую» конституцию 1812 г., ни «реакционный» переворот 1814 г. И Александр I, и один из главных вдохновителей политики «конституционной дипломатии» гр. И.А. Каподистрия¹⁵ считали, что республики и «деспотические» режимы одинаково плохи, а наилучшим средством преодоления недовольства народных масс, ведущего к «господству революционной тирании», служат дарованные сверху «умеренные» конституции¹⁶. Граф Каподистрия, всегда остававшийся монархистом и противником республиканского правления¹⁷, исходил из того, что последствия Французской революции сделали невозможным существование «старорежимных» монархий¹⁸. Но и Кадисскую конституцию 1812 г.

¹⁰ По мнению М.А. Додолева, ссылавшегося на Ф.И. Бруннова, это свидетельствовало об «усилении реакционных тенденций во внутренней и внешней политике царизма» (*Додолев М.А. Россия и война испанского народа за независимость (1808—1814 гг.) // Вопросы истории. 1972. № 11. С. 42*).

¹¹ *Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. СПб., 1897. С. 231.*

¹² Не сочувствовал ему и игравший видную роль в Государственном совете адмирал Н.С. Мордвинов. Характерно, что в его бумагах находилась копия письма А. Кирогри Фердинанду VII с протестом против отмены конституции 1812 г., осуждением несправедливости абсолютистского правления и обоснованием необходимости введения народного представительства (РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 601, л. 1—1 об., 4—4 об.; д. 602, л. 1—2).

¹³ *Додолев М.А. Россия и Испанская революция... С. 114—115.*

¹⁴ *Майский И.М. Испания 1808—1917 гг.: исторический очерк. М., 1957. С. 99—100.*

¹⁵ О роли гр. Каподистрии в формировании политики Александра I см.: *Теплов В.А. Граф Иоанн Каподистрия, президент Греции. СПб., 1893. С. 10; Ари Г.Л. Иоанн Каподистрия в России. 1809—1822. СПб., 2003. С. 8—22; Захаров В.Ю. Российский конституционализм второй половины XVIII — первой четверти XIX в. в контексте развития западной правовой мысли. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. С. 648—676; *Grimstead P.K. Foreign Ministers of Alexander I: Political Attitudes and the Conduct of Russian Diplomacy, 1801—1825. Berkeley, 1969. P. 214; Woodhouse C.M. Capodistria. The Founder of Greek Independence. L., 1973. P. 326—327.**

¹⁶ Так, 15(27) сентября 1820 г. гр. Каподистрия писал герцогу А.Э. Ришелье: «Революция поражена в самое сердце. Она больше не может возродиться во Франции. Именно законам, закреплённым конституционной Хартией, Франция, Европа обязаны этим благодеянием» (Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — Сборник ИРИО). Т. 54. СПб., 1886. С. 552).

¹⁷ *Woodhouse C.M. Op. cit. P. 8—12; Чернов А.В. Общественно-политические взгляды и дипломатическая деятельность И.А. Каподистрии в годы русской службы (1809—1822 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 24—37.*

¹⁸ *Каподистрия И.А. Записка графа Иоанна Каподистрии о его служебной деятельности // Сборник ИРИО. Т. 3. СПб., 1868. С. 250—252.*

в составленном 5(17) октября 1815 г. «Обзоре испанских дел» он характеризовал как документ «республиканской направленности», не соответствующий нравам и традициям народа¹⁹. В сложившихся условиях наилучшим решением ему представлялось введение «либеральных установлений»²⁰, «обновление государственного порядка», и налаживание диалога между властью и обществом в представительных учреждениях. Расширение политических и гражданских прав подданных и закрепление их в октроированных основных законах должно было не столько ограничивать полномочия монархов, сколько способствовать модернизации системы управления, создавать новый, менее одиозный для общественного мнения образ власти. В инструкции русским миссиям за границей в 1817 г. граф настаивал на установлении конституционных порядков в малых государствах для обеспечения баланса сил в Европе²¹.

Схожие идеи развивал 21 июня (3 июля) 1814 г. во всеподданнейшей записке «О правомерности и необходимости восстановления конституций в некоторых германских государствах» сенатор Ю.А. Головкин, назначенный в декабре того же года чрезвычайным посланником и полномочным министром в Вюртемберге²². Граф Пален, описывая ситуацию, царившую в объётой войнами и восстаниями Латинской Америке, утверждал: «Когда народ после векового угнетения открывает, наконец, глаза, трудно закрыть ему их силой»²³. Подавление общественного брожения признавалось способным только усилить социальную напряжённость, чем и объяснялась критика действий Фердинанда VII и его камарильи в 1814—1820 гг. В инструкции, данной русскому послу в Лондоне кн. Х.А. Ливену 15(27) декабря 1815 г., предписывалось, разъясняя британскому правительству позицию России в испанских делах, указывать на то, что игнорирование «последствий революций наших дней» или попытки «возврата к прежним установлениям» приводят к ситуации, когда монархи становятся «невольниками своих народов»²⁴.

Рассуждая о причинах революции в Неаполе, Н.С. Мордвинов связывал подобные происшествия во Франции, Италии и Испании с «пороками древних институтов» и необходимостью «их совершенствования, заключающегося в их изменении» — даровании конституционных учреждений. Угроза монархам, по его мнению, исходила не от отдельно взятых карбонариев, а от «духа» времени, «оживляющего весь мир», «правящего мыслью и повелевающего всем человеческим»²⁵. По мнению адмирала, именно конституция сделала Англию «богатой и могущественной», а «конституционная Франция могла бы победить и подчинить себе все собравшиеся силы Европы»²⁶. Такие представители фрон-

¹⁹ ВПР. Сер. 1. Т. 8. М., 1972. С. 556.

²⁰ Выражение «les institutions libérales» зачастую использовалось как эвфемизм, заменявший понятие «конституция» (Чернов А.В. О политических взглядах И.А. Каподистрии // Вестник РУДН. Сер. История России. 2015. № 2. С. 52).

²¹ Сироткин В.Г. Борьба в лагере консервативного русского дворянства... С. 9—11. К числу единомышленников Каподистрии Сироткин относит Италинского, гр. Ф.П. Палена, Г.Д. Мочениго, А.М. Обрезкова и др.

²² ВПР. Сер. 1. Т. 8. С. 54.

²³ Слёзкин Л.Ю. Война Испанской Америки за независимость... С. 376.

²⁴ ВПР. Сер. 1. Т. 8. С. 144—148.

²⁵ РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 602, л. 1—1 об.

²⁶ Архив графов Мордвиновых. Т. 9. СПб., 1903. С. 23—24.

дирующей молодёжи, как кн. П.А. Вяземский, и вовсе рассматривали дарованные конституции как «возвращение долга должником»²⁷.

1(13) ноября 1815 г. в инструкции своему чрезвычайному посланнику в Мадриде Татищеву Александр I отмечал, что только умеренно либеральные преобразования способны восстановить «прочный порядок и избавить мир от новых революций»²⁸. Между тем в «Обзоре испанских дел», написанном осенью 1815 г., гр. Каподистрия изображал удручающую ситуацию на Пиренеях: финансовая катастрофа, потеря колоний в Латинской Америке, отсутствие «эффективного правительства», растущее недовольство армии, разгул политических репрессий и восстановление инквизиции²⁹. Граф полагал, что дальнейшее игнорирование назревших трудностей грозит испанской монархии «унижением и гибелью» и приведёт «трон и государство» к «полному краху»³⁰.

Мордвинов, выявляя причины расстройств финансов в Испании, писал в 1815 г. о зловещей коррупции чиновников, неравномерном распределении собственности и значительном превышении импорта над экспортом³¹. Коллежский асессор Ю. Валленштейн, причисленный к русской миссии в Мадриде, сообщал 18(30) июля 1815 г. А.И. Чернышёву о том, что король превратился в «орудие в руках фракции», придворной камарильи, страна находится в «совершенном беспорядке», а офицерство возмущено политикой властей³². Да и Татищев ещё в сентябре 1814 г. признавал: «Быстрое и абсолютное возвращение испанского правительства к старым порядкам представляет собой, бесспорно, в дни, когда мы живём, удивительнейший феномен»³³.

Своему посланнику император поручал остужать пыл Фердинанда VII и склонять его к «умеренному и справедливому» курсу. После подавления в октябре 1815 г. галисийского пронунсиамента генерала Х.Д. Порлье Александр I с сожалением отзывался о репрессиях в отношении кортесов и напоминал о невозможности «заставить огромную массу людей отречься от своих убеждений»³⁴. Фердинанд VII, следуя советам царя, в январе 1816 г. издал декрет о ликвидации специальных судебных комиссий. Но Александр I продолжал призывать к проведению реформ и обновлению государственной системы³⁵. В 1818 г. из уважения к нему король амнистировал участников республиканского заговора Х. Ван-Галена³⁶.

Тем временем в апреле 1817 г. в Барселоне было пресечено пронунсиаментом Л. Ласи и Ф. Миланса дель Боск. Описывая это событие, Татищев обращал внимание на то, что народ не поддержал заговорщиков, а смуту в армейские ряды внесли младшие офицеры, деморализовавшие солдат³⁷. В 1819 г. обстановка в стране накалилась ещё сильнее: неудачное восстание Х. Видаля в Ва-

²⁷ Вяземский П.А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963. С. 60—65.

²⁸ ВПР. Сер. 1. Т. 8. С. 593. В то же время 21 марта (2 апреля) 1816 г. царь убеждал главу британского Форин офис лорда Р.С. Каслри в необходимости «считаться с новым мировоззрением народов» ради сохранения спокойствия и благополучия в Европе (ВПР. Сер. 2. Т. 1(9). М., 1974. С. 108—113).

²⁹ ВПР. Сер. 1. Т. 8. С. 552—555.

³⁰ Там же. С. 556—557.

³¹ РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 601, л. 1—1 об.

³² Сборник ИРИО. Т. 121. СПб., 1906. С. 464—466.

³³ Слёзкин Л.Ю. Война Испанской Америки за независимость... С. 387.

³⁴ Додолев М.А. Россия и Испания... С. 114.

³⁵ ВПР. Сер. 1. Т. 8. С. 593; ВПР. Сер. 2. Т. 1(9). С. 692—693.

³⁶ ОР РНБ, ф. 762, д. 52, л. 3—4 об.

³⁷ Додолев М.А. Россия и Испания... С. 123.

ленсии в январе сменилось в июле мятежом в Кадисе во главе с А. Кирогой. Русский посол в Париже гр. К.О. Поццо ди Борго констатировал тогда, что «без боли говорить о делах Испании невозможно»³⁸. Татищев видел, что угроза трону исходит от либерального офицерства, раздосадованного очередной сменой кабинета и состоянием экспедиционных войск³⁹. Сам же посланник, предположительно опираясь на идеи французской Хартии 1814 г., с 1816 по 1818 г. по инициативе императора составлял проект, превращавший Испанию в наследственную конституционную монархию с двухпалатным парламентом, разделением властей и широкими прерогативами короля, гарантирующего подданным основные гражданские права⁴⁰. Характерно, что ещё в 1817 г. Каподистрия впервые заговорил с Сеа Бермудесом о возможности конституционных опытов в заокеанских колониях Испании. Однако посол нашёл эту идею «диссонирующей в размышлениях о умиротворении Америк» и «неуместной»⁴¹.

Так или иначе, восстание Р. Риго в январе 1820 г. не стало сюрпризом для Петербурга. Граф Каподистрия писал своему секретарю А.С. Стурдзе 6(18) апреля 1820 г., что до «совещания государей в Аахене» в 1818 г. у Четверного союза был шанс повлиять на короля, но «тогда этого не пожелали, а теперь уже невозможно»⁴². Стурдза и сам с возмущением отзывался о «преступлении», совершённом в марте 1820 г., когда инсургенты силой заставили Фердинанда VII восстановить действие «чудовищных» статей конституции 1812 г.⁴³ Князь П.А. Вяземский 7(19) марта 1820 г. уверял А.Я. Булгакова, что разразившаяся в Испании революция никого не удивила, поскольку действия короля не оставляли подданным выбора: «Болвана народ, твёрдостью и великодушными жертвованиями, встал на престол, а он вместо спасибо жарит его»⁴⁴.

При этом интерес Петербурга к положению на Пиренеях только возростал. 6(18) апреля 1820 г. гр. Каподистрия сообщал Стурдзе, что «государственные бумаги», поступавшие из Мадрида, были полны «важных новостей»⁴⁵. Нессельроде по повелению Александра I отправил в Испанию особого «агента» — Д.П. Северина, предупредив его 12(24) мая, что император может положиться лишь на надёжные сведения, поступающие от доверенных лиц, находящихся на месте событий⁴⁶. Конечно, в Петербурге внимательно следили и за публикациями, появлявшимися во французских газетах и журналах, фактически «колонизовавших» российское информационное поле в начале XIX в., однако

³⁸ Сборник ИРИО. Т. 127. СПб., 1908. С. 148—151.

³⁹ ВПР. Сер. 2. Т. 3(11). С. 81.

⁴⁰ Об этом свидетельствуют как инструкции, полученные им 1(13) ноября 1815 г. (ВПР. Сер. 1. Т. 8. С. 590—593), так и его письмо гр. Каподистрии 26 мая (7 июня) 1818 г. (ВПР. Сер. 2. Т. 2(10). М., 1976. С. 385—386). Подробнее см.: *Суслова Н.А.* Проект испанской конституции русского дипломата Д.П. Татищева // Новая и новейшая история. 2000. № 5. С. 224—229; *Суслова Н.А.* Испания и Европа в 1814—1820 годах: политика и дипломатия. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 126—144.

⁴¹ Испанский посол скрупулёзно передавал в Мадрид меморандумы российского МИД и подробности официальных встреч: Archivo General de Indias. Estado. Leg. 88, no. 89. Carta no. 257 del Embajador en Rusia, Francisco de Ceá Bermúdez a José Pizarro (1817/12/28). Fol. 2.

⁴² РО ИРЛИ, ф. 288, оп. 1, д. 186а, л. 165—166.

⁴³ Там же, л. 209 об.

⁴⁴ Русский архив. 1879. Вып. 4. С. 519.

⁴⁵ РО ИРЛИ, ф. 288, оп. 1, д. 186а, л. 165.

⁴⁶ Там же, л. 216—217 об.

в правящих кругах гораздо большее значение придавали данным, доходившим по официальным каналам⁴⁷.

Именно в них, а отнюдь не в парижской печати, события 1820—1823 г. часто связывались с деятельностью хорошо законспирированных организаций с широкими международными связями⁴⁸. После отъезда Татищева во главе русской миссии в Мадриде фактически оказался единомышленник Каподистрии гр. Булгари (с февраля 1819 по 1824 г. он исполнял обязанности поверенного в делах)⁴⁹, являвшийся, по слухам, участником тайного общества «Филики Этерия». Уже 15(27) января 1820 г. он информировал Нессельроде о том, что взбунтовавшимися войсками руководят члены тайных обществ. Как указывалось в донесении, располагая «многочисленными агентами в городах», они «постоянно доказывают властям страны, что партия бунтовщиков слишком сильна, чтобы бояться правительства»⁵⁰. Подобные наблюдения не мешали гр. Булгари советовать королю даровать конституцию. Однако, получив за это в марте 1820 г. строжайший выговор из Петербурга, он стал вести себя более сдержанно, а в своих депешах ограничивался преимущественно описанием ужасов революции⁵¹. В приложениях к его донесениям, в частности за май 1822 г., содержались сводки происшествий в Каталонии, Галисии, Бискайе и Наварре, основанные на официальных публикациях и сообщениях тайных агентов⁵². В них постоянно упоминалось о различных «клубах», «патриотических» и «тайных» обществах, существующих во всех районах Испании. Их деятельность будто бы координировалась из Мадрида, куда поступали указания из руководящего центра, находившегося в Париже⁵³.

Даже гр. Каподистрия, ссылаясь на «неопровержимые доказательства», писал 22 августа (3 сентября) 1820 г. герцогу Ришелье о том, что ответственность за мятежи в Испании лежала на «парижских клубах», а в Неаполе — на «мадридских клубах». По его убеждению, люди, прошедшие школу «народного деспотизма» во время Французской революции и закалённые «деспотизмом Бонапарта», с «ужасающей настойчивостью» добивались разрушения порядка, с трудом восстановленного в Европе в 1815 г. Тайные общества и революции казались ему «болезнью века»⁵⁴.

Но и гр. Поццо ди Борго в марте 1820 г. полагал, что именно французские революционеры разбудили Пиренеи, откуда «зараза» пойдёт дальше, поскольку Испания дала «роковой пример» Франции⁵⁵. Соглашаясь с этим, гр. Нессельроде весной 1820 г. также признавал Францию «колыбелью» всех европейских

⁴⁷ О влиянии рутинной работы с официальными документами на воззрения и знания российских дипломатов см.: *Randall M. T.* Russia, the Concert of Europe and the Near East, 1821—1841: A Status Quo State in the Vienna System. Ph.D. Diss. N.Y., 2000. P. 81.

⁴⁸ Подробнее о широко распространённой в первой четверти XIX в. мифологеме всемирного заговора см.: *Андреева Т. В.* Тайные общества в России... С. 487—514.

⁴⁹ РО ИРЛИ, ф. 288, оп. 1, д. 186а, л. 164 об.

⁵⁰ ВПР. Сер. 2. Т. 3(11). С. 233.

⁵¹ *Нарочницкий А. Л.* Испания 1808—1823 гг. ... С. 49—50.

⁵² ОР РНБ, ф. 762, д. 71, л. 8 об.—36. В них также приводились экстракты речей Р. Риго и других известных депутатов кортесов.

⁵³ Там же, д. 72, л. 2—22 об.

⁵⁴ Сборник ИРИО. Т. 54. С. 547—550. Это опровергает высказанное исследователем предположение, будто бы граф не верил в миф о заговоре: *Чернов А. В.* О политических взглядах И. А. Каподистрии. С. 49.

⁵⁵ Сборник ИРИО. Т. 127. С. 148—151.

революций⁵⁶. Вместе с тем русские дипломаты учитывали, что в Пруссии имела своя тайная организация, Великобритания из корыстных соображений подрывала стабильность в той же Испании и Италии⁵⁷. Всё это сливалось в единое «движение». Как говорилось в памятной записке российского МИД, составленной 19 ноября (1 декабря) 1820 г. после конгресса в Троппау и обличавшей тайные общества революционеров, «люди, чьё сознание было отравлено заблуждениями и бедствиями нашего времени... прилагали все старания, чтобы принизить величие тронов и толкнуть народы на преступление и бунт»⁵⁸.

Весьма примечательно, что кн. П.М. Волконский 30 января (11 февраля) 1821 г. жаловался А.А. Закревскому: «В Испании дела также идут ужасно плохо... Секретные общества иллюминатов ужасно увеличиваются и распространяются повсюду, им ничего нет невозможного и ничего у них нет святого, только и мыслят уничтожение всех властей и произведения общих беспокойств. Число их так велико, что и у нас очень много, и даже в войске и в разных должностях, почему и нужно обращать всевозможное внимание к открытию таковых извергов для удаления их». 6(18) февраля князь передал в письме ходившие в Петербурге «слухи» и «толки» о якобы произошедшем в Митаве мятеже Елецкого полка, который там никогда не стоял, и о репрессиях в отношении Лейб-гвардии Семёновского полка⁵⁹.

Судя по письмам к гр. А.А. Аракчееву, Александр I верил в причастность международного тайного общества и «пробуждённых карбонари» к «Семёновской истории», в которой, как считал А.В. Предтеченский, «царь был склонен видеть отклик испанских событий»⁶⁰. Со своей стороны, Аракчеев, вел. кн. Константин Павлович, Закревский, кн. И.В. Васильчиков и А.П. Ермолов не исключали причастности к случившемуся злоумышленников⁶¹. «Революционное распадение Испании, умерщвление герцога Беррийского и другие подобные события, — вспоминал позднее гр. Каподистрия, — побудили императора видеть и подозревать везде деятельность какого-то распорядительного комитета, который, как полагали, распространял из Парижа свою деятельность по всей Европе, с целью низвергнуть существующие правительства и ввести свойственные революции формы и деспотизм»⁶².

Между тем в высказываниях Александра I «революционные либералы, радикалы и международные карбонарии» соединялись в один «общий заговор» и действовали «солидарно», о чём у монарха будто бы имелись «все документы налицо». Казалось, что «общества и секты», основанные на идеях Вольтера и олицетворявшие само «зло», «гений сатаны», низвергали одно за другим правительства в Испании, Португалии и Неаполе, вызвали греческое восстание⁶³.

⁵⁶ ВПР. Сер. 2. Т. 3(11). С. 353.

⁵⁷ Там же. Т. 4(12). М., 1980. С. 103—104.

⁵⁸ Там же. Т. 3(11). С. 624.

⁵⁹ Сборник ИРИО. Т. 73. СПб., 1890. С. 42—43, 45—46

⁶⁰ *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой половине XIX в. М., 1957. С. 336. См. также: *Карцов П.П.* Событие в лейб-гвардии Семёновском полку в 1820 г. // Русская старина. Т. 18. 1883. Вып. 4. С. 75; *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. Т. 1. М., 1947. С. 177; *Андреева Т.В.* Александр I и внутренняя безопасность Российской империи: правительство, тайные общества и дворянство // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1. С. 78.

⁶¹ *Николай Михайлович, вел. кн.* Указ. соч. Т. 2. С. 678; *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. 4. С. 186; РГИА, ф. 660, оп. 1, д. 112, л. 25.

⁶² *Каподистрия И.* Указ. соч. С. 250—252.

⁶³ *Николай Михайлович, вел. кн.* Указ. соч. Т. 1. С. 247, 296.

Наконец, они прямо угрожали жизни монархов. Как писал Александр I 15(27) февраля 1821 г. кн. А.Н. Голицыну, король Обеих Сицилий Фердинанд I после начала революции в Неаполе принимал все решения со «стилетом, представленным к его горлу»⁶⁴. Из Мадрида по каналам МИД также сообщали, что Фердинанд VII «опасается за собственную безопасность»⁶⁵. Князь Голицын, отвечая царю 10(22) марта, ужасался при мысли о том, что «правление сатаны» установилось теперь и в Пьемонте, который «был революционизирован по образцу Испании, Португалии и Неаполя» руководящим из Парижа комитетом. Ему же, «врагу Завета и религии нашего Спасителя», приписывалось выступление А. Ипсиланти в Валахии, которое должно было отвлечь внимание великих держав от «синагоги сатаны» в Пьемонте⁶⁶.

Приходилось признать, что для борьбы с подобным врагом «недостаточно одной дипломатии» и «необходима сила». Впрочем, ещё 24 февраля (7 марта) 1820 г. гр. Булгари, излагая гр. Нессельроде свою программу успешной контрреволюции, утверждал, что Фердинанду VII нужно прежде всего уничтожить смутьянов с помощью «шпаги и виселицы», а затем провести реформы и расширить права своих подданных как в метрополии, так и в колониях⁶⁷.

Наблюдая за ходом Испанской революции, русские сановники и дипломаты не раз отмечали, что перевороты 1820—1821 гг. носили «военный», или «солдатский», характер и совершались небольшими группами молодых офицеров (чаще всего — членами тайных обществ), толкавшими ничего не подозревавших солдат на восстание под демагогическими лозунгами без всякой поддержки со стороны широких масс⁶⁸. Так, гр. Н.П. Пален писал в феврале 1820 г. про восстание Риего в окрестностях Кадиса и движение мятежных частей к Мадриду: «Я полагаю, что испанский народ ничего не совершит, но полное бездействие народа делает армию ещё более грозной»⁶⁹. Уже после того, как в марте Фердинанд VII вынужден был подписать манифест о созыве кортесов и присягнуть на верность конституции 1812 г., гр. С.Р. Воронцов констатировал, что происходящее в Испании «заставляет дрожать государей и народы», поскольку «солдатня присваивает себе все права, созданные конституциями»⁷⁰. Именно мятежную армию во главе с военачальниками, связанными с тайными обществами, гр. Поццо ди Борго считал тогда основным орудием революций⁷¹. Служивший при посольстве полковник Шлуссович 1(13) мая 1820 г. докладывал Татищеву, что «обыватели не имеют представления и не участвуют в происходящей смуте», а конституция провозглашается «военными частями, первую роль среди которых играет Артиллерийский корпус»⁷².

⁶⁴ Там же. С. 544.

⁶⁵ ОР РНБ, ф. 762, д. 67, л. 7 об.—8.

⁶⁶ *Николай Михайлович, вел. кн.* Указ. соч. Т. 1. С. 557—559.

⁶⁷ ВПР. Сер. 2. Т. 3(11). С. 304—311.

⁶⁸ То, что мятежи не встречали поддержки у простых обывателей, отмечал, в частности, гр. Нессельроде, писавший об этом гр. Булгари 30 апреля (12 мая) 1821 г. (ВПР. Сер. 2. Т. 4(12). С. 141).

⁶⁹ *Додолев М.А.* Россия и Испанская революция... С. 116.

⁷⁰ Там же. С. 118.

⁷¹ Сборник ИРИО. Т. 127. С. 148—149.

⁷² ОР РНБ, ф. 762, д. 151, л. 3. При этом полковник утверждал, что «весь полуостров объят открытым восстанием против короля», «государственные заключённые гуляют на свободе с чувством триумфа», а чиновники и гарнизоны «заодно с кортесами», находящимися в руках тайных обществ (Там же).

В переписке с герцогом Ришелье гр. Каподистрия 22 августа (3 сентября) 1820 г. заявлял, что, отказавшись от проведения умеренных реформ, большинство европейских монархий окажутся во власти революционеров и солдат⁷³. Князь Волконский в начале 1821 г. определял степень радикальности революции в Пьемонте по тому, как вели себя гарнизоны ключевых городов и крепостей⁷⁴. В донесениях русских дипломатов 1820—1822 гг. из Испании, Неаполя и Пьемонта постоянно упоминались «военная революция», «разбой», «солдатский разбой», «сговор офицеров»⁷⁵.

Всё это не могло не отразиться на отношении к конституционным формам и учреждениям, в том числе и октроированным. Если раньше их воспринимали как средство упорядочивания и гармонизации отношений монархов и подданных, залог прогресса и благополучия, верный способ предотвращения революций, то теперь, напротив, они превращались в инструмент, которым заговорщики пользовались в своих разрушительных целях, а конституция становилась знаменем революционеров и символом беззакония, беспорядка и хаоса. Уже в 1820 г. Александра I перестали устраивать «умеренные варианты» конституций, а 20 августа (1 сентября) 1823 г. гр. Поццо ди Борго получил от царя через гр. Нессельроде указание убедить французское правительство не навязывать Испании Хартию 1814 г. после успешной интервенции⁷⁶.

К этому присоединялось и беспокойство за судьбу России, которой грозило втягивание в вооружённую борьбу, способную охватить всю Европу. «Если мы ответим туркам войной, то парижский главный комитет восторжествует, — полагал гр. Каподистрия в 1821 г., — и ни одно правительство не останется на ногах. Я не намерен давать простор врагам порядка»⁷⁷. Об опасности участия России в интервенции упоминал Стурдза⁷⁸, подобная перспектива постоянно обсуждалась в окружении кн. Волконского⁷⁹. А кн. Вяземский 31 декабря 1820 г. (12 января 1821 г.) иронизировал в письме к А.Я. Булгакову: «Что может быть смешнее этих хлопотунов, которые, как угорелые, бегают по чужим домам тшат свечи, а свои кидают на жертву пламени»⁸⁰.

Неудивительно, что в Петербурге приветствовали вмешательство Франции в испанские дела. Ещё в апреле 1820 г. Стурдза рассчитывал вывести Испанию из состояния «долгой революции и анархии» при участии французов, имеющих «права и средства», позволяющие влиять на политику депутатов кортесов. Но о вооружённом решении проблемы тогда речи не шло. В переписке гр. Каподистрии и герцога Ришелье говорилось лишь про «конституционную интервенцию» как «великую услугу миру»⁸¹. Но уже 11(23) января 1823 г. гр. Нессельроде делился с гр. Поццо ди Борго своей надеждой на то, что «Франция, которая на Веронском конгрессе была первой, кто обратил внимание Европы на опасность, грозящую ей со стороны испанской революции, не даст уцелеть этому преступному порождению насилия». Статс-секретарь российского

⁷³ Сборник ИРИО. Т. 54. С. 550.

⁷⁴ Там же. Т. 73. С. 43.

⁷⁵ РО ИРЛИ, ф. 288, оп. 2, д. 10, л. 10, 29 об., 36, 64, 92—93 об.; ОР РНБ, ф. 762, д. 71, л. 8 об.—14; д. 109, л. 1—2 об.; ВПР. Сер. 2. Т. 3(11). С. 233—234, 472—475.

⁷⁶ ВПР. Сер. 2. Т. 5(13). С. 206.

⁷⁷ Каподистрия И. Указ. соч. С. 269.

⁷⁸ РО ИРЛИ, ф. 288, оп. 1, д. 84, л. 20 об.—21.

⁷⁹ РГИА, ф. 660, оп. 1, д. 103, л. 17—52 об.; д. 107, л. 98—104; д. 112, л. 21 об.—27.

⁸⁰ Русский архив. 1879. Вып. 4. С. 520.

⁸¹ Сборник ИРИО. Т. 54. С. 597; РО ИРЛИ, ф. 288, оп. 1, д. 186а, л. 231—232 об.

императора был уверен «в том, что она, по её собственному выражению, не допустит, чтобы опасные искры могли упасть на почву, уже, возможно, готовую воспылать»⁸². Характерно, что в последней фразе звучал намёк на способность тайных обществ разжечь революцию и в других странах.

16(28) января 1823 г. Людовик XVIII под влиянием ультрароялистов и в первую очередь Ф.Р. де Шатобриана объявил о начале вооружённой интервенции. В апреле французский экспедиционный корпус под командованием герцога Ангулемского перешёл границу. Незадолго до этого, 15(27) марта, гр. Нессельроде предсказывал гр. Поццо ди Борго, что французы не встретят в Испании упорного сопротивления, поскольку их оружие направлено против «заговорщиков, которые навлекли на полуостров все его нынешние бедствия», а сам по себе поход не способен «встревожить испанцев как нацию»⁸³. 4(16) июня Александр I писал гр. Поццо ди Борго: «Французская армия подала ныне руку помощи испанскому народу и должна освободить короля, которого держит взаперти незначительная группа его взбунтовавшихся подданных»⁸⁴. К октябрю абсолютистский режим Фердинанда VII был восстановлен. Когда Риего, взятого французами в плен, везли в Мадрид, толпа кричала: «Смерть Риего! Убейте его! Все они — евреи, якобинцы, еретики, масоны!»⁸⁵.

В Петербурге с озабоченностью наблюдали за тем, как после победы контрреволюции в Испании вновь раскручивался маховик репрессий. Так, 11(23) октября 1823 г. гр. Поццо ди Борго сетовал в письме к гр. Нессельроде: «Испанский король, едва обретя свободу, поспешил издать декреты, по меньшей мере опрометчивые; все сходятся во мнении, что если не будут приняты более разумные меры, то несчастную страну постигнут новые бедствия»⁸⁶. 22 ноября (4 декабря) 1823 г. Александр I увещевал Фердинанда VII: «Если в Испании утвердятся анархия, если меры, принятые для исправления положения, не успокоят там брожение, которое всегда оставляют после себя революции, если целым сословиям, а не истинным виновникам придётся нести наказание за преступление, позор которого испанский народ смыл с себя столь достойным образом, это будет означать, что мы ничего не сделали ни для В[ашего] в[еличест]ва, ни для себя самих»⁸⁷.

Как бы то ни было, в начале 1820-х гг. в правящих кругах Российской империи и среди её дипломатов складывается представление о революции, возникающей в результате международного заговора, использующего тайные общества и вовлечённых в них офицеров при пассивном ожидании большинства солдат и народных масс. При этом целью конспираторов и инсургентов являлось свержение абсолютистского режима, провозглашение конституции и проведение либеральных реформ, ради которых допускалось и царевубийство. Рефлексия над вереницей революций, восстаний и покушений во многом предопределила восприятие Николаем I и его окружением событий 14 декабря 1825 г., в которых сразу же увидели черты испанских и итальянских пронуциаменто. Характерно, что 19 декабря в императорском манифесте, написанном Д.Н. Блудовым — бывшим сотрудником гр. Каподистрии, указы-

⁸² ВПР. Сер. 2. Т. 5(13). М., 1982. С. 26.

⁸³ Там же. С. 72—73.

⁸⁴ Там же. С. 134.

⁸⁵ *Stites R. The Four Horsemen: Riding to Liberty in Post-Napoleonic Europe.* Oxford, 2014. P. 110.

⁸⁶ ВПР. Сер. 2. Т. 5(13). С. 243.

⁸⁷ Там же. С. 259.

валось, что гвардейский мятеж во время принесения присяги произошёл по подобию «преступлений, кои совершены были в Кадисе, Неаполе и Турине»⁸⁸. 15(27) декабря, беседа с испанским послом Х.М. Паес де ла Кадена, гр. Нессельроде признал, что «здесь, как и во всех других местах, множество лиц при дворе, заражённых революционной лихорадкой»⁸⁹. А 19(31) декабря Паес де ла Кадена напишет в Мадрид о недавнем восстании: «Вне всякого сомнения, что этот проект имел ответвления за границей и в него вложено много денег, чтобы соблазнить обманом и именем Константина солдат»⁹⁰. В январе у него не осталось сомнения в том, что петербургские события — это «гибельные отголоски революции, которая пробежала и опустошила оба Света», очередная попытка изменить порядок «после неудачи в нашей Испании, Португалии, Неаполе и Пьемонте»⁹¹.

⁸⁸ Андреева Т.В. Тайные общества в России... С. 476—477.

⁸⁹ Archivo Histórico Nacional. Estado. Leg. 5919. Despacho no. 153. Fol. 12.

⁹⁰ Ibid. Despacho no. 155. Fol. 9.

⁹¹ Ibid. Despacho no. 171. Fol. 7. Подробнее см.: Белоусов М.С. Депеши испанского посла как источник по истории политической культуры междуцарствия // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 2. С. 357—374.

Самооборона русских переселенцев в период Среднеазиатского восстания 1916 года

Денис Кирильчик

Self-defense of Russian settlers during the Central Asian uprising of 1916

Denis Kirilchik

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870013444-9

Как в советское время, так и позднее в историографии слабо и фрагментарно освещалось участие крестьян в борьбе с восставшими туземцами Туркестана в 1916 г. Основное внимание при описании его подавления уделялось регулярным войскам, направляемым в мятежный край, и уже находившимся там карательным отрядам из казаков и ратников государственного ополчения. Лишь несколько авторов бегло упоминали о действиях переселенцев, которые обычно оценивались как реакционные и агрессивные по отношению к коренному населению и пленным повстанцам¹. Иногда их обвиняли в провокациях и сознательном угнетении местных жителей². В выходящих сборниках документов всячески выпячивалась свирепость русских, но практически полностью игнорировалась жестокость восставших³. В ещё большей степени это характерно для национальной историографии стран Средней Азии конца XX — начала XXI в. Так, современный киргизский историк Т.М. Рыскулов видит в событиях 1916 г. геноцид. При этом он признаёт случаи осады русских сёл и убийства переселенцев, но полагает, что эти эпизоды не следует преувеличивать. Зато немногочисленные русские перебежчики представлены им как защитники угнетённых⁴. Конечно, в ходе восстания и после его подавления обе стороны действовали достаточно жёстко. Однако формы и возможности крестьянской самообороны в этих условиях давно уже заслуживают специального рассмотрения.

Положение русских переселенцев в Туркестане было весьма небезопасным. И если хозяйство в непривычном климате постепенно налаживалось благодаря централизованным усилиям ирригаторов, агрономов и инженеров и традици-

© 2021 г. Д.В. Кирильчик

¹ Бройдо Г.И. Материалы к истории восстания киргиз в 1916 году // Новый Восток (Москва). 1924. Кн. 6. С. 407—434; Фёдоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925; Галузо П.Г. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии. Ташкент, 1926; Рыскулов Т.[Р.] Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 году. Кызыл-Орда, 1927.

² Турсунов Х.Т. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962.

³ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов / Отв. ред. А.В. Пяковский. М., 1960.

⁴ Рыскулов Т.М. Национально-освободительное восстание 1916 года: опыт нового исторического осмысления прошлого // Национально-освободительное восстание 1916 года в Кыргызстане и Центральной Азии. Сборник статей международной научно-практической конференции, посвящённой «100-летию Национально-освободительного восстания 1916 года: историческая память и современное значение» (Бишкекский гуманитарный университет им. К. Карасаева, 18—19 апреля 2016 г.). Бишкек, 2017. С. 24, 32.

онному умению крестьян приспособляться к среде обитания, то отношения с многочисленным иноязычным и иноверным окружением оставляли желать лучшего. Сарты, киргизы, туркмены и другие среднеазиатские народы болезненно, а подчас и враждебно воспринимали колонизационный поток из России. Талантливый востоковед генерал-лейтенант Н.С. Лыкошин, занимавший в 1914—1917 гг. пост самаркандского военного губернатора, называл 17 причин провала политики России в Туркестане⁵. Однако едва ли не важнейшей из них являлось отчуждение земли в пользу колонистов, которым предоставлялись в крае лучшие места, до того не всегда использовавшиеся прагматично. Религиозный фактор лишь усугублял ситуацию. Поэтому с самого начала не вызывало сомнения то, что переселенцы нуждаются в защите.

Традиционно при освоении новых земель в Новороссии, в Сибири, на Кавказе, на Дальнем Востоке возникавшие поселения устраивались и защищались казачеством. Не стал исключением и Туркестан. В 1867 г. в Семиречье из 9-го и 10-го сибирских казачьих полков сформировали Семиреченское казачье войско, однако по мере усиления потока колонистов всё острее ощущалась необходимость их вооружения, а также укрепления сёл на случай внезапного нападения. Характерно, что ещё в 1867 г. в записке поручика Маева рекомендовалось строить посёлки на плодородных землях вблизи рек, создавая их в единую поселенческую сеть, а на Сыр-Дарье размещать отставных солдат. Ожидалось, что эти заставы «могли бы принести большую пользу в случае, если в Туркестанской области возникли какие-либо беспорядки»⁶.

Генерал-лейтенант Н.И. Гродеков, служивший в 1883—1892 гг. сырдарьинским военным губернатором, утверждал, что «каждый новый русский посёлок в Туркестане равносителен батальону русских войск». В отчёте за 1889 г. он констатировал, что в Туркестане русскому человеку необходимо владеть стрелковым оружием, а укрепление и вооружение посёлков позволит сократить численность войск, постоянно дислоцированных в крае, без ущерба для безопасности его жителей. Впрочем, осуществление данного замысла началось лишь с 1892 г. и шло очень медленно. По действовавшему законодательству винтовки и патроны предоставлялись прежде всего поселенцам из числа отставных и состоящих в запасе нижних чинов. Оружие продавать запрещалось, а условия пользования им оговаривались в особой расписке. Следить за соблюдением правил и обучать стрельбе должны были специальные надсмотрщики, прошедшие военную службу и подчинявшиеся уездному начальнику и участковому приставу⁷.

К 1901 г. у русских переселенцев находилось в общей сложности 18 739 винтовок разного типа⁸. Успешно подавленное войсками в 1898 г. Андижанское восстание и события в Маньчжурии в 1900—1902 гг. несколько ускорили вооружение крестьян. Однако на протяжении последующего десятилетия выданное им оружие практически не использовалось, и в 1909—1910 гг. часть его за ненадобностью конфисковали и передали на склады. В 1915 г. в условиях «винтовочного голода» последовало решение изъять у поселенцев 7 500 винтовок и

⁵ Доклад самаркандского военного губернатора Лыкошина. Декабрь 1916 г. Описание беспорядков, вызванных набором рабочих в Самаркандской области // Восстание 1916 года в Средней Азии. Сборник документов. Ташкент, 1932. С. 26—28.

⁶ *Галузо П.Г.* Вооружение русских переселенцев... С. 8.

⁷ Там же. С. 5, 10, 16—17.

⁸ Там же. С. 25.

передать их на фронт⁹. Тем самым местная администрация не только не провоцировала восстание, в чём её обвиняли советские историки, но и существенно сокращала имевшиеся в её распоряжении средства для противодействия мятежникам, к столкновению с которыми население оказалось не готово.

В результате в 1916 г. оружия, остававшегося у переселенцев, не хватало даже для слабой самообороны. При этом сильные и здоровые мужчины, потенциальные защитники своих сёл, отправлялись на фронт, а численность местных гарнизонов и караулов была незначительна. К примеру, всю Семиреченскую обл. (наиболее пострадавший от бунта район Туркестана) в июле 1916 г. защищали три дружины государственного ополчения, размещавшиеся в городах Верном, Джаркенте и Копале (по штату военного времени каждая из них могла насчитывать около тысячи человек, но они, как правило, комплектовались людьми, не подходившими по здоровью для строевой службы, и никогда не достигали полного состава¹⁰), 3-й Семиреченский казачий полк и несколько караульных команд¹¹. Полицейские силы, скудно финансировавшиеся исключительно из местных источников, пребывали в плачевном состоянии¹². Регулярных частей в Семиречье, по свидетельству русских чиновников, в разгар мятежа, в августе 1916 г., явно недоставало¹³. А.Н. Куропаткин, 22 июля назначенный туркестанским генерал-губернатором, жаловался на «войска, мало сплочённые, недостаточно дисциплинированные»¹⁴. Они остро нуждались в организации, кадровых командирах и перевозочных средствах. Причём все эти проблемы ощущались даже в октябре, когда основные центры повстанцев удалось уничтожить. Огромные расстояния и тяжёлые климатические условия затрудняли проведение карательных экспедиций¹⁵. В такой обстановке, особенно поначалу, крестьяне-переселенцы могли рассчитывать только на себя.

Правда, и мятежники были вооружены плохо: в основном холодным оружием, зачастую косами, переделанными в пики. Лишь некоторые отряды располагали своей артиллерией или берданками, захваченными на складах и отнятыми у транспортных конвоев¹⁶. Однако определяющим являлось их большое численное превосходство.

Первые неожиданные нападения принесли поселенцам большой урон — в разорённом Исык-Кульском монастыре погибли монахи и послушники, в Семиречье были сожжены и разграблены сёла Белоцарское, Столыпино, Семёновка, Григорьевка и др. Пострадали поселения в Сыр-Дарьинской и Ферганской областях. Не имея возможности быстро изменить ситуацию, начальство Лепсинского и Джаркентского уездов в конце июля 1916 г. начало выдавать крестьянам винтовки со складов¹⁷. В начале августа семиреченский военный губернатор М.А. Фольбаум (уже подавлявший в 1905 г. восстание в Севастополе) призвал на службу льготные сотни семиреченских казаков и стал пополнять имевшиеся у него отряды «добровольцами из горожан» и солдатами,

⁹ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 40, л. 258 об.

¹⁰ Рыскулов Т./Р./ Указ. соч. С. 41—42.

¹¹ РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2464, л. 74 об.

¹² Там же, ф. 400, оп. 1, д. 3959, л. 161.

¹³ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии. Сборник документов и материалов / Сост. Т.В. Котюкова. М., 2016. С. 217.

¹⁴ РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 1968, л. 67.

¹⁵ РГИА, ф. 1292, оп. 1, д. 1933, л. 314—314 об.

¹⁶ Восстание 1916 года в Туркестане... С. 214, 216, 224.

¹⁷ Галузо П.Г. Восстание 1916 года в Средней Азии. Ташкент, 1932. С. 88.

находившимися в отпусках. При этом они вооружались не только винтовками с артиллерийского склада, но и ружьями, реквизируемыми из оружейных магазинов и у частных лиц¹⁸. В Пржевальске сформировали милицию из запасников и добровольцев¹⁹.

Полковник А.И. Алексеев, исправлявший должность семиреченского военного губернатора после скоропостижно скончавшегося 22 октября Фольбаума, сообщал Куропаткину, что «всё способное носить оружие русское население было организовано... а в деревнях крестьяне, вооружённые имевшимся огнестрельным и холодным оружием, считая в том числе и топоры, были сведены в десятки, в которые были выбраны самим населением»²⁰. Более того, «часть дружин была посажена на лошадей». Своевременная подача сигналов о приближающихся отрядах мятежников обеспечивалась ближней и дальней круглосуточной охраной, на случай долговременной обороны создавались запасы продовольствия и воды. Помимо русских крестьян, в ополчение изредка привлекались и дунганские переселенцы²¹.

Военная помощь обычно приходила уже после нападения. Узнав о нём от прорвавшихся в город крестьян или от разведки, войска рассеивали повстанцев. 17 июля в Туркестане объявили военное положение, в край двинулись войска с артиллерией и пулемётами. До тех пор большинство сёл отбивались своими силами при поддержке небольших отрядов государственного ополчения и казаков, направлявшихся военным командованием края. В ряде случаев крестьянское ополчение, кое-как обеспеченное огнестрельным и самодельным холодным оружием, использовалось и для обороны городов²².

Не надеясь на помощь армии, жители Верного окопались, поставили баррикады, протянули проволоку, разобрали мосты и вооружились найденными на складах винтовками и револьверами. В сёлах, где такие арсеналы отсутствовали, действовать было сложнее. Тем не менее круговая оборона позволяла довольно долго удерживать неприятеля даже в условиях окружения. Так, в Новороссийском крестьяне укрылись в одном из домов, превратив его в маленькую крепость, перегородили улицы бричками и телегами, завалили места возможных подходов боронами и плугами²³. На протяжении 12 дней они отбивали атаки киргизов, пока осаду не сняли прибывшие казаки. За это время нападавшие понесли большие потери: очевидцы отмечали, что улицы были «завалены трупами киргизов»²⁴. В селе Пригородном (100 вёрст от Верного) крестьяне под руководством священника Смоковского укрепили молитвенный дом²⁵. В станице Самсоновской центром обороны стало здание школы на церковной площади. Имея всего 8—10 ружей, станичники продержались 11 суток²⁶. Покровское и Валериановка отбились с ещё меньшими силами. В Сазановке устроили валы, в стенах домов пробили бойницы, все крестьяне от

¹⁸ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 333, 375. См. также: Рыскулов Т./Р./ Указ. соч. С. 41.

¹⁹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 417.

²⁰ Там же. С. 375.

²¹ Там же. С. 347.

²² Там же. С. 346.

²³ Восстание 1916 года в Туркестане... С. 315.

²⁴ Туркестан. 1916. 3 октября. № 74.

²⁵ Восстание 1916 года в Туркестане... С. 307.

²⁶ Там же. С. 309.

16 до 65 лет встали на позиции, достаточно успешно используя ограниченное количество оружия и боеприпасов²⁷.

Для усиления позиций, помимо телег, борон и плугов, использовались любые подручные материалы, включая деревянные брусья, мешки с шерстью, спиленные деревья; для дополнительной прочности создавались 2—3 такие линии. Арыки (ирригационные каналы) заполнялись водой. Естественные и искусственные высоты занимали караулы, заранее сообщавшие о готовившемся нападении. Так, в Преображенском наблюдательный пункт оборудовали на колокольне местной церкви²⁸. Иногда применялись и технические новшества: во время обороны Столыпина военную помощь из Нарына вызвали с помощью карманного телеграфного аппарата, оказавшегося у одного из механиков посёлка²⁹.

Характерно, что при отражении набегов духовенство не только поддерживало боевой настрой своей паствы, но и активно участвовало в организации борьбы, а иногда и в схватках. Помимо Смоковского, в этом отличились настоятель из Бобриково Т. Сас, михайловский священник К. Синусов, Е. Малаховский из Покровского, церковный староста из Алексеевского П. Павлов. Не отставала и сельская интеллигенция — учителя, врачи и другие образованные и авторитетные люди, бравшие на себя руководство самообороной из-за отсутствия профессиональных военных. Переселенческие инженеры и чиновники участвовали в импровизированных военных советах и в городах, правда, уже под руководством кадровых офицеров³⁰. Во время осады Сазановки и Покровского небольшой отряд из горожан Пржевальска (в том числе женщины, переодетые в мужскую одежду) отправился на выручку крестьянам. При этом боеприпасы для винтовок приходилось изготавливать кустарными способами: обыватели сами делали порох, отливали гильзы и картечь из самоваров. Для устрашения повстанцев использовалась даже самодельная пушка из водопроводной трубы и деревянных колодок, стрелявшая картечью. Её сконструировал прибывший в отпуск с фронта унтер-офицер Чернов³¹.

Таким образом, хотя основную роль в подавлении восстания сыграли регулярные части и казачьи отряды, на начальном его этапе именно самоорганизация крестьян-переселенцев, их стойкость и упорство позволили выиграть время и выстоять. В тяжёлых боях за свои сёла крестьяне, несмотря на недостаток оружия и боеспособных людей, вымотали, обескровили и задержали мятежников. Вместе с тем, защищая свои дома и семьи, отвечая жестокостью на жестокость, русские колонисты вовсе не стремились целенаправленно уничтожать местное население или навязывать свою волю туземцам силой оружия.

²⁷ Туркестан. 1916. 17 октября. № 76.

²⁸ Восстание 1916 года в Туркестане... С. 316.

²⁹ Там же. С. 311.

³⁰ Туркестан. 1916. 26 сентября. № 73.

³¹ Там же. 10 октября. № 75.

Казахский автономизм в 1918 году: конкуренция проектов и динамика альянсов

Дина Аманжолова

Kazakh autonomism in 1918: competition of projects and dynamics of alliances

Dina Amanzholova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870013445-0

В Российской империи переход от традиционного общества к современному происходил с разной скоростью, имел региональную и этносоциальную специфику. Нациестроительство, как оно сегодня понимается, не стояло в повестке дня царского и Временного правительств. Но складывание в регионах достаточно значимых образованных и политически активных слоёв актуализировало в условиях распада государства федералистские настроения¹. При этом в 1917 г. общероссийский административно-территориальный формат явился основой для выработки региональных этнополитических проектов. Они оставались в границах пространства бывшей империи, которое было исторически и географически устойчивым, воспринималось в перспективе надёжным, привычным и обжитым (при условии его демократизации). Эта пространственная целостность сказалась и на взаимодействии региональных лидеров и структур².

Активный рост межкультурных контактов казахской Степи в начале XX в. подстёгивал осмысление образованной частью общества сути «казахскости». Уже в 1913 г. в названии общенациональной газеты появилось самоопределение «казах», а выработка политического проекта, начавшись с интереса к общероссийской и даже международной культурно-языковой и религиозной солидарности, пошла в направлении локальной этноцентричности. Казахские демократы, по сравнению с другими среднеазиатскими национал-активистами наиболее интегрированные в общероссийскую политику, уже получили организационный и социально-культурный опыт в партиях эсеров, кадетов, социал-демократов, а также крупных общественных структурах типа Земгора.

Углубление общенационального кризиса стимулировало их самостоятельность, а лидер движения А.Н. Букейханов быстро осознал бесперспективность сохранения верности программе и практике Партии народной свободы, членом ЦК которой стал в условиях распада страны. Его решение в июле 1917 г. создать национальную партию «Алаш» оказалось единодушно поддержано соратниками. Не успев организовать её как полноценный инструмент борьбы за власть, они тогда же высказались за «областную территориально-национальную

© 2021 г. Д.А. Аманжолова

¹ В 1905–1907 гг. послереволюционное устройство вне рамок Российской империи видели лишь радикальные польские националисты и часть революционеров (Исторический курс «Новая имперская история Северной Евразии». Гл. 10. XX век: империя в эпоху массового общества. Ч. 1. Крах режима русской национальной империи // *Ab Imperio*. 2016. № 1. С. 362–363).

² Их федералистские настроения в условиях революции имели реактивный и импровизационный характер (Красовицкая Т.Ю. Этнические элиты о формах федеративного устройства России (1917–1929) // *Мир Большого Алтая*. 2017. № 3. С. 142).

автономию» в составе будущей Российской демократической федерации³, что также отвечало настроениям на окраинах. Несмотря на отсутствие программы партии, уже летом в Степном крае действовали казахские комитеты, ставшие и партийными структурами, и органами местного самоуправления. В качестве последних они вступали в коалиции с другими местными органами власти — как созданными инициативно весной, так и затем Временным правительством.

Автономизм оказался наивысшей точкой эволюции и самым радикальным требованием казахских демократов начала XX в. Лидеры «Алаш» считали федерацию оптимальной формой взаимоотношений центра и национально-территориальных образований, совмещения выгод государственного единства и централизованной власти со сбалансированной самостоятельностью окраин. Выбор автономистской модели опирался на учёт состояния общества: достаточно глубокая интегрированность края в российскую политико-экономическую систему, исторически сложившаяся взаимосвязь Казахстана с другими регионами страны, высокая вероятность потери даже минимальной самостоятельности в случае провозглашения независимости. При этом проект предполагал участие в общегосударственном переустройстве России.

Казахским автономистам пришлось оперативно реагировать на быстро развернувшуюся конкуренцию ведущих военно-политических сил, которые опирались на собственные предпочтения и представления о будущем страны. Динамика развития автономизма и его конкретные модели различались в зависимости от характера и скорости политических процессов в регионах, уровня организованности и влияния этнополитических активистов, силы и прочности связей между основными участниками борьбы за власть. Воплощение этих моделей пришлось на экстремальный 1918 г. Едва ли не безграничная вера казахских лидеров в автономию через Всероссийское Учредительное собрание, при помощи которого они собирались получить государственность и власть как единственно легитимные представители своего народа, подкреплялась традициями этносоциальной иерархии. Уже в сентябре 1919 г., когда большевики приступили к созданию советской автономии, член Киргизского военно-революционного комитета (КирВРК) Лукашев (Вадим) писал в ЦК РКП(б): «И если сейчас киргизская масса кричит об автономии, абсолютно не зная, что такое автономия, и не зная, что она с собою несёт, но ожидая чего-то лучшего, лучше того, что было и что есть сейчас, она всё же как один человек восклицает “автономия—автономия” [Я убеждён, что кричат об “автономии” только “Тунганчины”, а не масса... — прим. авт.], то это ещё не значит, что эта масса за Советскую власть, а тем более за коммунизм... Пока эту “автономистскую” авантюру подсказала ей кучка ханских бандитов-богачей, которую мы “вынуждены” временно гладить по головке, всякими способами привлекая их к себе “на помощь”, как элемент, имеющий “громадное” [никакого “громадного” влияния их нет! И получают они его — “через нас”! — прим. авт.] влияние на тёмный народ, влияние, основанное на жалких остатках прежнего деспотического величия»⁴.

Переустройство государственности стало результатом ожесточённого противоборства конкурирующих проектов: общероссийских (большевистского и

³ Дело (Семипалатинск). 1917. № 61. 18 августа; Алаш-Орда. Сборник документов. Кзыл-Орда, 1929. С. 34—35, 38, 39—40.

⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 129, л. 112. До 1925 г. казахов называли киргизами (киргизкайсаками, казак-киргизами).

антисоветского) и локального, совместившего политические и конфессионально-культурные запросы. Временное правительство не решилось на предоставление автономии национальным окраинам, а антисоветские силы не смогли предложить реалистичную альтернативу лозунгам противника. В итоге борьба развернулась между региональной элитой, объединившей все сколько-нибудь значимые политические силы с разной идейной «начинкой» и общей культурно-религиозной идентичностью, и левыми радикалами во главе с большевиками.

Заявление лидеров «Алаш» о политическом объединении областей традиционного расселения казахов не могло воплотиться без «внешней» поддержки военными, финансовыми, материально-техническими и иными ресурсами. Большевицкий вариант казахской автономии предусматривал признание советской власти с её классовым принципом. Ему противостояли сторонники «единой и неделимой России» («белые») и федералисты (Комитет членов Учредительного собрания — Комуч). Сильной стороной выступали регионалы — сибирские областники, в ноябре 1918 г., впрочем, принуждённые согласиться на мезальянс с консолидирующим противником советов — правительством А.В. Колчака. Но сам центр силы, способный воссоединить территорию распавшейся страны, «передвигался» в военно-политическом и географическом смыслах.

Это предопределило ситуативную тактику казахских этноцентристов. В отличие от прочих автономистов региона⁵, история предоставила им гораздо больше пространства для манёвра. Приходилось вступать в сложные и непредсказуемые отношения с разными политическими партнёрами, каждый из которых имел своё видение их роли в борьбе за власть. В итоге одновременно приходилось вести переговоры и торг с разными, подчас противостоявшими друг другу сторонами. Остановлюсь на наиболее важных эпизодах.

Тесная связь казахских интеллектуалов с сибирскими областниками, обусловленная объективными причинами, политическим прагматизмом и динамикой внутренней эволюции обеих сил, установилась задолго до революции и сохранялась в 1917—1919 гг.⁶ Автономисты не спешили «отрываться» от си-

⁵ О туркестанском автономизме см.: *Азамходжаев С.* История Туркестанской автономии (Туркистон Мухторияти). Ташкент, 2006; История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX — начало XX века). Самарканд, 2012; *Гафаров Н.У.* Джадидизм в Средней Азии в конце XIX — начале XX в. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Душанбе, 2013; Туркестанская автономия (Туркистон Мухторияти). Создание и разгром. Сборник статей (URL: <https://greylib.align.ru/503/turkestanskaya-avtonomiya-sozdanie-i-razgrom-sbornik-statej.html>); *Абдуллаев Р.М.* Национальные политические организации Туркестана в 1917—1918 гг. Ташкент, 2016; и др.

⁶ Подробнее см.: *Шиловский М.В.* Хроника областнического движения в Сибири (1852—1919) // *Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895—1917 гг.* Вып. 1. Томск, 1994. С. 6—16; *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М., 1994; *Ремнёв А.В.* Западные истоки сибирского областничества // *Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли.* СПб., 1997. С. 142—156; *Шиловский М.В.* Областничество и регионализм: эволюция взглядов сибирского общества на пути инкорпорации Сибири в общероссийское пространство // *Административно-государственное и правовое развитие Сибири XVII—XX веков.* Иркутск, 2003 (URL: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/12/>); *Нам И.В.* Национальный вопрос в программных установках сибирских областников, законодательской и политической практике Сибирской областной думы (1917 — январь 1918 г.) // *Вестник Томского государственного университета.* Сер. История. Краеведение. Этнология. Археология. 2004. № 281. С. 47—57; *Нам И.В.* Национальный фактор в деятельности Сибирской областной думы в период «демократической» контрреволюции (июнь—ноябрь 1918 г.) // *Вестник Томского государственного университета.* 2005. № 288. С. 151—158; *Шишкин В.И.* Первая сессия Сибирской областной

бирских коллег, предпочитая участвовать в их съездах и входить в состав создававшихся ими структур, вплоть до конца 1917 г. не решались объявить об автономии и размежеваться. Областники и алашевцы допускали сочетание территориального и национального подходов к федерализации России и Сибири с включением казахских земель в состав последней.

Это показывают решения Сибирского областного съезда в Томске (8—16 октября 1917 г.), в котором участвовали и 10 казахов. Делегаты разделились на автономистов и федералистов (последние не признавали единство региона и выступали за его деление на несколько областей). Букейханов заявил: «Самоопределение мы хотим получить вместе с Сибирью». Он выступал за территориальную консолидацию казахских земель на основе их хозяйственной специфики и свободную межэтническую интеграцию. Съезд высказался за образование «экстерриториальных персонально-автономных союзов в составе Сибирской автономии, куда должна была войти территория на восток от Урала с включением всего Киргизского края при свободном волеизъявлении населяющего эти пределы населения». Сибирь имела «право передать часть принадлежащих ей законодательных полномочий отдельным областям и национальностям, занимающим отдельную территорию, если последние этого потребуют, превращаясь, таким образом, в федерацию, т.е. союз областей и национальностей».

Букейханов проявлял осторожность, предпочитая постепенное движение от единства к выделению. Выступая в ноябре 1917 г. в Семипалатинске, он подчеркнул: в России проживают народы, говорящие на 105 языках, посему не может быть одного закона, удовлетворяющего всех: «Такой закон может издать для себя каждый отдельный народ только сам». В Учредительном собрании казахи должны отстаивать идею автономии, основанной на единстве либо крови, либо территории, либо хозяйства. Глава «Алаш» считал предпочтительной «общность территории», а потому «казахам выгодно вхождение в Сибирскую автономию». Он не отказывался от самоопределения, но не считал возможным спешить из-за недостатка управленческих кадров. А когда «достаточно подготовимся к управлению, тогда и будем требовать от Сибири автономию, задержки не будет, на Сибирском съезде это включено в программу». В Сибирской Думе казахи, отмечал он, вместе с другими народами (якутами, бурятами) займут достойное место⁷.

Проект программы «Алаш», опубликованный 21 ноября, указывал: Россия должна быть демократической федеративной республикой с президентской формой правления и всеобщим избирательным правом, законодательная власть — принадлежать Думе. «Автономия киргиз... входит в Российскую федерацию наравне с другими народностями... существует равноправие, неприкосновенность личности и свобода слова, печати и союзов». «В первое время Казахская автономия может составить единое образование вместе с другими заинтересованными

думы (январь 1918 года) // История белой Сибири. Сборник научных статей. Кемерово, 2011. С. 54—61; и др.

⁷ 16 октября делегаты определили «Областное устройство Сибири»: при единстве Российской республики её части нуждались в «автономии национальной или территориальной». А. Ермаков вошёл в состав Сибирской областной думы правительства Западной Сибири, представляя интересы малых народов. См.: Сибирская жизнь (Томск). 1917. 8, 11, 17, 21 октября; Путь народа (Томск). 1917. 17 октября; Движение Алаш. Сборник документов и материалов. Апрель 1901 г. — декабрь 1917 г. / Под ред. Т.К. Журтабая. Т. 1. Алматы, 2004. С. 456—457; Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009. С. 180—181; Шиловский М.В. Областничество и регионализм...

в этом народами, а если нет, то с самого начала может стать самостоятельной единицей». На II всеказахском съезде (декабрь 1917 г., Оренбург) Букейханов «горячо доказывал, что при современных условиях социальной жизни и состояния культуры и просвещения среди киргиз обособиться им политически и взять самостоятельный курс чисто автономного управления было бы нецелесообразно и неблагоприятно». Газета «Казах» вскоре пояснила, что является основой государственности: «1) наличие отдельной территории, 2) наличие на ней населения, 3) власть, управляющая страной»⁸. Позже отмечалось, что главной причиной отказа сразу провозгласить автономию стала неопределённость ситуации в крае и положения в соседних регионах.

Итак, на этом этапе областники, предпочитая национально-культурную автономию, всё же шли навстречу казахским лидерам. Два соседствующих центра автономизма нашли, казалось, компромисс и не конкурировали, рассчитывая на демократическое переустройство всей России и предполагая разные варианты будущих взаимоотношений. Однако всё более чёткие организационно-политические контуры приобретали собственные центры, претендовавшие на региональное лидерство и новый характер отношений с общероссийской властью⁹.

Между тем переход власти к большевикам в столицах и последовавшая за этим волна советизации означали новый вызов для всех регионалов. На II всеказахском съезде Букейханову и его товарищам удалось преодолеть сопротивление сторонников союза с Туркестаном, уступив им в требовании немедленного объявления автономии. Показательно, что лидер «Алаш» разумно предлагал провозгласить её лишь после выяснения отношения некоренного населения и создания народной милиции. В итоге эти важные идеи проигнорировали, хотя решение съезда декларировало предоставление «другим народам» 10 из 25 мест в правительстве (которое на деле оказалось моноэтничным). Вскоре выяснилось, что казахский актив Сыр-Дарьинской области готов соединиться с автономией при условии её союза с Туркестаном и размещения столицы в г. Туркестан. Съезд решил создать Алашскую автономию со столицей в Семипалатинске. Она включала «сплошную территорию с господствующим населением казак-киргизским единого происхождения, единой культуры, истории и единого языка», предлагала культурную и национальную автономию «безземельным народам» и их пропорциональное представительство во всех учреждениях¹⁰.

⁸ Казахстанская правда. 1989. 19 июля; Алаш-Орда... С. 73—76; Движение Алаш... С. 439, 504; Оренбургский казачий вестник. 1917. 23 декабря; Казах. 1918. № 257 (цит. по: *Бейсембиев К.Б.* Идейно-политические течения в Казахстане в конце XIX — начале XX вв. Алма-Ата, 1961. С. 363).

⁹ В.И. Шишкин отмечает, что оба правительства возникли «снизу» — по инициативе местной общественности и почти одновременно. Однако он неправ, считая, что Алаш-Орда «сошла с исторической арены» в начале ноября 1918 г. после прихода к власти А.В. Колчака (*Шишкин В.И.* Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. Т. 96. 2011. № 4. С. 111, 110). На деле с правительством Колчака Алаш-Орда вела переговоры ещё и в 1919 г., а прекратила фактическое существование в начале 1920 г.

¹⁰ Алаш-Орда... С. 50—53, 56; *Аманжолова Д.А.* Движение Алаш в 1917 году. М., 1992. С. 32. Напомню определение Сталина, выступавшего за областную автономию: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (*Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 296).

В свою очередь большевики попытались установить союз с активной национально организованной силой огромного региона. Как известно, огромную роль в утверждении советской власти на местах сыграли безусловная привлекательность права народов на самоопределение, их равенства и суверенности, отмены национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. Особое значение имели Декларация прав народов России и воззвание СНК РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока»¹¹. III Всероссийский съезд советов 10—18 (23—31) января 1918 г. принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа¹², вошедшую затем в Конституцию. Все народы России получили возможность «принять самостоятельное решение на своём собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях»¹³. Основой федерации объявлялась власть советов, избранных из рабочих и крестьян.

Федерализм по-советски становился основным проектом для региона. В марте И.В. Сталин, М.М. Вахитов и ряд других деятелей Наркомата по делам национальностей РСФСР направили на места телеграмму с изложением разработанного Вахитовым Положения о Татаро-Башкирской советской республике¹⁴. Революционным организациям азербайджанцев, татар, грузин, армян, казахов, сартов, текинцев и др. предлагалось «сообщить свои конкретные планы федерации» в связи с подготовкой в наркомате аналогичного положения для них. На следующий день «Правда» опубликовала сам документ и обращение Сталина по этому поводу. Он оценил создание республики как образец федеративных взаимоотношений России с народами бывшей империи¹⁵. 24 и 27 марта Наркомнац направил телеграммы в Ташкентский совдеп, ревкомы Оренбурга и Башкирии. При этом большевистское руководство (так же, как и националы) не смогло отказаться от дореволюционного географического и административного «образа» региона и деления его населения на «европейцев» и мусульман¹⁶.

28 марта 1918 г. в казахский комитет Семипалатинска поступила телеграмма Наркомнаца: «Просим немедленно командировать представителей для организации Комиссариата по киргизским делам для работ по осуществлению

¹¹ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 39—41; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 6. 1917. 19 декабря.

¹² Декреты Советской власти. Т. I. С. 321—323.

¹³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 15. 1918. 13 января. Ст. 215.

¹⁴ Подробнее см.: *Юлдашбаев Б.Х.* Национальный вопрос в Башкирии накануне и в период Октябрьской революции. Уфа, 1984; *Кульшарипов М.М.* З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики (1917—1920 гг.). Уфа, 1992; *Нуреев И.С.* Роль общественных движений и политических партий национальных районов Поволжья в национально-государственном строительстве в 1917—1920 гг. (на материалах Башкортостана и Татарстана). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993; *Исхаков С.М.* Русская революция 1917 года и тюрки Центральной Азии // Туркестанская автономия (Туркистон Мухторияти)...

¹⁵ РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 134, л. 1—2; Правда. 1918. 23 марта.

¹⁶ Самоопределение народов в полиэтничном Туркестане оказалось отложено, на время юридически оформилось культурно-конфессиональное единство «мусульманской нации», чуть позднее послужившее одной из основ известного проекта Т. Рыскулова (*Аранов А.* Крах проекта Тюркской советской республики (1919—1920) (URL: <http://memoryoffuture.blogspot.ru/2010/06/1919-1920.html>); Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000. С. 151—160; *Магомедов Р.М.* Наркомнац Российской Федерации и национально-государственное строительство в советском Туркестане. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; и др.).

киргизского штата. Захватите соответствующие материалы»¹⁷. Очевидно, образование «федеративных штатов» (республик) предполагалось проводить по схеме Татаро-Башкирии и на основе реализации принципа «самоопределения трудящихся». Алаш-Орда направила в ведомство депутатов Учредительного собрания Ж. и Х. Досмухамедовых с документами II всеказахского съезда. Материалы переговоров не обнаружены. По имеющимся данным можно предположить, что шли они достаточно успешно. Сталин считал возможным признать решение съезда при условии признания власти СНК в центре и советов на местах, автономисты получали право организовать комиссию по созыву учредительного съезда. Алаш-Орда постановила «признать центральную власть Федеративной Советской Республики» и выдвинула ряд предложений: границы будущей автономии (в рамках современной территории Казахстана), полномочия её властей до созыва учредительного съезда, взаимоотношения с местными советами. Автономисты отстаивали право на созыв съезда в тесном сотрудничестве с местным советом, сохранение за собой с этой целью высшей законодательной и административной власти. На местах они предлагали передать власть советам, «организованным на демократических началах с соблюдением пропорционального представительства от национальностей». Там, где советы ещё не появились, предлагалось сохранить казахские комитеты, земское и городское самоуправление, а также национальные суды и народную милицию.

Подчинённость национального классовому обусловила прагматизм большевиков в отношении самоопределения народов. Несмотря на противодействие немногочисленной левой партии «Уш-Жуз», компромисс состоялся. Об успешном ходе переговоров сообщила телеграмма в уездные казахские комитеты от 16 апреля: «Совнарком признает нашу автономию при условии признания советской власти». Алаш-ординцы обязались не поддерживать антисоветские выступления казачества¹⁸.

Однако падение советов в крупных центрах будущей автономии к лету 1918 г. затормозило альянс с большевиками почти на год. 24 июня Алаш-Орда приняла постановление о признании недействительными всех декретов советской власти на её территории. Вводились в действие законы и декларации Временного правительства о свободе совести, слова, печати, собраний, союзов и неприкосновенности личности. Казахское правительство взяло на себя право разрешения железнодорожного строительства и сбора всех государственных налогов с населения автономии, распорядившись немедленно приступить к сбору кибиточной подати. Появился Военный совет с функциями военного министерства и правом создавать местные военные советы и обязанный «призывать

¹⁷ ГА РФ, ф. 130, оп. 2, д. 898, л. 32 об., 33.

¹⁸ 17 апреля Ж. Досмухамедов на заседании исполкома Саратовского совдепа сообщил детали: «Вся киргизская область должна перестроиться по советскому образцу. Должно быть восемь Советов. В Семипалатинске должно быть центральное Советское управление области. Пока... есть земство. Алаш-Орда должна быть пополнена другими представителями. Вообще у нас трудно организовать Советы, их не из кого составить. Рабочих почти нет, нет почти и солдат... У нас есть только земские учреждения, которые в центре решено сохранить. Совет народных комиссаров организует Комиссариат по киргизским делам... Я заявляю от своего имени, что единственная власть, которая отнеслась к нам сочувственно, — это Советская власть. Мы добивались долго выделиться в отдельную автономную единицу, и никто, кроме Советской власти, навстречу к нам не пошёл. Мы такого отношения к себе не забудем» (Саратовский Совет рабочих депутатов (1917—1918 гг.). Сборник документов. М.; Л., 1931. С. 454, 455—456). По некоторым сведениям, по просьбе Досмухамедовых для подготовки съезда Ленин распорядился выделить им 12 млн руб. (Казакэдиеті. 1990. 24 тамыз).

джигитов для борьбы с большевиками». Последнее, впрочем, оказалось затруднительным и потребовало поддержки более сильных противников «красных».

Для управления автономией восстанавливались земские учреждения, введённые законом от 17 июня 1917 г. Решением от 25 июня повсеместно создавались областные и уездные советы, состав которых (3—5 человек) временно назначался Алаш-Ордой, а затем избирался на первом очередном земском собрании гласными-казахами и утверждался правительством. Уточнялось: если и неказахское население изъявит желание остаться в автономии, то советы избираются всем собранием. Облсоветы отвечали за призыв в алашские части, сбор налогов, подготовку материалов к созыву Алашского Учредительного собрания и по аграрному вопросу, вопросы культурно-экономического развития, охрану «государственного порядка и общественного спокойствия» и наблюдение за точным исполнением правил временного землепользования¹⁹. При разработке принципов управления пытались совместить полиэтничные по составу органы местного самоуправления, созданные после февраля, и национальные структуры. Предполагалось тесное сотрудничество советов с земствами. Ставилась задача обеспечить невмешательство в компетенцию земских и городских управ и дум (хотя в районах, подвластных Алаш-Орде, земства зачастую возглавляли её сторонники). «Алаш» рассчитывала на союз с Сибирской и Башкирской автономиями и на помощь оружием от оренбургского атамана А.И. Дутова.

При всей привлекательности замысла эта система затрудняла решение повседневных административных и хозяйственных задач, так как создавала своеобразное двоевластие, дополнявшееся энергичным вмешательством эмиссаров «центральных» властей — Сибирского Временного правительства и Комуча²⁰. Оперативное выполнение решений Алаш-Орды тормозили также отсутствие транспортной инфраструктуры, трудности почтовой связи, сложные и быстро меняющиеся военные обстоятельства. Из-за незавершённости строительства местных органов Алаш и их реальной слабости, подчинённости разных районов края противоборствующим силам оказалось практически невозможно проведение в жизнь принятого тогда же решения о наборе народной милиции²¹.

24 июня появились правила о временном землепользовании в автономии. Окончательное решение вопроса откладывалось до Всероссийского Учредительного собрания, на котором «Алаш» намеревалась представить проект аграрной реформы. Частная собственность на землю отменялась. Разрешение на эксплуатацию земных недр, «рыбных богатств воды и даровой силы воды» давалось только Алаш-Орде. Споры между казахами улаживал третейский суд, между казахским и некоренным населением — земские органы. В правилах удовлетворялись все важнейшие дореволюционные требования по аграрному и переселенческому вопросам, хотя реализация решения вряд ли была возможна.

С конца 1917 г. начался новый этап отношений Алашской и Сибирской автономий на уровне правительств и их местных структур по поводу взаимного признания, приоритета распоряжений каждого органа власти, их равноправия или соподчинённости, полномочий и предметов ведения местных структур обоих правительств, организации воинских подразделений и их подчинённо-

¹⁹ В отличие от уездных советов с аналогичными функциями, областные имели право в важных случаях заключать «временные блоки с правительствами соседних автономий для защиты интересов Алаша» при последующем их утверждении правительством (Алаш-Орда... С. 91—92).

²⁰ Там же. С. 78—80.

²¹ Там же. С. 92—93.

сти. На каждом из направлений взаимодействие складывалось достаточно напряжённо из-за динамики военно-политической ситуации, влияния и давления других сил (Комуч, Башкирская и Туркестанская автономии, казачьи правительства — прежде всего Оренбургское), внутренних проблем. К тому же у обеих сил имелись собственные приоритеты.

Единству действий автономистов мешали территориальные разломы Казахстана (запад, северо-восток с центром и юг). К тому же на западе до сентября 1918 г. существовал самопровозглашённый Уильский оляят, глава которого Ж. Досмухамедов даже объявил себя ханом. Алашординцы не могли похвастаться серьёзными организационно-политическими ресурсами, военного значения также не имели. Поэтому они закономерно рассчитывали на союз с более сильным соседом, ориентированным на федерацию. Однако ещё в январе 1918 г. попыток перейти от декларации к делу не предпринималось. Сыр-Дарьинский казахский съезд высказался за оставление в составе Туркестанской автономии. Тогда же Семипалатинский обком «Алаш», земство и совет крестьянских депутатов признали Временное Сибирское правительство до провозглашения казахской автономии, хотя установление советской власти изменило ситуацию²².

В.И. Шишкин считает, что областники и алашординцы проявили взаимный интерес летом 1918 г. для решения собственных задач, особенно потому что в январе большевики разогнали Сибирскую областную думу и «отказались принять условия Алаш-Орды»²³. Это не вполне верно: алашординцы добились компромисса на переговорах с Москвой ещё весной, а их сотрудничество прервал антисоветский переворот на юге Западной Сибири и на севере Казахстана, обусловивший переход к союзу с новой властью в регионе.

Временное Сибирское правительство во главе с П.В. Вологодским поначалу сформировалось как эсеровское и включало Министерство туземных дел во главе с М.Б. Шатиловым. Но 30 июня его состав изменился, оно стало более правым²⁴, что повлияло на взаимоотношения с казахской автономией. К тому же командующий армией и глава военного ведомства А.Н. Гришин-Алмазов довольно быстро склонился в сторону военной диктатуры. Сибиряки позиционировали себя в качестве центра, рассчитывая подчинить Алаш. В итоге отношения с Ордой, стремившейся отстаивать принципы федерализма и равноправия с другими автономиями, ухудшались.

В июле появились «Основные положения о границах культурной автономии национальностей Сибири», передававшие право окончательного решения вопроса о территориально-политической автономии Всероссийскому Учредительному собранию. На этой основе правительство отказалось признавать

²² Там же. С. 50—53, 56; Казах. 1918. 16 сентября. Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области, ф. 44, оп. 1, д. 8, л. 4, 8; д. 3, л. 2, 7, 11; ф. 133, оп. 1, д. 1, л. 110; ф. 37, оп. 1, д. 1, л. 72.

²³ Шишкин В.И. Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства. С. 111.

²⁴ См.: Журавлёв В.В. Рождение Временного Сибирского Правительства: из истории политической борьбы в лагере контрреволюции // Гражданская война на востоке России: проблемы истории. Бахрушинские чтения 2001 г. Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 2001. С. 26—47; Журавлёв В.В. Роль Временной Сибирской областной думы в процессе образования Временного Всероссийского правительства // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI — начале XXI в. Материалы VII всероссийской научной конференции (Новосибирск, 6—8 июня 2011 г.). Новосибирск, 2011. С. 128—131; Шишкин В.И. Командующий сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период Гражданской войны (1918—1919 гг.). Сборник научных статей. Новосибирск, 2009. С. 126—195.

«избранные некоторыми национальностями Комитеты (например, Алаш-Орда киргиз-кайсаков) органами национально-территориальной государственности». Оно выразило готовность предоставить народам Сибири «национально-культурную автономию, гарантирующую свободное развитие каждой отдельной национальности». Соответственно национальные органы власти признавались лишь как представительные по вопросам культурной автономии и местного самоуправления²⁵.

Алаш-Орда добивалась поддержки автономии. 10 июля её делегат при Западно-Сибирском комиссариате А. Ермаков передал в правительство записку, призывавшую к единению для защиты завоеваний Февральской революции, «давшей начало к политическому возрождению народов и окраин России». Орда обещала всемерную поддержку Сибирскому правительству и предложила проект соглашения, по которому Омск признавал её в составе областей, определённом II всеказахским съездом, при установлении границ с учётом мнения населения приграничных областей. Признание Орды центральным органом, временно исполняющим функции государственной власти, подразумевало исключительное подчинение ей всех национальных общественных организаций и учреждений без права вмешательства в сферу её компетенции. До объявления автономии государственные и смешанные учреждения управления и самоуправления подчинялись Сибирскому правительству при обязательном участии в нём представителей «Алаш»; избранные в 1917 г. органы самоуправления также сохранялись. В проекте обосновывалась необходимость обеспечения Алаш-Орде займа от правительства Сибири, руководившего всеми финансовыми учреждениями на казахской территории, и предлагалось созвать в ближайшее время конгресс депутатов автономных народов и окраин «с целью создания федеральной власти». Наиболее перспективной считалась федерация Сибири, Алаш, Башкирии и Туркестана при равном участии региональных сил в устройстве единого государства как федерации автономных областей²⁶.

Записка поступила в Совет министров Сибири 26 июля. В ней содержалась краткая характеристика решений всеказахских съездов и причин принятия решения об автономии, обосновывалась необходимость взаимной поддержки и тесного союза «в час смертельной опасности для родины и свободы». К тому времени затягивание переговоров привело к потере Уральской области и опасности распада автономии, что вынудило Алаш-Орду «решиться на крайние меры, отказаться от Союза с Сибирью, объявить автономию Алаш и спасти единение казак-киргизского народа, пожертвовав выгодами союза с Сибирью». Признание автономии дало бы ей возможность «оттянуть Туркестан от немецкой ориентации, сохранить его в пределах Российской Федерации» (так демонстрировалась приверженность общероссийским интересам). Букейханов стремился организационно-политически укрепить единство автономии и подтолкнуть сибиряков к равноправному союзу. На решение Омска предлагался проект соглашения о взаимном признании. Назначение на ответственные посты в автономии должно было согласовываться с Ордой, которая также имела право специального обложения, сбора кибиточной подати в свою пользу, организации национальных судов и местных советов, ведающих национальными делами, не входящими в компетенцию земств и городских дум²⁷.

²⁵ ГА РФ, ф. 193, оп. 1, д. 8, л. 1—1 об.

²⁶ Там же, л. 26—26 об.; Государственный архив Томской области, ф. Р-72, оп. 1, д. 39, л. 84.

²⁷ Алаш-Орда... С. 107—108.

Записка обсуждалась в комиссии под председательством министра народного просвещения В.В. Сапожникова 29, 30 июля и 2, 3 августа²⁸. Пункт 1 о взаимном признании с обсуждения сняли. Предложения о порядке управления и деятельности органов Алаш-Орды, их правах сохранили с небольшой редакцией. Вопрос о выделении займа Букейханову предлагалось адресовать непосредственно в это ведомство. Идею конгресса депутатов автономий поддержали, но без включения в проект. Проблемы создания армии Алаш передавались для совместной проработки с военным ведомством. Решение земельного вопроса откладывалось до Всероссийского Учредительного собрания.

При особом мнении остался представитель Министерства земледелия и колонизации А.М. Ярмош. Он указал на неопределённость «природы политического устройства киргизского народа и сущности государственно-правовых отношений его к российской государственности и автономной Сибири». Сохранение таковой может вызвать взаимное обострение отношений. Необходимо установить хотя бы временные законодательные нормы вместо утративших силу законов о положении края в Российской империи²⁹.

Проект так и не обрёл юридической силы. Отсутствие чёткой правовой базы отношений между автономиями обусловило продолжение и обострение конфликтов. Сыграли свою роль общая неустойчивость военно-политической обстановки, острое соперничество в борьбе за власть в Сибири между Временным Сибирским правительством и Комучем при наличии других областных правительств, также стремившихся упрочить влияние, амбиции правящих кругов и недоверие к национальным движениям, реальная слабость положения Алаш-Орды. На результаты работы комиссии повлияло и заключение консультанта правительства К.Г. Дишлера. Он считал, что на подчинённой правительству территории признавать политическую автономию может лишь Сибирское учредительное собрание, а вне её пределов — Всероссийское. В случае образования автономного государства с определёнными органами и реальной силой Сибирское правительство при необходимости могло входить с ним во временные отношения, но не имело юридического права санкционировать таковое за пределами своей территории и тем более содействовать его созданию. Проект соглашения Дишлер счёл неудовлетворительным: снятие с обсуждения вопроса об автономии фактически означало её признание. Недопустимость признания Алаш подчеркивала и официальная газета «Сибирская речь»³⁰.

Сибирское правительство не могло не учитывать исторические границы расселения казахов, но совместить их с потребностями эффективного политического управления и экономического районирования при активности автономистов не сумело. Оно действовало в отношении Алаш-Орды, как бы примеряя на себя функции центра и предлагая ей лишь практически неосуществимую в тех условиях культурную автономию. Казахские автономисты с их претензией

²⁸ На заседании присутствовали представитель военного ведомства генерал В.Л. Попов, товарищ министра внутренних дел П.Д. Михайлов, А.М. Ярмош, руководители Алаш-Орды А. Букейханов, А. Ермаков и Х. Тохтамышев. Шишкин почему-то утверждает, что проект Алаш-Орды не обсуждался, но затем всё же описывает дискуссии конца июля — начала августа (*Шишкин В.И.* Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства. С. 116, 117—119). Более точное изложение событий приводит другой автор: *Селивёрстов С.В.* Алаш и Сибирь в 1918—1919 гг.: позиция А. Букейханова и тенденция региональных отношений // Мир Евразии. 2008. № 1. С. 22—27.

²⁹ Алаш-Орда... С. 108—111.

³⁰ ГА РФ, ф. 193, оп. 1, д. 8, л. 33—34; Сибирская речь. 1918. № 57. 5 августа.

на политическое самоопределение, уже поддержанной большевиками в начале 1918 г., согласиться на это заведомо не могли. Сибирский регионалистский проект вошёл в противоречие с национальными проектами якутов, бурят и казахов.

Между тем ещё 3 июня в Самаре начал действовать Комуч. Он выступал как законодательный орган, исполнительная власть принадлежала Совету управляющих ведомствами. Все посты в нём заняли эсеры, за исключением ведомства труда во главе с меньшевиком И.М. Майским. 15 июля к Комучу примкнули атаман Дутов, а также Уральское областное правительство. В середине сентября он насчитывал уже около 100 членов, в том числе 11 членов «Алаш»³¹.

Приверженность идее демократической федеративной республики стала основой для тесного союза Комуча и Алаш-Орды. Другим важным обстоятельством сближения явилось категорическое непризнание разгона Учредительного собрания, на решения которого и эсеры, и казахи возлагали основные надежды. Комуч направил в Алаш и другие национальные правительства своих уполномоченных. Иностранческий отдел агитационного культурно-просветительского отдела Комуча должен был регулировать отношения между национальностями, привлекать националов в ряды Народной армии, содействовать укреплению власти «в нерусской части населения», рассматривать ходатайства от них, собирать материалы с мест и предоставлять их в Комитет для законодательной работы. Учитывались рекомендации алашординцев о назначении местных уполномоченных³².

25 сентября Декларация Комуча по поводу образования Алаш-Орды заявила: «Для воссоздания единой, сильной, свободной России и укрепления в ней федеративно-демократического строя необходимо участие в предстоящей созидательной работе всех населяющих её народностей», а потому «осуществление отдельными территориями и национальностями своих автономных прав является лучшим залогом успеха предстоящей героической работы по воссозданию единой великой России». До окончательного решения вопроса Всероссийским Учредительным собранием Комуч предлагал оставить за собой военные и иностранные дела, пути сообщения, почту и телеграф, а также «мероприятия общегосударственного характера по вопросам снабжения и продовольствия». Постановления, законы и распоряжения Алаш не должны были противоречить постановлениям Комуча, при ней назначался уполномоченный комитета с правом приостановления её решений. Временное положение об управлении в области разрабатывалось Алаш-Ордой и утверждалось Комучем. Вооружённые силы Алаш также создавались по согласованию с ней. Спорные территориальные вопросы предлагалось решать совместно с органами власти прилегающих областей «и в соответствии с волеизъявлением местного населения, выраженного путём всенародного голосования или через местное самоуправление». Выразилась уверенность, что эти условия соответствуют стремлению автономии и идее демократической федерации, а казахский народ «со свойственным ему мужеством и сплочённостью примет самое деятельное участие в решительной

³¹ Алибеков и Досмухамедовы значились как вступившие от казахского исполкома, остальные — от партии Алаш (*Святыцкий Н.К.* К истории Всероссийского Учредительного собрания. М., 1921. С. 5; Оренбургский вестник Комитета уполномоченных членов Учредительного собрания. 1918. 4 сентября).

³² Оренбургский казачий вестник. 1918. 18 июля.

борьбе с узурпаторской советской властью»³³. Между тем дни самого Комуча были сочтены.

В преддверии Государственного совещания³⁴ в июле и августе в Челябинске состоялись два заседания представителей Комуча и Сибирского правительства. Решением от 26 августа признавались полномочия областных и национальных правительств³⁵, тогда как в инструкции делегатам Временного Сибирского правительства строго предписывалось: «Не признавать правительство Алаш-Орды тюрко-татар, а только культурную автономию»³⁶. Сибирское правительство (как, впрочем, и Комуч) рассчитывало также подчинить себе Туркестан.

Делегации Алаш-Орды и Туркестана возглавляли А. Букейханов и М. Чокаев, присутствовали члены Алаш Г. и И. Алибековы, С. Дошанов, В. Таначев, Ж. и Х. Досмухамедовы и др. Они присоединились к большинству — сторонникам «народовластия» и противникам диктатуры. 12 сентября Букейханов подтвердил приверженность общероссийской демократической программе: «Мы, инородцы старой самодержавной России, примкнули к демократической части России, республиканской России, мы ждали, чаяли, что надежды на народовластие будут осуществлены Всероссийским Учредительным собранием... но наши мечты оказались разбитыми, как и мечты всех демократов России... Организацию областных правительств некоторые склонны приписывать сепаратизму... Те организации, от имени которых я выступаю³⁷, не являются представителями сепаратизма, а они мыслят, что они составляют часть единой России, что автономные области в концерте мировых держав не могут играть никакой роли, если бы они захотели создать какое-нибудь маленькое сепаратное государство. Мы едины с демократической федеративной республикой Россией, мы мыслим себя только частью единой России»³⁸. Одновременно разрешился внутренний конфликт, вызванный амбициями Досмухамедова и его попыткой создать Уильский оляят. По инициативе Букейханова полномочия единого центра автономии подтвердило специальное решение алашординцев. Оляят стал составной частью автономии, что укрепило статус Алаш как легитимного представителя областей, названных II всеказахским съездом³⁹.

Основные программные положения в национальной сфере нашли отражение в «Акте об образовании всероссийской верховной власти» от 23 сентября. Его подписали и алашординцы. Предусматривалось «воссоединение отторгнутых, отпавших и разрозненных областей России», а также предоставление отдельным областям территориальной и национальной автономии, признание за

³³ Оренбургский вестник Комитета уполномоченных... 1 октября; Алаш-Орда... С. 123—124.

³⁴ Подробнее см.: *Гармиза В.В.* Уфимское совещание // История СССР. 1965. № 6. С. 3—25; *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 184—197; *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и её разгром. М., 1982. С. 168—176; *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983. С. 80—96; и др.

³⁵ Среди них назывались как Алаш-Орда, так и «национальное управление правительства Алаш-Орда». Вероятно, имелись в виду представители Алаш-Орды во главе с Букейхановым и Уильского оляята во главе с Досмухамедовым.

³⁶ Вестник Комитета членов Учредительного собрания. 1918. № 39, 41. 24, 26 августа; Уфимское совещание и Временное Сибирское правительство // Красный архив. 1933. Т. 6/61. С. 65.

³⁷ Алаш-Орда и Туркестанская автономия под руководством казахских деятелей, потерпевшая к тому времени крах.

³⁸ Россия и Центральная Азия. Конец XIX — начало XX века. Сборник документов и материалов / Сост. Д.А. Аманжолова, Т.Т. Далаева, Г.С. Султангалиева. М., 2017. С. 227—228.

³⁹ О взаимоотношениях Комуча и Алаш-Орды см.: *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия... С. 84—104.

экстерриториальными этносами права на культурно-национальное самоопределение на основе законов, принятых «полновластным Учредительным Собранием»⁴⁰. Однако заключённый в Уфе компромисс изначально был неустойчив. У Директории отсутствовали прочный аппарат, необходимые финансы, официальные органы. Создаваемые ею министерства часто возглавляли представители продолжавшего работу Сибирского правительства, что вскоре сказалось на отношениях с Алаш. Работали и другие правительства, получившие в Уфе признание «права на широкую автономию, обусловленную как географическими, экономическими, так и этническими признаками», а также на культурно-национальное самоопределение. Букейханов допускал союз с областниками и башкирскими автономистами, хотя взаимодействие со всеми региональными правительствами сопровождалось многочисленными конфликтами по поводу должностей, прав, полномочий и сфер контроля⁴¹.

Впрочем, вдохновлённые решением совещания в Уфе и достижением кажущегося согласия вокруг идеи Учредительного собрания, алашординцы надеялись, наконец, обрести реальный юридический статус и освободиться от «ига» сибиряков. В начале октября автономные области получили право сохранить существующий порядок и органы управления в вопросах внутренних дел, снабжения и продовольствия, торговли и промышленности, земледелия и народного просвещения. До отмены правительством или самими автономиями действовали решения областных правительств. Кроме того, появились главноуполномоченные Директории, которые наблюдали, чтобы распоряжения автономий не превышали их компетенцию и не противоречили законам и распоряжениям Всероссийского правительства, а также надзирали за деятельностью их местных органов⁴².

Но вскоре Директория упразднила все областные правительства, в том числе Алаш-Орду, хотя признала необходимость учёта бытовых и хозяйственных особенностей «казак-киргизских народностей» в организации управления и создания для этих целей в будущем представительного органа. Учреждалась должность Главноуполномоченного по управлению Алашем при временном сохранении органов управления Орды, подчинённых центральному ведомству. Создавалась «особая комиссия по выработке положения об Алашском представительном органе и выборах в него». В состав этих органов вошли Букейханов и другие члены «Алаш»⁴³. Таким образом, деятельность всех национальных правительств регламентировалась «центром». Свержение Директории и создание Временного Всероссийского правительства при Верховном правителе А.В. Колчаке в ноябре вновь изменило ситуацию. Алаш-Орда, как и другие региональные структуры, от тактики лавирования между разными центрами силы перешла к затяжным и частично успешным переговорам с объединённым антисоветским центром о статусе и полномочиях, создании и поддержке воинских подразделений. С конца года в военной ситуации нарастал перелом в пользу Красной армии. Алаш-Орда не могла вести самостоятельную политику и играть роль «третьей силы» в борьбе «красных» и «белых». Союз с любой из

⁴⁰ История «белой» Сибири. Тезисы научной конференции. Кемерово, 1995. С. 166—167.

⁴¹ Подробнее см.: Алаш-Орда... С. 108—112; *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия... С. 49—83.

⁴² Рабочее утро (Оренбург). 1918. № 107. 10 октября.

⁴³ Вестник Временного Всероссийского правительства. 1918. № 10. 16 ноября.

противоборствующих сторон удалял её от решения программных задач и в конечном итоге привёл к поражению.

Альянсы и конфликты автономистских структур отражали потребность в административной централизации и унификации крупных регионов, их экономической и коммуникационной интеграции. Но столь же отчётливо отражались противоречия в разделении сфер ответственности, влиявшие на устойчивость территориальной и политической организации страны, а также многовариантность функционирования автономий и их активистов. В 1917—1918 гг. на основе разных по географии, возможностям и дееспособности структур зарождались федералистские проекты, которые пытались утвердиться как общероссийские и региональные. В условиях революции и войны гармонизации этого комплекса взаимосвязей достичь было практически невозможно.

В частности, нарушенные с конца 1916 г. соотношение политических сил и их взаимоотношения спровоцировали в Туркестане и соседних областях борьбу разных государственных и протогосударственных структур, обладавших реальной или фиктивной властью — большевиков, интервентов, «внутренней» контрреволюции, националистов⁴⁴. Утверждение советской власти превратило большевиков в единственную силу, способную свести до минимума военное сопротивление и стабилизировать ситуацию в регионе: организовать систему управления, наладить хозяйственную жизнь и продовольственное снабжение населения, снизить накал межэтнических противоречий.

Федералистские предпочтения участников политического процесса в условиях революции и Гражданской войны были достаточно близки с точки зрения приоритетности новой формы государственного устройства и сохранения целостности бывшего имперского пространства. Однако расходились взгляды на принципы взаимодействия автономий как субъектов будущей федерации и даже на границы субъектов⁴⁵.

СНК и Наркомнац предлагали автономистам признать классовый характер организации власти и оставляли за собой эксклюзивное право на определение их территориальных и политических границ, формы и состава органов управления. Прочие вопросы оставались вне поля зрения до конца войны, поскольку главным стимулом являлось признание права на самоопределение и национальное равенство. Их противники также не имели проработанных планов федеративного строительства новой России. Сибирские областники оказались погружены в региональные проблемы и ограничивались поддержкой культурной автономии для «националов». Этнополитическая элита региона рассматривала федерализм как воплощение автономии для «своих» народов. Лидер движения «Алаш» Букейханов, поддерживая создание за Уралом и в Поволжье полиэт-

⁴⁴ Как считает С.М. Исхаков, в Туркестане «не было и следов сколь-либо осознанной “классовой борьбы”»; реформаторы оказались стиснуты между крайностями исламистского ожесточения и этнического недоверия» (Исхаков С.М. Русская революция 1917 года и тюрки Центральной Азии).

⁴⁵ Так, если азербайджанский «Мусават» чётко разграничил сферы управления между автономией и федеральным центром, то Алаш лишь заявила, что федерация — союз равноправных государств и автономия полностью распоряжается землей и её недрами на своей территории (Программа Тюркской демократической партии федералистов «Мусават», принятая на её I съезде 26 октября 1917 г. // Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права. 1990. № 2. С. 23—29; Алаш-Орда... С. 73—76). Детали своеобразного толкования туркестанскими большевиками сущности автономии, её прав и разделения управленческих функций с центром см.: Халид А. Туркестан в 1917—1922 годах: борьба за власть на окраине России // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 189—226.

ничных автономий с участием живших там казахов, на деле с конца 1917 г. возглавил строительство этноцентристского проекта. От политических сил требовались готовность и умение действовать ситуативно и гибко, выходить на результативный диалог с национальными элитами. Большевики показали лучшую в сравнении с противниками способность побеждать в условиях, когда право наций на самоопределение стало одной из доминант мирового развития, а в России тесно переплелись социальные, этнические и локально-территориальные проблемы⁴⁶.

Неудачи и даже безнадежность антисоветских автономистских амбиций казахских и среднеазиатских националов не спровоцировали сепаратистских настроений и не отменили стратегического ориентира на государственное единство с Россией⁴⁷. Симптоматично, что, как и в условиях распада Российской империи, в конце XX в. этнополитические элиты среднеазиатских государств не спешили отказываться от ставшего привычным советского проекта и его возможных модификаций. В обеих ситуациях сыграла роль вера в могущество и выживаемость огромного имперского организма. В то же время освоенный государственный ландшафт с его понятными и наработанными социально-политическими связями, официальными и негласными привилегиями, компромиссами и зависимостями выглядел гораздо комфортнее и безопаснее, нежели непредсказуемая самостоятельность, в которой ответственность полностью переходила к новому центру власти в лице самой национальной элиты.

⁴⁶ Советский федерализм был частью ситуативной политики большевиков, не имевших конкретной программы создания федерации, и не предполагал договорного подхода (в особенности для автономий). На практике РСФСР и СССР оказались симбиозом федеративной формы и унитарного содержания с различными механизмами и возможностями модернизации этносов в едином поликультурном социуме. В.П. Булдаков и С.М. Исхаков отмечают: федерализм для большевиков стал благопристойным правовым ярлыком в борьбе против децентрализации страны (Булдаков В.П., Исхаков С.М. Динамика дезинтеграционных процессов // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. Т. 2. М., 2017. С. 333).

⁴⁷ На центрально-азиатские регионы России неправомерно распространять утверждение, что национальные окраины и движения после октября 1917 г. «поспешили дистанцироваться от рассыпающейся российской государственности, объявляя о независимости» (Gerasimov I. The Great Imperial Revolution // Ab Imperio. 2017. № 2. С. 43).

Политика белогвардейцев в Дагестане в 1919 — начале 1920 г.

Сергей Орешин

The policy of the White Guard in Dagestan during 1919 — early 1920

Sergey Oreshin

*(N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

DOI: 10.31857/S086956870013446-1

Гражданская война в России, последовавшая за революцией 1917 г., стала одним из переломных событий в истории страны, оказавшим большое влияние на её дальнейшее развитие. Особое своеобразие война приобрела на национальных окраинах бывшей Российской империи, отличавшихся сложным этническим и конфессиональным составом населения, в частности в Дагестанской обл. Обострение политической борьбы, последовавшей вслед за распадом старой имперской системы управления, привело к частой насильственной смене власти в регионе в 1917—1918 гг.

В начале 1919 г. территорию Дагестана контролировало утвердившееся там в ноябре 1918 г. с помощью турецких интервентов правительство самопровозглашённой Республики Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана (Горской Республики). В феврале 1919 г. значительная часть Северного Кавказа перешла под контроль белогвардейских Вооружённых сил Юга России (ВСЮР) во главе с генерал-лейтенантом А.И. Деникиным. Он отказался признавать независимость Горской Республики, намереваясь интегрировать Дагестан в состав «единой и неделимой России».

Несмотря на то что историография Гражданской войны в Дагестане весьма обширна, период пребывания региона в составе «белой России» не получил должного освещения. Политика белогвардейцев рассматривалась в основном в русле политической борьбы в крае в годы революции и Гражданской войны, при этом особое внимание уделялось военным действиям в ходе антибелогвардейских вооружённых восстаний, а также национальным движениям горских народов. Советская историография изображала политику белых в Дагестане в крайне негативном виде, рассматривая её в качестве великодержавной, реакционной военной диктатуры, стремившейся восстановить дореволюционные порядки. Белогвардейцы представлялись жестокими угнетателями и шовинистами, подчёркивались отсутствие у них массовой социальной базы и опора исключительно на вооружённую силу. Подобная точка зрения во многом характерна и для современных дагестанских исследователей. Некоторые российские историки пытаются пересмотреть устоявшиеся в историографии подходы и показать, что деникинский режим не был копией царского, а пытался учитывать произошедшие после 1917 г. изменения в стране и действовать в новых

реалиях, например, старался наладить взаимодействие с дагестанскими элитами и привлечь их на свою сторону.

Не претендуя на всестороннее освещение темы, данная статья посвящена анализу политики белогвардейского руководства на территории Дагестанской обл. в период её нахождения под полным или частичным контролем ВСЮР (май 1919 г. — март 1920 г.). Особенно важно проследить процесс установления и формирования аппарата управления «белой власти», выявить основные методы, использовавшиеся ею для достижения цели; понять суть белогвардейской модели государственного устройства края и её отличия от дореволюционной; охарактеризовать социальную базу местного режима; обозначить трудности, с которыми столкнулось командование ВСЮР; проанализировать причины краха политики белых в Дагестане.

Исследование основано на следующих материалах: законодательные акты, приказы, распоряжения, манифесты, воззвания и обращения белогвардейского командования и местных органов власти к населению с разъяснением своей политики; сводки и донесения отдела пропаганды Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР; рапорты, донесения действовавших в Дагестане командиров военных отрядов; данные агентурной разведки; публицистические и аналитические статьи дагестанской периодической печати.

Как только переговоры с представителями горского правительства зашли в тупик, генерал Деникин во второй половине апреля 1919 г. стал склоняться к силовому решению «дагестанского вопроса». По донесениям деникинской разведки, горское правительство не пользовалось популярностью среди местных жителей¹. «Вообще уставшее население склонно к мирным занятиям»², — отмечалось в сводке отдела пропаганды Особого совещания от 7 мая 1919 г. Дипломатический представитель Азербайджанской Демократической Республики в Дагестане свидетельствовал, что в создавшейся ситуации среди части политической и экономической элиты усиливались симпатии к Деникину: в нём видели единственную реальную силу, способную стабилизировать положение и не допустить социального взрыва в регионе. В то же время большевистски настроенные городские низы ожидали десанта из контролировавшейся красными Астрахани, чтобы поднять вооружённое восстание; обыватели же боялись погромов и грабежей и готовы были приветствовать любую «твёрдую» власть³.

Понимая, что горское правительство не в состоянии стабилизировать ситуацию, опасаясь перехода Дагестана под контроль большевиков, командование ВСЮР решило провести военную операцию по занятию территории региона. Тем более что командование 11-й армии РККА в конце апреля — начале мая заканчивало приготовления к высадке десанта в Приморском Дагестане, который, по мысли красного командования, должен был стать плацдармом для последующего наступления на Грозный. Слабая армия Горской Республики могла не отразить натиска советских войск, и был риск утратить важный в стратегическом отношении край, поэтому Деникин в середине мая отдал

¹ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия — Алания, ф. 2с/Р-2, д. 4, л. 70.

² Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (далее — Рукописный фонд), ф. 2, оп. 1, д. 151, л. 116.

³ *Кашкаев Б.О., Эмиров Н.П., Гаджиев А.С., Аликберов Г.А.* Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1960. С. 320.

приказ о начале наступления. Не встречая какого-либо сопротивления, части белых под командованием генерал-майора Д.П. Драценко к 22 мая заняли приморские города и всё Каспийское побережье Дагестанской обл.⁴ Белогвардейское командование заявило, что не признаёт горского правительства и вести с ним переговоры не намерено, однако готово признать собственно дагестанское правительство и договариваться с ним о разграничении полномочий.

23 мая горское правительство ушло в отставку, передав полномочия временному правительству Дагестана во главе с генерал-майором М.М. Халиловым⁵. Последний заявил о готовности признать верховную власть Деникина и вступить в переговоры с командованием ВСЮР о политическом устройстве области. 3 июня в её столицу Темир-Хан-Шуру прибыл генерал от кавалерии И.Г. Эрдели, назначенный Деникиным главноначальствующим Терско-Дагестанского края. Выступая перед представителями местной элиты, генерал заявил, что независимости Дагестана власти «белой России» никогда не признают, но при условии совместной борьбы с большевизмом они готовы предоставить краю широкую автономию и гарантировать невмешательство в его внутренние дела⁶. Генерал Халилов и члены его правительства выразили готовность признать верховную власть командования ВСЮР вплоть до созыва Учредительного собрания.

Вскоре Эрдели обратился с воззванием к дагестанскому народу, в котором изложил политическую программу белогвардейского руководства и представил утверждённую Деникиным схему организации власти в Дагестане. Высшая власть вручалась его правителю, избираемому общенародным съездом с ведома главноначальствующего и утверждаемому Главкомом ВСЮР. Правителем мог стать местный уроженец исключительно горского происхождения, имевший офицерское или генеральское звание. Он должен был командовать сформированными из горцев местными вооружёнными силами, становившимися частью ВСЮР. Предполагалось, что при правителе будут находиться помощники по военной и гражданской части, а также Совет в составе представителей округов.

Предметы ведения общенародного съезда должны были определяться правителем, делегаты — избираться из расчёта один человек на 20 тыс. жителей обоего пола; при этом один делегат представлял Темир-Хан-Шуру и четверо — Порт-Петровск и Дербент. В округах под руководством назначаемых правителем окружных начальников и их помощников следовало регулярно проводить народные съезды, делегатов на которые должны были избирать аульные сходы из расчёта один человек на 1 500 жителей обоего пола. Съезды избирали постоянный исполнительный орган — окружную народную управу и общественных должностных лиц; заведовали имуществом округа, составляли сметы доходов и расходов; в их ведении находились также просвещение, здравоохранение, социальное призрение, продовольственное и ветеринарное дела; возведение общественных построек и устройство местных путей сообщения; раскладка налогов и введение местных сборов на народные нужды; они имели право возбуждать ходатайства перед вышестоящими властями.

⁴ Аликберов Г.А. Победа социалистической революции в Дагестане. Махачкала, 1968. С. 217.

⁵ Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее — ЦГА РД), ф. Р-621, оп. 1, д. 33, л. 1.

⁶ Там же, ф. Р-267, оп. 1, д. 13, л. 9.

Что касается судебной системы, то сохранялись бывшие народные словесные суды, однако при желании горцы могли через свои представительные органы выработать новое положение о судах. Для членов Совета при главноначальствующем, правителя, начальников округов и их помощников предполагалось жалованье из государственной казны, а для делегатов съездов, членов народных управ и служащих местного самоуправления — содержание из средств местного бюджета⁷.

Таким образом, Дагестан, возвращаясь в состав России, обретал широкую автономию, включая право избрания высших должностных лиц и создания собственных вооружённых сил. Временным правителем Дагестана утверждался генерал Халилов. 15 июня он обратился с воззванием к населению области, в котором гарантировал невмешательство белых в её внутренние дела — шариатские, экономические, налоговые, земельные. «Дагестану представляется ввести давно желательный всему народу шариат и устроить свою внутреннюю жизнь так, как он сам этого желает», — подчёркивал Халилов. Он призвал дагестанцев до созыва Всероссийского Учредительного собрания признать верховную власть Добровольческой армии и тем самым избежать напрасного кровопролития, гарантируя, что ни «религии мусульманской, ни введению шариата, ни свободному на автономных началах развитию дагестанского народа» никаких помех чиниться не будет, и о реставрации дореволюционных порядков не может быть и речи. На 13 июля намечалось проведение Вседагестанского съезда народных представителей в Темир-Хан-Шуре. Съезд должен был избрать постоянного правителя Дагестанской обл., окончательно определить конструкцию органов управления и выработать соглашение с прибывшими представителями командования ВСЮР. Халилов призвал местных жителей «идти рука об руку с добровольцами и помогать им морально и материально для борьбы с общим бичом — большевизмом», при этом гарантируя, что все большевики, отказавшиеся от борьбы, будут амнистированы⁸.

Одновременно началось формирование органов управления на местах. Начальниками округов и участков назначались представители горских народов: почти все — офицеры императорской армии, в редких случаях — гражданские чиновники⁹. При правителе Дагестана был сформирован главный военно-шариатский суд (председатель — полковник О. Пиралов), который рассматривал особо важные «политические» дела¹⁰. При формировании местной администрации учитывались семейные и родовые связи, нередко на все соответствующие должности в аулах назначались представители одного влиятельного в данной местности рода. Впрочем, вскоре выяснились и минусы подобного подхода. Политическая канцелярия Особого совещания отмечала, что «родственные связи и боязнь кровной мести по обычаю, строго соблюдаемым туземцами, делают дагестанца плохим администратором, связывая его по рукам и ногам». В результате много уголовных преступлений оставались нераскрытыми, так как местные власти зачастую покрывали находившихся с ними в родстве преступников, или же из-за опасности кровной мести. «Среди самих туземцев раздаются голоса, — отмечалось в докладе, — что пока административная власть будет принадлежать им, трудно ожидать порядка и правильной

⁷ Рукописный фонд, ф. 2, оп. 1, д. 58, л. 37—38.

⁸ Вестник Дагестана. 1919. № 5. 15 июня.

⁹ Там же. № 4. 12 июня.

¹⁰ Молот. 1919. № 5. 15 июля.

жизни в крае. По их мнению, необходимо, чтобы административные должности замещались русскими»¹¹.

В городах в качестве наиболее преданных союзников белых рассматривались конституционные демократы. Делались попытки наладить взаимодействие с умеренными социалистами. Порт-петровские социалисты-революционеры вынесли на общем собрании решение о безусловной поддержке «Добровольческой армии в её вооружённой борьбе с большевизмом»¹². РКП(б) объявили вне закона, на большевистскую пропаганду наложили запрет; профсоюзы, в которых было сильным влияние большевиков, распустили. Тех, кто укрывал большевиков, заключали в тюрьмы, а с аула взыскивали пеню — 10 тыс. руб. за каждого коммуниста.

Большое внимание уделялось агитационно-пропагандистской работе среди населения и привлечению на сторону Белого движения людей, пользовавшихся уважением в местном обществе. В Дербенте был открыт пункт Кавказского отделения пропаганды при главнокомандующем ВСЮР¹³, к работе в котором привлекали представителей мусульманского духовенства и офицерства. Выпускались газеты и листовки, издавались манифесты, воззвания и обращения к народу. В них резко критиковались большевики и обвинялись в разжигании кровопролитной междоусобной войны. Деятельность же белогвардейцев, напротив, преподносилась в апологетическом свете, подчёркивалась мощь ВСЮР, выражалась уверенность в скором победоносном завершении Гражданской войны.

Шейх-уль-ислам А.-Б.-Х. Мустафаев в обращениях к дагестанцам называл Деникина «посланником Аллаха, которому Он поручил навести порядок в стране», и внушал мусульманам, что война против белогвардейцев «является грешным и Богом запрещённым делом»¹⁴. От имени представителей дагестанского духовенства было подготовлено специальное обращение к мусульманам, в котором указывалось, что учение большевиков противно шариату, а сами они как враги всякой религии «особенно вредны для мусульман». Последние должны были, напротив, поддерживать Верховного правителя адмирала А.В. Колчака и генерала А.И. Деникина: «Надо принять участие в дружной работе над восстановлением Великой России, выставить войсковые части против не признающих Бога и человеческих законов большевиков»¹⁵.

Активную агитационно-пропагандистскую работу проводил и правитель Дагестана Халилов. 20 июля в Порт-Петровске на предвыборном заседании представителей местных округов, участков и городов Халилов убеждал делегатов, что белые вовсе не желают покорить Дагестан и не посягают на его внутреннее самоуправление. Они прибыли, считал правитель, исключительно с целью «установить порядок, уничтожить анархию и восстановить разрушенное государство»¹⁶.

¹¹ Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919 год: формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2009. С. 187.

¹² Кашкаев Б.О., Эмиров Н.П., Гаджиев А.С., Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 338.

¹³ Вестник Дагестана. 1919. № 10. 23 августа.

¹⁴ Кашкаев Б.О., Эмиров Н.П., Гаджиев А.С., Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 352.

¹⁵ Союз объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917—1918 гг.) и Горская Республика (1918—1920 гг.) (Документы и материалы). Изд. 2, испр. и доп. / Сост. Г.И. Какагасанов, Л.Г. Каймаразова. Махачкала, 2013. № 255. С. 242.

¹⁶ Там же. № 220. С. 215—216.

Однако одними воззваниями завоевать симпатии масс оказалось невозможно. Горцы оценивали новую власть исходя из принимавшихся и проводившихся ею в жизнь конкретных шагов и решений. Землевладельцы и фабриканты стали обращаться к властям с просьбой вернуть им национализированные в 1918 г. земли, рыбные промыслы, промышленные и торговые предприятия, а также помочь взыскать убытки, которые они претерпели за время нахождения у власти большевиков¹⁷. Белые встали на сторону зажиточных классов. 12 июня Халилов предписал сельским обществам немедленно вернуть все насильственно захваченные земли «законным владельцам». Летом—осенью 1919 г. были приняты решения о возвращении помещикам конфискованных у них пахотных угодий, пастбищ, лугов, сельскохозяйственного инвентаря и о выплате денежных компенсаций, иногда достигавших значительных сумм¹⁸. Также ввели запрет на самовольные порубки в казённых лесах¹⁹ и высокие штрафы за самовольный захват частных и казённых земель.

Нуждаясь в материальных средствах для обеспечения войск, генерал Эрдели издал приказ, в котором констатировалось, что Добровольческая армия нуждается в белье, тёплой одежде и обуви, поэтому местное население обязано предоставить по развёрстке необходимые вещи специально назначаемым командам сборщиков²⁰. Однако зачастую белогвардейские солдаты и казаки самовольно реквизировали у местных жителей продовольствие, скот, деньги, проводили самочинные обыски в домах и на железнодорожных станциях, отбирая у пассажиров продукты, одежду и ценные вещи. С течением времени волна злоупотреблений нарастала. По словам современника, солдаты «грабили и отбирали всё, что нравилось, сбивали с мужчин папахи, срывали с женщин платки, кольца, браслеты, серьги, ожерелья»²¹. Полученная «добыча» реализовывалась на городских базарах. Начальник порт-петровского отряда генерал-майор Попов докладывал, что практически каждый день к нему поступали жалобы и заявления «об учинённых казаками насилиях и грабежах»²², однако белогвардейское командование не смогло дисциплинировать свои войска и пресечь эксцессы.

Нуждаясь в пополнении личного состава для готовившегося похода на Москву, белогвардейское командование решило провести мобилизации в Дагестане. Отмечу, что до революции горцы были освобождены от отбывания воинской повинности, заменённой для них особым налогом, и в царской армии служили только добровольцы. Тем не менее по приказу следовало в месячный срок мобилизовать два кавалерийских полка и четыре стрелковых батальона для последующей отправки на фронт²³. Известие о мобилизации население встретило без энтузиазма, и на призывные пункты добровольно явились немногие. Тогда белые организовали настоящие облавы на мужчин призывного возраста. В этом заключалась роковая ошибка белогвардейских властей, поскольку ещё со вре-

¹⁷ ЦГА РД, ф. 594, оп. 1, д. 20, л. 15.

¹⁸ Там же, л. 34.

¹⁹ Там же, л. 48—49.

²⁰ Там же, ф. Р-175, оп. 4, д. 20, л. 5.

²¹ Вестник Дагестана. 1919. № 21. 18 октября.

²² ЦГА РД, ф. 177, оп. 1, д. 9, л. 33.

²³ *Taxo-Godi A.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Изд. 2. Махачкала, 1927. С. 116—117.

мён «борьбы за независимость горцы именно в солдатчине видели первый шаг к обрусению»²⁴.

Конечно, подобные акции не прибавляли популярности новой власти, а дискредитировали её в глазах населения, чем воспользовались противники белых. Во главе сопротивления встала часть мусульманского духовенства во главе с влиятельным шейхом Али-Хаджи Акушинским²⁵. В середине июля 1919 г. повстанческие отряды начали наступление на Темир-Хан-Шуру, но к концу месяца после упорных боёв были разбиты²⁶. На участвовавшие в восстании аулы наложили большую контрибуцию — денежную и продовольственную. В уклонявшиеся от выполнения требований селения вызывали войска «на экзекуцию для понуждения», причём за всё время пребывания солдаты получали содержание за счёт аульного общества, что приводило к многочисленным злоупотреблениям²⁷. Однако белогвардейское руководство, словно не замечая этого, приняло новые непопулярные решения. 17 августа Халилов издал приказ о проведении массовой мобилизации в ряды ВСЮР, распространявшейся на мужчин в возрасте 19—40 лет. Планировалось единовременно призвать в армию около 8—9 тыс. человек. За уклонение от призыва правитель угрожал суровыми наказаниями «по законам военного времени, вплоть до смертной казни»²⁸. Для претворения угрозы в жизнь учреждались военно-полевые суды.

Недовольство горцев росло и к концу августа достигло критической точки. Естественно, этим пользовались различные политические силы, находившиеся в оппозиции к белым: большевики; национал-демократы, мечтавшие о возрождении независимой Горской Республики; пантюркисты, стремившиеся включить регион в сферу влияния Турции; радикальные исламисты, выступавшие за создание на Кавказе теократической мусульманской монархии. Оппозиция получала поддержку со стороны РСФСР, заинтересованной в развале деникинского тыла, а также правительств Азербайджана и Грузии, которые рассчитывали на возникновение буферного государства, отделявшего их территорию от России. В Нагорный Дагестан перебрасывали агитаторов, военных специалистов, завозили оружие и боеприпасы, выделяли значительные финансовые средства²⁹. Деникинский официоз «Терско-Дагестанский вестник» впоследствии отмечал, что «кажущееся спокойствие в Дагестанской области обманчиво и оказалось тишью перед бурей. Население было наэлектризовано и ожидало лишь толчка»³⁰.

Что же могли противопоставить оппозиции белые? Была ли у них в области массовая социальная база? На стороне Деникина активно выступали помещики, беки, офицерство и небольшая часть мусульманского духовенства. Интеллигенция и средние городские слои держались пассивно. Зажиточные крестьяне, опасаясь за своё имущество, до последнего склонны были мириться с властью белых, но непомерные реквизиции и приказ о всеобщей мобилиза-

²⁴ Магомедов М.А. О некоторых особенностях Октябрьской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе // Отечественная история. 1997. № 6. С. 86.

²⁵ Сулаев И.Х. Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть: борьба и сотрудничество (1917—1921 гг.). Махачкала, 2004. С. 68.

²⁶ Кашкаев Б.О. Гражданская война в Дагестане. 1918—1920 гг. М., 1976. С. 225.

²⁷ ЦГА РД, ф. 594, оп. 1, д. 3, л. 33.

²⁸ Там же, д. 275, л. 204.

²⁹ Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны. Религиозное, идеологическое и военно-политическое противостояние в 1917—1920-х годах. СПб., 2017. С. 445.

³⁰ Терско-Дагестанский вестник. 1919. № 181. 30 октября.

ции толкнули их в лагерь оппозиции. Что же касается горской бедноты, мало- и безземельных крестьян, то они готовы были взяться за оружие и сражаться с белыми «до последней капли крови»³¹.

Так же стремились сражаться и белогвардейцы. Генерал Эрдели докладывал, что в Дагестане «низы общества настроены крайне большевистски... Настроение рабочих вообще советское, последние ежеминутно ждут прихода советских войск»³². Как вскоре выяснилось, белые не могли полностью рассчитывать и на местную администрацию. Многие чиновники саботировали приказы областных властей, лишь формально противодействовали оппозиционной пропаганде, игнорировали приказы об арестах и разоружении «неблагонадёжных» лиц, а некоторые использовали своё служебное положение для того, чтобы помочь оппозиционерам подготовить вооружённое восстание.

В создавшейся ситуации главноначальствующий счёл необходимым скорректировать проводившуюся политику с целью достижения компромисса. Однако Деникин полагал, что белая администрация и так пошла горцам навстречу, сделав максимум возможных уступок, — дальше дипломатия сменилась бы капитулянтством и предательством интересов России³³.

В конце августа в Горном Дагестане вспыхнуло новое восстание, охватившее вскоре почти всю область. К началу октября численность повстанцев составила 7 тыс. человек, на вооружении которых находились 32 пулемёта и 17 орудий³⁴. Под контролем белогвардейцев оставались только города, узкая полоса приморья и аулы, расположенные вдоль железной дороги. В разгар наступления на Москву белым пришлось снимать с фронта пехотные и кавалерийские части и направлять их в Дагестан. К концу ноября после тяжёлых и кровопролитных боёв белогвардейцы смогли стабилизировать фронт, однако подавить восстание им не удалось, и большая часть территории области вышла из-под их контроля.

Белые пытались вести контрпропаганду, опираясь на сохранивших им лояльность представителей мусульманского духовенства и богословов (например, Н. Гоцинского), формировали из самих горцев контрпартизанские части и отряды внутренней стражи, наиболее активно действовавшие в Аварском и Андийском округах, где их возглавлял полковник К. Алиханов. Однако большого успеха им добиться не удалось. К концу 1919 г. большая часть членов Главного шариатского и духовного управления мусульман Дагестана вышла из него в знак протеста против карательных акций белогвардейских частей³⁵. Войска Халилова так и не смогли стать серьёзной силой, способной бороться с повстанцами, в их рядах стремительно росло дезертирство, и к началу 1920 г. они фактически утратили боеспособность.

Белогвардейское командование постепенно пришло к пониманию необходимости изменения политики, отказа от силовых акций и перехода к переговорам с лидерами восставших. Первые такие попытки были предприняты ещё в сентябре—октябре 1919 г. через шейх-уль-ислама А.-Б.-Х. Мустафаева, однако руководители восстания отказались от компромисса, настаивая на не-

³¹ *Кашкаев Б.О., Эмиров Н.П., Гаджиев А.С., Аликберов Г.А.* Указ. соч. С. 389.

³² ЦГА РД, ф. Р-175, оп. 3, д. 52, л. 10.

³³ *Пученков А.С.* Национальная политика генерала Деникина: весна 1918 — весна 1920 г. СПб., 2012. С. 149.

³⁴ ГА РФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 645, л. 296.

³⁵ *Сулаев И.Х.* Мусульманское духовенство Дагестана... С. 72.

медленном выводе всех подразделений ВСЮР из Дагестана и демобилизации призванных в армию горцев³⁶.

Халилов и Эрдели тоже попытались созвать Вседагестанский съезд народных представителей, который должен был легитимировать их власть. Они выпустили воззвание к местному населению, в котором гарантировали горцам свободу, а мусульманскому духовенству сохранение привилегий; обещали ограничить размер взимаемых с крестьян натуральных поставок и даже направить нуждавшимся жителям горных районов продовольствие; давали разрешение на формирование национальных демократических организаций. Однако провести съезд так и не удалось, потому что значительную часть области уже контролировали восставшие³⁷.

В начале 1920 г. ситуация изменилась. Совет обороны Дагестана отмечал, что повстанцы испытывают недостаток пищи и тёплой одежды, а суровая зима привела к тому, что полураздетые и плохо вооружённые бойцы покинули фронт³⁸. Кроме того, в лагере оппозиции усилились разногласия между исламистами и пантюристами, с одной стороны, и большевиками — с другой. Перед белогвардейскими властями замаячила надежда на раскол антиденикинского фронта и изоляцию коммунистов, настроенных наиболее враждебно. Мирные инициативы озвучивались через генерала Халилова, который, по всей видимости, был не прочь начать собственную игру. Сделав в мае 1919 г. ставку на союз с Деникиным, правитель понимал, что шансы на победу белых таяли с каждым месяцем. В конце декабря 1919 г. Али-Хаджи направил в Темир-Хан-Шуру к Халилову одного из своих доверенных духовных лиц — Узунай-Хаджи Паралульского — с письмом, в котором выражалась готовность заключить мирное соглашение при условии гарантии неприкосновенности религии и шариата.

21 января в аул Нижний Дженгутай на переговоры направилась правительственная делегация во главе с помощником правителя области генералом Ибрагимовым в составе дагестанских офицеров и духовных лиц. Однако на заседании Совета обороны Дагестана большевики смогли заблокировать идею переговоров с Халиловым, в результате 22 января мирная делегация вернулась в Темир-Хан-Шуру, оставив письмо на имя Али-Хаджи. В послании делегаты призвали шейха начать мирные переговоры, убеждая его, что белые — «противники напрасного пролития крови» и готовы к компромиссу на взаимовыгодных условиях, а сторонниками войны являлись коммунисты³⁹.

В феврале 1920 г. Али-Хаджи, чьи отношения с большевиками серьёзно испортились, вновь попытался начать с Халиловым переговоры о прекращении войны и заключении мирного договора. Белые с радостью откликнулись на предложение шейха и готовы были послать новую мирную делегацию, но коммунистам вновь удалось сорвать соглашение. Совет обороны Дагестана большинством голосов запретил кому бы то ни было вступать в переговоры и подписывать соглашение с белогвардейцами⁴⁰.

К весне положение белых стало критическим. К границам Дагестана приближались подразделения РККА, деникинские войска потерпели несколько

³⁶ ЦГА РД, ф. Р-608, оп. 1, д. 12, л. 10.

³⁷ Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны... С. 438.

³⁸ ЦГА РД, ф. 8-п, оп. 3, д. 241, л. 175.

³⁹ Эмиров Н.П. Из истории военной интервенции и гражданской войны в Дагестане. Махачкала, 1972. С. 164.

⁴⁰ Кашикаев Б.О., Эмиров Н.П., Гаджиев А.С., Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 446.

крупных поражений. В начале марта генерал Эрдели начал переговоры с лидерами национал-демократов, надеясь заключить с ними союз против большевиков. 9—11 марта во Владикавказе состоялось совещание, в котором участвовали бывшие министры Горской Республики. Было принято решение о провозглашении самостоятельной Северокавказской республики и совместной борьбе с большевизмом⁴¹. Несмотря на протесты русского офицерства, главноначальствующий дал согласие на отстранение российской администрации от власти в крае и издал приказ о «прекращении всяких наступательных действий против горцев в Дагестане»⁴².

Халилов, чья судьба оставалась весьма туманной, начал переговоры с руководителями находившегося в Тбилиси Союзного меджлиса горских народов Кавказа. Речь шла о заключении союзного договора и провозглашении независимости Дагестана при поддержке правительств стран Закавказья⁴³. Однако время для политических комбинаций уже было упущено. Во второй половине марта Красная армия вошла в Дагестан⁴⁴. Белогвардейское командование приняло решение об эвакуации: войска совершенно разложились, и подавляющая часть солдат и офицеров не желала больше воевать. 25 марта пал Дербент, 27 марта — Темир-Хан-Шура. 30 марта партизаны и красноармейцы вошли в Порт-Петровск, остатки белогвардейцев эвакуировались морем в Азербайджан и Персию⁴⁵. В Дагестане была установлена советская власть.

Итак, лидеры «Белого Юга» во главе с генералом Деникиным рассматривали Дагестан в качестве неотъемлемой части единой и неделимой России и были полны решимости интегрировать этот регион в российское пространство. Вследствие благоприятных условий (слабость горского правительства, разгром РККА на Северном Кавказе, благожелательный нейтралитет Антанты) подразделения ВСЮР быстро и беспрепятственно заняли территорию равнинного Дагестана во второй половине мая 1919 г. Однако белые, понимая, что реставрировать дореволюционные порядки невозможно, пошли на компромисс с дагестанской элитой и, стремясь привлечь её на свою сторону, предоставили области широкую автономию. Деникинцы обещали невмешательство в её внутренние дела, гарантировали права и преимущества ислама и мусульманского духовенства, не возражали против введения шариата в судопроизводство. На высшие посты в областной и окружной администрациях назначались местные уроженцы. Более того, автономный Дагестан мог иметь собственные вооружённые силы, находившиеся в подчинении у правителя области. Однако уже в июле 1919 г. в горах вспыхнуло антибелогвардейское восстание, а в конце августа началось новое, гораздо более мощное, которое власти так и не смогли подавить.

Почему же в Дагестане стали возможными острый политический кризис и неприятие белой власти значительной частью горцев? Уже находясь в эмиграции, Деникин выделял внутренние и внешние причины дестабилизации обстановки в области. К внутренним он относил тяжёлое экономическое положение горцев, «темноту масс», воинствующий панисламизм, «деятельность местных фанатиков и авантюристов» из числа шейхов и мулл, толкавших горцев на

⁴¹ ГА РФ, ф. 5911, оп. 1, д. 1г, л. 10—15.

⁴² Там же, ф. 5827, оп. 1, д. 215, л. 1.

⁴³ *Эмиров Н.П.* Из истории военной интервенции... С. 201.

⁴⁴ *Кашкаев Б.О.* Гражданская война в Дагестане... С. 258.

⁴⁵ *Кашкаев Б.О., Эмиров Н.П., Гаджиев А.С., Аликберов Г.А.* Указ. соч. С. 452.

войну. Кроме того, генерал признавал, что несправедливость, поборы местной администрации, насилия, чинимые войсками в отношении мирного населения, также толкали горцев в лагерь противников «Белой России».

Однако решающую роль, по мысли главкома ВСЮР, сыграл именно внешний фактор, к которому он относил подрывную деятельность Союзного меджлиса, пантюркистских организаций, а также азербайджанского и грузинского правительств, снабжавших восставших денежными средствами, вооружением, боеприпасами, направлявших инструкторов и предоставлявших повстанцам убежище на своей территории. Финансовую и материально-техническую помощь сражавшимся против Деникина горцам оказывала и Советская Россия, руководство которой было жизненно заинтересовано в развале белогвардейского тыла. В свою очередь, по словам Деникина, «перманентные восстания не давали возможности перейти к мирным методам сожительства и устранить опасное и тяжёлое вмешательство регулярных войск в жизнь Чечни и Дагестана»⁴⁶. Деникину вторил другой эмигрант — бывший начальник штаба войск Северного Кавказа генерал-майор Е.В. Масловский, отмечавший, что все восстания разжигали эмиссары большевиков, турок, Азербайджана и главным образом Грузии.

Однако представляется, что дело было не только в этом. Белые допустили несколько серьёзных ошибок, которые привели к росту недовольства местного населения: возвращение помещичьих земель и выплата землевладельцам компенсаций за счёт крестьян; постоянные реквизиции и поборы с местных жителей, сопровождавшиеся многочисленными злоупотреблениями; наконец, насильственная мобилизация горцев в ряды ВСЮР, ставшая «спусковым крючком» для августовского восстания. Вследствие последнего не удалось провести Вседагестанский съезд народных представителей и окружные съезды, в результате в регионе сохранилась военная диктатура белогвардейского командования и сотрудничавшего с ним генерала Халилова. Реальная власть осталась в руках военных, многие из которых ассоциировались с царским самодержавием. Репрессивные меры белогвардейского командования лишь ожесточили местное население, сведя на нет авторитет власти⁴⁷.

У белых и горцев, отмечал А.С. Пученков, изначально были разные представления о государственности и путях дальнейшего развития Северного Кавказа. Деникинское командование почти не знало специфики обычаев и менталитета горских народов, а также систему ценностей и мировоззренческих стереотипов традиционного мусульманского общества. Горцы психологически не были готовы к тому, чтобы принять власть белых, ассоциируемую ими с самодержавием и их смертельным врагом — казачеством. Добровольцы так и не смогли найти надёжных и влиятельных союзников в регионе, так как недооценивали потенциал национально-религиозного движения, в то время как большевики смело пошли на союз со всеми враждебными Деникину социальными и политическими группами⁴⁸.

Потенциально белогвардейцы могли предоставить горцам возможность инкорпорации в государственную структуру возрождавшейся России на новых, взаимоприемлемых принципах. Однако белые не сумели воспользоваться благоприятной ситуацией, сложившейся в мае 1919 г. В итоге модель «белой

⁴⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Изд. 3. Кн. 3. Т. 4—5. М., 2015. С. 195, 660.

⁴⁷ Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919 год... С. 189.

⁴⁸ Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина... С. 153, 156.

власти» в Дагестане базировалась на тех же началах, что и при самодержавии, а лидеры Белого движения не смогли предложить местным жителям приемлемого для них некоего «нового». Неумелая политика региональных властей в национальном и аграрном вопросах, неспособность навести элементарный порядок, а также ряд заведомо непопулярных решений привели к тому, что значительная часть населения области, придерживавшаяся различных политических убеждений, начала вооружённую борьбу против белых⁴⁹.

Правда, в начале 1920 г. белогвардейское руководство взяло верный курс на налаживание взаимоотношений с национал-демократами и влиятельными представителями мусульманского духовенства, оказавшимися в повстанческом лагере, стараясь изолировать большевиков и заключить компромиссное мирное соглашение с умеренной оппозицией. Вероятно, в конце концов им удалось бы добиться успеха, однако в марте 1920 г. Дагестан был занят регулярными частями Красной армии. Это и привело к окончательной потере региона для «Белой России».

⁴⁹ Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны... С. 450—452.

Судьбы китайцев на Урале в 1920—1930-х гг.

Андрей Авдашкин

The fate of the chinese in the Urals during the 1920—1930s

Andrey Avdashkin

(South Ural State University, Chelyabinsk; Chelyabinsk State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870013447-2

Исторически китайское присутствие в России связано с Дальним Востоком и частично с Сибирским краем. Именно в этих границах происходило большинство массовых контактов с китайскими мигрантами, здесь находились места их компактного проживания и объекты хозяйственной деятельности. Центрами притяжения китайской миграции в годы «раннего» Советского Союза стали крупные города и дальневосточные окраины. В 1926 г., например, в стране находились свыше 100 тыс. китайцев, более 70 тыс. из них проживали на Дальнем Востоке¹. В большинстве городов этого края, как в Москве и Ленинграде, в 1920-х гг. оформились представительные китайские общины². Однако в 1930-х гг. трансграничные миграции между двумя государствами практически прекратились, а оставшихся в стране китайцев частично «выдавили», выслали или уничтожили³.

Значительная часть исследований по рассматриваемой теме основана на материалах Дальнего Востока и Сибири⁴. Особое внимание историки уделяли вопросам организации культурно-просветительской работы среди китайских трудящихся, а также мероприятиям по улучшению их уровня жизни (создание учебных заведений, колхозов, «китайских» театров, издание газет на китайском языке и др.)⁵.

© 2021 г. А.А. Авдашкин

Статья выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (государственное задание № FENU-2020-0021).

Автор благодарит профессора Карлтонского университета Д.Ф. Сахдео и профессора Челябинского государственного университета А.А. Пасс за ценные советы при подготовке статьи.

¹ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. 4. М., 1927—1929. Т. 10. 1928. С. 40—41. По методике переписи учтены те, кто выбрал китайский как родной язык.

² Так, в 1928 г. в Москве проживали около 8 тыс. китайцев, насчитывалось более 400 китайских прачечных (Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009. С. 113, 128; Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках. М., 2007. С. 192, 196).

³ Kireev A.A. China in Russia, Russia in China: ethnic aspect of migration between the two countries in the past and present // Asian Ethnicity. Vol. 17. 2016. Is. 1. P. 71; Дятлов В.И. Китайские мигранты и динамика китаефобии в России // Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности / Отв. ред. В.С. Малахов, М.Е. Симон. М., 2016. С. 233.

⁴ См., например: Ларин А.Г. Китайские мигранты в России...; Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири XVII—XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008; Бугай Н.Ф. И. Сталин — Мао Цзэдун: судьбы китайцев в СССР — России (1905—1940-е годы). М., 2018.

⁵ Залеская О.В. Китайские колхозы на советском Дальнем Востоке (1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2009. № 2. С. 37—44; Залеская О.В. Культурно-просветительская работа среди китайских рабочих на Дальнем Востоке России (20—30-е годы XX в.) // Россия и АТР. 2007. № 3. С. 139—151; Залеская О.В. Особенности кооперативного движения в среде китайских ми-

Присутствие китайских мигрантов вне зоны российско-китайского фронта и крупных городов в 1920—1930-х гг. является неразработанной исследовательскими проблемой. Для восполнения данного пробела требуется целостная реконструкция пребывания китайцев в России, в том числе в региональном ракурсе⁶. Необходимо выяснить: когда и что привело китайцев на Урал; как соотносятся истории их присутствия в тот период в регионе и в СССР в целом; оставались китайцы преимущественно маятниковыми мигрантами, или постепенно происходило их укоренение; какие формы социальной организации они выработали. Цель статьи — на примере Урала показать развитие в небольших советских городах сообществ китайских мигрантов в 20—30-х гг. XX в.

Исследование базируется в основном на документах, выявленных в региональных архивах: Объединённом государственном архиве Челябинской области (ОГА ЧО), Пермском государственном архиве социально-политической истории (ПермГАСПИ), Государственном архиве административных органов Свердловской области (ГАА СО), Государственном архиве Пермского края (ГА ПК). Так, сведения о постоянно проживавших в регионе китайцах и о некоторых «временных» мигрантах, посещавших Южный Урал в 1920-х гг., обнаружены в ОГА ЧО: ф. Р-422, Р-11 (административные отделы Троицкого и Челябинского окружных исполнительных комитетов); ф. Р-467. Управление Министерства безопасности Российской Федерации по Челябинской области; ф. Р-252. Комиссия по делам бывших красногвардейцев и красных партизан.

Личные дела мигрантов и репрессированных китайцев (содержат биографическую информацию и материалы допросов) найдены в фондах: ПермГАСПИ — ф. 641. Уголовные дела на лиц, снятых с оперативного учёта в ИЦ УВД Пермского облисполкома, а также ГАА СО — ф. Р-1. Управление ФСБ РФ по Свердловской области. Ценные сведения о возрасте и занятости китайцев в Оренбуржье содержит «Книга памяти жертв политических репрессий...»⁷.

Работу с документами затрудняла их ветхость. Некоторые тексты оказались не читаемы, а архивные дела часто содержали лишь отрывочные сведения. Многие следственные материалы периода Большого террора ещё закрыты для исследования. В некоторых архивах невозможно работать со списками репрессированных — не все соответствующие дела выдаются в читальные залы. Это существенно затруднило поиск, сбор и обработку информации.

Выбор же уральских китайцев в качестве объекта исследования обусловлен следующими соображениями. Расположенный на стыке Азии и Европы регион исторически является перекрёстком миграционных маршрутов и служит зоной межэтнических контактов. Здесь прослеживаются основные волны миграций китайцев в позднеимперский период. В годы Русско-японской войны в Пермской губ. оказались выдворенные с театра военных действий «желтолицы» (японцы, корейцы и китайцы), а во время Первой мировой войны заводы и угольные шахты Урала стали центром применения «жёлтого труда»⁸.

грантов на советском Дальнем Востоке (1920—1930-е гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Социология. 2009. № 96. С. 17—24.

⁶ Пример такого исследования см.: *Дацышен В.Г., Кутилова Л.А.* Китайцы в Приенисейской Сибири в конце 1910-х — 1920-е гг.: исследование регионального варианта общины мигрантов и уточнение концептуальных понятий // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 65. С. 154—164.

⁷ Книга памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. Оренбург, 2017.

⁸ Сведения о трудовой миграции китайцев в этот период см.: *Siegelbaum L.H.* Another «Yellow Peril»: Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // *Modern Asian*

Важную роль в обеспечении движения китайских рабочих в глубь страны сыграл Челябинский переселенческий пункт. Здесь китайцы мылись в бане, их прививали от болезней, проводили медицинский осмотр, после которого больных отправляли на родину⁹. По данным А.А. Аникста, к 1 сентября 1917 г. на предприятиях Российской империи трудились 67 121 китайский рабочий (11 419 из них — на уральских заводах)¹⁰.

После революционных событий 1917 г. произошёл крах промышленного производства в стране¹¹. Через Урал пошёл поток возвратной миграции китайских рабочих: только с 1 января по 18 марта 1918 г. через Екатеринбург проследовали на восток 17 902 человека¹² (однако даже в апреле в регионе оставались 2 213 рабочих из Китая¹³). Как известно, ещё в 1916 г. китайские рабочие, отбывавшие на родину после окончания трудового контракта, «плохо снабжались тёплой одеждой и пищей»¹⁴. Нетрудно представить, насколько суровыми стали условия транспортировки этих людей в хаосе революционных событий. Кроме того, эвакуация затруднялась нараставшими перебоями в работе железнодорожного транспорта¹⁵. Оставшиеся без работы китайцы оседали в окрестных городах, где занимались в основном мелкой торговлей. Так, жителей Перми китайские коробейники беспокоили навязчивыми просьбами приобрести их товары. Ощутимое усиление конкуренции вызывало недовольство местных торговцев¹⁶.

Гражданская война в Советской России остановила процесс возвращения на родину китайских рабочих. Значительное их число участвовало в боевых действиях¹⁷, в том числе на Восточном фронте (Урал)¹⁸. По окончании

Studies. Vol. 12. 1978. Is. 2. P. 307—330; *Alexeeva O.V.* Experiencing War: Chinese Workers in Russia During the First World War // *The Chinese Historical Review*. Vol. 25. 2018. Is. 1. P. 47; *Дацышен В.Г.* Китайский труд на Урале в годы Первой мировой войны // *Уральское востоковедение*. Вып. 2. Екатеринбург, 2007. С. 49—58; *Ходяков М.В., Чжао Ч.* Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // *Новейшая история России*. 2017. № 1. С. 7—30; *Хасанова З.Х.* Китайские рабочие в годы Первой мировой войны на Южном Урале // *Вопросы истории*. 2019. № 2. С. 133—139.

⁹ ОГА ЧО, ф. И-13, оп. 1, д. 1093, л. 2—3; д. 1095, л. 1—5, 14, 117, 296—297; ГА РФ, ф. 102, оп. 75, д. 10, ч. 26, л. 133.

¹⁰ *Аникст А.А.* Организация распределения рабочей силы в 1920 году. М., 1920. С. 42.

¹¹ См.: *Миронов Б.Н.* Достижения и провалы российской экономики в годы Первой мировой войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. История. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 466. События февраля 1917 г. кардинально изменили ситуацию в промышленности, а Октябрьский переворот привёл к её краху. Объём промышленного производства в 1917 г. упал на 43%, в 1918 г. — на 21% от уровня 1913 г.

¹² *Ипполитов С.С., Минаев В.В.* «От этого зависит вся судьба России»: к изучению демографической и экономической экспансии Китая и Японии на Востоке России во время второй русской смуты // *Новый исторический вестник*. 2013. № 3(37). С. 31.

¹³ *Аникст А.А.* Организация распределения рабочей силы... С. 41. Для сравнения: в Западной Сибири насчитывалось 2 006, в Приморье — 3 319 человек.

¹⁴ ГА РФ, ф. 102, оп. 75, д. 10, ч. 26, л. 66.

¹⁵ См.: *Ходяков М.В., Чжао Ч.* Трудовая миграция китайцев в Россию... С. 25.

¹⁶ ГА ПК, ф. 36, оп. 2, д. 8, л. 205.

¹⁷ *Залеская О.В.* Участие китайских мигрантов в Гражданской войне на российском Дальнем Востоке // *Власть и управление на Востоке России*. 2009. № 1(46). С. 103—108; *Исповедников Д.Ю.* Участие Китая в Гражданской войне в Сибири // *Новый исторический вестник*. 2010. № 3(29). 74—81; *Чжан Ю., Гагкуев Р.Г.* Китайские добровольцы в гражданской войне в России: между красными и белыми // *Российская история*. 2019. № 1. С. 60—71; *Lin Y.R.* Among Ghosts and Tigers: The Chinese in the White Terror // *Revolutionary Russia*. Vol. 28. 2015. Is. 2. P. 140—166.

¹⁸ *Ненароков А.П.* Восточный фронт. 1918. М., 1969; *Каменских М.С.* Китайцы на Среднем Урале в конце XIX — начале XXI в. СПб., 2011.

войны советское правительство предприняло некоторые меры по эвакуации китайцев¹⁹. Тем не менее многие из них остались жить в РСФСР или вернулись туда, спасаясь от царившей в Китае массовой безработицы. В 1920—1930-х гг. даже небольшое число китайцев на Урале стали заметной этнической общностью²⁰. Органы местной власти принимали меры по укреплению законности внутри китайских общин, ликвидации их «автономности»²¹ и устранению разницы между «белым» и «жёлтым» трудом²².

Однако до конца 1930-х гг. сохранялось крайне тяжёлое материальное и бытовое положение большинства китайских рабочих²³. Их место в социальной иерархии, малый процент грамотности — всё это затрудняло адаптацию в советском обществе, снижало эффективность образовательной и воспитательной работы. Со стороны местного населения были случаи избиения китайцев и звучали оскорбления, пренебрежительные обращения («ходя», «китаёза»). Среди китайцев не утихали слухи о скорых расправах («топить будут в Амуре»)²⁴.

При этом в 1920-х гг. массовые трудовые миграции китайцев сочетались с методичными попытками государства установить над этим явлением контроль и вытеснить уроженцев Китая из сферы торгового предпринимательства. Социально-экономические преобразования в Стране Советов в конце 1920—1930-х гг. сопровождалось мощным давлением на частную торговлю — важнейшую сферу занятости китайцев после завершения Гражданской войны²⁵. Сказывались и внешние факторы. Ограничение трудовой миграции в СССР со стороны китайских властей, советско-китайский конфликт на КВЖД в 1929 г., захват японцами Маньчжурии — всё это сделало практически невозможным организованный завоз рабочих из Китая. Кроме того, новая модель социально-экономического развития, сложившаяся в СССР в 1930-х гг., не предполагала потребности в найме китайских рабочих²⁶.

По мере роста внешнеполитической напряжённости для СССР и его внутренних преобразований власти всё больше сомневались в лояльности членов китайской и корейской общин²⁷. Дальнейшая жёсткая политика в отношении

¹⁹ ОГА ЧО, ф. Р-254, оп. 1, д. 34, л. 172; *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России... С. 111.

²⁰ *Каменских М.С.* Политика Советского государства в отношении китайского и корейского населения в 1917—1937 гг. (на примере Пермской области) // ГУЛАГ. Начало. Пермь, 2017. С. 80—85; *Авдашкин А.А.* Китайцы на Южном Урале в 1920-е годы // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 1. С. 103—118.

²¹ *Романова Г.Н.* Положение китайских рабочих на советском Дальнем Востоке в 20-е гг. XX в. // Россия и Китай: взаимное восприятие (прошлое, настоящее, будущее). Тезисы докладов XVI международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 25—27 октября 2006 г.). Ч. I. М., 2006. С. 24—27.

²² *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России... С. 115.

²³ *Кулинич Н.Г.* Китайцы в составе городского населения Дальнего Востока в 1920—1930-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 4. С. 120—129.

²⁴ *Кочегарова Е.Д.* К вопросу использования китайских рабочих в золотопромышленности Дальнего Востока (20—30-е гг. XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 3. Благовещенск, 2002. С. 378—386.

²⁵ *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России... С. 113, 121—123.

²⁶ *Дацышен В.Г.* Китайская трудовая миграция в России. Малоизвестные страницы истории // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 99—104; *Дацышен В.Г.* Китайцы в России и советско-китайский конфликт на КВЖД // Российская история. 2011. № 5. С. 51—62; *Залеская О.В., Актамов И.Г.* Китайские мигранты в золотодобывающей отрасли на Дальнем Востоке в 20—30-е гг. XX века // Власть. 2017. Т. 25. № 4. С. 131—137.

²⁷ *Коровушкин Д.Г., Коровушкин И.Г.* Китайцы в Азиатской России: расселение и численность в конце XIX — начале XX века // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2016. № 4.

их представителей обосновывалась логикой реального или символического противостояния между СССР («страной-крепостью») и «капиталистическим миром»²⁸.

Органы государственной безопасности методично осуществляли «превентивные» меры против корейских и китайских шпионов²⁹. В действиях центральных и местных органов власти всё более отчётливо прослеживался курс на вытеснение мигрантов («неблагонадёжного элемента») за пределы страны³⁰.

Осенью 1937 г. из приграничных районов Дальнего Востока выселили 170—180 тыс. советских корейцев. Затем настала очередь китайцев, и по стране прошла волна репрессий: не менее 11 тыс. человек (китайцев и членов семей других национальностей) отправили в Синьцзян, Казахстан и разные районы Дальневосточного края³¹. Так завершилась история пребывания китайцев в Советском Союзе, а образы «китайца» и «китайца-мигранта» ушли на периферию исторической памяти вплоть до середины XX в.

Исследование комплекса вопросов — возраст, место рождения, семейное положение, род занятий, участие в общественном движении и уровень образования китайцев на Урале — позволяет понять, как мигранты обустроивались в регионе, осваивали новые для себя профессии, меняли места жительства, создавали семьи и т.д. В статье представлены районы Южного и Среднего Урала. На разных этапах административных преобразований в них входили некоторые округа Уральской обл.³² и Оренбургский округ — Средневожской. Относительно 1930-х гг. рассмотрены Чкаловская, Свердловская, Пермская и Челябинская области. Далее все эти территории обозначены понятием «Урал».

В середине 1920-х гг. общая численность китайцев, постоянно проживавших практически во всех городских поселениях региона, скорее всего, не превышала 500—550 человек (между тем в Челябинске и его окрестностях, напри-

C. 97—122; *Burnt by the Sun. The Koreans of the Russian Far East* / Ed. by J.K. Chang. Honolulu, 2016.

²⁸ *Harris J.* Encircled by enemies: Stalin's Perceptions of the capitalist world, 1918—1941 // *Journal of Strategic Studies*. Vol. 30. 2007. Is. 3. P. 513—545; *Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924—1953* / Ed. by D.R. Shearer. New Haven; L., 2009. P. 301, 480; *Best A.* «We are virtually at war with Russia»: Britain and the Cold War in East Asia, 1923—40 // *Cold War History*. Vol. 12. 2012. Is. 2. P. 205—225.

²⁹ *Martin T.* The origins of Soviet ethnic cleansing // *Journal of Modern History*. Vol. 70. 1998. № 4. P. 813—861; *Дацышен В.Г.* Китайцы в Сибири...; *Чернолуцкая Е.Н.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920—1950-е гг. Владивосток, 2011; *Бугай Н.Ф.* Китайцы в СССР и России: политика двух стандартов (1920—1940-е годы) // *Историческая и социально-образовательная мысль*. Т. 8. 2016. № 1—2. С. 52—66; *Потапова Н.А.* «Харбинская» операция НКВД СССР 1937—1938 гг. в Алтайском крае // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 47. С. 75—80.

³⁰ *Чернолуцкая Е.Н.* Вытеснение китайцев с Дальнего Востока и депортация 1938 г. // *Проблемы Дальнего Востока*. 2008. № 4. С. 133—145; *Потапова Н.А.* Антикитайская карательная акция НКВД СССР периода «Большого террора» в Дальневосточном крае: механизмы и масштабы репрессий // *Проблемы Дальнего Востока*. 2018. № 3. С. 156—162.

³¹ *Huttenbach H.R.* The Soviet Koreans: Products of Russo-Japanese imperial rivalry // *Central Asian Survey*. Vol. 12. 1993. Is. 1. P. 65—66; *Бугай Н.Ф.* Китайцы в СССР и России... С. 63; *Мусаев В.И.* Поворот в советской национальной политике в середине — второй половине 1930-х гг. // *Народы и религии Евразии*. 2018. № 2(15). С. 102.

³² Верхнекамский, Златоустовский, Ирбитский, Пермский, Свердловский, Тагильский, Троицкий, Челябинский округа.

мер, уже в 1920 г. было порядка 30 китайцев)³³. В 1926 г. на Урале находились 368, а в 1939 г. — 472 китайца³⁴.

Значительную часть китайцев составляли рабочие, родившиеся ещё в XIX в. и приехавшие на Урал в годы Первой мировой войны (см. табл. 1). Но были и родившиеся в начале XX в. и прибывшие в регион, скорее всего, либо маленькими детьми, либо уже после установления там советской власти. Например, некий Зань Миньюй приехал в СССР в 15 лет³⁵.

Таблица 1

**Принадлежность китайских мигрантов на Урале к различным поколениям
(по годам рождения)**

До 1885 г.	1886—1890 гг.	1891—1896 гг.	1897—1900 гг.	После 1901 г.
31	42	32	46	44

Составлено по: ОГА ЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 4529, л. 1; д. 4530, л. 1; д. 4532, л. 5—6; д. 5874, л. 5; д. 8358, л. 4; д. 9023, л. 7; оп. 4, д. 3802, л. 1; д. 4207, л. 1; д. 4531, л. 4; д. 5310, л. 1; д. 4538, л. 4; д. 5056, л. 1; ф. Р-252, оп. 1, д. 425, л. 3; ПермГАСПИ, ф. 641, оп. 1, д. 191, л. 1, 3; д. 424, л. 1, 3; д. 460, л. 1, 3, 5; д. 681, л. 1, 3; д. 684, л. 1—3; д. 872, л. 1, 3; д. 895, л. 2, 3; д. 908, л. 1, 3; д. 920, л. 1, 3; д. 1024, л. 1, 3; д. 1036, л. 1, 3; д. 1118, л. 1, 3; д. 1206, л. 1, 3; д. 1310, л. 1, 3; д. 1312, л. 1, 3; д. 1328, л. 1, 3; д. 1963, л. 1, 3; д. 2182, л. 1, 3; д. 2371, л. 1, 3; д. 2372, л. 1, 3; д. 2373, л. 1, 3; д. 2374, л. 1—5; д. 2736, л. 1, 3; д. 3046, л. 1, 3; д. 3763, л. 1, 3; д. 3772, л. 1, 3; д. 3893-р, л. 1, 3; д. 4088, л. 1, 3; д. 5144, л. 1, 3; д. 5415, л. 1, 3; д. 5415, л. 1, 3; д. 6975, л. 1, 3; д. 7013, л. 1, 3; д. 7231, л. 1, 3; д. 7321, л. 1, 3; д. 7450, л. 1, 3; д. 7576, л. 1, 3; д. 7580, л. 1, 3; д. 7661, л. 1, 3; д. 8057, л. 1, 3; д. 8621, л. 1, 3; д. 8864, л. 1, 3; д. 9066, л. 1, 3; д. 9555, л. 1, 3; д. 9568, л. 1, 3; д. 9847, л. 1, 3; д. 9916, л. 1, 3; д. 10010, л. 1, 3; д. 10041, л. 1, 3; д. 10066, л. 1, 3; д. 10074, л. 1, 3; д. 10911, л. 1, 3; д. 13452, л. 1, 3; д. 13876, л. 1, 3; д. 14281, л. 1, 3; д. 14679, л. 1, 3; д. 15016, л. 1, 3; д. 15258, л. 1, 3; д. 15453, л. 1, 3; д. 16884, л. 1, 3; ГАА СО, ф. Р-1, д. 1399, л. 2—3; д. 1646, л. 1; д. 1815, л. 4; д. 2480, л. 2, 3; д. 2870, л. 1—2; д. 3045, л. 2; д. 3055, л. 2—3; д. 3058, л. 4; д. 3113, л. 3; д. 6629, л. 3; д. 9405, л. 2; д. 18435, л. 2; д. 18435, т. 2, л. 1—3; д. 24102, л. 1, 2; д. 24739, л. 1—4; д. 27088, л. 1—3; д. 30965, л. 1; д. 34007, т. 1, л. 2; д. 34007, т. 2, л. 2; д. 34506, л. 3; д. 40010, л. 1—3; д. 40011, л. 2—3; д. 40012, л. 1; д. 40157, л. 1—3; д. 40335, л. 1, 2; д. 40336, л. 1; д. 40337, л. 2; д. 40615, л. 1—3; д. 41430, л. 1; д. 41433, л. 2; д. 41435, л. 2; д. 42173, л. 2; д. 42177, л. 3; д. 42601, л. 2; д. 42775, л. 1; д. 46601, л. 2; Книга памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. С. 16—253.

Большинство осевших на Урале в те годы китайцев, прибывших в Россию в конце XIX — начале XX в., — это уроженцы северо-восточных районов их родины, в первую очередь провинции Шаньдун³⁶ (см. табл. 2). В некоторых случаях установить место рождения мигрантов невозможно: часто такой информации в архивных делах нет, либо написано: «Китай» или название какой-то деревни, без указания провинции.

Итак, мобильность китайцев была довольно высокой. В поисках заработка они перемещались по советской территории, меняя места жительства и работы. Поскольку полных данных найти пока не удалось, показать перемеще-

³³ ОГА ЧО, ф. Р-363, оп. 2, д. 27, л. 15—16; д. 34, л. 1—2.

³⁴ Подсчитано и составлено по: Перепись населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств (URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>; дата обращения: 10.05.2019). Данные переписи 1939 г. не дают полной картины: в действительности около половины китайцев подверглись репрессиям.

³⁵ ОГА ЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 9023, л. 8.

³⁶ Петров А.И. Китайская историография истории китайцев в Царской России // Россия и АТР. 2006. № 1. С. 145—146.

ния китайцев можно только на примере Челябинского и Троицкого округов Уральской обл. Прибыв в СССР, китайцы передвигались с целью заработка и трудоустройства из города в город. Например, из Читы в Троицк (по торговым делам), а также из Витебска, Кустаная, Челябинска, Петропавловска, Москвы и Уфы³⁷. Так, один из документов свидетельствует, что в январе 1927 г. в Самаре из Челябинска прибыли трое китайцев³⁸. В некоторых делах вообще нет информации о прежнем месте пребывания мигранта.

Таблица 2

Место рождения китайских мигрантов, находившихся в Челябинской, Пермской и Свердловской областях

Провинция/город	Численность уроженцев (человек)
Шаньдун	65
Харбин	9
Пекин	5
Хэбэй	4
Чжили (ныне провинция Хэбэй)	4
Мукден	3
Шанхай	3
Ханькоу (ныне г. Ухань, провинция Хубэй)	2
Хенань	1
Хунань	1

Подсчитано и составлено по: ОГА ЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 4529, л. 6; д. 4530, л. 1; д. 4532, л. 5—6; д. 5874, л. 5; д. 8358, л. 4; д. 9023, л. 7; оп. 4, д. 3802, л. 1; д. 4207, л. 4; д. 4531, л. 4; д. 4538, л. 10; д. 5056, л. 5; д. 5310, л. 1; ф. Р-422, оп. 6, д. 18, л. 4; д. 19, л. 1; д. 20, л. 1; д. 23, л. 1; д. 24, л. 1; д. 31, л. 1; д. 44, л. 1; д. 71, л. 1; д. 74, л. 1; д. 75, л. 1; д. 76, л. 1; д. 77, л. 1; д. 80, л. 1; д. 81, л. 1; д. 84, л. 1; д. 88, л. 1; д. 125, л. 2; д. 126, л. 1; д. 128, л. 1; д. 141, л. 1; д. 143, л. 1; д. 149, л. 1; д. 150, л. 1; д. 151, л. 1; д. 153, л. 1; д. 154, л. 1; д. 159, л. 1; д. 160, л. 1; д. 162, л. 1; д. 163, л. 1; д. 164, л. 1; д. 165, л. 1; д. 167, л. 1; д. 168, л. 1; д. 180, л. 1; д. 182, л. 1; д. 185, л. 1; ф. Р-11, оп. 2, д. 38, л. 105; ПермГАСПИ... см. примеч. к табл. 1. ... д. 46601, л. 2.

Проследить направления перемещений с территории Троицкого округа сложнее. В листах для убывших лиц часто можно увидеть либо запись «выбыл, неизвестно куда», либо пустую графу. Большинство людей приезжали из ближайших городов (Челябинск, Кустаная и Уфа). Среди направлений выезда преобладали Челябинск и Москва. В личных делах репрессированных китайцев отчётливо выделяются дальневосточный вектор (Владивосток, Иркутск, Чита, Хабаровск) и «столичный» (Москва и Киев)³⁹.

³⁷ См.: ОГА ЧО, ф. Р-422, оп. 6, д. 17, л. 6; д. 24, л. 2; д. 31, л. 3; д. 71, л. 5; д. 79, л. 5; д. 128, л. 3; д. 151, л. 3; д. 150, л. 9; д. 81, л. 12; д. 152, л. 3; д. 149, л. 4.

³⁸ Там же, ф. Р-11, оп. 1, д. 36, л. 62.

³⁹ Там же, ф. Р-467, оп. 3, д. 4530, л. 6—7; д. 4532, л. 7; д. 5874, л. 10—11; д. 8358, л. 6; д. 9023, л. 8, 13; оп. 4, д. 3802, л. 10; д. 4207, л. 6; д. 4529, л. 6; д. 4531, л. 7—8; д. 4538, л. 1; д. 5056, л. 8; д. 5310, л. 13.

**Информация о прибытии и выезде китайцев
(Троицкий округ Уральской обл. во второй половине 1920-х гг.)**

Откуда прибыл город / человек		Куда выбыл город / человек	
Челябинск	6	Челябинск	9
Москва	1	Москва	5
Свердловск	2	Свердловск	2
Китай	2	Китай	3
Чита	1	Чита	1
Омск	1	Омск	1
Уфа	4	Ташкент	2
Кустанай	3	Новосибирск	1
Витебск	1	неизвестно	14
Ростов-на-Дону	1		
Иркутск	2		
Пермь	1		
Петропавловск	1		

Подсчитано и составлено по: ОГА ЧО, ф. Р-422, оп. 6, д. 16, л. 4; д. 17, л. 6; д. 19, л. 5; д. 20, л. 7; д. 24, л. 2; д. 31, л. 3; д. 44, л. 7; д. 53, л. 21; д. 71, л. 5; д. 74, л. 4; д. 75, л. 4; д. 76, л. 4; д. 77, л. 2; д. 79, л. 5; д. 80, л. 10; д. 81, л. 12; д. 88, л. 5; д. 125, л. 7; д. 126, л. 2; д. 128, л. 3; д. 141, л. 4; д. 143, л. 5; д. 148, л. 3; д. 149, л. 4; д. 151, л. 3; д. 150, л. 9; д. 152, л. 3; д. 153, л. 2; д. 154, л. 3; д. 159, л. 2; д. 160, л. 3; д. 162, л. 2; д. 163, л. 4; д. 164, л. 5; д. 165, л. 3; д. 167, л. 6; д. 175, л. 7; д. 182, л. 9; д. 185, л. 2.

Важным показателем укоренённости китайских мигрантов в принимавшем их обществе является создание семей⁴⁰. Согласно трудовому характеру миграции и историческим особенностям большинство китайцев составляли мужчины. Сведений о китаянках пока не обнаружено. Многие китайцы были женаты на русских женщинах и имели от них детей, обычно два-три ребёнка. Например, семейное положение китайских мигрантов в Челябинской и Пермской областях: холостых — 49 человек; вдовцов — 1; женатых — 67 человек⁴¹. Большинство холостяков относились к категории временных мигрантов или только

⁴⁰ См.: Дацьшен В.Г., Кутилова Л.А. Русско-китайские семьи в XX веке: история возникновения и некоторые характеристики // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. Т. 18. 2019. № 4. С. 742—757.

⁴¹ Подсчитано и составлено по: ОГА ЧО, ф. Р-467, оп. 4, д. 3802, л. 4; д. 4207, л. 4; д. 4531, л. 4; д. 4538, л. 3, 8, 10; д. 5056, л. 5; оп. 3, д. 4529, л. 6; д. 4530, л. 1; д. 4532, л. 5—6; д. 5874, л. 5; д. 9023, л. 7; ф. Р-422, оп. 6, д. 16, л. 5; д. 18, л. 4; д. 19, л. 1; д. 20, л. 1; д. 24, л. 1; д. 31, л. 1; д. 44, л. 1; д. 71, л. 1; д. 74, л. 1; д. 76, л. 4; д. 77, л. 4; д. 79, л. 1; д. 81, л. 1; д. 84, л. 2; д. 88, л. 1; д. 125, л. 3; д. 128, л. 1; д. 141, л. 4; д. 143, л. 1; д. 148, л. 1; д. 149, л. 1; д. 150, л. 1; д. 151, л. 2; д. 152, л. 2; д. 154, л. 2; д. 159, л. 2; д. 160, л. 1; д. 162, л. 1; д. 163, л. 1; д. 180, л. 5; д. 164, л. 1; д. 165, л. 1; д. 167, л. 1; д. 168, л. 1; д. 173, л. 1; д. 175, л. 1; д. 182, л. 1; д. 185, л. 1; ПермГАСПИ... см. примеч. к табл. 1... д. 16884, л. 1, 3.

прибывших в 1920-х гг. Не исключено, что они тоже обзавелись семьями, если не покинули край. Нельзя забывать и о «гражданских» браках.

Важной чертой в коллективном портрете группы является занятость; основные сферы деятельности — неквалифицированный физический труд, торговля и сфера обслуживания (см. табл. 4). Участие китайских трудящихся в кооперативном движении способствовало их объединению, ускорило их интеграцию в социально-экономическую жизнь СССР. Например, в Троицке несколько китайцев занимались изготовлением кваса⁴². В 1930-х гг. на Урале работали как минимум пять «китайских» артелей: «Красный Восток», «Восточный рабочий»; сельскохозяйственные — им. Сунь Ятсена и «Красный Восток»⁴³; им. 10-й годовщины Красной армии и торгово-производственная кооперативная артель инвалидов «Китайский рабочий»⁴⁴. Основной деятельностью последней — достаточно успешного предприятия — была мелкая розничная торговля в киосках «различной бакалеей и табачными изделиями». Помимо торговых киосков в структуре артели работала прачечная. Во второй половине 1920-х гг. руководство предприятия пыталось решить важные вопросы — улучшения быта китайцев Урала (выделение помещения для организации культурной работы, открытие школы для китайских детей, улучшение жилищных условий и т.д.)⁴⁵. Реализация этих замыслов вполне могла привести к оформлению более организованной и сплочённой китайской общины. Однако росту кооперативного движения уже препятствовали на союзном уровне. Форсированная индустриализация, коллективизация сельского хозяйства и давление государства на частную торговлю вынудили китайцев осваивать ту или иную «рабочую» специализацию (на шахтах, промышленных и сельскохозяйственных предприятиях и др.).

Таблица 4

Профессии и род занятий китайских мигрантов на Урале

Место работы или сфера деятельности	Количество человек
чернорабочий	29
рабочий	15
не указано	18
торговец	14
член артели	10
рабочий на шахте	8
рабочий на предприятии	6
кочегар	8
сапожник	2

⁴² ОГА ЧО, ф. Р-422, оп. 6, д. 16, л. 1—1 об., 4; д. 53, л. 9; д. 88, л. 6.

⁴³ Там же, ф. Р-467, оп. 4, д. 4531, л. 14.

⁴⁴ *Каменских М.С.* Китайцы на Среднем Урале... С. 138.

⁴⁵ Там же. С. 138—139.

Таблица 4. Продолжение

печник	1
чертёжник	1
кондитер, кулинар, повар	7
сторож	1
работник торговли	7
грузчик	5
крестьянин	5
сборщик утильсырья	7
квасник	5
фотограф	3
ассенизатор	2
пенсионер	1
работник больницы	1
заведующий	2
техник, помощник главного инженера	1
председатель сельскохозяйственной артели	1
заведующий магазином	1
рабочий на железной дороге	1
домашнее хозяйство	2
цветочник	2
фокусник	3
игрушечник	1
портной	1
пекарь	1
сапожник	2
рабочий-машинист	1
огородник	1
колхозник	1
парикмахер	2
шахтёр	1

Таблица 4. Окончание

сборщик пушнины	3
токарь	1
старатель	1
слесарь	1
без определённых занятий	7

Подсчитано и составлено по: ОГА ЧО, ф. Р-467, оп. 4, д. 3802, л. 4; д. 4207, л. 1; д. 5310, л. 1; д. 4531, л. 4, 14; д. 4538, л. 4, 14; д. 5056, л. 1; оп. 3, д. 4529, л. 6; д. 4530, л. 1; д. 4532, л. 5—6; д. 8358, л. 4; д. 9023, л. 7; ф. Р-422, оп. 6, д. 18, л. 4; д. 19, л. 1; д. 20, л. 1; д. 23, л. 1; д. 24, л. 1; д. 31, л. 1; д. 44, л. 1; д. 71, л. 1; д. 74, л. 1; д. 75, л. 1; д. 76, л. 1; д. 77, л. 1; д. 79, л. 1; д. 80, л. 1; д. 81, л. 1; д. 84, л. 1; д. 88, л. 7; д. 125, л. 3; д. 126, л. 1; д. 128, л. 1; д. 141, л. 1; д. 143, л. 1; д. 148, л. 1; д. 149, л. 1; д. 150, л. 1; д. 151, л. 1; д. 152, л. 1; д. 153, л. 1; д. 154, л. 1; д. 159, л. 1; д. 160, л. 1; д. 162, л. 1; д. 163, л. 1; д. 164, л. 1; д. 165, л. 1; д. 167, л. 1; д. 168, л. 1; д. 173, л. 1; д. 175, л. 1; д. 180, л. 1; д. 182, л. 1; д. 185, л. 1; ф. Р-11, оп. 2, д. 38, л. 83 об., 93 об., 98 об.; ПермГАСПИ... см. примеч. к табл. 1.

Участие китайцев в общественной жизни страны было минимальным. Существовавшие ранее формы социальной организации, скорее всего, трансформировались в артели, совместное кустарное производство и сбыт продукции и т.д. Значительную часть репрессированных китайцев составляли беспартийные. Примечательно, что в Челябинской обл. был репрессирован даже член Коммунистической партии Китая (КПК). Несмотря на репрессии, к концу 1938 г. на Урале оставались жить китайцы, являвшиеся членами ВКП(б). По всей стране их насчитывалось 577 человек, из которых шесть проживали на Урале — по три коммуниста и кандидата в члены ВКП(б)⁴⁶. Например, в общественном движении в Челябинской, Свердловской и Пермской областях участвовали: бывшие члены ВКП(б) — 9 китайцев; члены ВКП(б) — 7; беспартийные — 87; член КПК — 1; без указания партийности — 17 китайцев⁴⁷.

Практически непреодолимым барьером на пути интеграции в общество для китайских мигрантов оставались незнание русского языка или слабое владение им. Это отрицательно сказывалось на уровне образования и снижало возможности социальной мобильности людей. Большинство китайцев не имели даже начального образования, также среди них было очень мало грамотных людей (см. табл. 5).

Репрессии на Урале затронули примерно 40—50% китайцев⁴⁸. На основании сомнительных и зачастую «выбитых» показаний составлялся обвинительный приговор. «Вербовщиками» японской разведки обычно являлись китайцы и

⁴⁶ Там же. С. 151.

⁴⁷ Подсчитано по: ОГА ЧО, ф. Р-467, оп. 4, д. 4531, л. 4; д. 4538, л. 7; ПермГАСПИ... см. примеч. к табл. 1... д. 46601, л. 2.

⁴⁸ Опираясь на результаты Всесоюзной переписи населения 1926 г. и количественные показатели репрессированных на материалах Свердловской и Пермской областей, М.С. Каменских предположил, что на данных территориях репрессиям подверглись порядка 40% китайцев. В силу того что фонд Челябинского областного архива, в котором отложились следственные дела репрессированных, находится в состоянии переработки, не все дела доступны для работы в читальном зале. На основе старой описи архивного фонда обнаружены свыше 30 китайских имён и фамилий. Можно предположить, что на территории Челябинской и Чкаловской областей репрессиям подверглось примерно до половины китайцев (примерно 35 из 72, 20 из 50 человек соответственно).

**Образование китайских мигрантов
(Челябинская, Пермская и Свердловская области)**

Образование	Количество человек
без	38
начальное	21
малограмотный	19
неизвестно	18
неграмотный	16
грамотный	6
высшее	2
самоучка	1

Подсчитано и составлено по: ОГА ЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 4529, л. 6; д. 4530, л. 5—6; д. 4532, л. 5—6; д. 5874, л. 5; д. 8358, л. 4; д. 9023, л. 7; оп. 4, д. 3802, л. 4; д. 4207, л. 5; д. 4531, л. 4; д. 4538, л. 1; д. 5056, л. 5; д. 5310, л. 4; ф. Р-422, оп. 6, д. 18, л. 4; д. 19, л. 1; д. 20, л. 1; д. 23, л. 1; д. 24, л. 1; д. 31, л. 1; д. 44, л. 1; д. 71, л. 1; д. 74, л. 1; д. 75, л. 1; д. 76, л. 1; д. 77, л. 1; д. 79, л. 1; д. 80, л. 1; д. 81, л. 1; д. 84, л. 1; д. 88, л. 7; д. 125, л. 3; д. 126, л. 1; д. 128, л. 1; д. 141, л. 1; д. 143, л. 1; д. 148, л. 1; д. 149, л. 1; д. 150, л. 1; д. 151, л. 1; д. 152, л. 1; д. 153, л. 1; д. 154, л. 1; д. 159, л. 1; д. 160, л. 1; д. 162, л. 1; д. 163, л. 1; д. 164, л. 1; д. 165, л. 1; д. 167, л. 1; д. 168, л. 1; д. 173, л. 1; д. 175, л. 1; д. 180, л. 1; д. 182, л. 1; д. 185, л. 1; ф. Р-11, оп. 2, д. 38, л. 83 об., 93 об., 98 об.; ПермГА-СПИ... см. примеч. к табл. 1... д. 46601, л. 2.

корейцы, с которыми обвиняемый вместе когда-то работал⁴⁹. После непродолжительного расследования, как правило, все члены «японской разведывательной» организации признавались виновными.

Материалы некоторых следственных дел достоверно отражают коллективную биографию бывших жителей Китая, осевших в СССР в 1920—1930-х гг. Теоретически они могли бы составить «ядро» китайской общины, поскольку принимали участие в Гражданской войне, имели опыт организационной работы, достаточно высокий уровень образования и сравнительно хорошо владели русским языком.

Рассмотрим наиболее показательные биографии. Цун Сянюн⁵⁰ приехал в Россию в 1916 г. для работы на железной дороге, занимал должность секретаря китайских рабочих. В 1918 г. во время Гражданской войны вступил в Красную армию. После демобилизации вернулся к организационной работе среди трудящихся соотечественников. В 1930 г. Цун Сянюн приехал в Челябинск и поступил на работу председателем артели «Красный Восток», в которой трудилось немало китайцев. Выяснить, избежал ли он репрессий, пока не удалось.

Весьма интересно следственное дело уроженца той же провинции Ван Сянгуя⁵¹. Судя по всему, он впервые прибыл в Россию ещё до революции

⁴⁹ ОГА ЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 9023, л. 7—12; оп. 4, д. 4531, л. 7; д. 4538, л. 20.

⁵⁰ Там же, ф. Р-252, оп. 1, д. 425, л. 3.

⁵¹ Там же, ф. Р-467, оп. 3, д. 4530, л. 1.

(1916), но его присутствие в стране в тот период документы не подтверждают⁵². В 1922 г. этот человек «нелегально» пересёк советско-китайскую границу и обосновался в Москве, где существовала крупная община китайских мигрантов⁵³. Работал он в одной из китайских красилен, промышлял мелкой торговлей. О его включённости в местное общество свидетельствует создание семьи. Китаец женился на русской женщине-москвичке; в браке родились четверо детей — Елена (1927), Евгений (1930), Тамара (1931) и Борис (1934)⁵⁴. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. с усилением давления государства на частный сектор в целом и китайскую общину в частности Ван Сянгуэй покинул столицу. Затем он попеременно проживал в Калининне, Подмоскowie (Перово) и Ржеве⁵⁵. Не имея возможности найти другого источника заработка, китаец торговал галантереей, спичками, папиросной бумагой, выпекал и продавал на рынке хлеб, за что был осуждён как спекулянт⁵⁶.

Этот человек хорошо владел русским языком, поэтому имел определённый авторитет среди китайцев. Вполне возможно, он выполнял посреднические функции в торговых и других делах между китайцами и местными жителями. Согласно сводкам агентов ОГПУ на квартире Ван Сянгуя часто собирались его соотечественники для игры в карты на деньги⁵⁷. Это была одна из наиболее распространённых форм времяпрепровождения: во время карточной игры китайцы общались и решали важные для них вопросы.

Ухудшение положения китайской общины в Москве вынудило Ван Сянгуя отправиться на Урал, где возводились индустриальные гиганты, а значит, требовалась рабочая сила и была возможность заработать. В 1934 г. он переехал на станцию Кизил, в 1935 г. уехал в Уфалей, с 1935 г. проживал в посёлке Касли, где работал поваром в артели «Инвалид»⁵⁸. В 1938 г. Ван Сянгуя обвинили в шпионаже в пользу Японии и в диверсионной работе на территории СССР. Умер он в лагере в апреле 1941 г.⁵⁹

Личное дело М.М. Матвеева (в материалах дела — Лу Ни, родившегося в провинции Хунань в 1907 г.). Этот человек — яркий пример представителя той части китайской общины, которая взаимодействовала с органами власти и участвовала в советской общественной жизни. В 1927—1929 гг. Матвеев обучался в Коммунистическом университете трудящихся Китая в Москве, в 1931—1936 гг. — в Восточно-Сибирском горном институте в Иркутске, он женился на русской женщине, в 1930 г. у них родился сын Александр, а незадолго до ареста главы семьи на свет появилась дочь Тамара. Помимо русского, Матвеев владел английским, японским и китайским языками. У него была насыщенная и нетипичная для большинства китайских трудящихся трудовая биография. В 1929—1936 гг. Матвеев занимал важные должности на дальневосточных золотых приисках, заведовал интернациональным сектором, состоял редактором китайской секции в радиоцентре в Иркутске, с 1937 г. работал помощником главного инженера Первомайского рудника в районе Карабаша⁶⁰, но в феврале

⁵² Там же, л. 16.

⁵³ *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России... С. 113.

⁵⁴ ОГА ЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 4530, л. 4—5.

⁵⁵ Там же, л. 16.

⁵⁶ Там же, л. 5.

⁵⁷ Там же, л. 18—19.

⁵⁸ Там же, л. 7.

⁵⁹ Там же, л. 32.

⁶⁰ Там же, оп. 4, д. 4538, л. 1—3, 10.

1938 г. был арестован за шпионскую и диверсионную деятельность в пользу Японии, а в апреле расстрелян.

Таким образом, в 1920—1930-х гг. на китайское присутствие в Уральском крае повлияла его индустриальная и географическая специфика. Основу общины китайцев составили рабочие, приехавшие на уральские заводы ещё в годы Первой мировой войны. Революционные события и крах промышленного производства вызвали эвакуацию «жёлтых рабочих» в Китай, но этим замыслам не дали воплотиться в полном объёме перегруженность железнодорожного транспорта и начавшаяся в России Гражданская война. Потеряв средства существования, безработные китайцы искали убежище и пропитание в окрестностях остановившихся заводов и шахт или пополняли ряды Красной армии.

После установления советской власти китайцы дореволюционной миграционной волны уже неплохо освоились в принявшем их обществе, занялись торговлей и различными промыслами, обзавелись русскими семьями и приняли советское гражданство. Несмотря на некоторый рост трансграничных миграций в 1920-х гг., численность китайцев на Урале существенно не возростала и оставалась стабильной. Обновления сообщества за счёт прибывших китайцев практически не происходило. Основную часть этих мигрантов в тот период составили рабочие сельскохозяйственного сектора и золотых приисков, преимущественно ориентированные на маятниковые миграции в зоне фронта⁶¹. Урал в силу удалённости от границы и особой хозяйственной специфики не стал центром притяжения мигрантов из Китая. С 1929 г. миграционные обмены с этой страной практически прекратились из-за осложнения обстановки на советско-китайской границе.

В дореволюционное время китайцы, отправляясь на заработки в Россию, создавали там «братские общины», в которых действовали круговая порука и клятва — заботиться друг о друге. Иногда среди этих рабочих возникали и криминальные группы⁶². В советское время на Урале не наблюдалось следов существования каких-либо подобных замкнутых китайских сообществ. Трудно сказать, в какой степени мобильность и условия жизни китайцев вне зоны фронта и крупных городов зависели от неформальных структур. Скорее всего, последние перерастали в хозяйственные объединения (артели, совместное производство, сбыт товаров и др.).

И ещё об одном — погребальной обрядности. Исторически большинство китайцев оставались маятниковыми мигрантами и предпочитали быть похороненными на родине. Один из ярких примеров — известный русский купец китайского происхождения Н.И. Тифонтай, который завещал похоронить себя в Харбине. В годы Первой мировой войны на территории Пермской губ. даже организовали кладбище для погребения прибывших из Китая рабочих. Начав покидать в 1917 г. революционную Россию, китайцы отправляли местным властям прошения об эксгумации останков их соотечественников для последующей кремации и отправки праха на родину⁶³ (пока неизвестно, как происходили захоронения китайцев в 1920—1930-х гг., отправлялись ли останки на родину, имели ли место факты эксгумации более ранних погребений).

⁶¹ См.: Залесская О.В., Актамов И.Г. Китайские мигранты в золотодобывающей отрасли... С. 131—137.

⁶² Время от времени имена китайцев мелькали в криминальных сводках 1920-х гг.: ОГА ЧО, ф. Р-422, оп. 7, д. 2, л. 93; д. 5, л. 325.

⁶³ Каменских М.С. Китайцы на Среднем Урале... С. 101—102.

В конце 1930-х гг. уроженцы Китая фактически «растворились» в местном населении и о них ничего не известно. В сталинский период о факте проживания в стране китайцев «забыли». Традиция культурного и социального взаимодействия с представителями китайской этнической группы прервалась на продолжительный период. Между тем, несмотря на репрессии, на Урале всё же образовались предпосылки для формирования и развития китайского сообщества в последующие периоды. В городах края по-прежнему оставалось немало потомков смешанных браков, многие уральцы получили тогда опыт повседневного общения с китайцами (сфера торговли, трудовые коллективы, соседство и др.).

Ф.А. Головин: либеральный политик революционной эпохи

Pëtr Gordeev

F.A. Golovin: the liberal politician of the revolutionary era

Petr Gordeev

(Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg)

DOI: 10.31857/S086956870013448-3

Среди российских либеральных политиков начала XX в. Фёдору Александру Головину принадлежало видное место. Ему дважды выпадала честь занимать должности общенационального значения: председатель II Государственной думы в 1907 г., десять лет спустя он был назначен комиссаром над бывшим Министерством императорского двора, в ведении которого находились важнейшие учреждения культуры и искусства. Несмотря на это, его личность и деятельность, отразившиеся во многих публикациях и документах, разбросанных по московским и петербургским архивам, почти не привлекали внимание исследователей: до сих пор ему посвящено лишь несколько более или менее полных энциклопедических статей¹. Настало время пристальнее взглянуть на эту, по-своему характерную, фигуру отечественной истории.

Потомок древнего рода, Головин с юности был окружён «преданиями веков». В написанном в 1919 г. мемуарном очерке «Последние Головины» он вспоминал: «На днях мне попала в руки старая книжка — “Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского”, собранная П. К[азанским] и изданная в Москве в 1847 г. Когда-то, в дни ранней юности, я любил эту книжку, прочёл её от строки до строки не один раз и хорошо знал её содержание. Тогда я кичился своею принадлежностью к древнему боярскому роду Головиных. Я читал эту книжку с чувством уважения к доблести своих предков и желания быть достойным носить их имя. Эти чувства во мне развивали и поддерживали Лицей цесаревича Николая, где я получил своё образование², и мои тётушки, Анна Павловна Головина и Екатерина Павловна Неелова, рождённая Головина. Но дальнейшее моё образование в Московском университете, затем продолжавшееся самообразование, а главное, знакомство с жизнью, с идеалами рус-

© 2021 г. П.Н. Гордеев

¹ *Гайда Ф.А.* Головин Фёдор Александрович // Российский либерализм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 193; *Голостенов М.Е.* Головин Фёдор Александрович // Политические деятели России 1917: биографический словарь. М., 1993. С. 81; *Голостенов М.Е., Нарский И.В.* Головин Фёдор Александрович // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 156; *Серков А.И.* Русское масонство 1731—2000: энциклопедический словарь. М., 2001. С. 256, 257; Головин Фёдор Александрович // *Московская энциклопедия*. Т. 1. Кн. 1. М., 2007. С. 406—407; Головин Фёдор Александрович // *Государственная дума Российской империи: 1906—1917: энциклопедия*. М., 2008. С. 133; *Дёмин В.А.* Головин Фёдор Александрович // *Россия в 1905—1907 гг.: энциклопедия*. М., 2016. С. 188—189.

² А не в «знаменитом Училище правоведения», как иногда полагают исследователи: *Зимин И.В.* Царские деньги: доходы и расходы Дома Романовых: повседневная жизнь Российского императорского двора. М.; СПб., 2011. С. 479.

ской интеллигенции, наконец, работа в земстве и сближение с так называемым “третьим элементом” в земстве совершенно уничтожили моё прежнее чванство своим происхождением и сделали из меня убеждённого демократа и врага словесных привилегий. “Родословную Головиных” я забросил на десятки лет»³.

Домашняя обстановка не предвещала будущей политической карьеры: «Детство, отрочество и раннюю юность я проводил в нашей семье, которая жила очень уединённо. У нас было мало знакомых, почти никого родных. Я боялся людей, был застенчив до крайности, краснел до слёз, часто без причины, боялся говорить в обществе и даже в своей семье, за что и получил прозвище “лицо без речей”»⁴. В 1891 г., окончив «и гимназический, и университетский курсы в Лицее цесаревича Николая в Москве, в так называемом “Катковском” лицее», Головин поселился в родовом имении Деденево, «расположенном в 50 верстах от Москвы по Дмитровскому шоссе и в 12 верстах от г. Дмитрова», где прожил до февраля 1898 г. «В эти 6 лет, — отмечал Фёдор Александрович, — я хорошо ознакомился с местной жизнью и местными административными и общественными деятелями»⁵. В 1896 г. Головин стал гласным Московского губернского земского собрания, с которым затем был связан в течение многих лет. С 1898 г. будущий председатель Думы являлся членом, а в 1904—1907 гг. — председателем Московской губернской земской управы. Тогда же, на рубеже XIX—XX вв., у него зародилось увлечение политикой: он входил в состав знаменитого кружка «Беседа»⁶. Д.Н. Шипов писал об участии Головина, «убеждённого конституционалиста и принципиального противника существовавшего государственного строя», в совещаниях земских деятелей в 1902—1903 гг., в делегации земцев, принятой в 1903 г. министром внутренних дел В.К. Плеве, и в переговорах в 1905 г. с председателем Совета министров гр. С.Ю. Витте о вхождении либералов в правительство⁷. А.А. Кизеветтер видел в Фёдоре Александровиче в те годы «последовательного конституционалиста, члена левого крыла земского движения»⁸. Головин участвовал в первом легальном Земском съезде, проходившем в Петербурге в ноябре 1904 г., в коалиционном съезде земских деятелей в мае 1905 г., общероссийских съездах земских и городских деятелей в июле, сентябре и ноябре 1905 г.⁹ «Я помню, — писал он позднее в очерке, посвящённом деятельности III Думы, — Москву 18 октября, в день объявления манифеста. Ликование было без конца. Слёзы радости виднелись на лицах людей, которые никогда не плачут»¹⁰.

Свои политические настроения Ф.А. Головин выразил тогда в письмах к М.В. Челнокову, с которым они дружили семьями и вместе работали в московском земстве¹¹. 15 июля 1905 г. Фёдор Александрович жаловался ему на обыск:

³ РГИА, ф. 1625, оп. 1, д. 1, л. 1. О родословной Ф.А. Головина см.: *Соловьёв М.В.* Дворяне Головины: Новоспасско-Деденевская (Спасо-Влахернская) ветвь. М., 2000.

⁴ Воспоминания Ф.А. Головина о II Государственной думе // Исторический архив. 1959. № 4. С. 146.

⁵ РГИА, ф. 1625, оп. 1, д. 2, л. 1.

⁶ РГАЭ, ф. 9590, оп. 1, д. 105, л. 91; *Соловьёв К.А.* Кружок «Беседа»: в поисках новой политической реальности, 1899—1905. М., 2009. С. 47—48.

⁷ *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. С. 183, 239, 241, 256, 348—351.

⁸ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881—1914. М., 1997. С. 249.

⁹ РГИА, ф. 1625, оп. 1, д. 13, л. 1; Либеральное движение в России 1902—1905 гг. М., 2001. С. 78, 138, 242, 256—259, 390, 391, 436—439.

¹⁰ РГИА, ф. 1625, оп. 1, д. 8, л. 3.

¹¹ ГА РФ, ф. 810, оп. 1, д. 564, л. 2—3 об.; *Селезнев Ф.А.* Михаил Васильевич Челноков // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 87.

«Ты, вероятно, уже знаешь, что в ночь на 14 число ко мне на квартиру явились пристав и жандармский офицер с требованием выдать им документы, касающиеся съезда 6 июля... По поводу таких мероприятий по совету Муромцева и Козлова я решил скандалить в Петербурге, для чего и приехал сюда сегодня. Я обращусь к Сольскому и в возможно ярких красках опишу ему условия, в которых приходится работать людям, желающим на основании Указа 18 февраля представить свои соображения в Совет министров по вопросу государственного благоустройства»¹². К этому времени Головин уже находился под негласным надзором полиции, и сотрудники охранного отделения пристально следили за его перемещениями в Москве и Петербурге¹³. Неудивительно, что протесты не имели ожидаемого результата. В бумагах П.Н. Милюкова сохранилась копия протокола о посещении полицией квартиры Головина 2 июля 1905 г. (перед земским съездом, проходившим 6—8 июля). Полицейские указали присутствовавшим там земцам на отсутствие у них разрешения на проведение собрания, те же вписали в протокол, что «вход полиции в частное помещение, где собрались для совместной беседы частные лица, не нарушающие ничем порядка, принадлежит к актам, делающим совершенно невозможным мирное течение жизни»¹⁴.

2 августа Головин с иронией сообщал Челнокову: «Ждём закона о Госуд[арственной] думе. По слухам, лидером либеральной партии на заседаниях в Петрограде был Трепов. Хороша компания!»¹⁵. Но уже 9 августа, узнав о созыве «булыгинской» думы, Фёдор Александрович негодовал: «Дорогой Михаил Васильевич, дожили мы с тобой до объявления Госуд[арственной] думы, — да ещё какой! Неужели верхи нашего правительства искренно воображают, что подобная Дума успокоит общественное движение? Когда государство нуждается в серьёзной операции для своего излечения, ему прописывают капли брома, да ещё плохого, взятого из мелочных лавочек уездных городишек. По своему составу Дума будет, вероятно, “черносотенная”. Ты, наверно, обратил внимание на расписание выборщиков. Так, тот уезд, в котором ты сейчас живёшь, посылает 1 выборщика от крестьян, 1 от землевладельцев и 6 от горожан. А в богоспасаемом граде Дмитрове свил себе прочное гнездо “союз русских людей” из Коннозаводства. Хорошо и право законодательной инициативы! А размер ценза! И ко всему этому надо ещё прибавить строгое запрещение собраний и союзов, стеснение печати. При хороших условиях будут происходить эти хорошие (так в тексте. — П.Г.) выборы! Вся эта “Дума” — сплошное глумление над обществом! Теперь надо ждать сильного революционного движения. Умеренным элементам пока делать нечего». При этом он не солидаризовался с революционерами, полагая, что «покой и тишина нарушены будут, конечно, и скоро, но не нами. Мы же должны вновь заговорить тогда, когда страна будет в сильном волнении, и говорить для того, чтобы успокоить волнение. Такая политика наша была бы в интересах дела, нами защищаемого, — мирного реформирования государственного строя»¹⁶. По-видимому, предполагалось, что это вызовет сочувствие и у влиятельных лиц в правитель-

¹² ГА РФ, ф. 810, оп. 1, д. 148, л. 20—21.

¹³ Там же, ф. 63, оп. 44, д. 6023, л. 1—2 об.; ф. 102, оп. 81, 3-е делопроизводство, 1885 г., д. 854, ч. 1, л. 1—2.

¹⁴ Там же, ф. 579, оп. 3, д. 124, л. 2—2 об.

¹⁵ Там же, ф. 810, оп. 1, д. 148, л. 29 об.

¹⁶ Там же, л. 30—30 об., 32 об.

ственных сферах. Во всяком случае, 19 августа, после завершения переговоров в Портсмуте, Головин написал Челнокову: «Поздравляю тебя с миром. Какой дипломат у нас выискался! Теперь Витте опять пойдёт в гору. Думаю, что при настоящем положении нашей внутренней политики он встанет на сторону сторонников конституции»¹⁷.

Вскоре Головин становится одним из видных членов кадетской партии, в 1906 г. входит в состав ЦК, баллотируется во II Думу, сформированную, по его словам, «при самом беззастенчивом давлении правительства на совесть избирателей и часто незаконным вмешательством (так в тексте. — П.Г.) в самые выборы»¹⁸. Вместе с пятью другими общественными деятелями он стал депутатом от Московской губ., причём по количеству избирательных шаров уступил лишь Челнокову (за Головина — 58 избирательных и 48 неизбирательных шаров, за Челнокова — 59 и 47)¹⁹.

Головин был избран председателем на первом заседании Думы 20 февраля 1907 г. (за него подали 356 шаров, против — 102)²⁰. Прежде его нередко (и, как правило, невыгодно) сравнивали с председателем I Думы С.А. Муромцевым. «Но странно сравнивать, — отметила 21 февраля 1907 г. в дневнике Е.Я. Кизеветтер, — Муромцев ещё задолго знал, что его выберут председателем, ведь состав Первой Думы предугадывался до выборов. Муромцев знал и готовился к этому, усердно изучал “регламенты” западных парламентов. А ни Головин, ни его партия не знали, что Головин будет председателем. Его стали намечать только в последнее время перед выборами, да и то не знали, во-первых, пройдёт ли он по Москве в Думу, во-вторых, пройдёт ли он в Думе в председатели. Какова будет Дума? Допустим теперь, что он и небезупречен. Кто же был бы лучше? Не приходит в голову никого, кого можно было бы наметить». Кизеветтер не скрывала, что на неё «Головин производит очень хорошее впечатление»: «Всегда ровный, бесстрастный, равно беспристрастный и к правым, и к левым, стойкий в своих требованиях, Головин, мне кажется, импонирует Думе. На всей его фигуре, сухой и корректной, лежит отпечаток благородства и выдержанности»²¹.

Интересную зарисовку о встрече с Головиным оставил директор императорских театров В.А. Теляковский. Министр двора барон В.Б. Фредерикс направил его к председателю Думы, проживавшему в гостинице «Европейская», для разговора о временном перемещении думских заседаний в Михайловский театр из-за того, что в Таврическом дворце обвалился потолок. Барон просил быть с депутатами «любезным и предупредительным, но по возможности стараться отклонить их просьбу, ибо нам эта комбинация принесёт убыток и много хлопот». Исполнив просьбу своего начальника, директор театров отметил в дневнике 4 марта 1907 г.: «На меня Головин сделал очень хорошее впечатление — он человек воспитанный, обстоятельный, образованный и культурный. Говорил я с ним о театрах, причём оказалось, что он следит за современной литературой, посещает театры и критически относится ко всему виденному.

¹⁷ Там же, л. 33.

¹⁸ РГИА, ф. 1625, оп. 1, д. 4, л. 3.

¹⁹ Там же, ф. 1278, оп. 1, II созыв, д. 106, л. 16; д. 612, л. 9, 11.

²⁰ Государственная дума. Сессия II. Стенографический отчёт. [СПб., 1907]. С. 7.

²¹ *Кизеветтер Е.Я.* Революция 1905—1907 гг. глазами кадетов: (Из дневников) / Публ. М.Г. Вандакловской, А.Н. Шаханова // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 1994. С. 378.

Сочувствует всему новому и интересному и ценит вообще искусство. В разговоре со мной он высказал своё предположение относительно трудности вести теперь дело театров и особенно репертуара, говорил о Художественном театре и его влиянии. По поводу новой Думы он сказал, что она много левее первой, и среди левых очень много некультурных людей; отсутствие интеллигенции сильно будет затруднять работу, хотя он надеется, что благоразумие возьмёт верх и будут стараться не обострять отношения с правительством». В тот же день Теляковский доложил о результатах переговоров Фредериксу, который «благодарил за исполнение поручения и особенно за то, что обошёлся я любезно и тактично с членами Думы и Головиным и устроил так, что Михайловский театр не будет дан для Думы не из-за нашего нежелания, а из-за того, что помещение это не подходит. Барон вообще мне говорил, что он не понимает этих пренебрежительных отношений, с которыми обращаются к Головину наши сановники»²². Впрочем, сам Головин жаловался в мемуарах на «противодействие... со стороны министра двора, барона Фредерикса, когда наметили для заседаний Думы Михайловский театр»²³.

Несмотря на весьма краткий период существования II Думы, председатель успел от неё устать. «Надеюсь видеть тебя в Москве..., — писал он 14 апреля 1907 г., выезжая из Петербурга, Челнокову, избранному депутатами в секретари (и развившему на этом посту “бурную деятельность”²⁴). — Я думаю, что тебе Дума опостылела так же, как и мне»²⁵. Служивший в канцелярии Государственной думы Г.А. Алексеев сообщал отцу 25 февраля: «В Думе Головин не засиживается: приезжает к самому началу заседаний и немедленно по их закрытии уезжает. Держит себя крайне неприступно, ни разу ещё не посоветовался с Глинкой и не спросил его даже о наступающих делах. Несомненно, и на дому он не работает, так как иначе он не обнаруживал бы такого постыдного невежества»²⁶. По мнению Алексеева, это был «очень и очень плохой председатель», хотя иногда всё же «держал себя молодцом» (например, во время скандала, устроенного В.М. Пуришкевичем 29 марта)²⁷. Я.В. Глинка, фактически руководивший думским аппаратом, не без иронии вспоминал: «Всем ворочал Челноков. Головин был марионеткой в его руках. Усы кверху а-ля Вильгельм, всегда улыбающийся, самодовольный вид. “Подскажите ему, — обращался ко мне Челноков, — чтоб он не сел в лужу”. “Издайте закон”, [— говорил он мне,] если ему надо было сделать распоряжение по канцелярии»²⁸.

Головину, который до своего избрания «не успел изучить технику парламентского делопроизводства»²⁹, многому приходилось учиться на ходу. Так, 6 мая, после произведённого полицией обыска на квартире депутата И.П. Озола,

²² Теляковский В.А. Дневники директора Императорских театров. 1906—1909. Санкт-Петербург. М., 2011. С. 157—158.

²³ Воспоминания Ф.А. Головина о II Государственной думе // Исторический архив. 1959. № 4. С. 152.

²⁴ Шевырин В.М. Михаил Васильевич Челноков // Россия и современный мир. 2008. № 1. С. 204; Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе: 1906—1917. Дневник и воспоминания / Публ. Б.М. Витенберга. М., 2001. С. 47.

²⁵ ГА РФ, ф. 810, оп. 1, д. 148, л. 12 об.

²⁶ Представительные учреждения Российской империи в 1906—1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред. В.В. Шелохаев, сост. К.А. Соловьёв. М., 2014. С. 55.

²⁷ Там же. С. 55, 69.

²⁸ Глинка Я.В. Указ. соч. С. 47.

²⁹ Воспоминания Ф.А. Головина о II Государственной думе // Исторический архив. 1959. № 4. С. 144.

входившего в социал-демократическую фракцию, Головин известил Челнокова: «Я немедленно телефонировал Столыпину, который на мой вопрос, знает ли он о поведении полиции по отношению к членам Думы на кв[артире] Озола, ответил, что знает, что получены сведения, очень верные, что там происходит заседание боевой организации с.д. партий (так в тексте. — П.Г.), что там находится (так в тексте. — П.Г.) прокурор и следователь, так что “законность обеспечена”, что неприкосновенность депутата нельзя понимать в том смысле, что нельзя полиции шарить по его карманам, когда ей заблагорассудится, и т.п. Тем наш разговор и окончился». Явно озадаченный председатель предлагал созвать президиум для обсуждения случившегося³⁰. Оно действительно заслуживало внимания: найденная у Озола записка, показавшаяся подозрительной, была использована затем правительством как предлог для ареста всей фракции³¹.

В речи, произнесённой сразу после избрания председателем, Головин, выражая признательность членам Думы, обещал оправдать их доверие: «Стремясь к беспристрастному ведению прений и к охране свободы слова, я почту своим долгом неуклонно заботиться и о поддержании достоинства Думы»³². Однако удавалось ли ему остаться нейтральным спикером?

На первых десяти заседаниях (с 20 февраля по 15 марта) Головин 21 раз делал замечания правым и октябристам (в том числе Пуришкевичу — неоднократно, а также гр. В.А. Бобринскому, С.Т. Варун-Секрету, В.Г. Ветчинину, П.Н. Крупенскому, П.А. Крушевану, Л.Г. Люцу, В.Ф. Мельнику, П.В. Синадино, И.П. Созоновичу, гр. В.В. Стенбок-Фермору, С.А. Шидловскому, В.В. Шульгину и другим, как правило, шумевшим или допускаявшим некорректные выражения во время выступлений своих оппонентов)³³ и 14 раз прерывал левых ораторов (Г.А. Алексинского, В.Г. Архангельского, А.А. Булата, А.Л. Джапаридзе, Н.И. Долгополова, Л.В. Карташева, В.Б. Ломтатидзе, И.А. Петрова, Е.И. Сорокина, С.Х. Тер-Авекитянца, И.Г. Церетели и др.)³⁴. Пять раз ему приходилось призывать к порядку однопартийцев (М.-Г. Махмудова — дважды, В.И. Долженкова, А.А. Кизеветтера и Т.Т. Нороконева)³⁵. Отвечая 30 июня 1917 г. на вопросы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, Головин признал, что во II Думе с правыми у него «не было почти никакого контакта»: «Представителей правого крыла я видел только на заседаниях». Напротив, с некоторыми социал-демократами он «был достаточно близок»³⁶. В воспоминаниях Фёдор Александрович не забыл упомянуть про отличавшее левых «тупое самомнение опьяневшей от недавнего неожиданного успеха необразованной и озлобленной молодёжи», но всё-таки утверждал, что «вера в непогрешимость проповедуемых ими идей и несомнен-

³⁰ ГА РФ, ф. 810, оп. 1, д. 148, л. 15—16 об.

³¹ Из записок председателя II Госуд[арственной] думы Ф.А. Головина // Красный архив. 1930. № 6. С. 62; Воспоминания Ф.А. Головина о II Государственной думе // Исторический архив. 1959. № 6. С. 62, 63, 71.

³² Государственная дума. Сессия II... С. 8.

³³ Там же. С. 26, 27, 37, 121—125, 138, 139, 313, 374, 376, 379, 382, 383, 434, 446, 447, 450, 458, 459, 472, 475, 483, 506, 509, 522, 530, 532, 592, 593.

³⁴ Там же. С. 27, 125, 162, 237, 246, 370—372, 381, 456, 461, 462, 465, 467, 495, 497, 555, 560, 561, 565, 576, 620—625.

³⁵ Там же. С. 27, 55, 483, 529, 594.

³⁶ Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. V. М.; Л., 1926. С. 369, 371.

ная бескорыстность и готовность к самопожертвованию... возбуждали симпатию к ним объективного и беспристрастного наблюдателя». Совсем «не такое чувство» возникало у него при взгляде на правое крыло, где «прежде всего бросались в глаза лукавые физиономии епископов и священников, злобные лица крайних реакционеров из крупных землевладельцев-дворян, бывших земских начальников и иных чиновников, мечтавших о губернаторстве или вице-губернаторстве, ненавидевших Думу, грозившую их материальному благосостоянию и их привилегированному положению в обществе»³⁷.

Такое отношение спикера ощущалось депутатами и вызывало у некоторых из них протест. Так, Г.А. Лашкарёв, принадлежавший к фракции правых, 30 апреля 1907 г. подал Челнокову заявление, в котором жаловался на то, что его, «русского, да ещё прослужившего 25 лет на военной службе», Головин останавливал во время речи своими замечаниями. Лашкарёв собирался «после заседания поставить вопрос на личную почву», но после того, как «произошёл инцидент, вызванный выходкою Зурабова»³⁸, «не счёл возможным иметь дело с г. Головиным, — таким он мне показался жалким, растерянным, достаточно наказанным за своё председательство». Поэтому депутат просил секретаря Думы убедить председателя «быть ко мне вполне корректным во избежание осложнений». Челноков, партийный товарищ и личный друг Фёдора Александровича, в тот же день ответил, что, учитывая «всегда неизменно корректное отношение председателя Государственной думы Ф.А. Головина ко всем ораторам Государственной думы», которое ему «хорошо известно», находит «какие бы то ни было переговоры» по данному поводу неуместными³⁹. Позднее, в ноябре 1907 г., бывший депутат, октябрист А.Н. Хорват, направил жалобу председателю III Государственной думы Н.А. Хомякову, обвинив Головина в превышении власти, поскольку 26 мая он, вопреки протестам, назначил рассмотрение в Думе проекта трудовиков, предусматривавшего объявление амнистии, «т.е. как раз такого вопроса, решение коего всецело принадлежит монарху». Когда же Хомяков отказался возбуждать дело, Хорват обратился 30 декабря к министру юстиции И.Г. Щегловитову, которому писал: «Насколько г-н Головин не заслуживает снисхождения со стороны правосудия, как совершавший свои незаконные деяния сознательно и с настойчивостью, слишком хорошо известно Вашему высокопревосходительству». Щегловитов представил по этому поводу специальный доклад, однако, судя по записи, сделанной им на полях 14 февраля 1908 г., «государю императору не благоугодно было удостоить высочайшего уважения жалобу Хорвата»⁴⁰.

Известен также анонимный список проступков, допущенных Головиным после аудиенции у Николая II 10 апреля (вероятно, он был подготовлен и доставлен царю незадолго до третьеиюньского переворота, поскольку события второй половины мая не упоминаются). В нём на четырёх машинописных страницах перечислялись «бестактные действия», состоявшие в замечаниях,

³⁷ Воспоминания Ф.А. Головина о II Государственной думе // Исторический архив. 1959. № 4. С. 148.

³⁸ 16 апреля социал-демократ А.Г. Зурабов выступил с критикой военного руководства. Головин сперва попытался унять оратора, а затем лишил его слова. Тем не менее произошёл крупный скандал, который вызвал у Николая II серьёзное недовольство Думой и её председателем (Записки Ф.А. Головина // Красный архив. 1926. № 6. С. 123—124, 140—147; Зурабов А.Г. Вторая Государственная дума: впечатления. СПб., 1908. С. 179—181).

³⁹ ГА РФ, ф. 810, оп. 1, д. 17, л. 2—4.

⁴⁰ Там же, ф. 124, оп. 46, д. 912, л. 1—3.

сделанных правым депутатам, и в попустительстве левым⁴¹. Между тем ещё в феврале, если не раньше, у императора сложилось о Головине крайне невыгодное мнение, как о полном ничтожестве. «Общее впечатление моё, — писал Николай II матери 1 марта, — что он — une nullité complète!»⁴². Редкие аудиенции не могли его изменить, однако «вызывали некоторое недовольство со стороны левой части Думы»⁴³.

Челноков также опасался, что репутация спикера пострадает из-за того, что тот жил «здесь со своей дамой открыто», и со временем это «приведёт к скандалу, особенно если за этот скандал возмутятся правые». Однако сам Головин, чья семейная жизнь к тому времени давно уже разладилась⁴⁴, спокойно писал письма (зачастую с разницей в один день) и супруге, и «своей даме» — А.В. Скурдиной⁴⁵, сообщая как о думской работе, так и об ужинах в знаменитом ресторане Кюба⁴⁶. Именно Скурдиной Головин написал 2 июня: «Сегодня вечером будет жестокий бой... Роспуск почти неизбежен... Таким образом, скоро — на отдых. Мне жаль, конечно, Россию. Реакция начнётся страшная. И ещё долго, долго будет анархия, обнищание, кровопролитие»⁴⁷. На следующий день он «встал довольно поздно, так как в Думу не спешил ввиду праздничного дня», и узнал о совершённом перевороте от газетного корреспондента⁴⁸.

В III Государственную думу Головин был избран 17 октября 1907 г. от второго разряда городских избирателей Москвы⁴⁹. Впрочем, интерес к законотворческой деятельности у Фёдора Александровича стал угасать: он неоднократно отпрашивался с заседаний в Москву, как правило, для участия в сессиях губернского земского собрания, гласным которого по-прежнему оставался⁵⁰. «Здесь я ничего не делаю, — сообщал он дочери 29 октября 1908 г. — Сижу молча на заседаниях Государственной думы и фракции и зеваю»⁵¹. Подобные отзывы не раз встречаются в его переписке тех лет⁵². В мемуарном очерке «Дво-

⁴¹ Там же, ф. 601, оп. 1, д. 1016, л. 1—2 об.

⁴² Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907—1910 годах. С предисловием Ф. Нотвича // Красный архив. 1932. № 1—2. С. 176.

⁴³ Записки Ф.А. Головина. С. 121.

⁴⁴ Его жена, Е.В. Головина, не являлась образцом супружеской верности и родила от любовника дочь, которую Фёдор Александрович воспитывал вместе со своей (*Соловьёв М.В.* Птица певчая. М., 2004. С. 8—9).

⁴⁵ Потомки А.В. Скурдиной сберегли уникальный альбом рисунков Головина, где в шаржированном виде изображены представители его московского окружения — политики (Ф.Ф. Кошкин) и деятели искусства (Андрей Белый, архитектор Ф.О. Шехтель) (*Стивак М.* Три жизни: Мемориальная квартира Андрея Белого на Арбате // Наше наследие. 2005. № 75—76. С. 119; *Белый А.* Между двух революций. М., 1990. С. 173).

⁴⁶ Представительные учреждения Российской империи... С. 55, 63, 69, 79.

⁴⁷ Там же. С. 94—95. По прошествии некоторого времени Головин пришёл к выводу, изложенному в одном из его мемуарных очерков, что кабинет П.А. Столыпина, а также император, несмотря на видимые попытки найти общий язык с парламентом, с самого начала планировали его роспуск: «Теперь, когда вся краткая жизнь Думы известна достаточно подробно, я думаю, что можно безошибочно утверждать, что правительство только по видимости примирилось с Думою. На деле же с того момента, как во время выборов состав Думы определился, оно решило Думу распустить» (РГИА, ф. 1625, оп. 1, д. 4, л. 5).

⁴⁸ Из записок председателя II Госуд[арственной] думы Ф.А. Головина. С. 66.

⁴⁹ РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 192, л. 2—3.

⁵⁰ В 1908 г. он дважды подавал председателю Думы прошение об отпуске в Москву, а в 1909 г. — уже восемь раз (Там же, л. 6—16).

⁵¹ Представительные учреждения Российской империи... С. 128.

⁵² *Соловьёв К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906—1914). М., 2011. С. 91, 242.

рянство и земство» Головин отмечал: «Ещё два трёхлетия я состоял гласным губ[ернского] земск[ого] собрания, но в работе его не принимал столь горячего участия, как прежде. В это время я был членом Гос[ударственной] думы II и III созыва, большую часть времени жил в Петербурге, но ни одного заседания земского собрания я, однако, не пропустил. Работа в земстве мне всегда казалась продуктивнее и интереснее, чем в Гос[ударственной] думе в период “столыпинщины”»⁵³. Думское руководство частые отлучки депутата явно раздражали. 4 мая 1910 г. оно констатировало: «Член Государственной думы Головин, находившийся в отпусках уже в течение свыше 45 дней, вновь подал заявление об отпуске — с 29 марта по 3 апреля, по причине неотложных дел, и несмотря на последовавшее от Канцелярии уведомление его о том, что новый отпуск может быть ему разрешён на основании ст. 9 Отдела II закона 6 июля 1908 г. только Государственною думою по причине тяжёлой болезни, отсутствовал тем не менее в указанный период времени на заседаниях: от 29, 30, 31 марта и 2, 3 апреля». Причину отсутствия признали неуважительной. Впрочем, назревавший конфликт разрешил сам Головин, добровольно сложив 7 октября депутатские обязанности⁵⁴.

Этот шаг объяснялся не только усталостью от законотворческой работы, но и получением железнодорожной концессии⁵⁵. Тогда же Головин приступил к работе над воспоминаниями, продолжая заседать в земских организациях (а во время Первой мировой войны — и во Всероссийском союзе городов). В 1912 г. он был избран (но не утверждён) городским головой Баку⁵⁶. В 1915 г. ему довелось руководить Московским литературно-художественным кружком и обществом «Помощь жертвам войны», собиравшим деньги на организацию летних колоний для детей беженцев и военнослужащих⁵⁷.

Видную роль Головин играл и среди российских «вольных каменщиков». В ноябре 1908 г. на первом регулярном конвенте русских лож французского обряда он стал членом их Верховного совета, получив посвящение в 18-ю степень. Именно Фёдор Александрович председательствовал на собрании в феврале 1910 г., по итогам которого сменилось руководство российским масонством. При его участии проходили масонские конвенты в 1912 и 1916 гг.⁵⁸ В это же время он регулярно посещал заседания ЦК (и Московского отделения ЦК) кадетской партии, хотя выступал там нечасто⁵⁹.

8 марта 1917 г. Головин возглавил Комиссариат Временного правительства над бывшим Министерством двора. Вместе со своим помощником, гражданским инженером П.М. Макаровым, он вплоть до конца года управлял несколькими десятками учреждений. Большая часть их начальников была отправлена

⁵³ РГАЭ, ф. 9590, оп. 1, д. 105, л. 147 об.

⁵⁴ РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 192, л. 22—23.

⁵⁵ *Гайда Ф.А.* Головин Фёдор Александрович. С. 193. Вероятно, об этой концессии шла речь в его письме к Милюкову: ГА РФ, ф. 579, оп. 1, д. 4101, л. 1.

⁵⁶ *Голостенов М.Е.* Головин Фёдор Александрович. С. 81.

⁵⁷ *Туманова А.С.* Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М., 2014. С. 84, 202—204.

⁵⁸ *Серков А.И.* История русского масонства (1845—1945). СПб., 1997. С. 112, 114; *Серков А.И.* Русское масонство 1731—2000... С. 256, 257; *Старцев В.И.* Русское политическое масонство начала XX века // *Старцев В.И.* Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 63, 72, 120.

⁵⁹ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 3 / Отв. ред. В.В. Шелохаев, сост. Д.Б. Павлов. М., 1998. С. 10, 31—33, 79, 149, 169, 181, 194, 197, 206, 207, 209, 237, 333, 337—339, 341, 346, 351, 352.

в отставку и заменена либо служащими «второго эшелона», либо известными в своей среде профессионалами (такими как дирижёр С.А. Кусевецкий, ставший руководителем Государственного, бывшего Придворного оркестра), либо лицами, близкими Головину и Макарову. К примеру, Челноков занял пост уполномоченного по делам Русского музея⁶⁰. Судя по приказам комиссара, изданным в марте—ноябре 1917 г., в сферу его компетенции входили прежде всего дела, касавшиеся личного состава ведомства: приём на службу, назначения на должности, перемещения, предоставление отпусков и увольнения, большинство которых производилось «по личному прошению» увольняемых. Кроме того, комиссар имел право (и активно им пользовался) переименовывать и реформировать различные структуры и должности, создавать комиссии и совещания по разбору дворцовых архивов, эвакуации и т.д.⁶¹ Таким образом, власть Головина была вполне реальной и сопоставимой с той, какую имели его предшественники, но с одним существенным ограничением — теперь приходилось считаться с выборными организациями служащих. Там, где они чувствовали силу и возглавлялись популярными лидерами, руководству Комиссариата приходилось идти на уступки. Так, в ходе длительного редактирования «Временного положения об управлении государственными театрами» московские театральные деятели во главе с Л.В. Собиновым добились гораздо большей автономии, чем изначально предполагалось Головиным и главноуполномоченным по государственным театрам Ф.Д. Батюшковым⁶².

О деятельности комиссара современники судили по-разному. К примеру, А.Н. Бенуа, познакомившийся с Головиным 11 марта, «впечатление... получил не особенно выгодное. Не разобрал, что это у него — напускная (уже по должности) угрюмая (вернее, унылая) важность, или это просто форма вялости, граничащая с какой-то... беспомощностью. Тощий, плешивый, с выдающимся (однако не “волевым”) подбородком, со “смешными” длинными, заострёнными, чуть кверху поднятыми усами, в длинном старомодном сюртуке, в котором он себя неловко чувствует. На слова скуп, говорит как-то неохотно и “грустно”, чуть картавя. Потухшие усталые глаза (морфинмана?). Совершенно очевидно, что Макаров будет им распоряжаться, а при случае и прятаться за

⁶⁰ Гордеев П.Н. Комиссариат Временного правительства над бывшим Министерством двора // Российская история. 2017. № 2. С. 59—78.

⁶¹ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 1, л. 1—133.

⁶² Головин и Собинов даже обменялись открытыми письмами по данному поводу: Головин Ф.А. Письмо в редакцию // Новое время. 1917. 30 апреля; Собинов Л.В. Письмо в редакцию // Там же. 4 мая. Тем не менее 23 августа Головин писал заболевшему артисту: «Хочу только сказать, что я убеждён, что серьёзного расхождения между нами быть не может, т[ак] к[ак] мы оба стоим на одном и том же принципе — принятие широкой автономии театра в области художественной и подчинение его правительственной власти в области хозяйственной и бюджетной. Проведение этого принципа в жизнь, может, конечно, быть намечено разными путями, но при добром желании всех заинтересованных лиц достигнуть цели кратчайшим и простейшим путём окажется, что путь один. Мы его нащупываем в Петрограде, Вы — в Москве. Мы с Вами мало ещё виделись и говорили, а потому, вероятно, между нами ещё имеются какие-то недомолвки. Когда Вы будете чувствовать себя хорошо, то не откажите уделить на беседу со мною и Ф.Д. Батюшковым целый вечер, и я уверен, что мы устраним все недоразумения, которые Вас теперь расстраивают» (РГАЛИ, ф. 864, оп. 1, д. 471, л. 14 об.—15 об.). Подробнее см.: Гордеев П.Н. «Временное положение об управлении государственными театрами»: история создания, редактирования и обсуждения «театральной конституции» 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2012. С. 97—166.

ним»⁶³. 2 апреля после беседы с В.Д. Набоковым художник записал в дневнике: «Относительно Головина он говорил, что это опустившийся человек, вконец разорённый и существующий на средства какой-то женщины (Н. Лукомский откуда-то узнал, что он живёт с сестрой — содержанкой Шехтеля⁶⁴)». Головин, утверждал Набоков, «ничем не дорожит, носит непрестанно при себе револьвер, чтобы в случае надобности с собой покончить». У Бенуа после таких рассказов даже возникло опасение, «как бы в таком случае Головин не вздумал поправлять свои финансы из наследства Романовых?». 7 января 1918 г., сравнивая А.В. Луначарского со «случайными ставленниками Временного правительства», Бенуа находил, что нарком «лично» стоит «гораздо выше бездарного Головина»⁶⁵.

Писательница С.И. Смирнова-Сазонова (вдова актёра Н.Ф. Сазонова и мать актрисы Л.Н. Шуваловой), придерживавшаяся, в отличие от Бенуа, правых взглядов, также была недовольна и 25 июня роптала в дневнике: «Что за птица Головин, можно судить по одной чёрточке. Маргарита Берсон поехала в артистическ[ое] турне, он ей выхлопотал казён[ную] субсидию. Скрипачке, дочери богат[ого] банкира⁶⁶, отвалил субсидию из казны. А с Александрин[ским] театром, с драмой держал себя пренебрежительно. С вами, мол, церемониться нечего. С жидами-банкирами — дело другое. Кадетск[ие] министры, когда дорвутся до власти, ещё себя покажут»⁶⁷.

При этом ближайшие сотрудники Головина по управлению Комиссариатом чаще отзывались о нём совершенно иначе. Так, Макаров вспоминал, что «Ф.А. не мог не возбудить к себе чувства глубокого уважения. Среди всех его знавших правых и левых он всегда возбуждал чувство симпатии и уважения и за мою восьмимесячную работу с ним мне приходилось наблюдать, с каким невольным почтением говорили с ним и лица, приближённые к царю, и разные Церетели и Чхеидзе, приезжавшие к нему на время переговоров с ним, возникших в связи с проектом назначить его заместителем Кавказа»⁶⁸. Батюшков отмечал 3 июня в дневнике: «Ф.А. Головин производит как личность обаятельное впечатление и ещё выигрывает от ближайшего знакомства. В ошибках (с кем они не случаются?) признаётся с подкупающей искренностью и очень умно. От интересов театра несколько далёк, но благожелателен»⁶⁹. По словам С.Л. Бертенсона, комиссар пользовался «репутацией высоко образованного, просвещённого и глубоко порядочного человека» и проявил на своём посту «большую твёрдость, выдержку и такт»⁷⁰.

⁶³ Бенуа А.Н. Дневник. 1916—1918. М., 2010. С. 159, 160.

⁶⁴ Головин действительно был близко знаком с Ф.О. Шехтелем, разработавшим для него в 1907 г. проект усадебного дома: *Нацоккина М.В.* Архитекторы московского модерна. Творческие портреты. М., 2005. С. 472.

⁶⁵ Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 244, 245, 652.

⁶⁶ Имеется в виду О.С. Берсон — купец 1-й гильдии, владелец банкирского дома «Берсон и К^о» (Весь Петроград на 1917 год. Пг., 1917. Отд. III. С. 59).

⁶⁷ РО ИРЛИ, ф. 285, д. 66, л. 164.

⁶⁸ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 465, л. 33.

⁶⁹ Дневниковые записи и мемуарный очерк Ф.Д. Батюшкова о его пребывании на посту главноуполномоченного по государственным театрам в 1917 году (из собрания Рукописного отдела Пушкинского Дома) / Публ. П.Н. Гордеева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 365.

⁷⁰ Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. Холливуд, 1957. С. 210, 213.

Головин пытался по мере сил облегчать положение служащих бывшего придворного ведомства, которые, за исключением высшего звена, после Февральской революции стали требовать увеличения окладов и материальной помощи (выдачи обмундирования, временного оставления увольняемых в казённых квартирах и т.д.). 27 апреля он учредил под председательством присяжного поверенного А.О. Кана «Особую комиссию по жалобам», разбиравшую прошения вплоть до прихода к власти большевиков⁷¹. Комиссару приходилось заниматься перепиской с различными министерствами об отсрочках для лиц, призываемых в армию⁷², о правах своих подчинённых на служебное жильё (19 августа он созвал «Особое совещание по вопросу о распределении помещений в зданиях, подведомственных б[ывшему] Министерству двора»)⁷³ и т.п. 25 июня министр-председатель правительства кн. Г.Е. Львов сообщил Головину о письме министра иностранных дел М.И. Терещенко, в котором говорилось, что «ныне, за упразднением Гофмаршальской и Конюшенной части», на МИД «всцело возложены заботы по приёму прибывающих в Петроград чрезвычайных посольств и миссий», но он испытывает затруднения в снабжении их продовольствием и средствами передвижения. Князь, напоминая, что иностранные дипломаты «почитаются гостями Временного правительства», просил Головина «не отказать в зависящих распоряжениях относительно порядка отпуска в этих случаях средств передвижения». 27 июня комиссар отвечал, что «заботы по приёму прибывающих в Петроград чрезвычайных посольств и миссий всецело лежат на гофмаршальской и конюшенной частях бывшего Министерства двора, которые в этих случаях действуют согласно указаниям Министерства иностранных дел», однако Министерство продовольствия и Главный продовольственный комитет отказываются снабжать бывшую гофмаршальскую часть продуктами, а бывшую придворную конюшенную часть — фуражом для лошадей⁷⁴. В начале сентября Головин циркулярно уведомил начальников подведомственных ему учреждений, что ввиду «вздорожания жизни и с целью предоставления бóльших удобств служащим установлений б[ывшего] Министерства двора предполагается войти в сношения с Министерством продовольствия для получения из этого министерства основных продуктов потребления для служащих вверенного вам установления»⁷⁵.

Осенью 1917 г. Головин поручил высшим чиновникам Комиссариата начать подготовку его преобразования в Главное управление государственных художественных имуществ и учреждений, которое носило бы уже не переходный, а постоянный характер. Возможно, он рассчитывал стать главноуправляющим. «Совещание по пересмотру штатов бывшего Министерства двора» во главе с начальником Канцелярии бывшего Министерства императорского двора кн. С.В. Гагариным провело с 2 октября по 4 декабря пять заседаний, выработав соответствующий проект, оказавшийся, впрочем, невостребованным. Сам Головин в середине октября уехал в Москву, где его и застало падение Временного правительства. В Петроград он уже не вернулся, назначив 4 ноября испол-

⁷¹ Гордеев П.Н. Особая комиссия по жалобам при Комиссариате Временного правительства над бывшим Министерством двора // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2018. № 3. С. 35—38.

⁷² РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 595, л. 1, 17—19, 22—45 об., 52—52 об., 54—54 об., 72, 81—88.

⁷³ ГА РФ, ф. 1907, оп. 1, д. 4, л. 7—10.

⁷⁴ РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 636, л. 10—12 об. Такое же отношение Головин отправил и на имя М.И. Терещенко.

⁷⁵ Там же, ф. 473, оп. 3, д. 774, л. 42.

няющим обязанности комиссара Н.Э. Рюдмана, ранее управлявшего бывшим Кабинетом его величества⁷⁶.

Со своей стороны, Головин даже в декабре 1917 г. пытался влиять на судьбу если не всего ведомства, то, по крайней мере, отдельных его служащих. Так, в марте 1918 г. чины Георгиевской гренадерской роты (бывшая Рота дворцовых гренадер), жалуясь комиссару по Управлению московскими дворцами П.П. Малиновскому на тяжёлое материальное положение, указывали: «В октябрьскую революцию мы лично обратились к бывшему комиссару Головину, который и ходатайствовал перед Министерством финансов об отпуске действительно нуждающимся гренадерам надбавок на дороговизну, как Вам об этом было известно, в последних числах декабря 1917 года»⁷⁷.

Однако Головин принимал участие в событиях 1917 г. не только как комиссар Временного правительства, но и как видный деятель кадетской партии, заседавший в её ЦК⁷⁸. 27 апреля, в разгар кризиса, вызванного публикацией «ноты Милюкова», выступая на торжественном заседании думцев всех созывов (на котором и председательствовал вместе с М.В. Родзянко), он заявил, что «несмотря на десятилетнюю реакцию, несмотря на государственный переворот, совершённый Николаем II 3 июня 1907 г., провозглашённые первой Гос[ударственной] думой политические идеалы не потерпели крушения и не померкли... Это семя, посеянное Первой думой, дало здоровые всходы. Её преемница, Вторая дума, взрастила их, помогла им окрепнуть, пустить крепкие корни в народную толщу. Ни Столыпин, ни закон 3 июня не смогли заглушить этих всходов. Под холодным покровом реакции они не погибли, они дожили до новой весны. И вот теперь мы являемся свидетелями их бурного, безудержного роста, сулящего небывалый, невероятный урожай»⁷⁹.

Вскоре после начала «наступления Керенского» Головин председательствовал и выступал, вместе с другими кадетскими лидерами, на организованном в Михайловском театре «Митинге победы»⁸⁰. Спустя месяц партия выдвинула его кандидатом в члены Учредительного собрания⁸¹. 14 августа на московском Государственном совещании, соглашаясь с мнением А.Ф. Керенского о том, что государство переживает «смертельную опасность», он выдвинул «единственное требование» — «чтобы правительство обладало полнотой власти, чтобы оно было сильно, чтобы его воля проявлялась и осуществлялась в жизни без каких-либо задержек». Свою речь Головин завершил пафосным призывом: «Граждане великой России, дадим же это доверие нашему Временному пра-

⁷⁶ Гордеев П.Н. Председатель II Государственной думы Ф.А. Головин — комиссар Временного правительства над бывшим Министерством двора // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. СПб., 2012. С. 178—182.

⁷⁷ ГА РФ, ф. Р-1056, оп. 1, д. 15, л. 13 об.

⁷⁸ Протоколы Центрального комитета... Т. 3. С. 372, 373.

⁷⁹ Торжественное заседание членов Государственной думы всех созывов // Вестник Временного правительства. 1917. 28 апреля; Торжественное собрание членов Гос[ударственной] думы всех созывов // Речь. 1917. 28 апреля.

⁸⁰ Митинг победы // Новое время. 1917. 20 июня.

⁸¹ Кадетские кандидаты в Учредительное собрание // Там же. 27 июля. 1 октября ЦК включил его также в комиссию из семи человек, которой поручалось рассматривать все вопросы, касающиеся выдвижения кандидатур в Учредительное собрание (Протоколы Центрального комитета... Т. 3. С. 405).

вительству, дадим ему силу окончить громадный труд, который лежит на нём, [и] тем спасти Россию от гибели и сделать её великой и свободной»⁸².

Во время корниловского выступления проживавший в Зимнем дворце (в казённой квартире комиссара) Головин уговорил Керенского принять Милюкова и М.В. Алексеева⁸³. Макаров объяснял роль Головина в этих переговорах тем, «что это был человек, которого Керенский задолго до этого уважал и никогда не позволял себе никаких фамильярностей, которые он себе позволял всё чаще и чаще по мере приближения к катастрофе — по отношению ко всем его окружающим, но к Ф.А. он продолжал относиться, как и раньше, с большим уважением»⁸⁴.

В начале 1918 г. Совнарком смог, наконец, установить контроль над бывшим придворным ведомством. Головин же всё больше отстранялся от политической деятельности, захват власти большевиками и последовавшая затем Гражданская война, по-видимому, вызвали в его душе глубокий переворот. Он набрасывает очерк «Последние Головины», задуманный, видимо, как вступление к так и не написанной им истории рода, продолжающей и дополняющей работу П.С. Казанского⁸⁵. «Теперь 1919 год, — отмечал Фёдор Александрович. — Протекло 72 года со дня издания этой книжки. Из старшей линии Головинского рода, если не ошибаюсь, из всех вообще несомненных членов этого рода, остался на свете я один, в возрасте 51 года, имея двух дочерей, но ни одного сына. Следовательно, я являюсь последним из Головиных. С моей смертью гаснет и наш род. Это обстоятельство натолкнуло меня на мысль продолжить сделанное проф. П. Казанским жизнеописание членов рода Головиных, чтоб осталось интересное в историческом и бытовом отношении полное описание истории рода от самого его зарождения и до его прекращения, причём история многовековая, обнимающая период в 528 лет»⁸⁶. Вспоминая своих предков — «казначеев царских, бояр, окольных, стольников, камергеров, камер-юнкеров, генералов, адмиралов, гусарских поручиков, монахов, а больше всего собирателей св[ятых] мошей, древних икон, храмоздателей и основателей монастырей», которые занимали «высокое положение при дворе русских царей», на чьих глазах «объединялась, росла, крепла Русь, превращаясь в великую державу, во Всероссийскую империю», бывший комиссар с грустью спрашивал себя: «А теперь?! Последний из потомков видит, как могущественная ещё недавно империя распалась на части, как поля и города её обливаются кровью в братоубийственной, гражданской войне. А он сам, больной и старый, таскается ежедневно на службу в кооперативный страховой союз, пишет там “отношения” и “письма” и пассивно наблюдает “классовую борьбу” в период “диктатуры пролетариата”!»⁸⁷ Чем кончится наступивший период русской истории, период великой революции? Не перекинется ли “большевизм” в Западную Европу, не охватит ли он весь мир, как мечтает вслух т. Ленин, вот грозный вопрос, который стоит перед современным человечеством»⁸⁸.

⁸² Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 53, 55; Речь Ф.А. Головина // Раннее утро. 1917. 15 августа.

⁸³ Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 401—403.

⁸⁴ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 465, л. 33.

⁸⁵ Казанский П.С. Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского. М., 1847.

⁸⁶ РГИА, ф. 1625, оп. 1, д. 1, л. 2—3.

⁸⁷ Далее в тексте следовала зачёркнутая Головиным фраза: «Жалкий последний аккорд — диссонанс сыгранной мощной симфонии!».

⁸⁸ Там же, л. 2—4.

В первые годы советской власти Головин, судя по его следственному делу 1921 г., «оставался председ[ателем] Моск[овского] ком[мерческого] страх[ового] общ[ества] до его уничтожения», затем служил «в кооперат[ивном] стр[аховом] союзе, при слиянии этого отдела со страх[овым] отд[елом] Центросоюза переведён в этот союз». В 1918 г. его задерживали сотрудники московской ЧК, но, как пояснял он три года спустя, «тогда я арестован не был и находился на свободе под обязательство не выезжать из Москвы». Арестовали его 27 августа 1921 г. в связи с постановлением, принятым 23 августа Всероссийским комитетом помощи голодающим (в президиум которого входил Головин). Оно осуждало большевиков, не выпускавших делегацию Помгола за границу и ограничивавших возможность его самостоятельных действий в России. «С фразой в этом постановлении “Сколько бы членов комитета не выезжало сейчас на места, это не прибавило бы там продовольствия и нисколь (так в тексте. — П.Г.) не изменило бы общего положения дел” я согласен..., — заявил Головин 30 августа на допросе сотруднику ВЧК Шиманкевичу, — считая, что члены комитета, выехавшие на места по предписанию власти, а не по постановлению комитета, явились бы на местах чиновниками правительства и утратили бы характер общественных деятелей». Чекистов также заинтересовали посвящённые Головину и найденные у него при обыске стихи неизвестного автора; строки «Добьют тебя иль ты спасёшься / И вновь взойдёт твоя звезда» были подчёркнуты следователем⁸⁹.

В итоге, хотя Фёдор Александрович не признал себя «виновным в соучастии в организации, имеющей целью срыв политики советской власти», Шиманкевич, «принимая во внимание наличие данных, уличающих гр. Головина в приписываемом ему преступлении», постановил привлечь бывшего председателя Государственной думы «к настоящему делу в качестве обвиняемого и до окончания следствия содержать под стражей». Однако вскоре руководителей Помгола решили освободить из заключения⁹⁰, и уже 17 сентября в следственном деле появилась (без подписи) резолюция уполномоченного ВЧК, предписывавшая освободить Головина «в виду того, что в процессе следствия и обыском ничего преступного не обнаружилось»⁹¹. Всю эту эпопею он перенёс с большим спокойствием и выдержкой. По свидетельству члена Помгола писателя Б.К. Зайцева, «самым невозмутимым из нас оказался Ф.А. Головин». Зайцев, находившийся с ним в одной тюремной камере, вспоминал: «Он лежал на спине. В его правильном, лысом черепе блестел, как на слоновой кости, луч электричества. Руки аккуратно сложены накрест, белые брюки в складки, жёлтые ботинки, воротнички даже не расстёгнуты. (Он и позже спал всегда в полном параде. Объяснял так, что если ночью позвуют на допрос или расстрел, то нельзя выходить на такое дело не в порядке)»⁹².

Старому земскому деятелю судьба отпустила ещё 16 лет жизни. Он так и не уехал из Советской России, хотя его и ожидали друзья-эмигранты⁹³. Сохранились у него отношения и с прежними друзьями из мира искусства, ставшие

⁸⁹ ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. 34026, № П-35258, л. 8 об.—9, 14.

⁹⁰ Макаров В.Г., Христофоров В.С. К истории Всероссийского комитета помощи голодающим // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 202—205.

⁹¹ ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. 34026, № П-35258, л. 9 об., 15.

⁹² Зайцев Б. Весёлые дни // Возрождение. 1928. 12 февраля.

⁹³ «Жду с нетерпением Ф.А. Головина и Е.К. Кускову», — писал из Парижа Макарову адвокат и масон С.А. Балавинский (ГА РФ, ф. Р-6632, оп. 1, д. 72, л. 9). Письмо не датировано, но, судя по содержанию других писем Балавинского, относится к 1921 г. (Там же, д. 52, л. 1, 4).

особенно тесными в 1917 г. Так, 25 марта 1923 г. Фёдор Александрович обращался к В.И. Немировичу-Данченко: «Прошу Вас предоставить мне, если можно, ложу в Худ[ожественном] театре на “Сверчка”. Беспokoю Вас этою просьбой с Вашего любезного разрешения, данного мне Вами лично»⁹⁴. Перед А.И. Сумбатовым-Южичным, которого знал как минимум с 1911 г.⁹⁵, он ходатайствовал 6 января 1924 г. за «давнишнюю, хорошую знакомую» — стоматолога А.В. Левинсон, рассчитывая пристроить её врачом при Малом театре⁹⁶. До 1930 г. Головин «служил по найму» в разных учреждениях, затем вышел на пенсию, продолжая жить в той же квартире, на которой был арестован в 1921 г. (Большой Козихинский переулок, дом 27, квартира 7)⁹⁷.

Постановление об аресте Головина было вынесено 16 сентября 1937 г. начальником Советского районного отделения Управления НКВД по Московской обл. капитаном госбезопасности П.И. Конякиным, а затем утверждено начальником IV отделения Управления НКВД по Московской обл. капитаном госбезопасности М.И. Персицем и начальником Управления НКВД по Московской обл. комиссаром госбезопасности 1 ранга С.Ф. Реденсом⁹⁸. На следующий день сотрудники НКВД Луневский и Дергачёв произвели обыск в квартире бывшего председателя Государственной думы, после чего он был арестован и в тот же день допрошен Конякиным, задававшим вопросы как о событиях 20-летней давности⁹⁹, так и о «враждебном настроении» Головина и его окружения в 1930-е гг. В частности, следователя интересовало, знаком ли Головину бывший член IV Государственной думы М.Х. Готовицкий. «Знаю Готовицкого с 1904 г., — заявил Фёдор Александрович, — познакомился с ним на земском съезде. С тех пор не встречался с ним до 1935 года, а возможно и до 1936 г.». К тому времени у Конякина уже были «показания» сломленного допросами Готовицкого (9 октября его расстреляют), судя по характерным речевым оборотам, «признавшегося» 11 сентября под диктовку чекиста, будто «в разговорах с Головиным на политическую тему он говорил: “Ну и Советская власть, довели нас до нищенства... Раньше при царизме народ жил в прекрасных условиях, а сейчас нет жизни и никакой перспективы”. По вопросу войны Головин проявлял пораженческие настроения. “В предстоящей войне победа будет на стороне капиталистов”». Когда Головин сказал, что общался с Готовицким, однако «контрреволюционных разговоров» с ним не вёл, следователь возразил: «Ваш ответ неискренний, т[ак] к[ак] нам достоверно известно об этих разговорах». Тем не менее Фёдор Александрович продолжал отклонять надуманные обвинения, так в итоге ни в чём и не сознавшись: «По материалам следствия Вы уличаетесь, как враждебно настроенный к вождям ВКП(б) и проявляли по отношению их (так в тексте. — П.Г.) одобрение террористических действий? — Если против меня есть такие материалы, то я их отрицаю. Терро-

⁹⁴ Музей МХАТ, Н.-Д., № 3746, л. 1.

⁹⁵ РГАЛИ, ф. 878, оп. 1, д. 891, л. 1.

⁹⁶ Там же, л. 4—4 об.

⁹⁷ ГА РФ, ф. 10035, оп. 2, д. 4392, № 19359, л. 4 об., 6. Там же в 1937 г. жила его дочь Ирина, работавшая в Институте повышения квалификации преподавателей; другая дочь, художница Ольга, жила в Петровско-Разумовском (*Соловьёв М.В.* Птица певчая. С. 8—9).

⁹⁸ ГА РФ, ф. 10035, оп. 2, д. 4392, № 19359, л. 1.

⁹⁹ Так, арестованному пришлось отрицательно отвечать на вопрос: «Известно ли Вам, что ЦК партии кадетов вынесло решение об организации белогвардейских армий?» (Там же, л. 3—3 об.).

ристические действия не одобрял. — Установлено, что восхваляли фашистский строй. Признаёте ли это? — Нет, не подтверждаю. Фашизм я не одобрял»¹⁰⁰.

Помимо «признаний» Готовицкого, в распоряжении НКВД имелись показания добровольного доносчика — заведующего базой «Заготзерно» В.И. Зубкова, проживавшего в том же доме на Большом Козихинском (в квартире 14). «Головина Ф.А. я знаю с 1921 г., — сообщал он про своего соседа чекистам, — по совместному проживанию в одном доме». Далее «свидетель» утверждал: «Я могу охарактеризовать Головина Ф.А. с политической стороны как человека явно враждебно настроенного к Советской власти, систематически выражающего недовольство к мероприятиям Советской власти. Группирует вокруг себя чуждых Советской власти людей, ведёт а/с агитацию. Рабочая часть дома на всём протяжении Советской власти вела с Головиным Ф. борьбу, как с классово чуждым элементом». Этого хватило для того, чтобы 21 ноября НКВД вынес постановление о применении высшей меры наказания. 10 декабря 1937 г. семидесятилетний старик был расстрелян на Бутовском полигоне. В 1989 г. его реабилитировали¹⁰¹.

Ф.А. Головин был лишён качеств крупного государственного деятеля. Его отличали вежливость, корректность, культурность, доброжелательность, но не решительность и настойчивость в постановке и достижении цели. Недоставало ему и понимания психологии тех, с кем он общался (того же Николая II или П.А. Столыпина и др.). Отсутствие у Головина какого-либо плана и просто заинтересованного отношения к делу особенно сказалось в 1917 г. Руководящей воли комиссара в подчинённом ему тогда ведомстве почти не чувствовалось, вследствие чего к обсуждению серьёзных преобразований приступили лишь накануне свержения Временного правительства. Почему же кадетская партия и близкие ей круги выдвигали его в ЦК, в председатели Государственной думы, в комиссары и члены Учредительного собрания? Ведь характерно, что тот же Челноков, который как политик был, возможно, крупнее Головина, в 1907 г. являлся лишь секретарём Думы при своём друге-председателе, а в 1917 г., благодаря ему же, устроился уполномоченным по делам Русского музея. Видимо, тут сказывались и переплетались и обаяние известной старинной фамилии, представительной внешности и безупречных манер, и дружеские связи с влиятельными людьми, и репутация «компромиссной фигуры», позволявшая занять пост спикера, навсегда уже закрепивший за Фёдором Александровичем место в политической элите и предопределивший его трагическую гибель в советской Москве.

¹⁰⁰ Там же, л. 7—9.

¹⁰¹ Там же, л. 10—11 об., 16—18 об.

«Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа

Игорь Омелянчук

«The house divided against itself»: split of The Union of the Russian People

Igor Omelyanchuk
(Vladimir State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870013449-4

8 ноября 1905 г. был создан Союз русского народа (СРН) — самая многочисленная монархическая организация, нередко считавшаяся олицетворением правого движения. У её истоков стояли А.И. Дубровин (избранный председателем), П.Ф. Булацель, В.М. Пуришкевич, Е.А. Полубояринова, А.И. Тришатный, Б.В. Никольский и др. В состав СРН к осени 1907 г. входило около 550 местных отделов, в которых состояло более 400 тыс. человек, что на порядок превышало численность других монархических партий. В правом журнале «Мирный труд» полагали, что «открытие Союза русского народа сплотило в одну великую семью» людей, «преданных коренным устоям русской земли»¹. Однако практически сразу в СРН начались интриги, борьба за власть и делёж денег — как правительственных субсидий, так и собственных средств — членских взносов, добровольных пожертвований и т.п. Следствием этого стали многочисленные конфликты и расколы организации. Как не раз отмечалось в историографии, помимо амбиций руководителей, они объяснялись глубокими идеологическими разногласиями, связанными с различным отношением к третьеиюньской системе, а также целенаправленными действиями правительства². Однако при этом освещались преимущественно раздоры в Главном совете СРН, тогда как реакция на них провинциальных отделов и их роль в создании Всероссийского Дубровинского союза русского народа (ВДСРН) ещё нуждаются в изучении.

Первые расколы в СРН происходили в основном именно на региональном уровне и являлись, как правило, результатом личностных конфликтов. Так, в 1906 г. из состава Одесского отдела вышел Н.Н. Родзевич, основавший новую местную организацию — Союз русских людей (СРЛ). Разумеется, это не вызвало восторга в отделе. Его председатель гр. А.И. Коновницын связывал случившееся с неблагоприятной деятельностью члена «Русского собрания» Никольского, приехавшего в Одессу во время отсутствия графа и устроившего «там поговору с Родзевичем и К^о первый раскол в нашем Союзе, от которого вскоре и образовался Союз русских людей»³. Председатель одесского «Русского собра-

© 2021 г. И.В. Омелянчук

¹ Черников Н. Внутреннее обозрение // Мирный труд. 1907. № 10. С. 206.

² Подробнее см.: Степанов С.А. Чёрная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992; Степанов С.А. Чёрная сотня. М., 2005; Богоявленский Д.Д. Проблема лидерства в Союзе русского народа. М., 2012; Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика. М.; СПб., 2011. С. 93—100; Степанов А.Д. Верный Богу, Царю и Народу. Александр Иванович Дубровин (1855—1921) // Воинство Святого Георгия. Жизнеописание русских монархистов начала XX века. СПб., 2006. С. 67—108.

³ Переписка и другие документы правых (1911—1913) / Публ. Ю.И. Кирьянова // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 98.

ния» Б.А. Пеликан также считал, что Родзевич учредил отдел СРН, «будучи вынужденным покинуть Союз русского народа» вследствие собственных интриг⁴.

Летом 1907 г. у Дубровина возник конфликт с руководителем Киево-Подольского отдела СРН Ф.Я. Постным, исключённым в результате из Союза и решившим образовать собственную монархическую партию⁵. Председатель Киевского губернского отдела СРН, пытаясь воспрепятствовать этому, направил начальнику Юго-Западного края прошение «об отмене состоявшейся легализации» новой организации, поскольку «конкуренция между СРН поведёт к самым печальным последствиям» и «возникнут самые нежелательные беспорядки и беззакония»⁶. Получив отказ, он просил генерал-губернатора хотя бы «предложить основателю нового общества Ф.Я. Постному ликвидировать отдел СРН, председателем которого он был, и всё находившееся у отдела имущество передать Союзу русского народа, как собственность последнего, или Киево-Подольскому отделу его, так как последний не закрывался»⁷. В итоге Киево-Подольский отдел всероссийского СРН продолжил свою деятельность под председательством Т.А. Милкина⁸, а 19 сентября 1907 г. власти зарегистрировали «альтернативный» Киевский Союз русского народа⁹. Тем самым, по мнению председателя Здолбуновского отдела Волынской губ. И.С. Подчашинского, в Юго-Западном крае «благодаря халатности нашего Главного совета повторилась история папства, когда одновременно существовали два папы: римский и авиньонский, и приходилось современникам ломать головы, который из этих пап настоящий, и которого из них слушаться. Точно такая же участь постигнет и нас»¹⁰.

Как сетовал гр. А.И. Коновницын, «раньше шли распри между русской семьёй и революционерами, а в настоящее время, когда всё успокоилось, то из зависти стали между собой ссориться предводители русских организаций»¹¹. А с середины 1907 г. к раздорам, в основании которых лежали столкновения личных амбиций лидеров, добавились и целенаправленные действия правительства, которое по окончании Первой русской революции не нуждалось более в помощи монархических партий для «водворения порядка» в стране (сам П.А. Столыпин признавал, что СРН в 1905—1906 гг. оказал «существенную помощь и содействие правительству в деле подавления революционного движения»¹²). Более того, враждебность «союзников» к Государственной думе представляла определённую опасность для прочности третьеиюньской системы. Уже в августе 1907 г. член Главного совета СРН А.И. Соболевский констатировал: «Правительство не за нас»¹³. В.П. Соколов, также входивший в состав Главного совета, характеризуя действия Столыпина, отмечал: «Если раньше он

⁴ Центральный державний історичний архів України, м. Київ (далее — ЦДАК України), ф. 385, оп. 1, д. 2995, л. 10.

⁵ ГА РФ, ф. 117, оп. 1, д. 2, л. 33.

⁶ ЦДАК України, ф. 442, оп. 636, д. 647, ч. 2, л. 138.

⁷ Там же, л. 139.

⁸ Там же, ф. 275, оп. 1, д. 2534, л. 90.

⁹ Там же, ф. 442, оп. 636, д. 647, ч. 5, л. 351.

¹⁰ ГА РФ, ф. 116, оп. 1, д. 105, л. 3 об.

¹¹ ЦДАК України, ф. 268, оп. 1, д. 112, л. 28.

¹² Союз русского народа по материалам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.; Л., 1929. С. 242.

¹³ Степанов С.А. Чёрная сотня. С. 240.

нам просто не сочувствовал, то теперь у него появилось чувство недоброжелательства»¹⁴.

Изменение отношения премьер-министра к правым организациям стало особенно заметно после выборов в III Думу и создания в ней правооктябристского большинства. Граф С.Ю. Витте вспоминал, что тогда «брат Столыпина, публицист, содержимый “Новым временем” преимущественно в качестве брата премьера, не стеснялся в газете сказать по адресу дубровинцев: “Мавр, ты сделал своё дело, теперь мне больше не нужен, уходи вон”»¹⁵. Впрочем, и сам Дубровин в июле 1908 г. говорил о том же: «Союз возник в тот момент, когда в стране царила полная анархия, власти растерялись и спрятались, и Россия должна была погибнуть, но явился Союз, подавил революцию и спас Родину... тогда вновь явились и правители, забрали власть в свои руки и теперь, чувствуя под ногами довольно твёрдую почву, начинают говорить нам: “Уходите, Союз был нам не нужен, мы и сами управимся”»¹⁶.

Первая попытка нейтрализовать «революционеров справа» была предпринята чиновниками МВД осенью 1907 г., когда усилились разногласия между Дубровиным и его заместителем Пуришкевичем, которому тут же переадресовали правительственные субсидии, выделявшиеся раньше председателю СРН¹⁷. Это, безусловно, усугубило противостояние в руководстве Союза. Пуришкевичу пришлось покинуть организацию и в ноябре 1907 г., получив, по словам Дубровина, «откуда-то» 10 тыс. руб., он создал новую структуру — Русский народный союз имени Михаила Архангела (СМА). Генеральша А.В. Богданович записала в дневнике: «Между Дубровиным и Пуришкевичем мир немислим»¹⁸. Вражда лишь усилилась, когда Пуришкевич опубликовал в «Русском слове» оскорбительный для своего оппонента акростих, едва не приведший к дуэли между автором и сыном осмеянного политика¹⁹.

Газета «Русский народ» (орган Ярославского отдела СРН) утверждала, что главным творцом СМА являлась «сановная бюрократия»²⁰. При этом читателям намекали, что внутренний конфликт в СРН инспирирован Столыпиным, который желает заменить «союзников», предпочитавших действовать на «улице», а не в стенах Таврического дворца, и потому не вписывавшихся в политическую систему Думской монархии, лояльной к правительству правой партией парламентского типа.

Впрочем, после выхода Пуришкевича и его сторонников из СРН проблемы в Союзе не закончились. В 1909 г. представители высших слоёв общества (прежде всего помещики) образовали в нём течение, примирившееся с законодательными учреждениями и политическим курсом Столыпина. Его возглавили члены крайне правой фракции Думы Н.Е. Марков 2-й и С.А. Володимеров, поддержанные членами Главного совета гр. Э.И. Коновницыным и Соколовым, а также входившие в правую группу Государственного совета А.А. Рим-

¹⁴ Соколов В.П. Страшная правда: обзор управления П.А. Столыпина. СПб., 1907. С. 15.

¹⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания / Публ. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, С.К. Лебедева, И.В. Лукоянова. Т. 2. СПб., 2003. С. 489.

¹⁶ Союз русского народа по материалам... С. 401.

¹⁷ Богоявленский Д.Д. Проблема лидерства... С. 104.

¹⁸ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 453.

¹⁹ Иванов А.А. Владимир Пуришкевич... С. 98.

²⁰ Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. / Под ред. В.В. Шелохаева. Сост. Ю.И. Кирьянов. Т. 1. М., 1998. С. 596.

ский-Корсаков и М.Я. Говорухо-Отрок. Им сочувствовали лидер московских монархистов протоиерей И.И. Восторгов и Пуришкевич.

Совсем иные настроения господствовали в отделах СРН, где преобладали крестьяне, мещане, рабочие, служащие низшего разряда и т.п. Для них было характерно неприятие деятельности Государственной думы и недовольство столыпинской аграрной реформой, разрушавшей общину и привычный уклад деревенской жизни, а также ропот на невнимание правительства к проблемам городского населения, в частности, фабрично-заводских рабочих. Выразителем мнений и чаяний данной части СРН стал Дубровин и примкнувшие к нему Полубояринова, академик Соболевский, Н.Н. Жеденов и др.

Решительное столкновение между сложившимися группировками было неизбежно. Весной 1909 г. о Дубровине заговорили в связи с началом судебного процесса по делу об убийстве в 1906 г. переводумца М.Я. Герценштейна, организованном кандидатом Главного совета Н.М. Юскевичем-Красковским и совершённом членами боевой дружины СРН. Опасаясь возможного ареста, Дубровин летом 1909 г. покинул Петербург и уехал сначала в Харьков, а затем в Ялту, под защиту градоначальника И.А. Думбадзе, известного своими монархическими убеждениями²¹. Воспользовавшись этим, сторонники Маркова 2-го «обновили» состав Главного совета и получили в нём численное преобладание. Товарищем председателя Главного совета в отсутствие Дубровина избрали гр. Э.И. Коновницына.

«Дубровинцы» связывали действия своих оппонентов с происками правительства. Как утверждал в феврале 1912 г. Соболевский, «правых старых начал ещё Столыпин забирает в руки при помощи Пуришкевича, Восторгова, агентов Департамента полиции»²². Марков 2-й, отвечая на вопросы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, также свидетельствовал, что Столыпин «всячески через своих подчинённых поддерживал рознь в Союзе» и вовсе не питал особой симпатии к «обновленцам»: «По внешности к нам относились хорошо, а в сущности нас уничтожали... в одних городах поддерживали наших, в других — дубровинских, в третьих — третьих»²³. При этом Николай Евгеньевич признавал, что, хотя основа раскола «была принципиальная, но несомненно играло роль самолюбие и честолюбие» лидеров²⁴.

Безусловно, личные качества руководителей правого движения сыграли свою роль в этом конфликте. Авторитарность, свойственная Дубровину, вызывала недовольство у его соратников и давала поводы для обвинений в «вождизме». 5 июня 1907 г. председателю СРН передали телеграмму Николая II: «Да будет же мне Союз русского народа надёжной опорой, служа для всех и во всём примером законности и порядка»²⁵. По словам Пуришкевича, «Дубровин после полученной им царской депеши закусил удила, возомнил о себе невесть что». Богданович отметила в дневнике, что «Восторгов и Шахматов, вместе с Пуришкевичем, старались вернуть Дубровина на путь истинный, но успеха не имели — все разъехались в полном с ним разладе»²⁶. На III съезде СРН, проходившем в феврале 1908 г. в Петербурге, члены Главного совета В.А. Андреев

²¹ Степанов С.А. Чёрная сотня. С. 92.

²² Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911—1917 гг. М., 2001. С. 392, 393.

²³ Падение царского режима. Т. 6. Л., 1926. С. 194—195.

²⁴ Там же. С. 193.

²⁵ Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 389.

²⁶ Богданович А.В. Указ. соч. С. 434.

и В.Л. Воронков, а также некоторые члены-учредители подали засвидетельствованное нотариусом заявление и открытое письмо гр. Э.И. Коновницыну с жалобой на диктаторское поведение Дубровина. «Но протестующих, — как сообщала правая газета, — чуть ли не насильно удалили из собрания и навсегда исключили из Союза русского народа, что произвело большое смятение среди членов союза»²⁷.

Летом 1909 г. лидер казанских монархистов А.Т. Соловьёв писал Дубровину: «Тяжёлое время переживает Союз русского народа... Все чего-то ждут, и деятельность Союза замирает»²⁸. В Полтавской губ. члены Лубенского отдела утверждали, что «погибающий» СРН «начал распадаться под пагубным влиянием той розни, что вносится Главным советом в среду малоосведомлённых, малоискушённых в интригах и происках, простых сердцем союзников»²⁹. Правда, в иных регионах полагали, что ничего страшного не происходит. Так, в августе 1909 г. «Ивановский листок» в статье «Разваливается ли Союз?» отмечал: «В доказательство распада Союза любят указывать на иногда существующие пререкания между различными монархическими партиями, на недружелюбные отношения между руководителями их, но всё это, принесённое мелкими человеческими слабостями, отступит, когда опасность вызовет необходимость объединиться, пусть в печати делят монархистов на “дубровинцев”, “восторговцев” и т.д., каждый может питать симпатию к тому или другому руководителю, считать более пригодной ту или иную тактику, но основы борьбы за православие, самодержавие и русский народ одни и те же у всех монархических партий»³⁰.

Тем не менее раскол СРН углублялся. Маркова 2-го поддержали столичные и некоторые губернские отделы, в которых ведущую роль играли представители цензовых классов. Однако значительное количество низовых организаций оказалось на стороне Дубровина. Их переход в оппозицию Главному совету в известной мере нивелировал успешное «обновление» руководства СРН. Поэтому в августе 1909 г. Столыпин поддержал предложение протоиерея И.И. Восторгова провести в Москве всероссийский монархический съезд для примирения «дубровинцев» и «обновленцев» на основе признания третьей юньской системы и лояльности правительственному курсу. Председатель Совета министров лично уведомил московского градоначальника А.А. Адрианова о данном им решении «созвать 27 сентября сего года в Москве Съезд русских людей»³¹.

Часть союзников надеялась на примирение враждующих сторон на съезде. «Ивановский листок», весьма близкий к Иваново-Вознесенскому отделу СРН, призывал всех монархистов собраться «под сень святынь московского Кремля»: «Отрезвитесь, русские люди! Неужели можно с чистой совестью клеймить наших лучших борцов: прот. И. Восторгова, В.М. Пуришкевича, проф. Залесского, архим. Макария и мн[огих] других “изменниками” и “предателями”!?». Газета заявляла: «Все мы как один станем за А.И. Дубровина. Но также все мы стеной пойдём и за всех наших лучших борцов, и за каждого рядового ратая!»³².

Однако сторонники Дубровина не проявляли интереса к поискам компромисса. Никольский ругал «монархический съезд, который устраивает в Москве

²⁷ Вече. 1908. 16 февраля. № 38.

²⁸ ГА РФ, ф. 116, оп. 1, д. 142, л. 16.

²⁹ Правые партии... Т. 2. М., 1998. С. 41.

³⁰ Ивановский листок. 1909. 18 августа. № 174.

³¹ П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 336.

³² Ивановский листок. 1909. 19 сентября. № 199.

проходимец Восторгов (в Москве его называют “Экстазов”)), и утверждал, «что этот съезд находится под влиянием Столыпина»³³. «Русское знамя» уверяло, что «протоиерей И.И. Восторгов, успевший за два года своего бытия в Москве устроить там и похоронить 6 союзов», и его помощники в действительности стремятся «не к укреплению, а к развалу Союза русского народа»³⁴. По словам Полубояриновой, «уже одно то, что организаторы съезда намерены предложить на нём “заранее выработанные резолюции” и провести их с помощью “поимённого голосования”, ясно доказывает, что готовится в Москве не съезд, а что-то вроде “учредительного собрания” с бесцеремонным сыском и освидетельствованием убеждений всех тех лиц, которые “могут сметь своё суждение иметь”. При таких условиях участие Союза русского народа на съезде было бы равносильно самоунижению и самопредательству»³⁵. Редактор «Голоса русского» В.А. Балашов предсказывал, что «это будет не съезд наших единомышленников, а капкан для доверчивых черносотенцев... не съезд правых, а подготовленное учредительное собрание приверженцев нового строя: а на такое подлое сборище, конечно, честные русские патриоты не явятся»³⁶.

Съезд, прозванный «восторговским», всё же состоялся, но не принёс ожидаемых результатов — его проигнорировали и «дубровинцы», и «обновленцы». Правительство также ожидало разочарование: в резолюции съезда критиковалась аграрная политика и признавалось «крайне своевременным и желательным, в отмену разрушающего общину закона 9 ноября, издание нового закона, неизбежно, нерушимо укрепляющего земельную общину»³⁷.

В провинции монархисты просто не понимали, что происходит. В январе 1910 г. Дубровин получил характерное письмо из Вологды: «Ради Бога, дайте указания или призовите к Вам. Что делать? Я положительно теряю голову. Преданный до гроба К.А.»³⁸. Многие отделы выражали ему свою поддержку. Так, из Моршанска (Тамбовская губ.) сообщали, что «по всей России союзники станут стеной за Вас и скажут Вам громогласно: Дубровину не нужны ни Совет, ни бюрократы, но Дубровин нужен для союзников и для отечества... дерзайте, Александр Иванович, ибо Ваша заслуга перед царём и отечеством очень велика, враги же Ваши очень и очень мелки и ничтожны»³⁹. Аналогичную позицию занял и отдел СРН при столичном Путиловском заводе: «Мы в восторге от того, что наш истинный вождь Александр Иванович Дубровин указал Коновницину и его К^о, что не их место быть в Главном совете Союза русского народа руководителями. Александр Иванович, за Вас весь русский народ, объединённый Вами в великий и могучий Союз русского народа»⁴⁰.

Тем временем в июне 1910 г. «обновленцы» вынудили Дубровина сложить с себя полномочия председателя СРН, уступив место гр. Э.И. Коновницину. Реальным же лидером Союза стал Марков 2-й, официально возглавивший его лишь в 1912 г. «Русское знамя», печатный орган СРН, осталось за «дубровинцами», поэтому ещё 11 мая 1910 г. «обновленческий» Главный совет лишил его

³³ Богданович А.В. Указ. соч. С. 479.

³⁴ Правые партии... Т. 1. С. 461.

³⁵ Русское знамя. 1909. 1 сентября. № 194.

³⁶ Голос русского. 1909. 17 сентября.

³⁷ Правые партии... Т. 1. С. 489, 490.

³⁸ ГА РФ, ф. 116, оп. 1, д. 30, л. 6.

³⁹ Там же, л. 19.

⁴⁰ Там же, л. 22.

подзаголовка «Вестник СРН»⁴¹ и начал с июня выпускать под этим названием собственную газету. «Русское знамя», испытывая острый недостаток денежных средств, 2 декабря объявило читателям о своём закрытии⁴². Однако менее чем через месяц издание возобновилось.

Редактору «Русского знамени» Н.И. Еремченко (писавшему под псевдонимом «Н. Полтавец») казалось, что действия «обновленцев» пошли только на пользу СРН, члены которого не видели уже смысла в продолжении политической деятельности после победы над «смутой» 1905—1907 г. По его мнению, «уход А.И. Дубровина спаял отделы с центром в лице Дубровина, спаял отделы между собой, заставил собраться “в комок”... Никогда ещё после могучего отпора освободителям в начале смуты так не оживлялась деятельность Союза, никогда ещё не бились сердца отделов так согласно с сердцем их вождя, как теперь, и, смеем думать, не было лучшего средства оживить, укрепить и проверить Союз, как сделать то, что сделал А.И. Дубровин своим уходом из Главного совета»⁴³. Однако в провинции смотрели на случившееся гораздо пессимистичнее. Так, в Ярославском отделе СРН констатировали, что «истекший 1910 год принёс нам одни только разочарования и прошёл не только бесплодно для русского дела, но внёс в ряды наши дезорганизацию, смуту и раздор, приводя к гибели все благие патриотические начинания. Без преувеличения можно сказать, что если в наступившем году мы пойдём по пути злосчастного 1910 года, то скоро вся предшествовавшая деятельность наша сойдёт на нет и самое имя СРН исчезнет без следа»⁴⁴.

Некоторые отделы Союза, не сумев сделать выбор между «дубровинцами» и «обновленцами», раскалывались на фракции, а порой даже распадались на две различные структуры. Киевский губернский отдел долго сохранял единство благодаря деятельности своего лидера епископа Иннокентия (Ястребова). Но, став ректором Киевской духовной академии, он передал обязанности председателя П.В. Никольскому⁴⁵, которому не удалось сохранить целостность организации, и в 1911 г. в городе одновременно существовало два губернских отдела СРН: в одном председательствовал «дубровинец» священник Ф.Н. Синькевич, в другом — «обновленец» профессор П.В. Никольский⁴⁶. Правда, уже 21 сентября о. Феодор согласился стать товарищем председателя объединённого отдела⁴⁷. Но и в последующие годы в городе имелось два железнодорожных и два Киево-Лукьяновских отдела СРН⁴⁸, что свидетельствовало о сохранявшемся противостоянии. Кроме того, продолжал свою деятельность и отделившийся ранее Киевский СРН Постного⁴⁹.

В Харькове местный отдел изначально встал на сторону «дубровинцев»⁵⁰, но ещё в 1909 г., по данным охранного отделения, «раскол среди харьковского

⁴¹ Русское знамя. 1910. 13 мая. № 106.

⁴² Там же. 2 декабря. № 272.

⁴³ Русское знамя. 1911. 4 января. № 2.

⁴⁴ Переписка и другие документы правых 1911 года / Публ. Ю.И. Кирьянова // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 98.

⁴⁵ Отчёт о деятельности Киевского губернского отдела Союза русского народа за 1910 г. (4-й год существования) // Мирный труд. 1912. № 1. С. 217.

⁴⁶ ЦДАК України, ф. 275, оп. 1, д. 2534, л. 88, 90.

⁴⁷ Отчёт о деятельности Киевского губернского отдела С.Р.Н. за 1911 г. // Мирный труд. 1913. № 3. С. 188.

⁴⁸ ЦДАК України, ф. 274, оп. 4, д. 209, л. 55.

⁴⁹ Там же, ф. 276, оп. 1, д. 244, л. 87, 185, 192.

⁵⁰ Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 205.

Союза русского народа, возникший... на почве личных отношений между членами совета Союза, побудил многих выйти из состава последнего и послужил толчком к образованию новой организации “Харьковского национального русского союза”⁵¹. В 1911—1912 гг. «дело дошло до полного раскола, сложения советом “союза” с себя обязанностей и обращения с жалобами к губернской администрации»⁵².

Так или иначе, «обновленцы» не нашли широкой поддержки. Даже в Петербурге на стороне «дубровинцев» оказалось 7 отделов (правда, «столичный совет» контролировали последователи Маркова 2-го)⁵³. В провинции же большинство организаций открыто сочувствовали Дубровину. Так, в Воронежской губ. под влиянием Главного совета остался только Макашевский отдел в Новохопёрском уезде⁵⁴. Такая же ситуация сложилась и во Владимирской губ., где лишь губернский отдел, и то не без колебаний, поддержал новое руководство. Остальные по-прежнему ориентировались на Дубровина. 8 мая 1910 г. от имени Ковровского отдела СРН ему телеграфировали: «Ковровские союзники, помолвившись Господу Богу за царя батюшку, шлют привет Вам, дорогой наш вождь, и искреннее пожелание видеть Вас во главе Союза действительным председателем»⁵⁵. Члены Южского отдела в Шуйском уезде «смело бросали укор» тем людям, «которые прельщаются... и меняют, и продают Союз за деньги. Продажным нет места в Союзе русского народа. Идея Союза дороже и выше всяких денег, и потому просим таких людей, если они действительно есть, удалиться со сцены. Мы на место их найдём людей деятельных, которые ещё, слава Богу, не перевелись у нас, и есть, и будут, пока жив основатель Союза Александр Иванович Дубровин, а дальше — Бог»⁵⁶. В сентябре 1910 г. Т.М. Жуков объявил в «Русском знамени», что руководимый им Эдемский отдел в Ковровском уезде «желает, чтобы А.И. Дубровин был действительным председателем Союза, так как в годину смут мы не знали ни Марковых, ни Соколовых, ни Коновницных, знали только Дубровина, и пока он идёт той дорогой, на которую встал в 1905 году, и мы пойдём за ним»⁵⁷.

Некоторые «союзники» требовали от своего лидера незамедлительных ответных действий. «Мнение Ярославского союза таково: пора покончить с недостойной игрой теперешнего так называемого главного совета, — писал лидер местных черносотенцев статский советник И.Н. Кацауров, добивавшийся “немедленного смещения членов Главного совета и исключения вожаков бунтовщиков из членов Союза”». — Лица, захватившие в нём власть, хотят заставить весь союз подчиниться им; но этому не бывать: кредит гг. “обновленцев” пал окончательно и не подымается... Нам следует принять решительные меры»⁵⁸.

⁵¹ ЦДАК України, ф. 705, оп. 1, д. 107, л. 1.

⁵² Там же, д. 912, л. 7.

⁵³ Степанов С.А. Чёрная сотня. С. 259.

⁵⁴ Рылов В.Ю. Правое движение в Воронежской губернии. 1903—1917. Воронеж, 2002. С. 80.

⁵⁵ Русское знамя. 1910. 8 мая. № 102.

⁵⁶ Там же. 7 сентября. № 202.

⁵⁷ Там же. 24 сентября. № 215.

⁵⁸ ГА РФ, ф. 116, оп. 1, д. 30, л. 34, 34 об., 35. «Нам всем, т.е. всем отделам и подотделам, оставшимся верными своему долгу..., — писали в редакцию “Русского знамени”, — ничего больше не остаётся, как немедленно... постановить: Вследствие явно противного действия нашего Главного совета С.Р.Н., который открыто выступил вместе с врагами нашей родины на уничтожение надёжной царской опоры, т.е. Союза русского народа, просить своего основателя и пред-

Пользуясь этими настроениями, Дубровин начал борьбу за провинциальные отделы, безуспешно стараясь вывести их из подчинения Главному совету и сделать самостоятельными организациями, действия которых координировали бы не интриганы и честолюбцы из Петербургского Главного совета, а монархические съезды, воплощающие принцип соборности. «Русское знамя» призывало читателей проявить твёрдость: «Желаем деятелям Союза русского народа превратиться в железных канцлеров своих отделов и собирать вокруг себя железных союзников, готовых к неустрашимому жизненному осуществлению великих заветов, дарованных Союзу государем императором»⁵⁹. Соболевский рассчитывал, что такое преобразование будет полезнее «для патриотической деятельности», чем сохранение старых структур «с умирающим Главным советом во главе»⁶⁰.

Одним из первых о своей самостоятельности заявил Шуйский союз русских православных людей (ШСРПЛ), который, хотя и являлся с 1906 г. отделом СРН, всё же имел собственный устав и название⁶¹. Но прежде чем сделать этот шаг, ШСРПЛ пришлось провести чистку своих рядов от сторонников «обновленцев». В ноябре 1909 г. дубровинское «Русское знамя» сообщило об исключении из «Шуйского отдела Союза русского народа» бывшего члена-учредителя И.А. Баландина и ещё 12 активистов⁶². Мотивы их исключения не уточнялись, но по сведениям, которыми располагал «Старый Владимирец», один из них — Ф.Я. Котов — был «исключён... за несоответствующие союзу убеждения»⁶³. В мае 1910 г. председатель ШСРПЛ М.К. Петров и член этой организации П.А. Лебедев от имени «Областного совета Шуйско-Ивановского отдела СРН» заявили, что «сила Союза не в Главном совете, а во множестве отделов Союза, которые существуют и будут существовать, хотя бы Главный совет и не был, и упразднился»⁶⁴. А в июле 1910 г. «Русское знамя» не без удовольствия опубликовало выдержки из протокола общего собрания ШСРПЛ, на котором рассматривалось «постановление Главного совета Союза русского народа от 24 ноября 1909 г. (протокол 35 п. 7) о том, что все полномочия, выданные... до 1 января 1910 года, считать недействительными» с предоставлением возможности «обмена их на новые». Шуйские черносотенцы настаивали: «Наш союз полномочий никогда не получал, и получать не желает от обновлённого Главного совета русского народа, а сам уполномочивает своих председателей, руководствуется своим уставом Союза и считает себя только по идее единомышленником Союза Р.Н., так как Союз русских православных людей в городе Шуе и уездах Владимирской губернии не состоял и не состоит отделом С.Р.Н., а был самостоятельным союзом, имеющим несколько своих отделов, и всегда и во всём будет действовать по своему убеждению самостоятельно, не стесняясь никакими и ничьими распоряжениями, а подчиняясь лишь административной власти в губернии; служа ей поддержкой закона и порядка по слову государя императора. А циркуляры и постановления Главного совета С.Р.Н.

седателя Александра Ивановича Дубровина организовать новый Главный совет С.Р.Н., в котором председательствовать принять на себя» (Там же, л. 54).

⁵⁹ Русское знамя. 1910. 3 января. № 2.

⁶⁰ Там же. 1911. 27 января. № 21.

⁶¹ Подробнее см.: *Омельяничук И.В.* Провинциальная контрреволюция: Шуйский Союз русских православных людей // *Российская история.* 2019. № 5.

⁶² Русское знамя. 1909. 28 ноября. № 264.

⁶³ Старый Владимирец. 1909. 5 марта. № 50.

⁶⁴ Русское знамя. 1910. 14 мая. № 107.

по постановлению Всероссийского съезда в Москве 1907 года только принимаемы к сведению... о чём постановили сообщить обновлённому Главному совету Союза русского народа»⁶⁵.

В начале 1911 г. Ярославский отдел выпустил обращение «Братья союзники!», в котором говорилось, что многочисленные «отделы СРН, разбросанные по лицу земли русской, в сущности, представляют собою самостоятельные монархические организации». По мнению ярославских монархистов, «всею более или менее крупным провинциальным отделам, безусловно, необходимо легализоваться на местах в самостоятельные союзы», и только «обусловив, таким образом, прочность своего положения под собственной крышей, Союз получит возможность уже без всякой помехи заняться и своей внутренней организацией»⁶⁶. Подобные взгляды получили широкое распространение. Товарищ председателя Лубенского отдела М. Ясинская торопила: «Тяжело, горько, но приходится отделяться, и мы отделяемся... взываем к другим отделам: отделяйтесь! Отделяйтесь скорее! И тогда, собравши 50—100 отделов, созовём от имени их съезд для объединения и плана совместной дружной работы на благо дорогой родины и выбора Главного совета для всех идейно объединившихся самостоятельных отделов»⁶⁷.

Вскоре примеру полтавских «союзников» стали следовать и в других регионах. Так, в Коврове «в виду вредной для русского дела деятельности обновлённого главного совета, соединённое собрание членов Совета и учредителей» местного отдела СРН решило «выработать свой устав Ковровского Союза русского народа, каковой зарегистрировать на месте»⁶⁸. В мае 1911 г. ковровцы сообщили Дубровину, что они «возбудили ходатайство об утверждении устава», а уже 9 августа новую организацию внесли в реестр обществ и союзов Владимирской губ.⁶⁹ Характерно, что являвшийся тогда председателем Ковровского отдела СРН А.Е. Жаворонков не вошёл в число её учредителей. А 11 сентября последнее «соединённое собрание членов совета и учредителей Ковровского отдела Союза русского народа» постановило отдел закрыть, «а принадлежащие ему: знамя, печать, имущество, капиталы, книги и документы передать вновь открытому Ковровскому союзу русского народа»⁷⁰.

Встревоженное данной тенденцией «обновленческое» руководство опубликовало «окружное послание», в котором предупреждало отделы, что, становясь самостоятельными без ведома Главного совета, они обязаны будут сменить название и отдать всё имущество Союзу⁷¹. Но это лишь усилило раздражение. Лубенский отдел в ответ выпустил новое обращение к соратникам, укоряя их в робости, поскольку они «боятся даже что бы то ни было предпринимать для освобождения от главно-советского ига, считают каким-то особенным правом Главного совета — княжить и владеть провинциальными отделами и всем их достоянием», хотя «огромное большинство союзников — горячие приверженцы общего нашего вождя Дубровина». В Лубнах терпеть подобное положение не желали: «Считаться с Главным советом мы отнюдь не намерены, имущества

⁶⁵ Там же. 9 июля. № 152.

⁶⁶ Переписка и другие документы правых 1911 года // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 100.

⁶⁷ Русское знамя. 1911. 25 марта. № 68.

⁶⁸ Там же. 27 сентября. № 215.

⁶⁹ Там же. 17 мая. № 108; Государственный архив Владимирской области (далее — ГА ВО), ф. 521, оп. 1, д. 56, т. 2, л. 81, 83 об.

⁷⁰ Русское знамя. 1911. 27 сентября. № 215.

⁷¹ Вестник Союза русского народа. 1911. 4 июня. № 52.

своего им не дадим». Другим отделам также не следовало опасаться «пустых угроз главносоветников», им прямо рекомендовалось: «Кто начал хлопоты — отделяйтесь»⁷². Ярославские монархисты полагали, что «начавшееся в последние два года выделение отделов Союза в самостоятельные организации, сохраняющие общие положения Союза и внутреннюю духовную связь между собою, нимало не грозит целостности всего Союза, напротив, гарантирует его отдельные части от покушения на их целостность со стороны лиц, возомнивших себя стоящими во главе Союза»⁷³.

«Дубровинцы» всё чаще задумывались о необходимости проведения своего съезда. В августе 1910 г. «Русское знамя» опубликовало письмо из Шуйского уезда: «Мы, союзники села Южи Владимирской губернии фабрики Балина, имели не раз суждение, почему именно вышел раздор Главного совета с председателем его А.И. Дубровиным. Предполагали мы, но решить эту задачу не смогли, убедившись, что её может разобрать всероссийский съезд, которому она посильна и который должно созвать немедленно. Более энергичные отделы, как только вышла распря, начали просить и даже требовать созыва всероссийского съезда немедленно. Они желали на нём уладить дела, положить распрю и клевету конец и дать Союзу дальнейший ход. Но их зов и требование осталось “гласом вопиющего в пустыне”... Вместо съезда начинается рассылка уполномоченных от Главного совета, который дал себе имя почему-то “обновлённый”. Уполномоченные, являясь в отделы, не раз объявляли, что они имеют право закрывать отделы, отстранять председателей и на их место ставить новых, более слабых и непригодных. При виде всего этого невольно сжимается сердце». Не видя иного выхода, южские союзники просили Дубровина «устроить немедленно губернские и областные съезды, с которых можно было бы откомандировать доверенных с выработанными постановлениями на съезд всероссийский»⁷⁴.

Со своей стороны, бывший председатель СРН жаловался соратникам на вражеские интриги: «Вы нетерпеливо ожидаете созыва нашего съезда в Николаеве, а “обновлённый” Главный совет не желает этого съезда, о чём сам неоднократно объявлял в своём новом “Вестнике”. Поэтому получение разрешения на созыв съезда замедлилось, очевидно, по проискам тех, кому съезд нежелателен и страшен»⁷⁵. Чтобы ускорить эти хлопоты, Дубровину нужны были «полномочия от губернских и областных организаций Союза», причём их следовало прислать «не менее как от двух третей всех отделов России, включая единомышленные патриотические монархические организации», и «не позже 1 августа сего 1911 года». Это позволило бы устроить съезд в Киеве 1 октября 1911 г. — «в день союзного патриотического праздника». Первым уполномочил Дубровина «принять на себя труд созыва всероссийского съезда Союза русского народа и ходатайство о его разрешении» ШСРПЛ, в данном случае указавший, что составляет «часть Союза русского народа» и участвовал «во всех союзных съездах с правами отдела Союза Р.Н.»⁷⁶.

⁷² Правые партии... Т. 2. С. 42, 44.

⁷³ Переписка и другие документы правых 1911 года // Вопросы истории. 1998. № 11—12. С. 130.

⁷⁴ Русское знамя. 1910. 4 августа. № 174.

⁷⁵ Там же. 13 октября. № 230.

⁷⁶ Русское знамя. 1911. 8 мая. № 102. Присланный из Шуи документ в «Русском знамени» напечатан как образец для других монархических организаций: «Отдел Союза русских православных людей в городе Шуе и уездах Владимирской губернии сим уполномочивает и покорнейше просит действительного и почётного председателя Главного совета и Союза русского народа Александра Ивановича Дубровина (ввиду неурядицы в отделах Союза русского народа, неимения полного еди-

Согласно официальной повестке, на съезде предполагалось обсудить внутреннее устройство союза, его отношение к другим партиям и выборам в IV Думу. Обновленческий Главный совет, предвидя, что «дубровинцы» намерены создать новую организацию, которая привлечёт к себе значительную часть правых и неминуемо ослабит позиции обновленческого СРН, разослал по отделам ещё одно «окружное послание», называя в нём действия бывшего председателя незаконными и призывая монархистов «не участвовать в съезде предательского разрушения нашей твердыни»⁷⁷. В конце сентября в очередном «окружном послании» Марков 2-й даже объявил всех приверженцев Дубровина правыми анархистами⁷⁸.

Учредительный съезд Всероссийского дубровинского Союза русского народа всё же состоялся в ноябре 1911 г., но не в Киеве, а в Москве. В избранный его делегатами Главный совет вошли А.И. Дубровин, А.И. Соболевский, Е.А. Полубояринова, Н.Н. Жеденов, А.И. Борк, А.В. Блинов, А.Ю. Сакович, Н.П. Покровский, Л.Б. Маляго, Е.А. Мамчич, Б.В. Никольский и Г.Г. Надеждин. Тогда же было принято решение «исключить из Главного совета гр. Э.И. Коновницына, гг. Маркова, Римского-Корсакова, Соколовых (отца и сына), Баранова, Володимерова, Говорухо-Отрока, Трегубова, Вишневецкого, барона Таубе, о. Вераксина, Юскевича-Красковского, Бориса Васильева, Лиховидова, Щенина, Белогурова» и «воспретить отделам СРН сношения с упразднёнными членами Главного совета», которые обвинялись в измене монархическим принципам. Их упрекали в тесном сближении с Всероссийским национальным союзом, не желавшим восстановления самодержавия и не дорожившим первенством и господством православной веры, в признании Думы учреждением парламентского типа и одобрении народовластия. Особое возмущение вызывал и отказ «обновленцев» отчитываться перед членами СРН о том, как расходывались находившиеся в их распоряжении суммы, не говоря уже об агитации против почётного пожизненного председателя Дубровина⁷⁹.

Съезд единогласно подтвердил постановление частного совещания представителей СРН, проходившего в Ярославле 8—11 марта 1909 г., «о признании организаций, хотя и именующих себя монархическими... но в действительности созданных для разрушения дела Союза и открытых после Всероссийского съезда в 1907 г. в Москве, враждебными Союзу русского народа». При этом указывалось, что «отделы, вступающие в соглашения с подобными организациями, а также с могущими быть открытыми и впредь, подлежат закрытию властью Главного совета СРН, на сем съезде избранного»⁸⁰.

После создания ВДСРН процесс «суверенизации» отделов и перехода их под крыло «дубровинского» Союза значительно ускорился. В феврале 1912 г. в канцелярию тверского губернатора поступило прошение о регистрации самостоятельного Тверского союза русского народа. Среди его учредителей были дворянин, два священнослужителя, два мелких чиновника (один в отставке),

нения с монархическими организациями и для переизбрания вновь всероссийским съездом Главного совета С.Р.Н. и других вопросов) устроить всероссийский съезд в г. Киеве, о чём ходатайствовать где следует о разрешении одного у подлежащего начальства, и уведомить отделы Союза русского народа и идиномышленные монархические организации о разрешении и дне съезда» (Там же).

⁷⁷ Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 110, 111.

⁷⁸ Вестник Союза русского народа. 1911. 24 сентября. № 68.

⁷⁹ Постановления Всероссийского съезда СРН и примыкающих к нему организаций. 25 ноября — 1 декабря 1911 г. в г. Москве. СПб., 1912. С. 3, 4.

⁸⁰ Там же. С. 30—31.

два мещанина и четыре крестьянина, проживавших в Твери. В представленном ими уставе провозглашалось, что «царская власть самодержавная» должна быть неограниченной и неприкосновенной «и выражаться в единении царя с народом, при посредстве Государственной думы или какого-либо другого учреждения, вызванного к жизни государем императором», дабы «составлять, согласно с нуждами народа, а также указаниями государя, проекты законов на *утверждение* (выделено мной. — *И.О.*) верховной власти». 30 апреля 1912 г. Тверской союз русского народа был зарегистрирован⁸¹.

В том же году вместо Воронежского отдела СРН был учреждён «Митрофанов-Георгиевский воронежский союз русского народа», имевший, согласно уставу, собственное руководство, но фактически, как и Тверской союз, входивший в ВДСРН⁸². Ярославский отдел СРН, согласно показаниям его секретаря М.Д. Кацауровой, после раскола «объявил себя самостоятельной организацией, не находящейся в связи ни с одной из сторон в Петербурге»⁸³, что не мешало ему всегда выступать на стороне «дубровинцев». Такую же позицию занял и Почаевский отдел в Волынской губ.⁸⁴, насчитывавший несколько десятков тысяч членов (а по словам его лидеров — около 2 млн)⁸⁵.

После регистрации ВДСРН «обновленческий» Главный совет в новом «окружном послании» заявил, что Дубровинский союз «не имеет ни нравственных, ни юридических прав смешивать себя с получившим уже историческое значение СРН». При этом выражалась надежда на то, что «числящиеся в составе СРН так называемые “дубровинцы” поспешат выйти из СРН и приписаться к вновь открытому Всероссийскому Дубровинскому союзу и тем избавить Союз русского народа от лиц, вносящих в него смуту»⁸⁶. Кроме того, «обновленческий» Главный совет, в нарушение устава Союза, присвоил себе право снимать неугодных председателей отделов и назначать на их место своих ставленников. Для легитимации этой практики «марковцы» решили созвать свой съезд, однако далеко не везде эту инициативу одобрили. Так, члены Покровского отдела Владимирской губ., отказываясь 3 января 1912 г. от участия в данном мероприятии, поясняли: «Мы, покровские союзники, признаём Всероссийский съезд Союза русского народа и единомышленных монархических организаций в Москве с 21 ноября по 1 декабря 1911 года под председательством А.И. Дубровина, за каковым считаем права почётного действительного пожизненного председателя, прошлыми съездами утверждённого. Ставим в вину бывшему главному совету: 1) что он не принял участия в вышеназванном съезде, 2) препятствовал своими циркулярами быть на Съезде отделам... Не может и не должна управлять Союзом Р.Н. кучка под фирмой “Коновницын—Марков—Щекин”, избравшая себе девизом “земскособорность”. Наш Покровский отдел Союза Р.Н... не знал никого, кроме А.И. Дубровина, В.А. Грингмута и Л.Л. Кисловского, и не желает менять этих людей на каких-то неведомых “графов”... Быть может, эти важные персоны и очень авторитетны, но мы их не знаем»⁸⁷.

⁸¹ Государственный архив Тверской области, ф. 510, оп. 1, д. 436, л. 1, 6, 30.

⁸² *Рылов В.Ю.* Правое движение в Воронежской губернии... С. 80.

⁸³ Союз русского народа по материалам... С. 366.

⁸⁴ *Степанов С.А.* Чёрная сотня. С. 259.

⁸⁵ Прибавление к Почаевскому листку. 1909. 25 ноября. № 822.

⁸⁶ Цит. по: *Кирьянов Ю.И.* Указ. соч. С. 149.

⁸⁷ Русское знамя. 1912. 14 февраля. № 35.

Воршинский отдел той же губернии, не присоединившись к «созываемому съезду», тем не менее «искренне» пожелал ему «найти пути примирения между отделами и новым Главным советом. Ведь все мы братья, заодно болеем о неустройстве нашего дорогого отечества, для чего же ссориться? Протянем друг другу руки и будем все заедино стремиться к улучшению жизни нашего великого народа, укрепляя его веру в Бога и преданность царю, самодержцу неограниченному»⁸⁸. Однако такое «миролюбие» не встречало понимания в штабе ВДСРН. «Русское знамя» тут же напомнило воршинцам, «1) что члены упразднённого главного совета по своим действиям не только “не идут за одно” с дубровинцами, но исповедуют совершенно противоположные убеждения, 2) проводят в жизнь России народное представительство, т.е. конституцию, состоя на содержании у конституционной бюрократии и вступая в блок (соглашение) с конституционными партиями, и 3) совершили целый ряд действий, направленных к разрушению Союза на местах, не только задерживая и прекращая работу отделов, но даже прямо закрывая отделы при посредстве местной администрации». Мнение самой редакции звучало весьма недвусмысленно: «Могут ли оказаться у лиц, действующих таким образом, пути к примирению с Главным советом, законно избранным московским съездом 1911 года, — пусть воршинские союзники решат сами»⁸⁹.

Тем не менее большинство рядовых «союзников» на местах не понимало причин конфликта и ожидало его скорейшего завершения. Так, общее собрание Киевского губернского отдела 17 августа 1911 г. после долгой дискуссии констатировало, что «обсуждение распри» в СРН «по существу, признано невозможным без ближайшего ознакомления с обстоятельствами дела, но примирение А.И. Дубровина с Главным советом признано, безусловно, необходимым»⁹⁰. Бывший одесский градоначальник И.Н. Толмачёв 12 декабря 1911 г. жаловался В.О. Потапенко: «Угнетает меня мысль о полном развале правых. Столыпин достиг своего: плоды его политики мы пожинаем теперь; все ополчились друг на друга»⁹¹. Председатель астраханской Народной монархической партии «дубровинец» Н.Н. Тиханович-Савицкий отправил телеграмму Пуришкевичу: «Идите к Дубровину, помиритесь, работайте вместе, как прежде»⁹². Председатель совета Владимирского отдела «марковец» В.М. Карякин телеграфировал Дубровину: «Проникнутые скорбью от раздоров взаимных противодействий, раздирающих СРН, Владимирский губернский отдел обращается к Вам с сердечной просьбой приложить все старания к воссоединению расколовшихся частей Союза». Но лидер ВДСРН остался неумолим, написав на обороте телеграфного бланка: «Мерзавцев нужно изгонять, а не мириться с ними»⁹³.

Несмотря на бойкот со стороны «дубровинцев», «обновленцы» всё же провели в мае 1912 г. в Петербурге IV всероссийский съезд СРН (названный также V всероссийским съездом Русских людей). Его участники утвердили «Правила для взаимоотношений Главного совета и отделов Союза русского народа», провозглашавшие, что «все отделы Союза русского народа в империи объединяются Главным советом СРН, который находится в [Санкт]-Петербурге и

⁸⁸ Там же. 8 мая. № 103.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Отчёт о деятельности Киевского губернского отдела С.Р.Н. за 1911 г. С. 198.

⁹¹ Переписка и другие документы правых (1911—1913). С. 99.

⁹² ГА РФ, ф. 117, оп. 1, д. 121, л. 23.

⁹³ Там же, ф. 116, оп. 1, д. 89, л. 3 об.

управляет всеми делами союза». Кроме того, ими предусматривалось, что «для установления более тесного общения» с губернскими отделами Главный совет назначает их членов, которые, в свою очередь, «избирают по потребности и по усмотрению... себе в помощь» уездные⁹⁴. Таким образом, лидеры «обновленцев» закрепили за собой право присваивать любым лояльным организациям статус губернских. Более того, приверженцы Маркова 2-го просто закрывали отделы, перешедшие к Дубровину (например, Староосколький в Курской губ.⁹⁵), сообщая об этом в МВД и превращая тем самым любую их деятельность в незаконную. А 8 мая 1912 г. обновленческий Главный совет принял решение «ввиду зловредной и противоуставной деятельности» закрыть сразу четыре столичных отдела (Василеостровский, Литейно-Рождественский, Путиловский и Больше-Охтинский), «с тем чтобы взамен закрытых в ближайшем будущем открыть новые», но уже «в строгом соответствии с уставом Союза»⁹⁶.

«Русское знамя» откликнулось на это публикацией постановления Главного совета ВДСРН, в котором напоминалось: «Устав Союза русского народа не предусматривает закрытия отделов Союза и назначения председателей отделов помимо их выбора советами местных отделов и помимо собственного их желания. Поэтому ни один отдел не может быть закрыт и ни один председатель не может быть назначен ни Главным советом, ни тем более кем-либо из лиц, признанных недостойными состоять в Союзе русского народа Всероссийским съездом, состоявшимся в Москве 24 ноября 1911 г.»⁹⁷. Впрочем, на руководителей «обновленческого» СРН это заявление должного впечатления не произвело, и упразднение строптивых отделов продолжалось.

Однако на местах далеко не все соглашались закрывать свои организации по распоряжению из Петербурга. Так, П.И. Подвизнов писал в Главный совет ВДСРН, что 11 июня 1912 г. «наш Воршинский отдел закрыт; причина не объяснена, о чём и доношу Главному совету, и покорнейше прошу Главный совет указать, как нам теперь поступить, и оказать нам юридическую помощь до суда включительно»⁹⁸. Спустя несколько дней Подвизнов обратился к министру внутренних дел. Отметив, что возглавляемый им «отдел в течение почти шестилетнего существования осчастливлен был три раза монаршей благодарностью, участвовал во всех всероссийских съездах, если не лично, то посредством телеграфа», председатель с возмущением сообщал: «Упразднённый (обновленческий. — *И.О.*) Главный совет начал закрывать отделы, что уставом ему не предоставлено... Закрытие нашего отдела лишает нас возможности участвовать при подаче голосов для выбора членов в имеющую вновь собраться Государственную думу, что тяжёлым камнем ложится на наши души». Затем, видя, что в МВД не спешат «отменить незаконное постановление упразднённого Главного совета о закрытии Воршинского отдела», его члены подали соответствующее прошение императору, а 21 ноября 1912 г., не дожидаясь решения, присоединились к ВДСРН, избрав Подвизнова председателем новой организации⁹⁹.

Владимирский отдел Союза «главносоветчики» не закрывали, поскольку он во главе с председателем В.М. Карякиным принял сторону обновленцев.

⁹⁴ Правые партии... Т. 2. С. 164—165.

⁹⁵ ГА РФ, ф. 116, оп. 1, д. 130, л. 5.

⁹⁶ Правые партии... Т. 2. С. 156.

⁹⁷ Русское знамя. 1912. 13 апреля. № 83.

⁹⁸ Там же. 14 июня. № 133.

⁹⁹ Там же. 24 июня. № 142; ГА РФ, ф. 116, оп. 1, д. 89, л. 12; ГА ВО, ф. 521, оп. 1, д. 58, л. 37.

Тем не менее 4 февраля 1913 г. входивший в него В.Н. Бобров (являвшийся одновременно членом Киевской молодёжной монархической организации «Двуглавый орёл») просил Дубровина открыть во Владимире отдел ВДСРН, куда «13 человек уже изъявили желание перейти»¹⁰⁰. В начале марта Подвизнов пожаловался Дубровину на то, «что не находится достойного председателя губернского отдела», однако вскоре подходящую кандидатуру (крестьянина Д.А. Чернова¹⁰¹) нашли, и 17 марта состоялось учредительное собрание Владимирского отдела ВДСРН¹⁰².

Противостояние «дубровинцев» и «обновленцев» несколько ослабло лишь в 1913 г. Начало Первой мировой войны отодвинуло противоречия между ними на задний план. Однако к лету 1915 г. они вновь обострились, и союзники не смогли даже собрать общий партийный съезд, проведя два монархических совещания (в Петрограде и Нижнем Новгороде). Избранный председателем петроградского («обновленческого») совещания бывший министр юстиции И.Г. Щегловитов позже свидетельствовал: «Председательствование это возбудило во мне глубочайшее разочарование: я увидел, что достигнуть объединения, по крайней мере в пределах, для меня желательных, нет никакой возможности»¹⁰³. Лишь осенью 1916 г. Дубровин и Марков 2-й попытались устроить в Москве совместный монархический съезд, но не получили разрешения властей, признавших какие-либо политические манифестации во время войны нежелательными.

Всё это имело самые печальные последствия для низовых партийных структур Союза. На Волыни, например, как отмечали сами правые, крестьяне-союзники были «оставлены без руководства, а лишь только распропагандированы партийной борьбой двух советов, и превратились в опасный элемент, который потому только не перешёл в революцию, что сохранил монархические чувства»¹⁰⁴. «Впечатление везде нерадостное, — констатировал посетивший Киев одесский монархист, — остатки Киевского железнодорожного отдела С.Р.Н., преобразовавшегося в Искро-Кочубеевский дубровинский отдел С.Р.Н., примкнули к партии Савенки (т.е. националистам. — *И.О.*) и “смокчуть горилку”»¹⁰⁵.

Раскол стал следствием целого ряда объективных и субъективных факторов, от нежелания лидеров СРН подчинить личные амбиции общему делу до целенаправленной политики правительства, стремившегося ослабить движение, не вписывавшееся в рамки «третьеиюньской системы», и невозможности согласовать интересы различных социальных групп, являвшихся опорой Союза (помещиков и крестьян, рабочих и мелкой буржуазии и т.п.). В итоге, в 1917 г. монархисты без боя сошли с политической сцены.

¹⁰⁰ ГА РФ, ф. 116, оп. 1, д. 89, л. 6, 6 об.

¹⁰¹ ГА ВО, ф. 981, оп. 3, д. 77, л. 104.

¹⁰² ГА РФ, ф. 116, оп. 1, д. 89, л. 7 об., 12.

¹⁰³ Падение царского режима. Т. 2. М.; Л., 1925. С. 354.

¹⁰⁴ Цит. по: *Леонов С.В.* Партийная система России (конец XIX — 1917) // Вопросы истории. 1999. № 11—12. С. 39.

¹⁰⁵ ГА РФ, ф. 116, оп. 1, д. 565, л. 9 об.

Политические партии России в начале XX в. как историографическая проблема

Валентин Шелохаев, Кирилл Соловьёв

Political parties of Russia in the early 20th century as a historiographical problem

*Valentin Shelokhaev (Institute of Russian History, Russian Academy
of Sciences, Moscow),*

*Kirill Solovyov (National Research University Higher School of Economics;
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*

DOI: 10.31857/S086956870013450-6

История политических партий в России начала XX в. — ключевая проблема отечественной и зарубежной историографии, что вполне закономерно. Появление в тот период новых акторов на политической сцене — свидетельство тому, что вековая драма взаимоотношений власти и общества приближалась к своей развязке¹.

Исследователи истории российских политических партий не раз обращались к анализу литературы, прежде всего дооктябрьского и советского периодов². В данной статье основное внимание сосредоточено на выявлении основ-

© 2021 г. В.В. Шелохаев, К.А. Соловьёв

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-09-00105.

¹ Шелохаев В.В., Соловьёв К.А. Политические партии России начала XX века. Особенности являния и перспективы изучения // Россия XXI. 2019. № 5. С. 10—27.

² Шелохаев В.В. Итоги и задачи изучения российских буржуазных партий в современной советской литературе // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократической революции и в период назревания социалистической революции. М., 1982. С. 74—81; Волобуев О.В., Леонов М.И., Уткин А.И., Шелохаев В.В. История политических партий периода Первой российской революции в новейшей советской литературе // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 52—67; Канищева Н.И., Придворова Т.П., Шелохаев В.В. Партия большевиков в годы Первой российской революции. Критика новейшей буржуазной историографии // Вопросы истории КПСС. 1985. № 12. С. 87—100; Канищева Н.И., Придворова Т.П., Шелохаев В.В. Партия большевиков в годы реакции и нового революционного подъёма // Вопросы истории КПСС. 1988. № 7. С. 82—98; Волобуев О.В., Леонов М.И., Уткин А.И., Шелохаев В.В. История политических партий России 1907—1914 гг. в советской историографии // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 147—160; Канищева Н.И., Леонов М.И., Павлов Д.Б., Степанов С.А., Шелохаев В.В. Политические партии в 1905—1907 годы (Обзор новейшей немарксистской историографии) // История СССР. 1989. № 6. С. 180—195; Волобуев О.В., Миллер В.И., Шелохаев В.В. Непролетарские партии России: итоги изучения и нерешённые проблемы // Непролетарские партии России в трёх революциях. М., 1989. С. 5—20; Агафонов О.В., Канищева Н.И., Морозова Е.Г. Западная немарксистская историография РСДРП. Основные направления, исследовательские центры, архивы. М., 1989; Шелохаев В.В. Многопартийность в России: история и современность // Обновление России. Трудный поиск решения. Вып. 1. М., 1992. С. 141—159; Гусев К.В., Миллер В.И. Система политических партий России. К постановке вопроса // Кентавр. 1992. Ноябрь—декабрь; Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993; 1994; Шелохаев В.В. Многопартийность, висевшая в воздухе // Полис. 1993. № 6. С. 166—171; Шелохаев В.В. Политические партии отечественных предпринимателей: история и современность // Обновление России: трудный поиск решений. Вып. 2. М., 1994. С. 182—188;

ных тенденций современной отечественной историографии с учётом непростого пути научного сообщества — от прежних идеологических догм к новому пониманию этого политического и общественного феномена. Во-первых, история партий менялась вместе с общей историографической ситуацией. В партиях, пусть даже малочисленных, а тем более в партийной системе начала XX в. отражалась вся Россия, асинхронно развивавшаяся и крайне неоднородная. Характеризуя партийную жизнь, историк, может быть, даже помимо своего желания, вынужден был давать оценку общей ситуации в стране. Во-вторых, принимая во внимание множество исследований, появившихся в последние три десятилетия (монографии, статьи, докторские и кандидатские диссертации), в данном случае акцент сделан на инновационные подходы. Обобщая достижения отечественных исследователей с середины 1980-х гг. до настоящего времени, можно понять качественные сдвиги в понимании политической истории рассматриваемого периода.

Тенденции к пересмотру идеологических оценок «Краткого курса» истории КПСС наметились ещё в 1960—1970-х гг. Несомненной вехой был XX съезд партии, после которого стало возможным появление «нового направления» в исторической науке. Его представители стремились расширить проблематику исследований. В частности, речь шла о многоукладности российской экономики начала XX в., неоднородности пореформенного общества; ставился вопрос о гегемонии пролетариата и его союзниках на демократическом этапе революции в России. В этой связи с логической неизбежностью возникала необходимость расширения тематики в изучении политических партий. На рубеже 1970—1980-х гг. появились исследования, специально посвящённые изучению (правда, в рамках марксистских подходов, с использованием соответствующей терминологии) «помещичьих», «буржуазных», «мелкобуржуазных» партий, а также разного рода анархистских группировок. Несмотря на то что в подавляющем числе случаев оценки политических объединений давались в традиционном духе, привлечение авторами новых архивных источников, главное — расширение проблематики, позволило представить деятельность партий с другого ракурса. В результате за нередко сохранявшимися названиями (например, «Борьба большевиков против...») в процессе исследований делались наблюдения, выходящие далеко за привычные историографические рамки. По сути, приходило осознание, что политический процесс в Российской империи начала XX в. не являлся линейным, а место в нём партий не было столь очевидным, как казалось ранее.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. на многочисленных всесоюзных научных конференциях, проводившихся Научным советом по истории Великой Октябрьской социалистической революции во главе с академиком И.И. Мин-

Кононенко А.А. Партия социалистов-революционеров в 1901—1922 гг. проблемы историографии. Тюмень, 2004; *Шелохаев В.В.* Политические партии в Первой российской революции: задачи дальнейшего изучения // *Российская история*. 2016. № 4. С. 101—109; *Шелохаев В.В.* Дискуссия о типе политической партии в российском интеллектуальном пространстве // *Российская многопартийность и российские кризисы XX—XXI вв.* Сборник научных статей и материалов круглых столов. Вып. 6. М., 2016. С. 344—350; *Шелохаев В.В.* Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. // *Российская история*. 2017. № 2. С. 22—41; *Шелохаев В.В.* Политические партии в 1917 г. (Итоги изучения и исследовательские задачи) // 1917 год. Государство. Власть. Территория. Доклады международной научной конференции 25 октября 2017. М., 2017. С. 379—387; *Егоров А.Н.* Очерки историографии российского либерализма конца XIX — первой четверти XX в. (дореволюционный и советский периоды). Череповец, 2007; *Егоров А.Н.* Российские либералы начала XX в. и власть: историографические дискуссии. Череповец, 2007.

цем, всё чаще звучала мысль о необходимости скорректировать представления о партиях. На состоявшейся в 1982 г. в г. Калининской научной конференции исследователи В.В. Комин, К.В. Гусев, Л.М. Спиринов, В.И. Миллер, Г.З. Иоффе, Н.Г. Думова, О.В. Волобуев, С.В. Тютюкин, В.П. Булдаков и В.В. Шелохаев предложили начать подготовку коллективной обобщающей монографии по истории российских непролетарских партий. Был разработан план-проспект труда и сформирован авторский коллектив.

Подготовка монографии оказалась делом сложным. Сначала предполагалось издать её в двух томах. Рукопись представили в издательство «Мысль» (с которым у К.В. Гусева имелась предварительная договорённость). Её дирекция, ознакомившись с рукописью, решила «подстраховаться» и направила её в Отдел науки ЦК КПСС. Судя по рассказам Гусева, в отделе публикация двухтомника по истории непролетарских партий вызвала возражения. Чтобы спасти это начинание, Гусеву пришлось прибегнуть к содействию лиц, близких к тогдашнему руководству ЦК партии. Хотя санкции на издание труда так и не были получены, авторам предложили ограничиться лишь одним томом.

Инициативной группе ничего не оставалось, как, взяв в руки «ножницы» и «клей», «в вахтовом режиме» создать новый текст. Конечно, можно было отказаться от издания книги «после её обрезания», но всё же приняли решение, приступив одновременно к реализации других исследовательских задумок, выпустить монографию в свет. В итоге опубликованную в 1984 г. книгу³ научная общественность встретила положительно. Разумеется, в монографии, охватывающей период от истоков возникновения непролетарских партий до момента их исчезновения в эмиграции, многие оценки укладывались в привычные идеологические клише. Однако, по крайней мере, этот коллективный труд «приоткрыл» для историков политических партий возможность для их изучения.

Работа над монографией показала, что требовалась фронтальная «ревизия» всего накопленного историографического материала и при этом формулирование новых исследовательских задач. Эта «ревизия», с одной стороны, позволяла критически осмыслить итоги работы нескольких поколений досоветских, советских и зарубежных историков политических процессов начала XX в., с другой — наметить новые пути изучения данной темы.

Во-первых, исследователям предстояло больше внимания уделить изучению теории и методологии. Это, в частности, отразилось в осмыслении наследия А. Токвиля, Б.Н. Чичерина, М.Я. Острогорского, М. Вебера, Р. Михельса, М. Дюверже, Дж. Брайса и др.⁴ Во-вторых, было важно обратить внимание на особенности процесса формирования политических партий в России, явно выходящего из западноевропейской традиции.

Одновременно группа учёных приступила к разработке ранее практически не исследованной проблемы: численность, состав, территориальное размещение российских политических партий. В 1987 г. в Институте истории СССР издали специальный сборник⁵, на основе которого были подготовлены статья⁶

³ Непролетарские партии в России. Урок истории. М., 1984.

⁴ См.: Малов Ю.К. Введение в теорию политических партий (Обзор идей и концепций). М., 2005.

⁵ Киселёв И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политические партии в 1905—1907 гг.: численность, состав, размещение (Количественный анализ) // История СССР. 1990. № 4. С. 71—87.

⁶ Киселёв И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политическая карта России в 1905—1907 гг. Количественный анализ // Россия и США на рубеже XIX—XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. М., 1992. С. 114—142.

и соответствующий доклад для международной научной конференции в США. Исследователи практически сразу стали активно применять количественные методы изучения политических партий⁷. Постановка данного вопроса позволила выявить взаимозависимость партийной организации и экономической, социальной, национальной и конфессиональной специфик регионов страны, показать каналы влияния партий на различные слаты населения, а также методы воздействия на общественное и массовое сознание.

Важную роль в стимулировании изучения рассматриваемой проблематики сыграла состоявшаяся в Орле всесоюзная конференция (её материалы вошли затем в сборник⁸). В ряде прозвучавших на орловском форуме докладов не только были подведены итоги изучения политических партий России, но и обозначены нерешённые проблемы (О.В. Волобуев, В.И. Миллер, В.В. Шелохаев), впервые поставлен вопрос об особенностях формирования российских непролетарских партий (К.Н. Тарновский). Большое внимание уделялось вопросам территориального размещения, численности и состава партий (О.А. Харусь, И.В. Нарский, Н.Д. Ерофеев, М.И. Леонов, А.Л. Афанасьев), изучению их программ (А.Д. Степанский, В.И. Старцев, А.Д. Кожурякин, С.А. Степанов, М.В. Смирнова). В целом материалы конференции свидетельствовали, что лишь намеченные ранее в коллективном издании и сборнике новые идеи и подходы получили поддержку и в дальнейшем были отражены в серии монографий и статей⁹.

Одним из стимулирующих факторов распространения новых подходов к изучению политических партий России стало решение Политбюро ЦК партии о подготовке «Очерков истории КПСС». В них предполагалось скорректировать имевшие место в многотомной истории партии оценки деятельности РСДРП—РСДРП(б)—РКП(б)—ВКП(б)—КПСС. К реализации данного проекта (куратор — член Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлев) привлекли внушительную группу историков из академических институтов и высших учебных заведений, которая, по крайней мере по дооктябрьскому периоду РСДРП, получила практически неограниченный допуск к ранее закрытым архивам. Исследователи второй половины 1980-х гг. заложили довольно прочные основы (теоретико-методологическую, историографическую, источниковедческую), которые способствовали переходу к новому историографическому этапу, начавшемуся уже в 1990-х гг.

В это время в связи с развалом СССР и крушением КПСС резко возрос интерес к истории политических партий Российской империи — ведь тогда возникла потребность в формировании собственных, современных партий. В период бесконечной череды «круглых столов» постоянно ставились вопросы

⁷ См.: *Нарский И.В.* Русская провинциальная партийность: политические объединения на Уrale до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России) Ч. 1—2. Челябинск, 1995; *Постников Н.Д.* Политические партии России 1907—1917 гг. (Количественный анализ) М., 2001; *Постников Н.Д.* Территориальное размещение и численность политических партий России (1907 — февраль 1917). М., 2013.

⁸ Непролетарские партии России в трёх революциях.

⁹ См.: *Ерофеев Н.Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979; *Леонов М.И.* Левое народничество в начале пролетарского этапа освободительного движения в России. Куйбышев, 1987; *Леонов М.И.* Эсеры в революции 1905—1907 гг. Самара, 1992; *Спирина М.В.* Крах мелкобуржуазных концепций социализма эсеров. М., 1987; *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988; *Павлов Д.Б.* Эсеры-максималисты в первой русской революции. М., 1989.

о генезисе, формах, методах функционирования российских политических объединений, их взаимодействии с властью и обществом, о значимости прошлого опыта в «новых» условиях. Начался настоящий «бум» публикаций программных документов, переиздания монографических исследований как отечественных, так и зарубежных историков, мемуаров лидеров политических партий.

Именно в тот период в рамках Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП) было создано специальное научное подразделение, которое активно включилось в разработку вопросов истории российской многопартийности в конце XIX — начале XX в. В РНИСиНП подготовили сборник программ российских политических партий¹⁰, провели международную научную конференцию по истории национальных политических партий в России¹¹, а также издали две книги, куда вошли 14 статей, посвящённых политическим партиям (в том числе малоизученным) и 20 политическим лидерам¹².

По инициативе В.В. Шелохаева был сформирован большой коллектив исследователей (около 100 человек), приступивший к подготовке специальной энциклопедии. Она позволила воссоздать объёмную картину генезиса, формирования и функционирования политических партий в России рубежа XIX—XX вв.¹³ В результате учёные выявили общее число политических партий (280), показали удельный вес численности их членов в переломные даты в истории — 1906 и 1917 гг. (соответственно 0,5 и 1,2—1,5% населения страны). Одновременно в ходе работы над изданием В.В. Кривенький подготовил перечень общероссийских (57) и национальных (223) политических партий¹⁴.

Инновационным при подготовке энциклопедии стал отказ от прежней устаревшей классификации политических объединений, основанной на классовом принципе. В итоге партии классифицировали в соответствии с их мировоззренческими представлениями о путях развития и преобразования России. В этой логике они подразделялись на основные типы — консервативные, либеральные, социалистические, которые были носителями и выразителями трёх объективно возможных моделей переустройства страны в начале XX в.¹⁵

Во вводной статье энциклопедии раскрываются исторические особенности формирования и функционирования политических партий, причём не только общероссийских, но и национальных¹⁶. В статьях даётся ёмкая характеристика деятельности каждой партии за весь период существования в России и эмиграции. При этом специальное внимание уделено численности, социальному, национальному и конфессиональному составу, анализу программных документов, стратегии и тактике партий. В издании впервые охарактеризованы ведущие печатные органы политических партий, формы и методы их воздействия на общественное и массовое сознание; взаимодействие с властными структурами

¹⁰ Программы политических партий России, конец XIX — начало XX вв. / Отв. сост. В.В. Кривенький, Н.Н. Тарасова. М., 1995.

¹¹ История национальных партий России. Материалы международной конференции. М., 1997.

¹² Политическая история России в партиях и лицах.

¹³ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1996.

¹⁴ Там же. С. 725—743.

¹⁵ См.: Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004.

¹⁶ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века... С. 5—12.

и массовыми организациями (Советами, всероссийскими и региональными союзами, профессиональными и кооперативными обществами); содержится характеристика деятельности многих партийных лидеров. Процесс создания этого труда не только способствовал установлению и расширению научных связей с отечественными и зарубежными учёными, разрабатывавшими историю российских политических партий, но позволил наметить дальнейшие перспективы их изучения.

Одной из первостепенных задач комплексного исследования данного вопроса стало введение в научный оборот документального наследия политических объединений. При этом речь шла о привлечении не только российских, но и зарубежных архивов, о создании международных творческих коллективов. В начале 1990-х гг. было «запущено» два параллельных проекта — «меньшевистский» и «либеральный». Первый осуществлялся в рамках Отделения исторических наук РАН, второй — Институтом общественной мысли, созданным по инициативе ряда отечественных исследователей и издательства «Российская политическая энциклопедия». В скором времени оба проекта «слились» в один — «Политические партии России. Документальное наследие». В реализации этой фундаментальной публикации, не имеющей аналогов в мировой истории, участвовали исследователи России, США, Израиля, Италии. В 2004 г. в американском журнале «Критика» вышла серия статей, посвящённых анализу изданных книг¹⁷.

К настоящему времени опубликовано 60 томов материалов, связанных с наиболее крупными консервативными, либеральными и социалистическими партиями за весь период их существования¹⁸. Прежде всего это материалы пар-

¹⁷ См.: *Emmons T. Liberation or Liberalism? // Kritika. Vol. 5. 2004. № 1. P. 107—112; Becker S. A Conservative Lobby: The United Nobility in 1905—10 // Ibid. P. 112—116; Korros A. The Kadet Party and the Elusive Ideal of Internal Democracy // Ibid. P. 117—136; Galai Sh. The True Nature of Octobriism // Ibid. P. 137—148; Budnitskii O. Russian Liberalism in War and Revolution // Ibid. P. 149—168; Lyandres S. Documents and Politics in 1917 // Ibid. P. 169—178; Narskii I. The Right-Wing Parties: Historiographical Limitations and Perspectives // Ibid. P. 179—184; Boniece S. «Don Quixotes of the Revolution»? The Left SRs as a Mass Political Movement // Ibid. P. 185—194; Melancon M. The Neo-Populist Experience: Default Interpretations and New Approaches // Ibid. P. 195—206; Corney F.C. Party History — What It Is and Is Not // Ibid. P. 207—219; Weiss C. Russian Political Parties in Exile // Ibid. P. 219—232.*

¹⁸ *Меньшевики в 1917 году / Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. В 3 т. Т. 1. От января до июльских событий М., 1994; Т. 2. От июльских событий до корниловского мятежа. М., 1995; Т. 3. От корниловского мятежа до конца декабря. Ч. 1. От корниловского мятежа до Временного Демократического Совета Российской Республики (август — первая декада октября). М., 1996; Ч. 2. От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря (первая декада октября — конец декабря). М., 1997; Анархисты. Документы и материалы. 1883—1935 гг. / Отв. ред. В.В. Шелохаев, сост., автор предисл., введ. и коммент. В.В. Кривенький. В 2 т. М., 1998—1999; Либеральное движение в России, 1902—1905 гг. / Отв. ред. В.В. Шелохаев, сост. Д.Б. Павлов, авторы примеч. О.Н. Лежнева, Д.Б. Павлов. М., 2001; Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. / Отв. ред. В.В. Шелохаев, сост., автор предисл., введ. и коммент. Ю.И. Кирьянов. М., 1998; Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии / Отв. ред. В.В. Шелохаев, сост., авторы коммент. Н.И. Канищева, Д.Б. Павлов. В 6 т. М., 1994—1999; Съезды и конференции Конституционно-демократической партии / Отв. ред. В.В. Шелохаев, сост., автор предисл. и примеч. Н.И. Канищева. В 3 т. М., 1997—2000; Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК / Отв. ред. В.В. Шелохаев, сост., автор предисл., введ. и коммент. Д.Б. Павлов. В 2 т. М., 1996—2000; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы / Отв. ред. В.В. Шелохаев, сост., автор предисл., введ. и коммент. Н.Д. Ерофеев. В 3 т. М., 1996—2000; Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917—1925 гг. В 3 т. М., 2000—2015; Объединённое дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. В 3 т. М., 2001—2002; Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и мате-*

тийных съездов и конференций, заседаний ЦК, думских фракций, переписка с местными комитетами и отделами. Издание энциклопедии и «общего проекта» документальных материалов стимулировало подготовку новых монографий¹⁹, а также учебников для высшей школы.

Сегодня трудно назвать значимую политическую партию, которой не было бы посвящено серьёзного исследования — монографии или статей. Существенные результаты достигнуты в изучении истории российского консерватизма и правых партий²⁰. На данный момент выявлены характерные черты генезиса в России консервативной идеологии, раскрыта её преемственность интеллектуальных построений XIX в., показано всё новое, привнесённое генерацией консерваторов начала XX столетия. Одновременно подробно раскрыта взаимосвязь «элитарных» консервативных кружков и салонов конца XIX — начала XX в. и политических объединений, показаны их территориальное раз-

риалы / Отв. ред. В.В. Шелохаев, сост., автор предисл., введ. и коммент. А.В. Сыпченко, К.Н. Морозов. М., 2003; Партия демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы, 1906—1916 гг. / Отв. ред. В.В. Шелохаев, сост., автор предисл., введ. и коммент. Н.Б. Хайлова. М., 2002; Союз эсеров-максималистов. 1906—1924 гг. Документы, публицистика / Отв. ред. В.В. Шелохаев, сост., автор предисл., коммент. Д.Б. Павлов. М., 2002; Партия российских промышленников и предпринимателей. Документы и материалы, 1905—1906 гг. / Отв. ред. В.В. Шелохаев, сост. и автор коммент. В.Ю. Карнишин. М., 2004; Конференции РСДРП 1912 года: документы и материалы / Сост., авт. коммент. Ю.Н. Амиантов, К.Г. Ляшенко, И.С. Розенталь, З.И. Перегудова, З.Н. Тихонова; пер. с нем. С.А. Гаврильченко. М., 2008; Бунд: документы и материалы, 1894—1921 / Сост. и авт. коммент. Ю.Н. Амиантов, К.Г. Ляшенко, И.С. Розенталь, З.И. Перегудова, З.Н. Тихонова. М., 2010; Сионистские партии и организации в СССР. 1920-е гг. В 2 кн. М., 2019; Социал-демократические фракции I и II Государственных дум: протоколы фракционных заседаний и материалы. 1906—1907 гг. / Отв. ред. П.Ю. Савельев; сост. Р.М. Гайнуллина, А.П. Ненароков, З.И. Перегудова, П.Ю. Савельев, Г.Н. Симаков, А.В. Стемалхова, М.Д. Трухин. М., 2020.

¹⁹ Обстоятельный анализ первых 28 томов данной публикации см.: *Журавлёв В.В., Ненароков А.П., Павлов Д.Б., Шелохаев В.В.* Документальное наследие Российских партий (Некоторые итоги серийной публикации) // Археографический ежегодник за 1999 год. М., 2000. С. 3—18; *Павлов Д.Б.* Отечественные и зарубежные публикации документов российских партий. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998.

²⁰ См.: *Степанов С.А.* Чёрная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992; *Раскин Д.И.* Идеология русского правого радикализма в конце XIX — начале XX в. // Национальная правая прежде и теперь: историко-социологические очерки / Под ред. О. Вите, В. Воронкова, Р. Ганелина, Б. Фирсова. Ч. 1. Россия и русское зарубежье. СПб., 1992. С. 5—46; *Нарский И.В.* «Революционеры справа»: черносотенцы на Урале в 1905—1916 гг. Материалы к исследованию «русскости». Екатеринбург, 1994; *Абушик В.В.* Деятельность монархических организаций Центральной России в период развития буржуазно-демократической революции (1905—1917). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; *Толочко А.П.* Черносотенцы в Сибири (1905 — февраль 1917 г.). Омск, 1999; *Репников А.В.* Консервативная концепция российской государственности. М., 1999; *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007; *Михайлова Е.М.* Черносотенные организации Среднего Поволжья в 1905—1917 гг. Чебоксары, 2000; *Стрелков А.* Чёрная сотня в Центральном Черноземье. Курск, 2000; Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов Воронежского государственного университета. Вып. 1. Воронеж, 2001; *Лукьянов М.Н.* Российский консерватизм и реформа. 1907—1914. Пермь, 2001; *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911—1917. М., 2001; *Кирьянов Ю.И.* Русское собрание 1900—1917. М., 2003; *Дорошенко А.А.* Правые в Государственной думе Российской империи. Самара, 2004; *Санькова С.М.* Русская партия в России. Образование и деятельность национального союза (1908—1917). Орёл, 2006; *Омельянчук И.В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901—1914). Киев, 2007; *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга—Петрограда (конец XIX — начало XX века). СПб., 2007; *Лебедев С.В.* Русские идеи и русское дело. Национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. СПб., 2007; *Иванов А.А.* Правые в русском парламенте: от кризиса к краху 1914—1917. М.; СПб., 2013; *Иванов А.А.* «Дело чести». Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы 1906—1917 годов. СПб., 2018.

мещение, динамика численности и состава, участие в избирательных кампаниях, деятельности в Государственной думе, Государственном совете и разного рода массовых общественных организациях.

Существенные успехи достигнуты в области изучения либеральной идеологии и различных типов пропагандировавших её партий (кадетов, октябристов, прогрессистов, Партии мирного обновления, Партии демократических реформ и др.). Ещё в 1990-х гг. на базе РНИСиНП были проведены конференции: две международные²¹ и всероссийская — в Ростове-на-Дону²². На форумах в докладах и сообщениях рассматривался широкий круг теоретико-методологических, историографических, источниковедческих проблем истории российского либерализма. Конференции сыграли немалую роль в деле постановки новых вопросов. Например, стали активно разрабатываться проблемы рецепции западноевропейского опыта (идей, парламентской практики) и преемственности между различными поколениями русского либерализма. Введение в научный оборот новых источников позволило заметно скорректировать представления о формировании либеральных протопартийных и собственно партийных структур, что в известной мере способствовало ответу на вопрос: почему российским либералам (и консерваторам, и социалистам) не удалось создать единую партию? В названных исследованиях обстоятельно раскрыты содержание либеральных моделей преобразования России, каналы взаимодействия партий с властными институтами и общественными объединениями²³.

В 1990-х гг. вполне очевидному интересу к истории русского либерализма способствовала политическая конъюнктура. Эта ситуация обусловила появление новых исследований, направленных на познание процессов, связанных с генезисом, эволюцией либеральной идеологии, разработкой партийных программ, попытками наладить конструктивное (правда, в конечном счёте безуспешное) взаимодействие с властью и обществом. Сравнительно недавно были подготовлены энциклопедии, посвящённые развитию в России либерализма и консерватизма²⁴, увидели свет монографии, переизданы мемуары и написаны биографии партийных лидеров этих направлений. Важную роль в становлении

²¹ Русский либерализм. Исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. Москва, 27—29 мая 1998 г. М., 1999; П.Н. Миллюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. Москва, 26—27 мая 1999 г. М., 2000.

²² Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Ростов н/Д, 25—26 мая 2000 г. М., 2001.

²³ См.: Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация либеральной буржуазии. 1907—1914 гг. М., 1991; Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015; Шелохаев В.В. Либерализм в России в начале XX века. М., 2019; Вишневецки Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994; Селецкий В.Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском обществе. М., 1996; Гоголевский А.В. Очерки истории русского либерализма XIX — начала XX века. СПб., 1996; Селезнев Ф.А. Нижегородские кадеты: региональный опыт парламентской партии (1905—1917). Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 1997; Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905—1917 гг.). Н. Новгород, 2006; Харусь О.А. Либерализм в Сибири в начале XX века: идеология и политика. Томск, 1996; Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX — начало XX вв.). М., 1995; Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003; Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910—1917). М., 2016; Соловьёв К.А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности, 1899—1905. М., 2009.

²⁴ Российский либерализм середины XVIII — начала XX вв. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010; Русский консерватизм середины XVIII — начала XX в. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010.

историографической традиции изучения российского либерализма сыграла общественная организация «Либеральная миссия», по инициативе которой были проведены десятки научных мероприятий, подготовлены несколько выпусков сборников, освещающих жизнедеятельность видных российских либералов, которым установили мемориальные доски во многих регионах страны. В данной связи следует особо подчеркнуть огромную мобилизующую роль двух инициаторов проведения многих научных конференций и симпозиумов по истории либерализма — доктора философских наук А.А. Кара-Мурзы²⁵ и доктора исторических наук Д.В. Аронова²⁶.

В 1990-х г. многое было сделано в изучении социалистических партий²⁷. В то время в отличие от советского периода, когда исследователи преимуще-

²⁵ Российский либерализм: идеи и люди. Изд. 2 / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007; Российский либерализм: идеи и люди Изд. 3, исп. и доп. / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. В 2 т. М., 2018.

²⁶ См.: *Аронов Д.В.* «Жизнь, отданная борьбе за право»: научная конференция «Муромцевские чтения, 2009—2018» // История: факты и символы. 2019. № 1(18). С. 165—168. См. также: Российский либерализм: теория, программатика, практика, персоналии. Сборник научных статей. Орёл, 2009; Орловские либералы: люди, события, эпоха / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. Орёл, 2010; Сергей Андреевич Муромцев — Председатель Первой Государственной Думы: учёный, политик, педагог. Орёл, 2010; Орловский мудрец, опередивший время. Сборник научных статей / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. Орёл, 2011. «Время выбрало нас». Путь интеллектуала в политику. IV Муромцевские чтения. Сборник материалов научной конференции. 25—26 октября 2012 г. Орёл, 2012; «Конституция 1993 года и российский либерализм: к 20-летию российской Конституции». V Муромцевские чтения. Сборник материалов научной конференции. 27—28 сентября 2013 г. Орёл, 2013; «Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии». Муромцевские чтения. Сборник материалов всероссийской научной конференции. Орёл, 2014; Муромцевские чтения. Труды. 2009—2013. Сборник научных статей. Орёл, 2014; Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политико-правовой практике российского либерализма. Сборник материалов всероссийской научной конференции. 1—3 октября 2015 г. Орёл, Приокский государственный университет. Орёл, 2015; Нравственные аспекты политической деятельности в теории, программатике, партийной практике и законотворчестве российского либерализма. Сборник материалов научной конференции. VIII Муромцевские чтения. 6—8 октября 2016 г. Орёл, 2016; Девятое «Муромцевские чтения». Либералы и революция. Сборник материалов всероссийской научной конференции. 13—14 октября 2017 г. Орёл, 2017; История государства и права. 2017. № 19. Специальный выпуск, посвящённый 100-летию революции 1917 г.; Российский либерализм: итоги и перспективы изучения. «X Муромцевские чтения». Сборник материалов международной научной конференции. 28—29 сентября 2018 г. Орёл, 2018; Российский либерализм и Государственная Дума. 1906—1917 гг. «XI Муромцевские чтения». Материалы международной научной конференции. 11—12 октября 2019 г. В 3 ч. г. Орёл / Под общ. ред. Д.В. Аронова. Орёл, 2019.

²⁷ См.: *Орлов Б.С.* Социал-демократическая теория: взгляд из России. М., 1993; *Орлов Б.С.* Политическая культура и становление демократии в России. М., 1994; *Орлов Б.С.* Российская социал-демократия: история и современность (К 100-летию РСДРП). Научно-аналитический обзор. М., 1998; *Орлов Б.С.* Социал-демократия как объект научных исследований в России. Научно-политический обзор. М., 2000; *Тютюкин С.В., Шелохаев В.В.* Марксисты и русская революция. М., 1996; История терроризма в России в доктринах, биографиях, исследованиях / Сост. О.В. Будницкий. Ростов н/Д, 1996; *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. М., 1997; *Шевцов А.В.* Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. СПб., 1997; *Ермаков В.Д.* Анархистское движение в России: история и современность. СПб., 1997; *Морозов К.Н.* Партия социалистов революционеров в 1907—1914 гг. М., 1998; *Городницкий Р.А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров (1901—1911 гг.). М., 1998; Меншевики и меньшевизм. Сборник статей. М., 1998; Исторический опыт взаимодействия российской и германской социал-демократии. К 100-летию РСДРП. Материалы российско-германского двухстороннего симпозиума 5—7 марта 1998 г. М., 1998; *Сытченко А.В.* Народно-социалистическая партия в 1907—1917 гг. М., 1999; *Сытченко А.В.* Трудовая народно-социалистическая партия:

ственно изучали историю КПСС (в большей мере послеоктябрьского периода и в меньшей — дооктябрьского), акценты поменялись. Внимание авторов сосредоточилось на изучении иных социалистических партий — меньшевиков, эсеров, левых эсеров, народных социалистов, эсеров-максималистов. К настоящему времени наиболее основательно исследована деятельность социалистических партий в годы Первой российской революции, периода Первой мировой войны, а также после Февральской революции.

Вышли несколько значимых работ по истории национальных партий²⁸. Заметно расширилось и проблемное поле исследований: вопросы формирования партий, их социальной и организационной структур, программ, стратегий и тактик; участия в избирательных кампаниях в Государственную думу и Учредительное собрание; деятельность думских фракций, а также депутатских объединений в Советах. Большое внимание уделялось партийной печати, активнее применялись методы компаративного анализа.

Столь заметные подвижки в изучении партийной истории позволили приступить к подготовке учебников для высшей школы²⁹. В соответствующих разделах основательно рассмотрены теоретико-методологические, историографические и археографические проблемы изучения российских политических партий. В частности, дана их типология, определено понятие «партия».

теория и практика. Самара, 2004; *Павлов Д.Б.* Большеви́стская диктатура против социалистов и анархистов: 1917 — середина 1950-х гг. М., 1999; Политические партии и общество в России 1914—1917 гг. Сборник статей и документов. М., 2000; *Шерстянников Н.А.* История меньшевистской фракции РСДРП (1903 — февраль 1917 г.). М., 2003; *Шубин А.В.* Анархия — мать порядка. Между красными и белыми: Нестор Махно как зеркало российской революции. М., 2005; *Урилов И.Х.* История российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 1. Источниковедение. М., 2000; Ч. 2. Историография. М., 2001; Ч. 3. Происхождение меньшевизма. М., 2005; Ч. 4. Становление партии. М., 2008; *Штырбул А.А.* Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 1. Омск, 1996; *Леонтьев Я.В.* «Скифы» русской революции: партия левых эсеров и её литературные попутчики. М., 2007; *Галили З., Хеймсон Л., Миллер В., Ненароков А.* РСДРП(о) в 1917 году: документально-исторические очерки. М., 2007; *Рублев Д.И.* Диктатура интеллектуалов? Проблема «интеллигенция и революция» в российской анархистской публицистике конца XIX — начала XX веков. М., 2010; *Ненароков А.П.* Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии. М., 2011; *Прайсман Л.* Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 г. на Волге. СПб., 2015; *Кривенький В.В.* Анархистское движение в России в первой четверти XX века. Теория, организация, практика. М., 2018.

²⁸ См.: *Сеидзаде Д.Б.* Азербайджанские депутаты в Государственной думе России. Баку, 1991; Политические партии и движения Украины XIX—XX вв. Сборник научных трудов. Днепропетровск, 1993; *Багирова И.С.* Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. 1900—1917. Баку, 1997; *Исхаков С.М.* Российские мусульмане в революции (весна 1917 — лето 1918 г.). М., 2004; *Карапетян Л.А.* У истоков российской многопартийности: Северо-Кавказский регион (конец 90-х гг. XIX в. — февраль 1917 г.). Краснодар, 2001; *Циунчук Р.А.* Презентация этноконфессиональных и региональных интересов в политических программах и предвыборных платформах партий и общественно-политических объединений Российской империи 1905—1912 гг. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности / Под ред. Б.В. Ананьича, С.И. Барзилова. М., 2001. С. 288—316; *Солдатенко В.Ф.* Громадсько-політична діяльність Володимира Винниченка: (до 125-річчя від дня народження). Київ, 2006; *Солдатенко В.Ф.* Україна: 1917 рік. Київ, 2012; Великая российская революция 1917 года и мусульманское движение. Сборник документов и материалов / Сост., предисл. и примеч. С.М. Исхаков. М., 2019.

²⁹ См.: История политических партий России / Под ред. А.И. Зевелева. М., 1994; Политические партии: история и современность. Учебник для исторических и гуманитарных факультетов высших учебных заведений / Под ред. А.И. Зевелева, Ю.П. Свириденко, В.В. Шелохаева. М., 2000.

Каждое политическое объединение имело собственное интеллектуальное лицо, многое зависело и от региональных особенностей. Однако, помимо всего прочего, есть человеческое измерение политики, и в 1990-х гг. исследователи активно включились в изучение биографий крупных партийных лидеров³⁰.

Инновационные исследовательские наработки чаще стали предметом обсуждения на международных, всероссийских научных форумах, в которых активно участвовали не только маститые учёные, но и молодые специалисты. Так, в 2003 г. по инициативе Научного совета по истории социальных реформ, движений и революций состоялась научная конференция «Политические партии в российских революциях в начале XX века». Здесь были заслушаны 40 докладов, посвящённых самым различным проблемам деятельности российских партий в 1905—1917 гг.³¹

Как это часто случается, стимулирующую роль в дальнейшей разработке рассматриваемой темы сыграли три важных юбилейных мероприятия — 100-летие Первой мировой войны, Российской революции 1917 г. и Гражданской войны, в ходе подготовки которых на базе ИРИ РАН были созданы коллективные монографии³² и проведены международные конференции³³.

Такого рода мобилизация информации, источников, исследовательских усилий позволяет отметить не только то, что сделано, но и то, что ещё предстоит изучить. Стоит обратить внимание на необходимость дальнейшей разработки истории национальных партий, а также региональных объединений. Изучение первой проблемы осложнилось распадом СССР (1991), единой архивной системы, а также появлением новой генерации историков в бывших союзных

³⁰ См.: Политические деятели России, 1917 год: биографический словарь. М., 1993; Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н. Миллюкова. М., 1993; Волкогонов Д.А. Ленин. В 2 т. М., 1994; Вандалковская М.Г. П.Н. Миллюков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992; Тумаринсон В.Х. Большевики и большевики: несостоявшийся консенсус. М., 1994; Александров С.А. Лидер российских кадетов П.Н. Миллюков в эмиграции. М., 1996; Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996; Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997; Тютюкин С.В. Большевизм: страницы истории. М., 2002; Тютюкин С.В. Александр Керенский: страницы политической биографии (1905—1917). М., 2012; Гусев К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999; Логинов В.Т. Владимир Ленин. Выбор пути. Биография. М., 2005; Логинов В.Т. Неизвестный Ленин. М., 2010; Федоренко А.А. Политическая концепция В.М. Чернова. М., 1999; Казарова Н.А. Ю.О. Мартов. Штрихи к политическому портрету. Ростов н/Д, 1998; Российские либералы. Сборник статей / Под ред. Б.С. Итенберга, В.В. Шелохаева. М., 2001; Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009; Иванов А.А. Владимир Пуришкевич. Опыт биографии правого политика. М.; СПб., 2011; Розенталь И.С. Н. Валентинов и другие. XX век глазами современников. М., 2015; Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). М., 2017; Аронов Д.В. Сергей Андреевич Муромцев. Жизнь, отданная борьбе за право. Орёл, 2019.

³¹ Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005.

³² См.: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014; Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. В 2 т. / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 1917; Первая мировая война и конец Российской империи. Т. I. Февральская революция. СПб., 2013.

³³ См.: Россия в годы Первой мировой войны, 1914—1918. Материалы международной научной конференции (Москва, 30 сентября — 3 октября 2014 г.) / Отв. ред. А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. М., 2014; Великая российская революция, 1917: сто лет изучения. Материалы международной научной конференции (Москва, 9—11 октября 2017 г.) / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2017 (см.: секция «Политические партии о общественных организации»); Россия в годы Гражданской войны, 1917—1922: власть и общество по обе стороны фронта. Материалы международной научной конференции (Москва, 1—3 сентября 2018). М., 2018.

республиках. Некоторые из них, к сожалению, взяли на вооружение националистическую идеологию, которая положена в основу исследований, в том числе политических партий, возникших и действовавших в национальных регионах (это распространённая, но отнюдь не единственная тенденция). Многие из этих историков продолжают участвовать в международных конференциях, придерживаясь вполне научных подходов, что даёт им возможность не просто находить «точки соприкосновения» с российскими коллегами, но успешно сотрудничать в подготовке совместных фундаментальных научных трудов. Это позволяет сохранять надежду на укрепление контактов учёных-историков, на их совместное участие в подготовке обобщающих исследований, без чего невозможно представить себе единство и особенности генезиса и функционирования политических партий в многонациональной Российской империи.

Открывшиеся в последние десятилетия возможности сотрудничества между отечественными и зарубежными исследователями также позволяют рассчитывать на создание совместных трудов по истории российских политических партий за весь период их деятельности на родине и в эмиграции. Кроме того, учитывая проделанную за последнее 20-летие в различных регионах России значительную работу по освоению архивного материала, изучению периодической печати³⁴, можно рассчитывать на появление в ближайшей перспективе новаторских работ по истории местных политических организаций с их сравнительной характеристикой. Всё-таки партии — это не только их центральные комитеты и руководящие органы; это в первую очередь особый социальный организм, функционировавший в пределах всей страны, в каждой её части — по-своему. В этом отношении весьма показателен пример публикаторской деятельности Я.В. Леонтьева, который, исследуя материалы Партии левых социалистов-революционеров, выявил многие весьма информативные источники, в том числе в региональных архивах³⁵.

Наконец, помимо углубления теоретико-методологических проблем (разработка понятия «политическая партия» применительно к российским реалиям; генетическая связь политических партий начала XX в. с предшествовавшим протопартийным периодом; сложносоставной характер идеологических, программных, стратегических и тактических установок; этапы «бифуркаций» политических структур и т.д.) необходимо активизировать исследовательскую работу по специальному изучению партий «переходного» и «центристского» типов, механизмов их переформатирования в условиях кризисных ситуаций, особенно в периоды революций 1905—1907, 1917 гг., Гражданской войны, а также эмиграции. Всё это позволит приступить к созданию фундаментального обобщающего труда по истории российских политических партий за весь период их существования в России и за рубежом.

³⁴ См., например: *Белов А.М.* Политические партии и рабочие Центрально-промышленного района в революции 1905—1907 гг. Кострома, 1997; *Шиловский М.В.* Общественно-политическое движение в Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Новосибирск, 2013.

³⁵ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917—1925 гг.

Четыре столетия общественной эволюции: размышления о структуре российского социума XVII—XX вв.

Для того чтобы понимать суть и смысл исторических процессов, необходимо иметь представление об устройстве социума, специфике происходящих в нём трансформаций, принципах его деления на составные части, иерархическом ранжировании этих частей, способах взаимодействия между ними. В противном случае исследователь обречён оставаться в плену ложных построений, непроверенных гипотез и внешне логичных схем. Структура российского общества своей сложностью и динамизмом бросает вызов учёному и, может быть, именно потому оказывается столь заманчивым полем для практического применения исследовательских талантов. Ответом на этот вызов стала вышедшая в 2018 г. монография, написанная коллективом уральских исследователей под общей редакцией Д.А. Редина¹. Работа, охватившая четыре века отечественной истории, на протяжении которых социум пережил как минимум две радикальные трансформации — на рубеже XVII—XVIII вв. и в начале XX столетия, — разумеется, не может дать ответов на все вопросы истории развития российского общества. Но она способна поставить на повестку дня значительную их часть, побуждает задуматься над сюжетами, ранее находившимися на периферии внимания специалистов по социальной истории. В обсуждении книги приняли участие доктор исторических наук Э.К. Виртшафтер (Политехнический университет штата Калифорния в Помоне, США), А.Б. Каменский (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»), С.А. Красильников (Институт истории Сибирского отделения РАН), Д.В. Лисейцев (Институт российской истории РАН), кандидат исторических наук В.Н. Круглов (Институт российской истории РАН).

Материал подготовлен Д.В. Лисейцевым

Александр Каменский: Предмет изучения будущих историков
Alexander Kamenskii (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia): The subject of study for future historians

DOI: 10.31857/S086956870013451-7

Выход в свет книги «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII—XX вв.» является, на мой взгляд, важным событием, знаменующим собой определённый этап развития российской исторической науки в постсоветское время. Вероятно, кому-то подобная оценка покажется преувеличенной, ведь в отечественном прошлом так много «белых пятен» и масштабных проблем, которые ещё предстоит решать, но, как справедливо напоминают авторы на первой же странице книги, «человек — животное *социальное*», а историческая наука — это «специализированное общественно-научное зна-

¹ Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII—XX вв.: векторы исследования / Под ред. Д.А. Редина. СПб.: Алетейя, 2018. 722 с.

ние о прошлой *социальной* реальности» (курсив мой. — А.К.)². Изучение же прошлой социальной реальности невозможно без знания и понимания того, как был *устроен* социум, какова была его структура, какие горизонтальные и вертикальные связи существовали между отдельными его группами, как они взаимодействовали, какие механизмы и практики соединяли его в единое целое. Эти знание и понимание, как представляется, — отправная точка, основа для решения и всех иных проблем отечественной истории.

До относительно недавнего времени³ казалось, что всё это нам известно, — марксистская парадигма деления общества на классы наделяла чётким представлением о структуре общества прошлого, а ленинское определение классов давало ясную картину взаимоотношений между ними. Следование марксистской парадигме, истинность которой не подвергалась сомнению, позволяла историку либо вовсе игнорировать встречавшиеся ему явления, которые в неё не вписывались, либо относить их на счёт исключений, лишь подтверждающих правило. Отказ от использования марксистской парадигмы исторического познания, совпавший по времени с ускоренным освоением различных направлений современной исторической науки (история повседневности, семьи и частной жизни, эмоций, понятий, гендерная история, историческая урбанистика, микроистория и т.д.) и попытками применения их подходов к эмпирическому материалу истории России, неожиданно выявил, что устройство российского социума прошлого — это в большой мере *terra incognita*. Таким образом, если в западной исторической науке проблематика «новой социальной истории» 1950—1960-х гг. («механизмы социального структурирования общества, выявление широкого спектра формальных и неформальных оснований социальной дифференциации, изучение соотношений формально-юридического статуса и самоидентификации индивидов, социальной мобильности, границ внутри- и межгруппового взаимодействия» (с. 53)) способствовала появлению названных выше направлений, то в России их освоение как бы вернуло исследователей к этой начальной точке.

В значительной мере это «открытие» связано с тем, что, пытаясь опробовать на русском материале подходы и концепции современной исторической науки, историки либо обратились к комплексам исторических источников, ранее находившимся вне зоны их внимания, либо заново прочитали источники уже известные. Начав же работать с этими новыми источниками или задавая новые вопросы источникам уже известным, историки ощутили, что получаемая информация не вписывается, не укладывается в жёсткие рамки привычных схем и представлений. Не случайно поэтому авторы рассматриваемой книги декларируют, что в основе их исследования — «индуктивные стратегии научного поиска, движение “от источника”», предполагающее «предельно бережное, контекстное раскрытие смысла, содержащегося в изучаемых текстах» (с. 8). Этот авторский принцип заслуживает того, чтобы остановиться на нём чуть подробнее.

В последнее время немало говорится о том, что слабым местом отечественной исторической науки является отсутствие в ней оригинальных концепций и теорий, разработанных самими российскими историками. Что касается руси-

² Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания: Учебное пособие. СПб., 2007. С. 6.

³ Недавним это время видится сегодня представителям старшего поколения историков, тщательно конспектировавшим в студенческие годы труды классиков марксизма; для молодого и даже среднего поколения это время — уже далёкое прошлое.

стики, то, как кажется, сложилось своеобразное разделение труда: российские историки накапливают и вводят в научный оборот эмпирический материал, а их западные коллеги занимаются его концептуализацией. При этом среди российских историков сегодня немало увлечённых разного рода теориями и концепциями и убеждённых в их первичности по отношению к эмпирическому материалу. Так, к примеру, аспирантам уже на стадии формулировки темы диссертационного исследования нередко предлагают определиться с тем, на какой теории они собираются основывать свою будущую работу. Между тем в пользу подхода «от источника» как методологического принципа можно привести по крайней мере два достаточно серьёзных аргумента. Прежде всего это, конечно, специфика источников по истории России. Но ещё важнее возникшая как раз во многом благодаря этой специфике традиция школы отечественного источниковедения. В середине 1990-х гг. мне довелось участвовать в семинаре в одном из зарубежных университетов, где среди прочего обсуждалось, что делать историку в ситуации постмодерна, лингвистического и прочих «поворотов», поставивших под сомнение саму возможность познания прошлого в силу «непрозрачности» исторического источника, порождённого «чужой одушевлённостью». Руководивший семинаром известный американский историк-русист чрезвычайно обрадовался, услышав от меня, что знакомство историка с российской школой источниковедения обеспечивает его своего рода броней, защищая от подобного рода утверждений и наделяя уверенностью в том, что, анализируя исторические источники с помощью разработанной в рамках этой школы методики, он получает по крайней мере относительно объективное знание о прошлом.

Возвращаясь к теориям и концепциям, необходимо отметить особую значимость первого раздела обсуждаемой книги (авторы Д.А. Редин, Д.В. Тимофеев, О.К. Ермакова, Н.В. Мельникова), без которого она рисковала превратиться просто в сборник статей на заданную тему. Раздел начинается разбором социологических теорий Н. Элиаса, Э. Гидденса, Р. Коллинза и Г. Тарда, причём авторы не просто излагают содержание этих теорий, но и делают акцент на том, что именно в этих теориях может, по их мнению, быть полезно историку. Можно не сомневаться, что знатоки назовут ещё пару десятков теорий — и социологических, и из области *cultural studies*, и проч. Показательно, к примеру, что на страницах книги лишь дважды, да и то мельком, упомянуто имя Мишеля Фуко, который ещё лет 10—15 назад был своего рода знаменем «продвинутых» историков и к которому сегодня, согласно правилам хорошего тона, принято относиться в лучшем случае скептически. Однако данная книга и не претендует на полный обзор всех теорий, существующих в смежных с историей научных областях, и авторы были вправе отобрать и подробно остановиться на том, что им представляется наиболее полезным в инструментальном плане с учётом её центральной темы — социальной стратификации в России последних четырёх столетий.

От социологических теорий авторы первого раздела книги переходят к потенциалу и значимости истории понятий, а затем к «новой социальной истории» (преимущественно в её французском варианте), к разбору дискуссий по ключевым для данной темы понятиям «класс» и «сословие» и, наконец, к отечественной историографии. При том, что обоснованность включения в вводный раздел книги именно этой проблематики сомнений не вызывает, его структура и, в частности, названия отдельных параграфов, как кажется, мо-

гут ввести читателя в заблуждение. В особенности это относится к подразделу 2.3, озаглавленному «Россия и Европа: проблема сопоставления социальных ландшафтов». Это название ориентирует на то, что речь тут пойдёт о компаративных исследованиях, но в действительности здесь в основном также рассказывается о дискуссиях вокруг термина «сословие» применительно к России и работах западных авторов, посвящённых отдельным стратам русского общества — дворянству, купечеству и т.д.

На мой взгляд, говоря о достижениях «новой социальной истории» во Франции, стоило хотя бы кратко сказать и о её влиянии на мировую историографию, в частности на расширение проблематики конкретно-исторических исследований. Очевидно, что появление в последние десятилетия многочисленных исследований, посвящённых изучению различных маргинальных групп общества прошлого и феномена преступности, связано не только с интересом к ним социологии, но и с «новой социальной историей», с постановкой вопроса о взаимодействии и функциях различных групп, составляющих тот или иной социум. И это хорошо видно, например, по вовсе не упоминаемому в книге работам Е.В. Акельева, в которых преступность в России середины XVIII в. рассматривается в первую очередь как социальное явление, а механизмы формирования преступных сообществ исследуются с учётом социального происхождения их членов, демонстрируя в том числе различные варианты социальной мобильности⁴.

Последний параграф первого раздела книги посвящён отечественной историографии социальной истории России. Он имеет самостоятельную ценность, показывая, как, собственно, и сама обсуждаемая книга в целом, состояние рассматриваемого в ней проблемного поля. Вместе с тем подобная структура первого раздела заставляет задуматься о целесообразности разделения на отечественную и зарубежную историографию. Так, например, анализ известной статьи Г. Фриза и дискуссии на страницах журнала «Cahiers du monde russe» о категории «сословие» (кстати, анализируются лишь статьи М. Конфино, Э. Виртшафтер и Д. Рансела и проигнорирована, например, интересная статья А. Смит⁵), вероятно, продуктивнее было бы представить в одном контексте со взглядами Б.Н. Миронова, И.А. Ивановой, В.П. Желтовой и других российских авторов. С одной стороны, приведённый обзор историографии позволяет согласиться с выраженным авторами оптимизмом «относительно перспектив развития и социальной истории как таковой и конкретных исследований по истории социальной стратификации России Нового — Новейшего времени» (с. 117) и, более того, говорить о появлении «новой социальной истории России». С другой — деление историографии на отечественную и зарубежную, как представляется, лишь акцентирует описанное выше «разделение труда» и не отражает реалии сегодняшнего дня, когда продуцирование нового знания происходит в тесном взаимодействии историков «поверх барьеров».

Очевидно, что авторы обсуждаемой книги не ставили целью дать полный оборот как зарубежной, так и отечественной историографии социальной истории России. В этом не было необходимости, да и нельзя объять необъятное. И всё же некоторые пробелы ощутимы. Так, лишь по одному разу упомя-

⁴ Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012.

⁵ Smith A. The Shifting Place of Women in Imperial Russia's Social Order // Cahiers du Monde russe. Vol. 51. 2010. № 2/3. P. 353—367.

нуты книги Э. Виртшафтер «Социальные структуры: разночинцы в Российской империи» и «Social Identity in Imperial Russia», первая из которых, на мой взгляд, имела принципиальное значение для пересмотра традиционного представления о социальной структуре российского общества Нового времени. Вовсе не упомянуты другие книги того же автора, имеющие непосредственное отношение к данной проблематике⁶. Было бы интересно посмотреть на взаимовлияние, пересечение и развитие схожих тем, проблем и сюжетов в работах разных авторов. Как, к примеру, выводы и наблюдения Э. Виртшафтер в её книге «From Serf to Russian Soldier» соотносятся с выводами и наблюдениями П.П. Щербинина в его также не включённой в обзор книге?⁷ Упомянув книгу Н.В. Козловой «Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века», стоило бы вспомнить и о её монографии «Русский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е — начало 60-х годов)», которая вышла в 1999 г., через 17 лет после цитируемой на страницах обсуждаемой книги работы А. Рибера. Для полноты картины стоило бы, вероятно, упомянуть, и о двух подготовленных Н.В. Козловой капитальных изданиях актового материала⁸, представляющих собой по-своему уникальное явление в современной исторической науке и вносящих важный вклад в изучение социальной проблематики. Причём речь тут идёт как раз о тех комплексах источников, которые ранее не привлекали внимание исследователей и обращение к которым явилось несомненно следствием возросшего интереса к социальной истории. Иначе говоря, обзор историографии можно было бы построить иначе — по конкретным сюжетам, по используемым авторами подходам и т.д., но, вероятно, это задача отдельной работы, которая ещё ожидает своего автора.

Авторы коллективной монографии «Границы и маркеры социальной стратификации» предупреждают читателей, что их книга — это не «социальная история России “от Гостомысла до Тимашева”», и нельзя не согласиться с ними, что «в сегодняшней историографической ситуации» (с. 13) это и не продуктивно, и невозможно. Вместе с тем второй и третий разделы книги, озаглавленные соответственно «Конструирование социального» и «Модели социального», в совокупности дают достаточно целостное представление о предмете исследования, а также о том, как сами авторы представляют себе содержательное наполнение исследуемой ими проблемы и пути её решения. Читатель находит здесь тексты, посвящённые развитию представлений о социальной структуре, эволюции и формировании самих социальных страт, о складывании профессиональных корпораций, о маркерах социального, о конструировании социального пространства советской властью. Очевидно, что список этот далеко не полон. В нём не хватает, пожалуй, сюжетов, связанных с социальной мобильностью, идентичностью и, что, наверное, самое важное, с взаимодействием различных социальных групп. Но вряд ли это можно поставить в упрек авторам. Их книга, как уже говорилось, фиксирует сегодняшнюю историографическую ситуацию и отражает возможность авторского коллектива, ограниченного рамками лежащего в основе книги научного проекта.

⁶ *Wirtschafter E.K.* From Serf to Russian Soldier. Princeton (NJ), 1990; *Wirtschafter E.K.* The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb (IL), 2003.

⁷ *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX века. Тамбов, 2004.

⁸ *Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост. Н.В. Козлова. М., 2002; Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завешания петровского времени / Сост., очерки и коммент. Н.В. Козловой, П.Ю. Прокофьевой. М., 2015.*

Поскольку книга написана уральскими историками, вполне ожидаемо присутствие в ней уральско-сибирских кейсов (раздел III, глава 1, параграф 1.2, автор Е.В. Бородина и глава 3, автор Д.А. Редин), которые общую целостность не нарушают. Иного рода кейсы представлены в главах 4 (автор О.К. Ермакова) и 5 (автор Д.О. Серов) раздела III. Первая из них посвящена социальному статусу иностранных специалистов на русской службе, а вторая — становлению профессиональной корпорации юристов. Само по себе присутствие в книге такой проблематики совершенно оправдано, но содержание этих глав вызывает некоторые вопросы. В первом случае стоило бы расширить хронологические рамки и говорить в целом о социально-правовом статусе иностранцев, тем более что, как показано в других главах книги, в качестве особой категории они неизменно присутствовали в разного рода моделях социальной структуры населения России имперского времени, а современная историография вполне позволяет это сделать⁹. Что касается второго сюжета, то становление в России профессий и профессиональных корпораций как один из важнейших процессов, влиявших на социальную стратификацию, это значимая и серьёзная тема, заслуживающая особого внимания. Причём стоит упомянуть, что работы на эту тему основаны преимущественно на материалах пореформенного периода. Между тем уже в переписи московских дворов 1716 г. можно обнаружить более полутора сотен профессий, названных в качестве самоидентификации их жителей¹⁰. Выбор в качестве конкретного кейса именно юристов возражений не вызывает, однако в контексте этой темы не лишним было бы упомянуть об уже существующих работах как общего характера¹¹, так и о становлении российской адвокатуры¹², медицинской корпорации¹³, корпорации университетских профессоров¹⁴ и т.д. Глава 6 (автор О.Н. Яхно) раздела III, как представляется, лишь обозначает один из путей изучения социальных маркеров через анализ бытовой культуры, моды и представлений о воспитании и образовании, используя в качестве источника прессу начала XX в. Очевидно, что этот сюжет также мог бы быть представлен значительно шире, тем более, что двое из

⁹ Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века: правовой статус и реальное положение. М., 2004; Опарина Т.А. Иностранцы в России XVI—XVII вв. М., 2007; Тихонова А.В. «Надлежаще смотреть...». Надзор за иностранцами в Российской империи (1801—1861). Смоленск, 2014; Мильчина В.А. «Французы полезные и вредные»: надзор за иностранцами в России при Николае I. М., 2017.

¹⁰ См.: Переписи московских дворов XVIII столетия. М., 1896.

¹¹ Шепанская Т.Б. Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды (Россия, конец XX — начало XXI в.). СПб., 2010.

¹² См.: Благодетелева Е.Д. Гражданская и профессиональная идентичность российской адвокатуры второй половины XIX — начала XX вв. // Гражданская идентичность российской интеллигенции в конце XIX — начале XX века. М., 2013. С. 163—201; Благодетелева Е.Д. На пути в профессию: социальное происхождение и образовательная траектория присяжного адвоката на рубеже XIX—XX вв. // Адвокатская практика. 2015. № 2. С. 38—42; *Blagodeteleva E. The French Bar and the Emerging Legal Profession in Russia // Basic Research Programme. Series HUM «Humanities». 2015. № 110.*

¹³ Frieden N.M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856—1905. Princeton, 1981; Вишленкова Е.А. Врачебные общества Петербурга в первой половине XIX века: от представительства во власти к самоорганизации // История и историческая память. Вып. 10. Саратов; Ставрополь, 2015. С. 182—200; Sambuk D. Wächter der Gesundheit: Staat und lokale Gesellschaften beim Aufbau des Medizinalwesens im Russischen Reich, 1762—1831. Köln, 2015.

¹⁴ Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012; Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Пер. с нем. Под ред. И.М. Савельевой, Е.А. Вишленковой. М., 2013.

авторов обсуждаемой книги являются также и авторами вышедшего примерно в то же время сборника¹⁵.

Жанр «круглого стола» предполагает полемику по поводу обсуждаемой темы. Однако в данном случае я солидарен с основными тезисами и, главное, с заявленной авторами книги научной позицией, хотя некоторые формулировки в завершающем разделе книги — «Решётки и маркеры (вместо заключения)» (автор Д.А. Редин) — и кажутся мне излишне категоричными. Но спорить с ними бессмысленно: их правомерность надо проверить новыми исследованиями. Сам же факт появления этой чётко сформулированной научной позиции — важное событие, которое станет предметом изучения будущих историков исторической науки. Высказанные выше замечания — это мелкие придирки, обозначающие возможности дальнейшего движения, дальнейшего развития обсуждаемой проблемы.

Дмитрий Лисейцев: Люди и чины: сложные вопросы социальной стратификации России XVI—XVII вв.

Dmitry Liseitsev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): People and ranks: the complex issues of social stratification in Russia of 16—17 centuries

DOI: 10.31857/S086956870013452-8

Обсуждаемая коллективная монография «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII—XX вв.», несомненно, была обречена стать объектом пристального и заинтересованного внимания исторического сообщества. И не только потому, что члены авторского коллектива книги принадлежат к числу учёных, успевших приобрести репутацию высококлассных специалистов по отечественной истории, а хронологический охват работы настолько широк, что она с неизбежностью будет прочитана исследователями, изучающими отечественную историю последних четырёх столетий — от Московского царства до позднесоветского периода. Сама центральная тематика монографии принадлежит к числу наиболее дискуссионных и в отечественной, и в мировой историографии. Любой историк, вышедший за пределы границ любимой научной темы на более широкий «оперативный простор», рано или поздно задаётся вопросом о том, что из себя представлял в изучаемую им эпоху социум, из каких составных частей он складывался, как было организовано взаимодействие между элементами общественной структуры.

В очередной раз подтверждая справедливость афоризма Козьмы Пруткова относительно подобного флюсу специалиста, я в первую очередь заинтересовался хронологически наиболее ранними сюжетами коллективной монографии, анализом которых в рамках данного обсуждения и хотел бы ограничиться. Вопрос о структуре московского общества XVII столетия человеку, выросшему на советских учебниках, может показаться давно решённым: память услужливо воспроизводит привычный образ «пирамиды», на вершине которой восседает окружённый боярами царь, а в основании гнут спину крепостные крестьяне и холопы. Специалист, занимающийся изучением той эпохи, напротив, отметит крайнюю сложность организации общественного организма Московского государства. Классик отечественной исторической мысли В.О. Ключевский признавал трудности реконструкции чиновной структуры общества допетров-

¹⁵ Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII—XIX века. М., 2018.

ской Руси: «Всего труднее составить полный перечень всех классов в Московском государстве XVI, XVII вв.». Между тем учёный сформулировал основные принципы стратификации русского общества допетровской России, и они продолжают лежать в фундаменте научных представлений о составных частях московского социума (особенно после потери позиций марксистско-ленинским учением о классовой природе отношений в обществе). По определению Ключевского, «общество дробилось на множество иерархических разрядов с незаметными отличительными чертами. Иерархические эти разряды получили особое название — чины. Можно распределить эти чины прежде всего на две группы: чины служилые и чины земские, или жилецкие люди»¹⁶.

Казалось бы, предложенная историком модель, принятая отечественной наукой, превратилась в аксиому, не подлежащую пересмотру. Известно, однако, как опасны могут быть аксиомы и догмы в науках, особенно в социально-гуманитарных. Рано или поздно они подвергаются проверке и пересмотру, иногда оставаясь незабываемыми, а порой уступая место новым научным схемам и построениям. Именно поэтому разного рода «покушения на авторитеты» в науке можно приветствовать, ведь пока никем не опровергнута известная аксиома Сократа — «В спорах рождается истина». В обсуждаемой монографии очерк о социальной структуре российского общества XVII в. («“Люди” Московского царства»), представляющий собой попытку пересмотра устоявшейся в историографии схемы, вышел из-под пера Михаила Александровича Киселёва. Проанализировав встречающиеся в Соборном уложении 1649 г. случаи употребления термина «чин», исследователь пришёл к заключению о том, что он использовался «как наиболее общее социальное понятие» лишь тогда, когда речь шла о чёрном или белом духовенстве («священнический чин», «иноческий чин»). В прочих случаях слово «чин», указывая на обладание должностью или статусом, как бы поглощается более широким обобщающим понятием «люди» — «торговые всяких чинов люди», «всяких чинов русские люди» и т.д. (с. 129). В итоге Киселёв констатирует, что социальную реальность Московского царства гораздо лучше отражает «режущее слух» выражение «людско-чиновная структура общества», нежели привычная историкам «чиновная структура общества», ведь «именно понятие “люди” было той предельно общей категорией, с помощью которой в московском праве к середине XVII в. строились социальные классификации» (с. 133). Учёный отметил также, что светское законодательство Московского государства преимущественно пользовалось категорией «люди» (ратные люди, служилые люди), тогда как понятие «чин» (например, воинский) было характерно для церковной среды (не указывая, впрочем, чем это может быть объяснено — особым профессиональным лексиконом духовенства или архаичностью языка документов, порождаемых этой средой) (с. 134).

В первую очередь хочу поделиться размышлениями относительно возможности использовать слово «люди» в качестве «предельно общей категории» при построении социальных классификаций. Бесспорно, что понятие «люди» («человек») является понятием предельным, причём не только для Московского государства. Строго говоря, именно из людей и взаимодействий между ними сплетается полотно любого социума — от первобытного до современного, причём вне зависимости от того, идёт ли речь об обществе в масштабах планетарных, или же разговор ведётся о малой социальной группе. С этих позиций

¹⁶ Ключевский В.О. Терминология русской истории // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. VI. Специальные курсы. М., 1989. С. 121.

можно было бы ставить вопрос о критическом пересмотре любой схемы общественной стратификации — сословия, касты, классы, страты в любом случае состоят из людей, и «люди» оказываются «предельно общей категорией» для любой эпохи. Вне зависимости от того, какой критерий мы будем использовать для деления общества на группы и слои, нам придётся сталкиваться с определениями вроде «рабочие люди», «подлые люди», «молодые люди», «люди доброй воли» и т.д. Значит ли это, что следует говорить о «людско-классовой борьбе» или «сословно-человеческой социальной структуре»?

Опираясь на важный памятник российского законодательства — Соборное уложение 1649 г., исследователь насчитал свыше 80 вариантов употребления в нём термина «люди», отметив очевидную неполноту перечня, в котором, например, нет упоминания родословных и неродословных людей, «хотя эти категории имели крайне важное значение для правящей элиты» (с. 130). Это наблюдение Киселёва нельзя не признать верным — жизнь всегда богаче законодательства, и ни один, даже самый продуманный и детально прописанный юридический акт не в состоянии отразить богатство общественных реалий во всех подробностях. Стоит ли, однако, в каждом употреблении слов «люди» или «человек» видеть основание для определения новой социальной группы? Вряд ли можно сомневаться, что состояние здоровья, уровень достатка или наличие родственников, на которых можно опереться в старости, значило для жившего в XVI—XVII вв. человека не меньше, чем «родословность» или «неродословность». Именно поэтому документы того времени пестрят упоминаниями людей «бессемейных», «больных», «маломочных», «недостаточных». Социальные конфликты и уголовная преступность становились поводом для отражения в документах помимо известных Соборному уложению «воровских» также и людей «незнаемых». Местное самоуправление и попытки перенесения земского начала на общегосударственный уровень порождают зафиксированную в документах категорию «выборных» людей¹⁷, а военные нужды позволяют говорить о людях «даточных» и «охочих». Следует ли на этом основании конструировать социальные категории людей «воровских» и «законопослушных», «выборных» и «необлечённых доверием избирателей»? Наконец, понятие «люди» как универсальное естественным образом распространяется в документах XVI—XVII вв. и на тех, кто в подданстве у русских государей не состоял, более того, совершал в отношении членов российского общества враждебные действия, — в источниках постоянно встречаются упоминания о грабежах и убийствах со стороны «литовских», «немецких», «ногайских», «крымских», «калмыцких», «турских» людей. И наоборот, безусловные подданные Московского государства — «мордва», «черемиса», «чуваша», «татары» — в документах того времени, как правило, «людьми» не именовались. Следует ли из этого, что представители этих народов не мыслились частью социума, подобно запорожским казакам («черкасам»)? Стоит ли видеть в этом, вслед за М.А. Киселёвым, противопоставление «всяких чинов русских людей» многочисленным «“чужеземцам”, “татарам, и мордве, и чувашем, и черемисам, и вотякам, и башкирцам”» (с. 129)?

¹⁷ В Соборном уложении «выборные люди» упоминаются, но в значении, не имевшем отношения к соборной практике, с которой мы привыкли связывать «ростки гражданского общества, свободы и демократии». Единственный контекст, в котором составители Уложения 1649 г. посчитали нужным упомянуть «выборных людей», был связан с выборами сторожей и палачей для провинциальных тюрем (Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 128).

Замечу, что Смутное время оставило нам большое количество документов, в которых иноземцев именовали людьми, тогда как русских подданных — нет¹⁸.

Скажу несколько слов в поддержку понятия «чин». Думаю, что заменять его как социальную категорию на термин «люди» было бы неправильно. Киселёв совершенно верно отметил, что слово «чин», как правило, употреблялось в документах в сочетании с понятием «люди» (с. 129). Но последнее понятие, повторюсь, является предельно общим, и чтобы уточнить свой социальный статус, люди XVII в. либо прибегали к уточнению («посадские люди», «торговый человек»), либо апеллировали к понятию чина («посадские всяких чинов торговые люди»). Нельзя сказать, чтобы словоупотребление «чина» было связано исключительно с церковной средой: в челобитных и приказных документах можно встретить, например, упоминания «казачьего чина» или «детей боярских царицына чина»¹⁹. Нередко, впрочем, определяя свой статус, обходились и вовсе без употребления терминов «человек» или «чин», называя себя просто «казак», «сын боярский», «затинщик» или «пашенный крестьянин».

Мне представляется, однако, что именно понятие «чин» было термином, который использовали для обозначения бытовавших в московском обществе социальных групп. Во всяком случае, когда возникала потребность обозначить всеохватывающий характер социальной выборки, этот термин неизменно употреблялся в составе словосочетания «всяких чинов люди» (но отнюдь не «все люди» или «всякие люди»). Если нужно было обозначить, например, всю совокупность лиц, несших службу в ведомстве Конюшенного приказа, появлялась формулировка «Конюшенново приказу всяких чинов людей и стадных конюхов 83 человека»; когда следовало охарактеризовать разорение всех торговых людей отдельного города, челобитчик использовал формулировку «новгородцы посадские тяглые и всяких чинов люди промыслу отбыли»²⁰. Присланные в Москву для участия в Земском соборе дети боярские оказывались в столице «по выбору всяких чинов людей». Подробнейшие перечни привлекаемых к работе соборов категорий подданных Московского государства вообще обыкновенно заканчивались именно этим оборотом: «велено всех чинов людем ехать к Москве»; «государь... указал быти на соборе... митрополитом, и архиепископом, и епископом, и архимаритом, и игуменом, и всему освещенному собору, бояром, и окольничим, и думным людем, и стольником, и стряпчим, и дворяном, и гостем, и торговым и всяких чинов людем Московского государства»²¹. Анализ употребления в документах XVII в. понятия «чин», на мой взгляд, не позволяет отказаться от его использования для обозначения социальных групп того времени. Во всяком случае, для этого нужны более существенные основания, чем предметно-терминологический указатель к тексту Соборного уложе-

¹⁸ Например: «рыбных ловцов побили неметцкие и литовские люди и русские воры»; «чтоб литовские люди и русские воры порубежные мужики... безвестно украдом и оманом... не пришли»; «литовские люди и русские воры... кашинской посад пожгли и посадских людей побили». Было бы заманчиво предположить, что воров и изменников русское общество отвергло и потому отказывалось считать их людьми, но это значило бы согрешить против истины — в документах встречаются и «воровские люди русские воры» (РГАДА, ф. 137, оп. 1 (Новгород), кн. 13-6, л. 29; ф. 210, оп. 9, д. 6, л. 125; д. 58, л. 431; ф. 396, оп. 1, д. 39420, л. 56—57).

¹⁹ РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 8, л. 418; оп. 13, д. 2, л. 403.

²⁰ Там же, ф. 141, оп. 2, д. 26 (1647 г.), л. 237; ф. 210, оп. 13, д. 8, л. 586.

²¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. II. СПб., 1836. № 164. С. 279; РГАДА, ф. 210, оп. 10, д. 48, л. 277.

ния, в котором составители развернули варианты использования слова «люди» на 84 позиции, а для понятия «чин» выделили лишь два варианта («иноческий» и «патриарший») ²².

Какая структура общества Московского государства XVII в. вырисовывается на основе анализа широкого круга документов — челобитных и материалов приказного делопроизводства, сохранивших в себе живой язык и терминологию эпохи? Сразу оговорюсь, что не претендую на то, чтобы приведённая ниже схема воспринималась как исчерпывающая и единственно возможная (тем более, что не являюсь её автором). Прежде всего отмечу, что в понимании русских людей допетровской эпохи совершенно наособицу, в стороне от социума или, скорее, выше него, стояла фигура государя (монарха). Являясь источником права для подданных («как ты, государь, укажешь») и наполняя их жизнь смыслом ²³, царь в глазах его людей находился скорее ближе к Богу, чем к ним ²⁴. Даже мысль о равенстве монарха с подданными по самой человеческой природе воспринималась (и не только в России) как опасное политическое преступление, адекватным наказанием за которое могла быть только смертная казнь. В 1617 г. в Москве едва избежал расправы брат голландского посланника Исаака Массы, по неосторожности поставивший на одну доску с собою английского короля Якова I Стюарта: «применил ево к себе, а молил: деи король де ваш таков, что я, он де человек — яз человек» ²⁵. Таким образом, государь (с семьёй) не был частью социальной структуры общества, он стоял над ним.

По отношению к этой надсоциальной величине с точки зрения правительственного аппарата всё население Московского государства делилось, в полном согласии с упоминавшейся выше схемой В.О. Ключевского, на две неравные категории — «служилых» и «жилецких» людей ²⁶. Первые из них, в соответствии с именованим, «служили» государю и получали за это государево жалованье; вторые — «жили» в государевой вотчине (под которой понималось Московское государство в целом), неся за это повинности и уплачивая подати. Иногда в эту двухчастную систему включались и другие элементы ²⁷, но с высоты кремлёвских стен «социальные подробности» нивелировались до двух вышеназванных категорий.

Разумеется, при взгляде на социум изнутри его структура оказывается куда как более дробной, и люди Московского государства идентифицировали себя как представителей самых разнообразных чинов, именуясь детьми боярскими, стрельцами, пашенными или торговыми крестьянами, посадскими или гулящими людьми, стольниками, пушкарями, боярами, казёнными плотниками, служилыми иноземцами, подьячими, новокрещенами и т.д. В этом смысле со-

²² Соборное уложение 1649 года. С. 425—426, 433.

²³ «Хотим служить и кровь свою проливать за тебя, государя»; «и он де за государя на катарге живот свой мучил больши года» (РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 5 (1619 г.), л. 195; ф. 210, оп. 13, д. 1 (1618 г.), л. 44).

²⁴ «В том волен Бог да государь»; «кровь проливал многожды за Бога и за тебя, государя»; «стояли под Москвою за Пречистыя Богородицы дом и за тебя, государя» (РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 6, л. 247; оп. 11, д. 3, л. 169).

²⁵ Посольская книга по связям России с Англией 1614—1617 гг. / Сост. Д.В. Лисейцев. М., 2006. С. 137—138.

²⁶ «Городовую... поделку... велено... вновь поделать всякими белгородскими служивыми и жилецкими людьми»; «за рекою за Волуйкою против города Царегородцкой слобода... а живут в ней всяких служилых и жилецких людей двесте человек» (РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 58, л. 454, 677).

²⁷ «Дворяне, власти, и посадские, и всякие жилецкие люди»; «всяким служилым и жилецким людям и уездным» (РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 2 (1619 г.), л. 435; ф. 214, оп. 3, д. 273 (1647 г.), л. 46).

циальная структура московского общества «неисчерпаема, как атом». Выстроить из этого разнообразного социального материала что-то, имеющее классическую пирамидальную форму, вряд ли получится: составные части этой постройки весьма подвижны и не имеют единственного твёрдо установленного места. И этот факт совершенно правильно констатируется в обсуждаемой книге: «право Московского государства не стремилось свести социальную стратификацию к единой иерархической схеме» (с. 132). Действительно, дети боярские «от бедности беспоместной» в заметном количестве пополняли ряды казачества, а казачья верхушка, напротив, вливалась в число помещиков. Пушкарь, именовавший себя в челобитной государевым холопом, наряду с провинциальным сыном боярским, принадлежал к ратным или служилым людям. При этом откупая за несколько тысяч рублей кабаки и таможи, такой пушкарь, безусловно, по способу жизнеобеспечения принадлежал к числу богатейших торговых людей²⁸. Неповторимый колорит и без того пёстрой и динамичной картине, которую являло собой общество допетровской Руси, придаёт географическая разобшённость социальных групп, или, иначе говоря, отсутствие у них осознания «сословного единства» за пределами границ собственного города или уезда: не случайно человек XVII столетия в своих челобитных в первую очередь идентифицировал себя по месту жительства («резанец», «костромитин», «смолянин») и лишь после этого указывал собственно социальный статус («сын боярский», «торговый человек», «есаул» и т.д.).

Я не хочу, чтобы из сказанного мной был сделан вывод о том, что подданные Московского государства не пытались обобщать эту крайне дробную структуру социума и не видели себя частью более широкой общности, нежели «устюжские стрельцы» или «калужские посадские люди». Давно подмечено, что в челобитных, обращаемых к царю, по большому счёту встречается лишь три варианта самоидентификации: «холоп твой, государев», «твой, государев, богомолец» и «сирота твоя, государева». Холопами именовали себя люди служилые, сиротами — жилецкие, богомольцы же принадлежали к числу духовенства. Эта трёхчастная модель, однако, не была присуща исключительно сознанию подданных Московского царства: она вполне универсальна и совпадает с обобщённым социальным портретом европейского общества эпохи Средних веков и раннего Нового времени («те, кто сражаются», «те, кто молятся», «те, кто трудятся»)²⁹. Недалёк от этой трёхчастной схемы деления общества на крупные социальные группы оказался и М.А. Киселёв, заметивший, что «по принципу наличия обязательств перед кем-либо люди делятся на служилых, государевых тяглых, принадлежавших частному владельцу, вольных; к ним примыкают люди священнического и иноческого чина» (с. 130). При всех несомненных различиях и специфике общественно-политического строя Московской Руси и синхронных ей государств Западной и Центральной Европы (также, замечу, порой существенно отклонявшихся от сконструированного историками и социологами шаблона и заметно отличавшихся друг от друга), в основе их структуры лежали общие социальные универсалии. К таким выводам подводит

²⁸ Московский пушкарь Матвей Иванов в начале 1640-х гг. одновременно держал на откупе померную пошлину в столице, кабак и таможду в Ростове и таможду в Туле. Остаётся лишь гадать, как этот «ратный человек» умудрялся совмещать службу, за которую он получал от государя около 10 руб. в год, с бизнесом, имевшим годовой оборот более 7,5 тыс. руб. (РГАДА, ф. 233, оп. 1, кн. 36, л. 49—49 об.; ф. 233, оп. 1, кн. 38, л. 283, 293—293 об.; кн. 39, л. 20).

²⁹ *Le Goff Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 239—240.

читателя очень полезная и своевременная книга «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII—XX вв.».

Сергей Красильников: *Размышления о социальной стратификации России/СССР в XX в.*

Sergei Krasilnikov (Institute of History, Siberian branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk): Reflections on the social stratification of Russia/USSR in the 20th century

DOI: 10.31857/S086956870013453-9

Социальная стратификация объединяет исследователей социогуманитарных наук по своему объекту и разъединяет/дифференцирует их по применяемым подходам и методам. Из весьма квалифицированно выполненного авторами обзора (раздел I) следует, что по своему объекту — это поле деятельности прежде всего социологии и истории. Безусловно, историки не являются простыми «реципиентами» инструментария социальных наук, адаптируя его к целям своих исследований, а выступают творческими посредниками между эмпирическими данными источников о прошлом и теориями, моделями, схемами, в которых оно описывается. Грань между дисциплинами достаточно проницаемая: об этом говорят творческие биографии О.И. Шкаратана, В.Э. Шляпентоха, А.С. Ахиезера и ряда других учёных, предложивших свои модели изучения отечественной социетальной системы в её исторической динамике, свободно оперируя методами обеих наук. При этом очевидно, что структурирование уровней «социального» (макро-, мезо-, микроуровни) остаётся прерогативой социологии. Безусловно, важнейшей остаётся проблема адекватной адаптации историками разработанного социологами инструментария для своих потребностей.

Так, широко ныне распространённый среди историков подход к рассмотрению социоструктурной динамики России/СССР с позиций социального конструирования, или социальной инженерии, т.е. с позиций целей власти по переструктурированию общества «под себя», имеет свои возможности и ограничения. Во все времена существовала и трансформировалась политика государства по регулированию социальных процессов в направлении соотношения интересов власти и групп общества. Это, с одной стороны, учёт социального, демографического, трудового потенциалов населения, стратегии и практики его использования для нужд и целей государства. Но, с другой стороны, есть такие объективно идущие в обществе процессы, как социальная мобильность, миграция, маргинальность, обусловленные интересами больших, средних и малых групп населения, а не только государственными интересами и потребностями. В каждом из названных выше феноменов есть свои грани, измерения которых необходимы. Социальная мобильность — это и процесс, и политика в данной сфере в их очень сложном сочетании. То же следует сказать о миграции и маргинальности. Политика в отношении социальных процессов может приобретать формы содействия и воздействия, может быть наблюдательной/корректирующей/мобилизационной/принудительной, в зависимости от понимания и оценки ситуаций институтами власти.

На наш взгляд, применительно к постреволюционной эпохе, или, как сейчас её принято обозначать, раннесоветской (именно о ней, прежде всего, далее пойдёт речь), исследователи имеют дело с громадными амбициями власти в области социальной инженерии и возможностями их осуществления, учитывая

реальное состояние отечественного социума и реакцию различных общностей на политику государства. На входе в эпоху мы имеем, воспользовавшись метафорой М. Левина, «общество зыбучих песков», перед Великой Отечественной войной видим уже достаточно жёстко стратифицированную социальную систему, именуемую «советским обществом». Насколько закреплённую, настолько и подвижную, где интенсивность социальной динамики столь значительна, а доля переходных, маргинальных групп и состояний столь высока, что масштабы социальной текучести заставляют власть действовать на практике всё более жёсткими методами. Представляется, что социальную политику сталинского режима можно характеризовать как разрыв между продекларированными целями и ожидавшимися результатами, и результатами непреднамеренными, т.е. последствиями их реализации. Под данным углом зрения и выскажем некоторые суждения, возникшие в ходе знакомства с рядом глав коллективной работы.

Следует отдать должное автору главы 4 (раздел II) К.Д. Бугрову, который нашёл достаточно нестандартную форму для анализа большевистской идеологии и практики в сфере «перекраивания» социальной структуры, или, выражаясь в понятиях марксистской терминологии, партийная власть/надстройка «погрузилась» в социальный базис, чтобы сформировать, переструктурировать его «под себя». Compliments автору за то, что нетривиальность подхода вызвала желание прочесть главу «на одном дыхании». Действительно, Бугров демонстрирует глубокое проникновение в идеолого-пропагандистский язык раннесоветской эпохи, заставляя анализируемые тексты проговаривать не только то, что они внешне собой являют, но и то, что вскрывается аналитическим скальпелем — технологию манипуляции смыслами и понятиями (эффективную или наоборот) для достижения главной цели — обеспечить устойчивость большевистской системы власти. Впрочем, стоит заметить, что увлекательный путеводитель по произведениям классиков теории и практики большевизма (Н.И. Бухарина, Е.А. Преображенского, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина и примкнувших к последнему иных деятелей), впечатляющий своей тонкостью, является, прежде всего, некоторым интеллектуальным раздражителем для социальных историков раннесоветской эпохи.

Что из этого следует? «Приземлить» эти идеологические доктринальные кружева, адаптировать их к пониманию суровой, эпической реальности постреволюционной эпохи, установить и найти средства для замера зияющего разрыва между «языком власти» и состоянием общества («телом массы»). Нельзя сказать, что такого рода замеров по марксистской шкале был недостаток: в качестве государственного института социальная статистика работала исправно. Работали исправно и историки, интерпретировавшие эти результаты. Однако если рассматривать итоги советской историографии по изучению раннесоветской социоструктурной динамики, то найдется только одна работа, фактически состоявшая из двух изданий с датами выхода в 1976 и 1979 гг.³⁰ Как видим, указанному историческому проекту 40 лет. При всей заданности самого подхода, эти книги имеют под собой солидный статистический фундамент, который в немалой своей части актуален и поныне. А дальше, используя образ В. Высоцкого, — «бег на месте, общепримирующий», и в концептуальном, и в эмпирическом измерении.

³⁰ Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917—1920. М., 1976; Изменения социальной структуры советского общества. 1921 — середина 30-х годов. М., 1979.

Постсоветский период, при всём его многообразии подходов, идей и методов, даёт картину не очень оптимистичную. Социальные историки, образно говоря, преуспели в изучении «головы» (лидеры + номенклатура) и «хвоста» (маргинальные группы) социальной системы. Появилась масса исследований по отдельным группам, общностям, особенно корпоративного типа (учёные, инженеры, чекисты и т.д.). Но такого рода сегментирование советского социума, без его вписывания в координаты избранной тем или иным историком общей концепции социоструктурной динамики, выбора адекватных подходов и инструментария (здесь оказались очень кстати навыки и владение построением теории среднего уровня), не имеет серьёзной научной перспективы. Отмечу, впрочем, что в высшей степени интересную для историков концепцию о типе отечественной социальной системы как этакратической предложил исследователь старшего поколения О.И. Шкаратан³¹. Но в качестве точки отсчёта возмём видение стратификационной проблемы глазами выдающегося писателя и мыслителя Дж. Оруэлла.

Оруэлл предлагает рассматривать стратификацию любого общества в предельно редуцированном виде. Принцип деления общества на три группы — высшие/средние/низшие — использован в обсуждаемой книге в качестве эпиграфа к разделу III «Модели социального». Однако далее Оруэлл предлагает более осязаемую и замеряемую стратификацию тоталитарного общества, и она также приобретает модель «трёхчленки» — «внутренняя партия»/«внешняя партия»/«пролы». Здесь заложен потенциал для принципов подхода к структурированию советского общества, где под внутренней партией будет подразумеваться номенклатура (высшая и средняя), под внешней — рядовые члены партии, а также низовой аппаратный люд с партийными билетами, а низшая социальная группа — «пролы» — обобщённое наименование всех тех, кто занят тяжёлым, зависимым трудом³². Более развёрнуто: «Вершина пирамиды — Старший Брат... Под Старшим Братом — внутренняя партия — это чуть меньше двух процентов населения Океании. Под внутренней партией — внешняя партия; если внутреннюю уподобить мозгу государства, то внешнюю можно назвать руками. Ниже — бессловесная масса, которую мы привычно именуем пролами; они составляют, по-видимому, восемьдесят пять процентов населения»³³. Впрочем, есть у Оруэлла и те, кто находится вне общества — маргинальные группы (заключённые, военнопленные). Сам характер власти он обозначил термином «олигархический коллективизм». В своём органичном неприятии тоталитаризма Оруэлл в оценке природы сталинского режима скорее был солидарен с теми, кто характеризовал его как «особо отвратительную форму государственного капитализма»³⁴. В рецензии на изданную в 1937 г. книгу Ю. Лайонса «Командировка в утопию», где тот написал о своей работе корреспондентом агентства «Юнайтед пресс» в СССР в 1928—1934 гг., Оруэлл заметил: «Вся реальная власть сосредоточена в руках двух или трёх миллионов людей, у городского пролетариата — теоретически, наследника революции — отнято даже элементарное право на забастовку; а совсем недавно, с введением паспортной системы, он низведён

³¹ Шкаратан О.И. Этакратизм и российская социальная система // *Общественные науки и современность*. 2004. № 4. С. 49—62.

³² Оруэлл Дж. 1984. М., 1989. С. 150.

³³ Там же. С. 163—164.

³⁴ Оруэлл Дж. Скотный двор. Эссе. М., 2016. С. 236.

до статуса почти крепостных»³⁵. Последуем вслед за Оруэллом в поисках «простых» стратификационных признаков для наших целей.

При внимательном соприкосновении с социальными идентификаторами в постреволюционном/раннесоветском обществе нетрудно убедиться, что действия большевистского режима во взглядах на принципы трансформации социальной структуры в желаемом направлении и законодательно закреплялись, сводились к достаточно простым решениям. Обращение к тексту первой советской Конституции (1918) указывает на принципиально новое стратификационное деление — на обладавших избирательными правами и лиц, лишавшихся таковых («лишенцев»). Применение данного вполне дискриминационного критерия в социальной практике привело к тому, что к концу 1920-х гг. насчитывалось восемь категорий «лишенцев», поставленных на учёт, а их совокупная численность (вместе с членами семей) превышала 3 млн человек. Последующая практика привела к созданию системы категорий «лишенцев», ветвление которой позволяло создавать, конструировать другие учётно-дискриминационные и репрессированные категории. Сельские «лишенцы» становились основной массой депортированных семей с 1930 г.; в том же году начался массовый призыв членов семей «лишенцев» из числа мужчин призывных возрастов в части тылового ополчения. В 1930 г. была проведена операция по «зачистке» командного состава Красной армии от служивших в ней бывших белых офицеров (операция ОГПУ под названием «Весна»). В начале 1930-х гг. произведены массовые аресты священнослужителей³⁶. Другой, не менее яркий идентификационный признак/принцип проявил себя в конце 1932 г. в связи с введением в стране паспортной системы. Взрослое население страны разделилось на получивших/имевших/обладавших паспортами и их не имевших (образ Паниковского — «человека без паспорта»). Введение данной нормы законодательно вызвало и повлекло за собой целый спектр прав и ограничений, став с 1930-х гг. одним из важнейших стратификационных признаков для жителей страны. На этой основе закрепились и в дальнейшем формировалась экстерриториальность как пространственный признак (города, стратифицированные по режимным основаниям) и режимность в социальном измерении.

В главе 8 (раздел III) коллективной работы рассматривается феномен «атомной» общности корпоративного типа. По своей исследовательской идеологии и подходам здесь всё полностью вписывается в замысел проекта и его практическое воплощение. Профессионально структурированный и отработанный текст, весьма информативный и познавательный для историков, которые об атомном проекте имеют недостаточно знаний. Автора (Н.В. Мельникову) можно с этим поздравить, в то же время пожелав рассматривать проблематику формирования закрытых корпоративных общностей шире, с учётом их природы, истоков и трансформации в советскую эпоху. Феномен закрытости и те институции, которые на этой почве произрастают, чётко вытекают из двух фундаментальных характеристик любой государственности, которые большевистский режим довёл до предела, а затем и до абсурда. Это — охранительные и мобилизационные функции. Соединённые воедино, они дают феномен «охранительной мобилизации». Для него вырабатывается особый статус — закрытый/режимный, благодаря чему возникают «режимные люди/работники»,

³⁵ Там же. С. 237.

³⁶ Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920—1930-е годы). М., 2018; Маргиналы в советском социуме. 1930 — середина 1950-х гг. М., 2018.

«режимные статусы», «режимные территории/города» (экстерриториальность), и данный список можно продолжить. Для данной предметной области (научно-техническая сфера) «точками роста» закрытости/режимности выступали создававшиеся с 1930 г. (возможно, и раньше) Особые технические бюро (ОТБ) при Экономическом управлении ОГПУ, так называемые шарашки, куда направлялись для отбывания заключения арестованные по обвинениям «во вредительстве» учёные, преподаватели технических вузов, инженеры, техники. К 1931 г. число таковых достигло порядка 2 тыс. человек, распределённых по специальностям в 20 ОТБ. Отметим, что среди них были и те, кто затем участвовал в атомном проекте (будущий академик Н.А. Доллежал, профессор С.Н. Семихатов и др.)³⁷. После «перековки» они, за исключением тех, кто в дальнейшем был повторно репрессирован, пополняли общность «режимных людей со знаком плюс».

Сам маркер режимности в сталинскую эпоху являлся поистине универсальным. Для всех категорий «спецконтингентов» понятие «правовое положение/правовой статус» на практике не действовало — они имели режимное положение, или статус в его негативной коннотации. В своё время при изучении проблематики такого рода «режимных людей», категории ссыльного крестьянства, затем и этнических групп, многие историки, следуя по инерции за буквами тогдашних документов, писали и пишут до сих пор о «правовом положении» названных учётных, режимных категорий. При ближайшем рассмотрении эмпирических фактов всё это оказывалось юридической фикцией — они оставались «режимными людьми со знаком минус», поскольку даже после снятия с них статуса «спецконтингентов» и получения паспортов они сталкивались с рядом запретов в своей социально-профессиональной деятельности. Причём часть из них имели такой статус не только в переносном, но и в прямом смысле этого слова («минусом» на профессиональном сленге именовались ограничения для ссыльных в проживании в определённых местностях). Отметим также, что по завершении строительства «атомоградов» немалая часть из возводивших их «спецконтингентов» отправлялась на Колыму, естественно, из-за режимных соображений (такого рода «особый контингент» Дальстроя на 1 января 1952 г. насчитывал, по данным исследователей, 10 348 человек)³⁸.

Не оставляет сомнений высокий профессионализм авторов (А.В. Сушков, С.В. Воробьёв) главы 7 (раздел III), посвящённой реконструкции механизмов и векторов трансформации региональной партийной номенклатуры. Примечательно, что воссозданный ими с применением комплекса методов биографики, социальной статистики и др. социальный портрет партноменклатуры исследуется в терминах «формирование», «функционирование», «деятельность» и т.д. При этом авторы почти инстинктивно избегают понятия «развитие», поскольку оно вряд ли применительно к данной корпоративной группе имеет позитивную коннотацию. Номенклатурный статус по своей природе — это состояние, требующее непрерывной борьбы попавших в корпорацию лиц за своё вхождение, закрепление, отстаивание позиций, страх их утратить, иметь шансы на продвижение внутри и т.д., которое изящно обозначено как обеспечение внутриноменклатурной «стабилизации» в брежневскую эпоху.

³⁷ См. об этом: Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 2. М., 2017. С. 156—162, 174—178.

³⁸ Мельников С.М. Особый контингент в системе Дальстроя // Колыма. 1993. № 3. С. 37—39.

Талантливо и образно выписаны портреты уральской номенклатуры высшего и отчасти среднего уровней, особенно применительно к эпохам, именуемым «сталинской» и «хрущёвской». «Брежневская» номенклатурная генерация освещается в более традиционном формате, насыщенном социальной статистикой, где описан «номенклатурный лес», но без акцентов на «главные номенклатурные деревья», как это сделано в первых разделах данной главы. Достаточно мастерски описывается внутрикорпоративная борьба за выживание, обозначены карьерные взлеты и падения. При рассмотрении механизмов действия «социальных лифтов» явный приоритет отдаётся изучению процессов номенклатурной вертикальной мобильности в его движении «наверх», тогда как очевидно, что не менее интенсивным по своим масштабам и последствиям являлось обратное движение. Так сложилось, что процессы номенклатурного социального «отсева», своего рода номенклатурные «хвосты» по аналогии с отработанной породой на горнодобывающих предприятиях, едва изучены.

Между тем если выйти за пределы высших и средних номенклатурных слоёв (партийных, советских, хозяйственных и др.), а затронуть низшую ступень номенклатурной лестницы, то нетрудно увидеть, что речь может идти о маргиналах «от номенклатуры», насчитывавших в сталинскую эпоху сотни тысяч, миллионы человек. Если в аппаратных звеньях трудились миллионы управленцев, почти на 100% коммунисты, то только в сталинскую эпоху при утрате номенклатурного статуса и исключении из рядов партии «отсев» оказался гигантским, катастрофически высоким. Это давало повод для формирования и поддержания присущей в 1930-х гг. Сталину и его окружению фобии о наличии пресловутой «пятой колонны», куда по охранительной логике следовало включать не только классических «врагов» из числа «бывших противников большевиков», но и самих «бывших коммунистов». Весьма впечатляющими цифрами масштабов партийного «отсева» поделился с участниками печально известного февральско-мартовского пленума ЦК партии 1937 г. секретарь Западно-Сибирского крайкома партии Р.И. Эйхе: «Мы взяли и подсчитали, сколько у нас людей с 1926 г. выбыло и исключено из партии... И вот какое соотношение получается у нас по краю: если взять исключённых и выбывших из партии, то за 11 лет из партии выбыло и исключено 93 тыс. человек. (Гамарник: Сколько?) 93 тыс. человек. (Гамарник: Ого!) А в партии у нас сейчас 44 тысячи коммунистов... (Голос с места: Это за 10 лет?) т.е. в два с лишним раза больше людей, которые прошли через партию за эти годы!»³⁹. Сказанное выше — ситуативная, но одновременно и яркая иллюстрация масштабов «Большого отсева» раннесталинского времени (впрочем, и позднесталинского тоже), ещё ждущая своих вдумчивых исследователей.

Следует отметить, что представленная уральскими историками коллективная работа при некоторых критических, но, безусловно, позитивных оценках может быть маркирована (в авторской терминологии) как очень профессионально реализованный *демонстрационно-познавательный проект*, заставляющий читателя в очередной раз поразмышлять над природой социальных систем и векторах их трансформации на отечественной почве.

³⁹ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 5.

Владимир Круглов: Социальная стратификация советского: в лабиринтах явлений, трактовок, терминов

Vladimir Kruglov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Social stratification of the Soviet: in the labyrinth of phenomena, interpretations, terms

DOI: 10.31857/S086956870013454-0

Коллективные труды нередко служат своеобразными вехами, подводящими промежуточные итоги, обобщающими накопленные знания и таким образом фиксирующими состояние историографии по той или иной проблематике на определённый момент времени. Как правило, их отличает единая концепция, это плод творчества коллектива исследователей, связанных общими взглядами и идеями, которые представляют на суд общественности результаты разработки ими той или иной научной темы. Реже коллективные труды выполняют роль дискуссионных площадок, в рамках которых одновременно фиксируются достижения в изучении выбранной проблематики и выдвигаются новые, ещё не вполне «обкатанные» идеи, концепции, понятия. Рассматриваемая коллективная монография относится, скорее, ко второму виду, что само по себе заставляет отнестись к ней с должным вниманием. Которое усиливается тем, что в поле зрения — социальная история: пожалуй, ведущее ныне направление исследований в исторической науке. Авторы сосредоточили внимание на проблеме социальной стратификации России XVII—XX вв., причём останавливается исследование не на 1917 г., как можно было бы ожидать, а на 1980-х гг., охватывая таким образом и советский период, «перекидывая мостик» между двумя очень разными, во многом противоположными эпохами, пытаясь «вписать» советский социум в общий поток отечественной истории, определить черты сходства и найти точки соприкосновения.

Авторы неоднократно подчёркивают, что не претендуют на полноту описания и анализа, сосредотачивая внимание лишь на отдельных сюжетах. Эти оговорки и справедливы, и необходимы — ведь дисбаланс бросается в глаза даже при изучении оглавления. Охвачен широкий круг тем царского/имперского периода (здесь и законодательство, и взгляды представителей элиты, и самый широкий круг сословий — от привилегированных до маргинальных, и даже анализ материалов прессы по проблематике повседневности). Советский период (на освещении которого я сосредоточусь в данном отклике) представлен, напротив, весьма скупо — как тематически, так и хронологически. Объектами внимания стали эволюция представлений об обществе в работах коммунистических идеологов, региональная партийная номенклатура и «атомная» общность (жители «закрытых городов» и работники ядерно-оружейного комплекса).

Однако это ни в коем случае не вина или оплошность авторов. Случившийся в 1917 г. разрыв оказался столь масштабным и качественным, общество изменилось столь сильно, что порой найти преемственность, понять, где историческая традиция не прервалась, а хоть как-то продолжилась, не под силу и выдающимся умам даже спустя многие десятилетия. Кроме того, нужно учитывать, что таково объективное состояние историографии. Несмотря на неослабевающий интерес к советскому прошлому, объектом первоочередной разработки стали лишь отдельные сюжеты (политическая история, экономика, репрессии), в то время как к изучению социальной структуры общества историки приступили относительно недавно. Можно сказать, что уже заложен

фундамент, но строительство здания находится в начальной стадии. Надеюсь, что данная работа внесёт свой вклад в этот длительный, но увлекательный и плодотворный процесс.

В связи с этим хочу особо отметить главу 4 раздела II (с. 265—316), в которой проведён глубокий анализ формирования воззрений верхушки компартии на социальную структуру нового общества. С опорой на ключевые тексты эпохи прослежена эволюция идеологических трактовок и связанные с ними проблемы. Правда, внимание сконцентрировано не на всём периоде советской истории, а в основном на 1920—1930-х гг. Впрочем, это оправданно — именно тогда и были сформулированы те установки, которые лишь с небольшими изменениями просуществовали до начала 1990-х гг., а для некоторых авторов не теряют актуальности и по сей день. Прочтение текста показывает, что даже в начале 1920-х гг. у ответственных за идеологию лиц имелись лишь самые общие представления на эту тему, и в последующие годы шёл трудный, противоречивый процесс выработки подходящих идей и формул. Метания 1930-х гг. производят особенно сильное впечатление, кажется, что важнейшие идеологические постулаты разрабатывались в спешке, чуть ли не «на коленке», без серьёзной подготовки. В результате оказалась нарисована некая идеальная модель, мало соотносившаяся с реальным состоянием общества, во многом даже отрицавшая его. Это практически сразу создало многочисленные проблемы и противоречия, которые идеология и «общественные науки» унаследовали и пронесли сквозь десятилетия. Как бы то ни было, анализ процесса формирования идеологических постулатов по тем или иным вопросам, борьбы за победу той или иной трактовки или формулировки — важная часть исследования советского общества, и в этом направлении исследователям предстоит сделать ещё немало.

Пристальный интерес у читателей, без сомнения, вызовет глава 7 раздела III, посвящённая региональной партийной номенклатуре. История власти никогда не утратит актуальности, особенно для нашей страны с присущей ей исключительной ролью государства во всех сферах жизни. Однако традиционно внимание исследователей концентрировалось на действиях центра. В последние десятилетия, однако, особенно после широкомасштабного открытия для научной работы архивных фондов, растёт интерес к сюжетам, связанным с функционированием органов власти и управления на местах. Причём, что отраднее, лидируют в этой работе не московские историки, а представители регионов. Их внимание в значительной степени привлекает именно советский период: формирование управленческих структур (прежде всего партийных) на местах, принципы их работы и взаимодействия с центром. С исключительным интересом, даже захватывающе, читаются части 1—3 этой главы (с. 464—563), посвящённые сталинскому периоду. Рассмотрены такие важные сюжеты, как функционирование культов региональных партийных лидеров, формирование вокруг них кланов с присущими им патрон-клиентскими отношениями, состав таких кланов, а также попытки центра бороться с этими явлениями путём репрессий и регулярных кадровых перетрясок. Текст демонстрирует блестящее владение материалом и глубокое знание местных архивных фондов, внимание к деталям. Видны результаты многолетней умелой и плодотворной работы с документами, благодаря которой ничем, казалось бы, не примечательный мир периферийного партначальства начинает играть яркими красками, выявляя доселе скрытые «скандалы, интриги, расследования», порой драматичные, порой трагикомичные, но неизменно интересные. Этот интерес усиливается тем, что

описываются события 1930—1940-х гг., вокруг которых в общественном сознании до сих пор не рассеялся миф пресловутого «сталинского порядка». Неподготовленного читателя, попадись ему в руки эта книга, многое из описанного может шокировать.

Особняком стоит часть 4 (с. 564—604), посвящённая партийной номенклатуре брежневского периода. Она представляет собой скорее анализ базы данных по определённым набору параметров, написана более сухо и фактографично. В результате создаётся контраст с ярко написанными предшествующими частями. Если 1930—1950-е гг. описаны на материалах Уральской, а затем Свердловской и Челябинской областей, то далее фокус внимания концентрируется исключительно на последней, отчего вывод («Челябинская область является классическим образцом реализации брежневской кадровой политики на практике» (с. 587)) может показаться не вполне обоснованным в отсутствие объектов сравнения. Тем не менее дотошность изучения вопроса заслуживает похвалы.

К сожалению, содержательная составляющая данной главы удалась значительно лучше концептуальной. Особенно это относится к частям 1—3. Фактически всё осмысление проблемы чисток и репрессий против партноменклатуры свелось к дихотомии «хороший вождь — коррумпированные регионалы». Но ведь представления о своеволии и особой роли местных кадров уже давно и неоднократно опровергнуты исследователями политической системы сталинизма (в том числе О.В. Хлевнюком, на работы которого авторы главы неоднократно ссылаются). Культы местных партлидеров, их клиентелистские замашки, сибаритство, коррумпированность вовсе не являлись их собственной инициативой — они лишь копировали нравы центра. В этой связи удивляет, что повествование начинается с середины 1930-х гг. и сразу с культа уральского «вождя» Кабакова, в то время как о культе собственно Сталина, сложившемся уже к концу 1920-х гг. и ставшем моделью для всех региональных явлений такого рода, не сказано практически ничего.

Озадачивает авторская разноголосица. Сначала утверждается, что «к началу 1940-х гг. И.В. Сталину в целом удалось... разрушить порочные патрон-клиентские связи» (с. 524). Но спустя полтора десятка страниц начинается рассказ о... патрон-клиентских связях, коррупции, вождизме, авторитарном стиле управления (с. 540, 544 и далее). Причём устраивали всё это те замечательные, образованные и компетентные руководители, которые пришли на смену прежним, негодным и непослушным («Важнейшим итогом сталинской кадровой революции стало резкое повышение образовательного и профессионального уровня региональной партийно-государственной номенклатуры» (с. 524)). И вновь по кругу: «В конце 1940-х — начале 1950-х гг. по стране прокатилась волна кадровых перестановок на региональном уровне... что как минимум позволило разорвать сложившийся порочный круг патрон-клиентских отношений... поддерживать необходимый уровень партийно-государственной дисциплины» (с. 562, 563). Спустя несколько десятков страниц вновь читаем о корпоративности и патрон-клиентских отношениях (с. 603). Остаётся лишь развести руками — ведь выясняется, что явление, с которым столь отчаянно боролись, спокойно пережило все репрессии, ротации и перестановки, всякий раз возрождаясь и становясь всё крепче, явившись в конце концов «одним из факторов, приведших к гибели Советского Союза» (с. 563).

То же можно сказать и о подробно описываемом нововведении февральско-мартовского пленума 1937 г. — тайном голосовании при выборах партий-

ного руководства. Сначала авторы утверждают: «С внедрением этой системы стало невозможным гарантировать сохранение номенклатурных постов за нужными людьми. А в ходе кадровых перестановок теперь необходимо было учитывать мнение рядовых членов парторганизации» (с. 490). Но буквально следом читаем: «Демократизация внутрипартийной деятельности если и изменила процедуру выборов “рядового” состава комитетов партии, то менее всего затронула порядок утверждения руководителей наиболее важных партийных комитетов — крупных горкомов, обкомов и крайкомов, ЦК компартий союзных республик, так как Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б) не отказались от своего права назначать данных руководителей и не передали эти полномочия на места. ЦК партии продолжал направлять на ключевые посты в регионах... работников, совершенно незнакомых местным парторганизациям, вынужденным “избирать” их своими руководителями» (с. 491—492). Далее описывается, как во избежание неожиданностей при голосовании по кандидатурам руководителей региональных структур Москва ещё и направляла на места членов Политбюро и секретарей ЦК (с. 492, 516, 519).

Столь «спрессованные» противоречия встречаются не раз. Например, на с. 521 читаем дифирамбы очередному главе Свердловского обкома В.М. Андрианову, который «стал последовательно проводить в кадровой политике принципы подбора и назначения кадров, на которых настаивал И.В. Сталин», а на с. 522 — что он «порой отклонялся от сталинской кадровой политики, решая участь подчинённого, исходя из личной неприязни, а не его деловых качеств». Утверждается, что в период правления Л.И. Брежнева сложилось зрелое индустриальное общество, один из признаков которого — социальная мобильность (с. 567). А затем на многих страницах описывается процесс стремительного замедления мобильности в органах власти...

Конечно, каждый автор имеет право на собственную трактовку тех или иных исторических событий, явлений. От обобщающей работы ожидаешь, тем не менее, большей определённости, чёткости. С другой стороны, нельзя не признать, что исследуемый период, несмотря на прошедшие с его формального завершения три десятка лет, во многом до сих пор ещё с нами. Это не далёкое прошлое, а буквально вчера, регулярно переливающаяся в сегодня. И похоже, что подобная неоднозначность, расплывчатость лишь отражают состояние и историографии, и общественной дискуссии на тему «советского».

Рассмотрение советского периода завершает глава, посвящённая «атомной» общности — жителям «закрытых городов», участвовавшим в разработке атомного и ядерного оружия. Её наличие хотя и может показаться несколько неожиданным, тем не менее вполне объяснимо — уральские историки издавна уделяют много внимания данной проблематике (достаточно вспомнить работы Е.Т. Артёмова). И в свете этого неудивительно, что исследование получилось хотя и компактным (с. 605—652), но информативным. Оно написано с применением инструментария всё ещё достаточно новых для отечественной исторической науки направлений, таких, например, как устная история, история идентичности и т.д. Рассмотрены причины и механизмы формирования названной общности, условия работы и жизни её представителей, их мироощущение, восприятие себя и окружающего мира.

По прочтении главы можно сделать вывод, что именно в «закрытых городах» удалось создать максимально приближённый к идеалу мир советского инженерно-технического работника — того самого нового слоя передовых рабочих, который, как считалось, порождён процессом индустриализации

(и становлению которого в идеологической терминологии посвящены части 4 и 5 главы 4 раздела II данной работы (с. 298—316)). Это мир, с одной стороны, порядка и дисциплины, достойных жилищных условий и бесперебойного снабжения, живущий по особым законам и в особом режиме, а с другой — отличающийся известной свободой в действиях и суждениях, где строгие, но справедливые и мудрые начальники, досконально знающие производственный процесс, не самодурствуют, а уважают подчинённых, допускают их самостоятельность и поощряют за достижения, идеология же, пронизывавшая все сферы жизни «остальной страны», почти незаметна, учёные имеют право на фронт и даже дерзость, зная, что работа защищает их от репрессий, и ради результата «идеологические церберы» готовы терпеть некоторое непослушание.

Возможно, эти «тепличные» условия и окрашивают воспоминания старожил, обильно использованные при написании главы. Возможно также, что средний представитель «атомной» общности представлял собой определённый психологический тип, готовый мириться с ограничением собственной свободы передвижения (и многих других свобод и прав) «ради дела», а также не слишком склонный к действительной оппозиционности, противостоянию власти (видимо, этим объясняется негативная оценка общественно-политической деятельности А.Д. Сахарова, его противопоставление руководителям институтов и лабораторий — опытным навигаторам в море бюрократических правил и личных взаимоотношений, но в первую очередь подчёркнуто лояльным режиму). Абсолютно точно можно утверждать, что созданная в «закрытых городах» система изначально не была рассчитана на распространение на сколько-нибудь широкие территории, фактически представляя собой «штучный продукт». Порождённую ею общность можно рассматривать как особое, специфическое «сословие» (с. 645) в рамках всего слоя советской научно-технической интеллигенции.

И здесь стоит отметить смелую и весьма перспективную позицию авторского коллектива, заключающуюся в том, что при исследовании советского общества вполне можно использовать терминологию, на первый взгляд, намертво привязанную к периоду Российской империи. Прежде всего речь идёт, конечно, о термине «сословие». Казалось бы, сословия отменены более века назад. Однако можно упразднить определение, но упразднить обозначаемое им явление значительно тяжелее (если вообще возможно). И похоже, что советскому режиму, несмотря на все усилия по уничтожению старого общества, так и не удалось сломать те основы, на которых оно строилось. В том или ином виде «сословия» возродились в самые короткие сроки и в самых неблагоприятных обстоятельствах. А нередко их (видимо, неосознанно и уж точно вопреки собственным эгалитаристским декларациям) возрождала и сама власть (с. 675). Такая живучесть этого явления наводит на мысль, что именно сословность и является естественной формой социальной стратификации для России.

Говоря о понятийном аппарате, позволю себе выразить сомнение в правомерности использования применительно к советскому времени термина «элита» (с. 487, 524, 529, 562 и далее). В своё время он оказался удивительно легко подхвачен сначала политическими комментаторами, а затем и научным сообществом, и ныне употребляется как универсальное обозначение правящей группы вне зависимости от исторического периода. Однако при этом стирается специфика, для советского режима имевшая принципиальный характер, а именно его декларируемые «народничество», эгалитаризм, отрицание значения

природных различий между людьми. Это краеугольный камень коммунистической идеологии, который никак не вяжется с понятием «элита», имеющим происхождение прямо противоположное — аристократическое, предполагающим своего рода избранность, особую талантливость, превосходство над массой населения, а также статусность и обособленность, имеющую в том числе и наследственный характер. Последние черты, конечно, наблюдались и в советском обществе, но всегда подвергались резкой критике (пусть не особенно влиявшей на положение дел, но важной с политической точки зрения). Регулярные чистки, репрессии, ротации и прочие «прополки», нередко в одночасье низвергавшие с вершин власти многолетних их обитателей, «вождистский» и строго иерархический принцип функционирования властной системы, многие другие особенности (проблема собственности, статуса и др.) вполне наглядно, как кажется, демонстрируют, что никаких «элит» в СССР быть просто не могло. В связи с этим соглашусь с Т.Ю. Красовицкой: «Разве не точнее советская власть (и авторы) их называла пусть и руководящими, но всего лишь кадрами?»⁴⁰. Убеждён, что терминологический аппарат исследований по социальной истории, до сих пор почти целиком (и, как правило, некритично) заимствуемый из зарубежных публикаций, нуждается во вдумчивом анализе и уточнении с учётом реалий отечественной истории.

Данное исследование демонстрирует интересный, смелый и дискуссионный взгляд на проблему общественного устройства и структурирования нашей страны, совмещает широкий хронологический охват с оригинальными исследовательскими подходами и неожиданными концептуальными суждениями. Оно даёт богатый материал для размышлений, порой заставляет взглянуть на, казалось бы, привычные сюжеты по-новому. А именно это и есть признак качественной и заслуживающей внимания работы.

*Элис Кимерлинг Виртшафтер: Новая социальная история России*⁴¹

Elise Kimerling Wirtschafter (California State Polytechnic University in Pomona, USA): Russia's New Social History

DOI: 10.31857/S086956870013455-1

С появлением в середине XX в. «новой социальной истории» учёные устремились к поиску инновационных проблематик, методологий и источников. Историческое исследование, обогащённое социологическими теориями, антропологической практикой и доступом к обширным архивохранилищам, становится всё более динамичным и многозначным. В результате сформировалась расширенная база знаний, а историописание было признано принципиально перспективным. С позитивистской точки зрения, фрагментация может показаться сомнительной тенденцией. Тем не менее историки неизменно сходятся в том, что любая историческая ситуация включает в себе множество элементов и опытов, каждый из которых должен учитываться и документироваться. Прошли времена большого нарратива, позволявшего победителям доминировать в написании истории и её увековечивании в общественной памяти. Конечно, победители по-прежнему пишут свою историю, но со временем

⁴⁰ Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917 — 1923 г.). Документы и материалы. М., 2007. С. 18.

⁴¹ Перевод с англ. О.К. Ермаковой.

неизбежно возникают и множатся конкурирующие голоса и альтернативные интерпретации.

Советская историческая наука второй половины XX в. имела много общего с «новой социальной историей» Запада. Несмотря на то что коммунистические идеологические ограничения порой мешали учёным свободно следовать за источниками, историки того времени преодолевали политические преграды, сосредоточившись на сборе эмпирических данных. Даже в пределах обязательных марксистских интерпретаций капиталистического развития и пролетарской революции историки обращались к широкому кругу тем, относящихся к изучению социально-экономических отношений⁴². Работы, созданные в период холодной войны, по сей день остаются фундаментальным звеном в развитии социальной истории и ценным источником информации. К тому же за последние 30 лет молодые российские историки умело воспользовались постоянно растущим спектром допустимых предметов и методов исследования. Они освоили социологический структурализм, исследовательские направления, восходящие к истокам Школы «Анналов» 1930—1940-х гг., антропологический микроанализ и историю понятий — и всё это наряду с непрекращающимися, в сущности, неограниченными архивными изысканиями. Краткого комментария будет недостаточно, чтобы отдать должное геркулесову труду нескольких поколений учёных, чьи обширные исследования ещё в должной мере не укоренились в традиционной историографии. Теоретические рассуждения и эмпирические данные, представленные в книге «Границы и маркеры социальной стратификации в России в XVII—XX вв.», отражают результаты этих плодотворных усилий. Будучи творением нескольких авторов, книга не может полностью интегрировать находки каждого из них, но она с успехом приближает историков к мастерскому владению новейшими научными исследованиями.

Авторы начинают повествование с обзора теоретической литературы, повлиявшей на их образ мыслей. Историки всегда имеют возможность усовершенствовать своё исследование, прочитав работы теоретиков, соответствующие конкретному предмету изучения, в данном случае — труды социологов. Но такое чтение неизбежно носит выборочный характер, а актуальность конкретных утверждений и дефиниций может трудно поддаваться оценке. Дело в том, что каждый историк по-своему обрабатывает теоретические конструкты, что помогает ему в ходе работы, но не всегда оказывается доступным для понимания читателя. Но даже избирательное освещение теоретических работ, представленное в монографии, иллюстрирует, как адаптация новых методологий вывела учёных за пределы марксистской ориентированности ранней социальной истории.

С начала XX в. историки поместили изучение российского социального развития в рамки проблемы формирования сословий и перехода от сословия к классу⁴³. В общем и целом, учёные сфокусировались на жизненных шансах и структурных императивах, налагаемых на группы, сообщества и индивидов. При исследовании категории «сословие» (или «состояние») первостепенное

⁴² Предметы исследований включали также: условия окружающей среды, демографию, организацию домашнего хозяйства, рыночные отношения, народное сопротивление и восстания, отношения между политической властью и экономическими интересами, связи между социальным сознанием (или субъективным опытом) и материальными условиями повседневной жизни.

⁴³ Замена сословий классами совпала с переходом от «феодалного» аграрного к «капиталистическому» индустриальному обществу.

значение в определении социальных статусов и границ социальной стратификации отводилось государственной политике. Осуществляя анализ на основе классов, историки обращали внимание на такие аспекты, как образование, род занятий, профессиональная квалификация и, что наиболее важно, доступ к экономическим ресурсам или отношению к средствам производства. Эти широко признанные измерения социальной истории по-прежнему требуют тщательного изучения. Вместе с тем вот уже несколько поколений историков замечают, что макроанализ, основанный на понятиях «сословие» и «класс», не объясняет в достаточной мере реалий социальной жизни России Нового времени. Основная проблема заключается в функциональной двойственности социального языка. Как «сословие», так и «класс» могут интерпретироваться двояко: или как абстрактные социологические категории, транслируемые учёными на социальную реальность, или же как исторически развивающиеся концепты, которые необходимо анализировать, опираясь на разнообразные источники (административно-правовые, литературные или научные), созданные в конкретных исторических ситуациях. Более того, даже если не брать во внимание функциональность, сами значения и способы использования терминологии изменяются во времени и пространстве. Именно поэтому учёные стали применять методы *Begriffsgeschichte* (истории понятий) к широкому кругу категорий и ключевых слов, встречающихся в источниковом материале по истории Московской Руси, имперской и советской России⁴⁴.

История понятий представляет собой увлекательную подобласть, особенно полезную для того, чтобы учиться анализировать источники и чувствовать множество реалий (и соответствующих им проблем), содержащихся в конкретных документах. Но в то же время чрезмерное увлечение историей понятий может превратиться в бесконечное энциклопедическое упражнение, мешающее вполне пригодной дефиниции той или иной категории или ключевого слова прижиться среди учёных. Если социальный язык настолько гибок, неопределён и зависим от видения исторического актора, то фрагментация научного нарратива неизбежна. Вечная фрагментация и разрастание точек зрения в точности характеризуют текущее состояние истории как способа исследования. Кроме того, бесконечная фрагментация объясняет и то, почему историки не могут обойтись без синтеза или категориального анализа. Неудивительно, что недавние дискуссии о неадекватности таких категорий, как «сословие» и «класс», включая комментарий, данный в рассматриваемой работе, привели к выводу, что отказаться от этих парадигм невозможно⁴⁵. В самом деле, свободный обмен идеями и продуктивное научное общение немыслимы без согласия по основным определениям и категориям анализа. В среде, лишённой общепринятых допущений и категориального консенсуса, учёные говорят о разных вещах, не слыша друг друга и никак не продвигая вперёд научное знание и понимание. За прошедшие полвека историки освоили аналитические категории, призванные бросить вызов большим нарративам доминирующих групп и сил. Однако аль-

⁴⁴ Понятия о России: к исторической семантике имперского периода. В 2 т. М., 2012; *Wirtschaftler E.K.* Structures of Society: Imperial Russia's «People of Various Ranks». DeKalb (IL), 1994; *Вульфсон Г.Н.* Понятие «разночинец» в XVIII — первой половине XIX века // Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. Вып. 1. Казань, 1967. С. 107—124.

⁴⁵ Для подробного ознакомления см.: *Confino M.* The «Soslovie» (Estate) Paradigm: Reflections on some open questions // *Cahiers du Monde russe*. Vol. 49. 2008. № 4. P. 681—699.

тернативные категории, такие как раса, гендер, геноцид и «другой», способны породить собственные формы господствующего нарратива.

Несмотря на то что историческое знание больше нельзя обвинить в продвижении монолитных представлений о человеческой цивилизации, теоретики культуры и постструктурализма всё же упрекали специалистов по социальной истории в построении абстрактного, детерминистского и статичного анализа сложных и аморфных реалий⁴⁶. Нельзя отрицать, что социальной истории не хватало гуманизации. В то же время критики не сумели распознать, что структуралистские подходы к социальной истории носят детерминистский и статичный характер только тогда, когда они скованы смиренными рубашками идеологии. Структуралистские концепции исторических изменений, связанные с моделями пересечения и динамики развития, могут быть столь же индетерминистскими и созвучными с процессом, как любой другой культурно ориентированный микроанализ социальной практики. Условия, определяющие «структуру», — будь то экологические, экономические, технологические, юридические, «основанные на обычном праве» или концептуальные — в сущности, интерактивны и всегда подвижны. Иными словами, взаимоотношения между правовыми предписаниями, материальными условиями повседневной жизни, статусной дифференциацией, культурными ожиданиями и социальным сознанием никогда не бывают застывшими. Подобно индивидуальным субъективностям, они предполагают непрерывную адаптацию и изменчивость. Медленно текущее структурное изменение (*longue durée* в терминологии Броделя) всё же является изменением.

Ассимиляция множества теорий, методов и источников информации, безусловно, обогатила современную российскую социальную историю. Авторы книги корректно представили социальную стратификацию как динамичный и неопределённый процесс, протекающий во времени и пространстве. Они утверждают, что определения различных социальных групп могут зиждиться на солидных правовых, экономических, территориальных, гендерных, профессиональных, этнических и культурных основаниях, но наряду с этим процесс стратификации раскрывается на разных уровнях человеческого взаимодействия, включая индивидуальное восприятие. Внимание к процессам самоидентификации и социальной связки на индивидуальном и локальном уровнях побудило учёных выйти за рамки абстрактных категорий структуралистского мышления и обратиться к микроанализу повседневных практик и изучению культурных привычек. С другой стороны, переход к культурному анализу легко может обернуться изучением нерепрезентативных субъективностей. Микроисследование введённой Школой «Анналов» категории *mentalité*, произрастающее из интеллектуальной биографии, теперь занимает достойное место в методологическом инструментарии историков⁴⁷. Однако это ещё не социальная история, требующая такого уровня анализа, который выходил бы за пределы индивидуальных космологий и опытов.

⁴⁶ Постструктурализм и постмодернизм (ассоциируемые с именами таких мыслителей, как Ролан Барт, Жак Деррида, Мишель Фуко и Жак Лакан) подчёркивают неопределённость структур, быстротечность языка и смысла, а также контингентность истины. Согласно Фуко, такие категории, как причина, истина, наука и субъект, являются продуктами языка, следовательно, определяются через осуществление власти и потому не стабильны по своей сути.

⁴⁷ Классический пример: *Ginzburg C. The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller. Baltimore (MD), 1980.*

Авторы монографии «Границы и маркеры социальной стратификации в России в XVII—XX вв.» не призывают историков пренебрегать абстрактными и макроаналитическими категориями. Скорее, им видится средний путь или средний уровень анализа — между структуралистским детерминизмом и индивидуальной субъективностью⁴⁸. Такой уровень анализа охватывает внутреннее развитие социальных групп и их реакции на государственную политику. В равной степени значимо, что средний уровень требует изучения сообществ, домохозяйств и индивидов. Важнейшим аспектом социальной стратификации на среднем уровне анализа остается «самоидентификация» отдельных членов общества и групп. Иными словами, чтобы попытаться понять значение(-я) общества и отношений, определяющих социальные группы и сообщества, историки должны исследовать множество траекторий взаимодействия и развития. Необходимо формулировать категории и производить нарративы, улавливающие весь спектр общественных действий и идентификаций. В каждом историческом контексте, отмечают авторы книги, история социального обнаруживает различные формы социальной структуры и разнообразные понимания социальной иерархии. Речь идёт не просто о субъективности или индивидуальном восприятии. Скорее, это явление относится к сфере социального взаимодействия, что в современной российской историографии именуется «социумом».

Контуры «социума» остаются размытыми, а его состав непрозрачным. Однако, возможно, именно в этом всё дело. Понятие «социум» подразумевает «сеть» отношений и идентичностей внутри пространства, заполненного динамичными социальными взаимодействиями. Очевидно, что авторы книги описывают «социум» с отсылкой к метафоре «танцплощадки» Н. Элиаса — метафоры, к которой в своё время обращался Ю.М. Лотман⁴⁹. Концепт «социум» объединяет микро- и макроуровни анализа, понимаемые через призму социальной идентичности или идентификации, побуждающей, в свою очередь, обратить внимание на изменчивость индивидуальных контактов. Другими словами, каждый человек обладает множеством идентичностей, которые могут быть или навязаны внешними силами посредством правовых предписаний и экономического устройства, или же восприняты через самоидентификацию.

В целом рассматриваемая работа определяет «социум» как комплексную систему, состоящую из множества «формальных и неформальных ассоциаций, группообразований и отдельных индивидов, постоянно взаимодействующих друг с другом» (с. 121), и можно добавить — находящихся в постоянном движении. Цель авторов состоит в том, чтобы разработать новую модель для описания социальных процессов, найдя в ней место культурным и другим не-

⁴⁸ В издании «Social Theory and Social Structure» 1968 г. Роберт Мертон писал, что социологические теории среднего уровня «состоят из ограниченного множества утверждений, из которых логически выводятся и подтверждаются экспериментальным исследованием конкретные гипотезы... Установка на средний уровень позволяет точно определить сферу непознанного. Вместо того чтобы претендовать на осведомлённость там, где её в действительности нет, она чётко указывает, что ещё надо узнать, чтобы заложить фундамент для ещё больших знаний. Это не означает, что она способна справиться с задачей предоставить теоретические решения всех неотложных практических проблем нашего времени; но это означает, что она обеспечивает поворот к тем проблемам, которые уже сейчас можно уточнить в свете имеющихся знаний» (Merton R.K. Social Theory and Social Structure. N.Y., 1968. P. 68—69). В русскоязычной версии настоящей рецензии цитата приводится по переводному изданию: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 99—100 (примеч. переводчика).

⁴⁹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 90—102.

материальным факторам. Однако остаётся неясным, каким образом «социум» соотносится с более известными понятиями «общество» и «общественность». Мы возвращаемся к двум взаимосвязанным проблемам: определения категорий и разграничения между навязанной и историко-ориентированной терминологиями.

Каким образом историки могут примириться со множеством методологий и фрагментированной историографии, с которыми они в настоящее время сталкиваются? Некоторые ответы на этот вопрос предполагает обращение к вызывающим в последнее время интерес проблемам транснациональных отношений и глобальных взаимодействий. Однако это требует гораздо большей переориентации, чем подразумевается, когда сравнительную историю называют транснациональной или глобальной⁵⁰. Под знаменем мировой, транснациональной или глобальной истории учёные могут выбирать предметы исследования, проливающие свет на культурный трансфер и пересекающиеся процессы изменений, а именно: пограничные территории, торговые маршруты, рабство, Просвещение⁵¹. Другой путь, который российские историки лишь начали разведывать, — это большие данные. Как ни странно, методы больших данных ведут историков назад к статистическим исследованиям, характерным для ранней социальной истории. Изучение условий окружающей среды, демографических фактов, технологического развития, экономических отношений и социальной организации всегда требовало статистического анализа (или, по крайней мере, сбора данных). Однако во второй половине XX в. обработка данных была примитивной по сравнению с теми возможностями, которые открылись благодаря достижениям в сфере информационных технологий, ставших коммерческими (а следовательно, доступными) начиная с 1990-х гг. Всего несколько десятилетий назад использование количественных методов требовало огромных затрат для получения лишь ограниченных результатов исследования. Серьёзные логистические трудности препятствовали сбору и обработке историками статистически значимых данных. Применительно к государствам столь обширным, как Российская империя или Советский Союз, воспроизведение работы, проделанной Школой «Анналов» или Кембриджской группой по истории населения и социальной структуры, потребовало бы армии преданных исследователей⁵². Сегодня уровень создания и очистки баз данных несравнимо ушёл вперед от того, что только можно было предположить в эпоху «новой социальной истории».

Большие данные отнюдь не панацея, но широкомасштабный статистический анализ может помочь историкам выбраться из пучины фрагментарной

⁵⁰ *Hunt L.* Writing history in the global era. N.Y., 2014; *Putnam L.* The Transnational and the Text-Searchable: Digitized Sources and the Shadows They Cast // *American Historical Review*. Vol. 121. № 2. P. 377—402; *Sebastian C.* What Is Global History? Princeton (NJ), 2016. О начальной интеллектуальной «перестройке» см.: *Bayly C.A.* The Birth of the Modern World, 1780—1914: Global Connections and Comparisons. Malden (MA), 2004.

⁵¹ *Werner M., Zimmermann B.* Beyond Comparison: *Histoire Croisée* and the Challenge of Reflexivity // *History and Theory*. Vol. 45. № 1. P. 30—50; *Conrad S.* Enlightenment in Global History: A Historiographical Critique // *American Historical Review*. Vol. 117. № 4. P. 999—1022; *Stanziani A.* *Bondage: Labor and Rights in Eurasia from the Sixteenth to the Early Twentieth Centuries*. N.Y., 2014.

⁵² Для ознакомления с новейшими исследованиями, в которых применяются количественные методы, см.: *Dennison T.* The Institutional Framework of Russian Serfdom. Cambridge, 2011; *Муронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010; *Burbank J.* *Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905—1917*. Bloomington (IN), 2004.

концептуализации и избыточной, но минимально обработанной информации. Или, возможно, когда всё сказано и сделано, историки должны просто воспевать плюрализм и культурное богатство разрастающихся методов и взглядов. Говоря словами Л. Хант, «каждый век ищет понимания своего места во времени, и без истории он не имел бы такового»⁵³. Быть может, этой цели уже достаточно.

⁵³ *Hunt L. Writing history... P. 11.*

Вадим Муханов

Рец. на: П.И. Тахнаева. Гуниб, август 1859 г. «Последние дни джихада в Дагестане...». Махачкала: Мавраевъ, 2018. 352 с., ил.

Vadim Mukhanov

(Moscow State Institute of International Relations, Russia)

Rec. ad op.: P.I. Takhayeva. Gunib, avgust 1859 g. «Posledniye dni dzhikhada v Dagestane...». Makhachkala, 2018

DOI: 10.31857/S086956870013456-2

История Кавказской войны, и в том числе её завершения, не только по-прежнему дискуссионна, но и сильно политизирована. Если в советский период данная тематика пребывала в жёстких рамках и находилась под партийно-государственным контролем, то в последние десятилетия периодически появляются легенды и домыслы, связанные с одной из культовых для Дагестана фигур — имамом Шамилем. Последний год существования имамата давно оброс легендами и мифами и остаётся под сильнейшим идеологическим прессом, что, по справедливому замечанию П.И. Тахнаевой, постоянно провоцирует «всевозможные околонуточные спекуляции» (с. 15)¹. Вместе с тем Гунибская эпопея августа 1859 г. и пленение имама Шамиля до сих пор не становились предметом специального анализа, утонув в общих трудах. Даже в многотомной «Истории Дагестана» должного внимания им не уделялось (с. 16—17). А при их изложении в работах, посвящённых Шамилю, встречаются вопиющие ошибки и домыслы (с. 31—37).

В своём исследовании Патимат Тахнаева их тщательно выявляет и устраняет, опираясь на сравнительный анализ широкого круга как русских, так и северокавказских источ-

ников, в том числе созданных людьми из ближайшего окружения имама. Характерно, что даже в название книги включены слова из сочинения Абдурахмана ал-Газикумуки, сына духовного наставника Шамиля — знаменитого шейха Джемал Эддина Казикумухского (с. 6). Ведь, как констатировал В.О. Бобровников, «в науке остаётся... важная проблема использования местных мусульманских источников на восточных языках» и «до сих пор даже крупнейшие русисты допускают в передаче исламских реалий и даже местных названий и имён грубые ошибки»². Тахнаева активно и свободно рассматривает тексты на русском, арабском и аварских языках, что выгодно отличает её труд от многих других. Некоторые документы вводятся ею в научный оборот впервые (например, письмо, отправленное Джемал Эдином Шамилю 20 августа 1859 г.).

Монография Тахнаевой стала результатом многолетней работы в архивах и библиотеках Москвы, Калуги, Махачкалы, Владикавказа и Тбилиси. Исследовательнице удалось «подробно реконструировать хронику последних месяцев и дней государства Шамиля в контексте военно-политического положения на Кавказе», а также «провести грань между аргументированным

историческим знанием и воображаемыми домыслами» (с. 2). Это редкая в современной научной литературе пошаговая хроника, воссоздающая по дням и даже часам действия в июле и августе 1859 г., раскрывающая организацию укреплений горы Гуниб, выявляющая силы горцев и эволюцию планов Петербурга и кн. А.И. Барятинского.

Критически анализируя и сравнивая различные свидетельства, Тахнаева детально проследивает весь ход переговоров между Шамилем и русским командованием, ею перечисляются переговорщики и участники встреч, обозначены позиции сторон и все предложения, требования и условия, обсуждавшиеся с первой встречи вблизи Гуниба 19 августа, учитывается при этом и ответная реакция на них. Столь скрупулёзное описание полностью опровергает распространяемую в Дагестане в последние годы спекулятивную версию о том, что имам якобы был обманут русскими генералами. Кратко очерчена автором и дальнейшая судьба Шамиля, вплоть до его смерти в Медине в 1871 г. В частности, говорится об определении сословного статуса членов его семейства, обстоятельствах принесения им верноподданнической присяги российскому императору в 1866 г. и появления затем его знаменитого письма Александру II, которое многие современные общественно-политические деятели нередко ошибочно называют «политическим завещанием». В отдельной главе опровергаются популярные на Северном Кавказе представления об участии в обороне Гуниба чеченского наиба Байсунгура Беноевского, который, по современной легенде, якобы смог сбежать от русских войск (с. 240—252).

Текст монографии удачно дополняет и поясняет великолепный картографический материал, демонстриру-

ющий движение отряда Шамиля и частей Кавказской армии к финальному столкновению под Гунибом. Оценят читатели и краткие биографические справки об основных участниках событий, включая сравнительно малоизвестных наибов, зачастую поступавших позднее на русскую службу. Украшением издания служит документальное приложение, включающее материалы, извлечённые из фондов Центрального государственного архива Республики Дагестан (с. 325—340), и со вкусом подобранные иллюстрации. Среди них особый интерес вызывает редкое фото 1909 г., сделанное во время празднования 50-летия Гунибской эпопеи.

Тем не менее нельзя не отметить, что Тахнаева, погружаясь в изложение переговорного процесса, гораздо меньше пишет про качественное изменение общей военно-политической ситуации на Северном Кавказе по сравнению не только с 1839 г., но даже с 1856 г., когда была составлена известная карта имама Шамиля. К 1859 г. прежних сил и возможностей у него уже практически не осталось: из подчинения ему уходили как отдельные группы приближённых, так и целые районы и крупные селения. Тахнаева признаёт, что горцы устали от войны (или многолетнего пребывания в фактически постоянном военном напряжении) и «не хотели воевать», и это облегчило продвижение русских войск в глубь Дагестана (с. 81). Призрачны были и упоминаемые Тахнаевой надежды на турецкого султана: после Крымской войны он явно не хотел вмешиваться в кавказские дела. Впрочем, и ранее взаимоотношения Шамиля со Стамбулом оставались весьма натянутыми. К тому же если в 1839 г. под Ахульго молодой имам, едва создавший своё государство, мог блистательно сыграть «Наполеона гор» и вырваться из окру-

жённому аула, не считаясь с потерей родных и близких, то в 1859 г. это был уже старый и уставший человек, обременённый большим семейством и обязательствами перед ним. По сути, в сложившейся тогда ситуации ему оставалось лишь капитулировать, пожившись на милость победителя, что и произошло весьма достойным для предводителя горцев образом.

Так или иначе, какие бы надежды ни питал Шамиль перед выходом из Гуниба, он был разбит и блокирован. В случае продолжения штурма ему и его семье грозила гибель, что и вынудило после небольшой проволочки принять требование о сдаче без каких-либо условий, кроме гарантии личной безопасности, т.е. сохранения жизни ему и его близким. Кн. Барятинский обращался с противником честно и сдержал своё слово. Кстати, именно полное исполнение данных обещаний достаточно быстро вызвало у имама доверие и симпатию к наместнику царя на Кавказе. Впоследствии

они состояли в дружеской переписке³, Шамиль неоднократно гостил у князя, который, даже покинув свой пост, выступал в роли его ходатая перед императором. Очевидно, что в случае обидного и низкого обмана на Гунибе подобное сближение оказалось бы невозможно. И теперь на это указывают не только письма Шамиля, но и весьма объёмный и объективный труд П.И. Тахнаевой.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Тахнаева П.И.* Имамат Шамиля в современной историографии // Историческая экспертиза. 2016. № 1. С. 200—209; *Маньшев С.Б.* Основные тенденции в постсоветской (современной) историографии Кавказской войны XIX в. на примере работ дагестанских авторов // Кавказский сборник. Т. 11(43). М., 2019. С. 105—119.

² *Бобровников В.О.* Историк джихада Хаджи-Али ал-Чухи (из Чоха) // Кавказский сборник. Т. 10(42). М., 2017. С. 185—186.

³ Переписка с имамом Шамилем и его семейством. 1859—1871 гг. // *Муханов В.М.* Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007. С. 378—395.

Александр Полунов

Рец. на: А.А. Иванов. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб.: Владимир Даль, 2020. 621 с.

Aleksandr Polunov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: A.A. Ivanov. Plamennyi reaktzioner Vladimir Mitrofanovich Purishkevich. Saint Petersburg, 2020

DOI: 10.31857/S086956870013457-3

В общественно-политической жизни России начала XX в. В.М. Пуришкевич занимал особое место, выделяясь даже на фоне наиболее ярких личностей той переломной эпохи. По замечанию А.А. Иванова, «в России в 1906—1920 годы практически не было людей (за исключением разве уж совсем неграмотных), которые бы ни разу не слышали имя этого политика»

(с. 5). Знаменитый лидер правых стал героем не только газетных статей и парламентских дебатов. Его образ «пошёл в народ». Портреты Пуришкевича печатались на конфетных обёртках, использовались при изготовлении рыночных поделок и сувениров. В оперетках распевали посвящённые ему куплеты. Дети с увлечением играли «в Пуришкевича», а извозчики исполь-

зовали его имя как брань (что тоже говорило о популярности, пусть и с негативным оттенком). Известность «трагического клоуна Думы» была настолько широка, что после его смерти появились самозванцы, пытавшиеся зарабатывать чтением лекций от его имени. В целом можно сказать, что образ Пуришкевича стал важным компонентом нарождавшейся массовой культуры, а его фигура подверглась в общественном сознании изрядной мифологизации. Но интерес к нему исследователей объясняется, разумеется, не только этим обстоятельством.

Один из крупнейших парадоксов биографии Пуришкевича связан с ролью этого деятеля, правее которого в Думе, по его собственному признанию, была только стена, в падении монархии. Резкая критика правительства и окружавшей царя «камарильи», с которой глава Союза Михаила Архангела (СМА) выступал с конца 1916 г., его участие в убийстве Григория Распутина заметно подрывали авторитет власти. Как справедливо отмечал не менее авторитетный черносотенец Н.Е. Марков, Владимир Митрофанович оказался для монархии «куда вреднее Милюкова», поскольку именно ему и исходившим от него нападка на власть «поверили все эти генералы, сделавшие успех революции» (с. 375). По иронии судьбы лидер СМА, как говорилось в посвящённом ему некрологе, «дал первый толчок той самой революции, жесточайшим врагом и ненавистником которой он являлся» (с. 600). Известны и другие отзывы современников в том же духе. В чём же заключались причины столь причудливого поворота? Какие тенденции и обстоятельства на него повлияли?

Отвечая на эти вопросы, Иванов подробно рассматривает основные аспекты жизни и деятельности героя своего исследования, начиная с его семейных корней. Как и многие русские

националисты, Пуришкевич был выходцем с окраины империи, его предки — люди разного происхождения (малороссы, поляки, возможно, молдаване). В 1905—1907 гг. малоизвестный доселе бессарабский помещик, земский деятель, затем — чиновник МВД с головой окунулся в перипетии общественной и идеологической борьбы, оживившейся с появлением парламента, политических партий, расширением возможностей периодической печати и общественных организаций. Он чутко улавливал потребности момента, и его сложно назвать «реакционером» в точном смысле слова. Наделённый кипучей энергией, Пуришкевич в период консолидации правых и националистических сил непрерывно ездил по стране, выступал на митингах и собраниях, создавал на местах отделения Союза русского народа (СРН), к которому тогда принадлежал, уделял внимание изданию агитационно-пропагандистских материалов (листовок, газет, журналов, брошюр), работе с широкими слоями населения, с молодёжью и студенчеством, пытался влиять на школу, использовать средства массовой культуры и искусства, включая такое техническое новшество, как кинематограф.

Стремясь обеспечить себе влияние на широкие социальные слои, он неизбежно должен был прибегать к методам и приёмам, напоминавшим образ действий его оппонентов из левого лагеря. Показательно, в частности, что устав созданного при СМА Всероссийского Филаретовского общества народного образования был, по признанию самого Пуришкевича, «перевёрнутым слева направо» аналогом программы французской леволиберальной Лиги народного образования (с. 193). Важно отметить и тенденции «вождизма», характерные для организаций, возглавлявшихся Владимиром Митрофановичем (главную газету

СМА одно время так и предполагалось назвать — «Вождь»). До определённого момента применение приёмов и методов противника обеспечивало лидеру СМА известный успех. И всё-таки реальную альтернативу революционному пути развития России Пуришкевич и его единомышленники выдвинуть не смогли. Бросалась в глаза слабость и неопределённость их социально-экономических программ. Некоторые предлагавшиеся ими идеи явно не соответствовали условиям времени — например, рекомендация понизить образовательный уровень учителей начальных школ, дабы гарантировать их благонадёжность, ограничить количество стипендий, выдававшихся крестьянам для продолжения обучения, и т.д. (с. 195—196).

Ставка Пуришкевича на работу с массами обеспечила ему широкую популярность (во многом, впрочем, связанную с его скандальным поведением в Думе). Однако потребность всегда находиться на виду у публики, питавшая тщеславие политика, никогда не отличавшегося психической уравновешенностью, сыграла с ним в конечном счёте злую шутку. Когда в ходе Первой мировой войны общество и народные массы начали «леветь», Пуришкевич, дабы остаться «на плаву», последовал за ними и со всей страстью предался модному мифотворчеству, поиску «шпионов», предателей и «тёмных сил» в верхах. Апогеем стала его думская речь 19 ноября 1916 г. с резкой критикой правительства и окружения царя. Она сыграла не менее разрушительную роль, чем выступление П.Н. Милюкова, рассуждавшего в начале того же месяца о «глупости или измене». Обвинения Пуришкевича, как отмечает Иванов, были беспочвенны, основывались на подозрениях, догадках, непроверенных слухах (с. 363), но современниками они воспринимались как достоверные. Маркова, пытавшие-

гося аргументированно опровергнуть выводы своего недавнего соратника, в Думе просто никто не стал слушать (с. 368—369).

Опасением утратить контакт с массами объяснялось и резкое изменение позиций Владимира Митрофановича по ряду ключевых вопросов, поражавшее его коллег-националистов. Убеждённый антисемит, Пуришкевич после начала войны внезапно заявил: «Всё, что я говорил и думал до сих пор о евреях, есть ложь и заблуждения» (с. 341). Схожим образом трансформировалось его отношение к полякам. И дело было не в неожиданно проснувшемся у черносотенца полонифильстве или юдофильстве, а в желании напомнить о себе издателям и читателям крупнейших газет, к тому времени — сплошь либеральных (с. 310—311). Германофильство, демонстрировавшееся лидером СМА до войны, после её объявления сразу же уступило место симпатиям к Англии и Франции, а Вильгельм II из «императора-рыцаря» стал «величайшем наглецом и величайшим лжецом» (с. 336). Разумеется, подобные кульбиты постепенно подрывали веру в искренность заявлений Владимира Митрофановича. Вместе с тем эскапады правого политика не являлись случайностью, не были вызваны стремлением следовать за модой. В них проявилась и специфика его националистических убеждений.

Национализм, считавшийся к началу XX в. одной из разновидностей консерватизма, изначально, в период борьбы против «старого порядка», был тесно связан с либеральными воззрениями. Впоследствии различные его течения претерпели сложную эволюцию, однако зачастую сохраняли «родовые пятна» своего происхождения. Представление о нации как высшем авторитете перекликалось с идеей народного суверенитета и, соответственно, не очень удачно сочеталось с прин-

ципами сословности и наследственной монархии. В деятельности Пуришкевича это противоречие отразилось со всей остротой. Будучи приверженцем традиционной триады «православие, самодержавие, народность», он, по мнению Иванова, сделал в ней ставку прежде всего на последний элемент. Как только ему показалось, что избранный властями курс не отвечает интересам страны и народа, он перешёл в оппозицию (с. 325). При этом значение представительных учреждений, воплощающих волю нации, оценивалось им (по крайней мере, после 1907 г.) весьма высоко. Собственно, отношение к парламентским формам и стало причиной раскола в черносотенном движении. В отличие от лидера СРН А.И. Дубровина, выступавшего за восстановление прежнего самодержавия, Пуришкевич полагал, что правые партии должны «вписаться» в созданные в 1905—1907 гг. институты. Не сумев настоять на своём, Владимир Митрофанович после ряда скандалов и конфликтов вышел из СРН и основал СМА.

При этом Пуришкевич продолжал причислять себя к монархистам, и поначалу, критикуя во время войны членов правительства и высокопоставленных особ, он внешне благонамеренно пытался «раскрыть глаза» монарха на неблагоприятные поступки его окружения. Однако вскоре последовали удары и по авторитету Николая II. По словам французского посла М. Палеолога, члены СМА были готовы «защитить императора, если потребуется, против его воли» (с. 386). Подтверждением тому служило и участие Пуришкевича в убийстве Распутина, дискредитировавшее монархию не меньше, чем думские речи. Иванов пишет также о причастности лидера СМА к заговору против царя, вызревавшему в начале 1917 г. в среде военачальников, политиков и великих князей (с. 425—426, 434).

Весной 1917 г. «либеральные» настроения проявлялись у Пуришкевича наиболее ярко. Апелляции к духу свободы и самостоятельной роли нации звучали тогда в его высказываниях с особой силой. Думцы, заявлял черносотенец, «подняли первые действительное знамя свободы, став её первыми глашатаями во имя любви к своему народу, угнетённому бесправием и самовластием полицейско-бюрократических сил, толкавших Россию на антинациональные пути в последние годы царствования Николая II Слабовольного» (с. 447). Теперь же, уверял Пуришкевич, здоровые силы общества, объединившись на национальной основе, выведут Россию на новый путь развития и обеспечат ей «самое блестящее место среди народов Европы, даже всего мира» (с. 456). Но вскоре, увидев, что этого не произошло и в стране стал нарастать хаос, он испытал сильнейший шок и начал судорожно метаться от одной политической силы к другой, то объявляя о своём возвращении к монархизму, то пристраиваясь к кадетам и даже социалистам, то задумываясь о необходимости военной диктатуры и включаясь в организацию заговоров для её установления (тут ему пригодилось созданное ещё в 1916 г. под его руководством «Общество русской государственной карты»). Заговорщическая деятельность Пуришкевича стала причиной его ареста Временным правительством, а затем и большевиками.

Взаимоотношения с партией, захватившей власть в октябре 1917 г., составили особую страницу в политической биографии знаменитого черносотенца. Многие современники Пуришкевича отмечали объективное сходство его воззрений с некоторыми установками большевиков. Ещё летом 1917 г. Владимир Митрофанович выражал готовность содействовать борьбе против Ленина и его соратников и утверждал, что прекрасно понимает логику их дей-

ствий в сфере агитации, пропаганды и организационного строительства. Более того, по его словам, СРН вёл свою работу примерно на тех же началах, что и Совет рабочих и солдатских депутатов (с. 465). Являясь непримиримым врагом большевиков, Пуришкевич после октябрьского переворота 1917 г. констатировал, что именно им удалось выстроить действенный аппарат принуждения, а «советская власть — это твёрдая власть, увы, не с того лишь боку, с которого я хотел бы видеть твёрдую власть над Россией» (с. 546). «Твёрдость этой власти и волевой импульс её проводников» он ставил позднее в пример деятелям Белого движения на деникинском Юге (с. 578).

Определённый интерес к своему пламенному оппоненту испытывали и большевики. В тюрьме Пуришкевича посещал и расспрашивал о его отношении к большевистскому перевороту председатель Петроградской ЧК М.С. Урицкий. Возможно, имела место и встреча бывшего лидера СМА с Ф.Э. Дзержинским (с. 505). Примечательно, что на суде, протекавшем в условиях полной гласности, знаменитому черносотенцу предоставили возможность максимально полно изложить свои взгляды, а вынесенный ему приговор оказался весьма мягким. В заключении он пробыл всего 6 месяцев, и то главным образом в лазарете — благодаря фальшивой справке, полученной от тюремного врача. В апреле 1918 г. его отпустили под честное слово о прекращении политической деятельности, причём о его освобождении ходатайствовали Дзержинский и нарком юстиции Н.Н. Крестинский. Иванов полагает, что проявленные в ходе процесса «объективность» и «гуманность» являлись для большевиков, уже готовившихся перейти к политике «красного террора», всего лишь игрой, а судили Пуришкевича по надуманному обвинению, поскольку заговора,

который ему инкриминировали, как такового не было. Конечно, многое в идеологии большевиков (как, впрочем, и правых) подталкивало их к массовому насилию, однако полномасштабный «красный террор» они развернули в ответ на террористические акты, конспирации и возраставшее сопротивление своих противников, среди которых Пуришкевич был далеко не единственным. Сам Иванов приводит данные, свидетельствующие о реальной подпольной работе «Общества русской государственной карты». В октябре 1917 г. его члены участвовали в провалившемся выступлении юнкеров против советской власти. При аресте у Пуришкевича и других лиц, вовлечённых в данную организацию, обнаружили запасы яда (цианистого калия), пистолеты, пулемёт, а также подготовленное к отправке письмо А.М. Каледину, сообщавшее о предпринимаемых усилиях и призывавшее после переворота расправиться с большевиками «публичными расстрелами и виселицей» (с. 502—503).

Получив свободу, Владимир Митрофанович отбыл на белый Юг и, нарушив своё обещание, сразу же попытался возобновить борьбу за идеалы самодержавия. Однако бывшее влияние ему вернуть не удалось — доверие к его заявлениям после неоднократной смены позиций оказалось подорвано. Деникинское командование, настороженно относившееся к монархическим лозунгам, препятствовало проведению мероприятий с участием столь одиозной фигуры. Всероссийская народно-государственная партия, которую Пуришкевич учредил, в очередной раз не сойдясь во взглядах с другими монархистами, имела успех «исключительно на курортах», в среде «ничего не делающей курортной публики, тоскующей о возврате к прежней жизни» (с. 568). Партийная программа представляла собой довольно

эkleктическую смесь монархических, националистических, либеральных и даже социалистических положений, что свидетельствовало о явном идеологическом кризисе. Смерть некогда гремевшего на всю страну политика в январе 1920 г. от сыпного тифа в переполненном беженцами Новороссийске символически совпала с крахом старой России, в судьбе которой ему довелось сыграть столь противоречивую роль.

Монография Иванова, опирающаяся на обширную источниковую базу и детально воссоздающая ключевые аспекты биографии Пуришкевича, заслуживает самой высокой оценки¹. Это весомый вклад в изучение истории русского консерватизма и общественно-политической жизни России начала XX в. Вместе с тем бросается в глаза некоторая неравномерность освещения разных периодов. Так, больше половины книги посвящено событиям 1914—1920 гг. Однако явления и процессы довоенного времени, так или иначе связанные с деятельностью Пуришкевича, возможно, стоило бы охарактеризовать более развёрнуто. Чрезвычайно любопытный анализ религиозных представлений лидера СМА оказался почему-то включён в главу об убийстве Распутина, и без того непропорционально большую по объёму.

Олег Айрапетов

Поход, которого не было*

Oleg Airapetov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

The campaign that never happened

DOI: 10.31857/S086956870013458-4

Многочисленные работы Д.Ю. Козлова хорошо известны историкам, изучающим участие русского флота в Первой мировой войне. Для него

Встречаются в тексте и сомнительные, и, пожалуй, в принципе недоказуемые утверждения, например, о том, будто лишь революция помешала России одержать победу в Первой мировой войне (с. 324). Сравнивая ораторский стиль Пуришкевича и В.И. Ульянова (Ленина), автор солидаризуется с В.Ю. Рыловым, писавшим о присущем обоим вождям «истерическом фальцете», «вызывающей манере говорить с истерическими возгласами», ругани, даже площадной брани (с. 466). Между тем об «истеризме» в речах Ленина современники не сообщают. Грубые же выражения лидер большевиков употреблял преимущественно в частных письмах и статьях, но не в публичных выступлениях.

Впрочем, эти соображения и замечания не мешают признать, что книга А.А. Иванова является ценным и основательным трудом, необходимым для тех, кто изучает историю России революционного времени.

Примечание

¹ Она заметно расширяет материал, изложенный в первом издании: *Иванов А.А.* Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика (1870—1920). М.; СПб., 2011.

всегда характерны прекрасное знание предмета, высокая культура анализа источников, уважительное отношение к трудам предшественников¹.

* Козлов Д.Ю. «Шведский поход» адмирала Эссена (июль 1914 года). М.: Квадрига, 2019. 328 с.

Новая монография историка посвящена весьма сложной теме — планированию командованием Балтийского флота возможных действий накануне столкновения с Германией. При этом раскрывается она в контексте большой политики и стратегии России и её соседей.

Как известно, кораблями на Балтике с 1908 по 1915 г. командовал адмирал Н.О. Эссен — один из героев Порт-Артура, прославившийся в боевых действиях на морских подступах к крепости хладнокровием, личным бесстрашием и редкой для военных того времени способностью, проявляя инициативу, брать на себя ответственность не только за принятие решений, но и за их выполнение. В 1904 г. эти качества обратили на себя внимание вице-адмирала С.О. Макарова, благоволившего Эссену.

Те же черты определяли его поведение летом 1914 г. В тот момент линейные корабли дредноутного типа ещё не были готовы, батареи на островах, которым предстояло прикрывать оборонительную минно-артиллерийскую позицию в Финском заливе, имели на вооружении только орудия небольшого калибра, один из двух самых мощных кораблей флота — линкор «Андрей Первозванный» — находился на ремонте в Кронштадте.

Между тем Эссен почти одновременно получил известия о том, что 12(25) июля Германия и Швеция заключили союз, а немецкая эскадра вышла из Киля, держа курс на Данциг. Это означало, что через 30—36 часов она могла оказаться у Поркалаудда. Если бы это произошло, остановить её без минных заграждений было бы невозможно. Поэтому Николай Оттович без санкций свыше решился минировать Поркалауддскую позицию. «Пусть меня потом сменят, — заявил адмирал, — но я ставлю заграждение»². Впрочем, его действия получили одо-

брение, что и неудивительно, поскольку 16(29) июля 1914 г., перед тем как поставить свою подпись на указе об общей мобилизации, морской министр адмирал И.К. Григорович констатировал: «Флот наш не в состоянии состязаться с немецким, Кронштадт не предохранит столицу от бомбардировок»³. Положение было столь опасным, что предполагалось даже вывести недостроенный дредноут «Петропавловск» и использовать его в качестве плавучей батареи у Наргена⁴.

В этой обстановке у Эссена появился план: захватить инициативу, предъявив шведам ультиматум, а в случае его отклонения — атаковать шведские корабли (с. 7). Следует отметить, что люди, прошедшие через русско-японскую войну, в 1914 г. частенько становились ярыми сторонниками идеи превентивного удара. Командующий Черноморским флотом адмирал А.А. Эбергард тоже считал необходимым перейти к упреждающим действиям на Босфоре и, как показали дальнейшие события, в общем-то был прав⁵. Однако Ставка во главе с вел. кн. Николаем Николаевичем отказалась поддержать адмиральскую инициативу как на севере, так и на юге (с. 7).

Трудно просчитать, чем могла бы обернуться реализация предложений Эссена. Собственно, Козлов детально анализирует то, о чём до сих пор упоминалось лишь в самых общих чертах. Безусловным достоинством книги является воссоздание исторического контекста возникавших летом 1914 г. опасений и замыслов. Эта задача решена благодаря привлечению трудов по истории Балтийского флота и внешней политики России, Германии и Швеции, написанных на английском, немецком и шведском языках. Кроме того, автор опирается на материалы восьми фондов Федерального архива ФРГ и 19 — из РГА ВМФ,

АВПРИ, РГВИА, ГА РФ, ЦА МО РФ. Монография состоит из шести глав, введения и заключения (которое несколько излишне драматично названо «Итоги и последствия “шведской авантюры”», хотя «авантюра» как таковая всё же не состоялась). В приложении опубликовано 38 документов (с. 177—274).

Русско-шведские отношения после 1809 г. были мирными, но далеко не дружественными. Нейтралитет шведов в Крымскую войну объяснялся исключительно их нежеланием сталкиваться с русской армией. В начале XX в. и особенно после русско-японской войны ситуация изменилась, а расклад сил на Балтике оказался явно не в пользу России. Уже в 1907 г. в Петербурге рассматривали Швецию как потенциального союзника Германии, а в 1909 г. Эссен впервые предложил нанести упреждающий удар по шведским кораблям, дабы избежать полной потери нашим флотом Балтики. Тогда против этого выступил Морской Генеральный штаб, который в то время возглавлял Эбергард (с. 27—29, 32). Тем не менее вплоть до 1914 г. Швеция воспринималась и моряками, и армейцами в качестве вероятного противника в будущей войне (с. 34, 36, 38).

Следует отметить, что у русских военных имелись веские основания для «авантюрных планов», как их неоднократно называет автор. Несмотря на то, что Стокгольм не пошёл на формальное заключение союза с Берлином, военно-политическое сотрудничество между ними было в начале XX в. весьма тесным и дружественным, что признавали, кстати, французы и англичане (с. 40, 42, 45—46). Было бы странно, если бы в Петербурге не учитывали возможных последствий этого сближения и не готовили удар по развивавшей свои силы Швеции. Насколько они увеличива-

лись, показано во второй главе «Флот короля Густава V и “русская угроза”». Причём кавычки в её названии едва ли оправданы: ежели «шведская авантюра» хотя бы планировалась, то «русскую угрозу» трудно считать условной. Фобии и мании шведов, связанные с Россией, проанализированы Козловым весьма убедительно, как и их подготовка к возможной войне (с. 54—62). Анализ строительства королевского флота явно свидетельствовал о попытке создания достаточно мощной броненосной эскадры, морские бюджеты, за исключением небольшого сокращения в 1914 г., были весьма впечатляющими (с. 67—69). Конечно, после появления у России дредноутов самостоятельной роли такое пополнение сыграть уже не смогло бы. Однако в 1914 г. и русские, и большая часть шведских кораблей всё ещё строились или ожидали введения в строй. Но и имевшиеся у шведов шесть броненосцев 1-го класса (не считая крейсеров, миноносцев, канонерских и подводных лодок, мониторов резерва) не следовало игнорировать (с. 78, 82).

Учитывая, что большая часть германского флота находилась в Северном море, шведы действительно могли оказать ему серьёзную помощь на Балтике. Между тем перед Эссеном стояла задача не допустить проникновения противника в Финский залив. При этом предвоенные проволочки с кредитованием морских программ пагубно отразились на их реализации. «Посадить бы членов Государственной думы на наши старые калоши и отправить на войну с немцами», — мечтал в те дни один из русских офицеров⁶. Эссен в кратчайшие сроки сумел организовать прочную оборону на минно-артиллерийской позиции по линии Гангэ—Поркало—Удд (с. 96—97).

В этой обстановке, когда нейтралитет Швеции не мог считаться и не являлся ни прочным, ни вписанным в

систему международных соглашений, командование Балтийским флотом и вспомнило о предвоенных планах (с. 107). Адмирал собирался потребовать от Стокгольма сосредоточить флот в порту Карлскроны, предупредив, что в противном случае будет топить все корабли на Балтике. Ударный отряд во главе с Эссеном (броненосный крейсер, три линкора и пять эсминцев) вышел в море, но «Грозы» — условного сигнала Ставки об одобрении предложенного плана — так и не последовало (с. 118—119). Наоборот, утром 28 июля (10 августа) пришла телеграмма, запрещавшая атаку и содержащая слова в весьма характерном для вел. кн. Николая Николаевича стиле: «Когда можно будет, то верховный главнокомандующий даст приказание, куда идти» (с. 127).

Бой со шведами так и не состоялся. Описав в шестой главе первые столкновения на Балтике, Козлов отметил высокую активность немцев в районе Ирбенского пролива в августе 1914 г. (с. 157—158). Но этот мастерский анализ стоило бы дополнить краткой характеристикой событий, проходивших тогда в Восточной Пруссии. Ведь относительно немногочисленный в данном регионе германский флот выполнил весьма важную задачу — создал видимость угрозы русскому побережью. 23 августа (5 сентября) вел. кн. Николай Николаевич приказал командующему 1-й армией Северо-западного фронта генералу П.К. Ренненкампу обратить особое внимание на свой правый фланг. В Ставке не исключали, что противник, опираясь на порты Восточной Пруссии, может высадить десант в тылу у наступающих войск⁷. Это приходилось учитывать, что в дальнейшем сыграло далеко не самую благовидную роль в пораже-

нии армии и её отступлении из Восточной Пруссии. Но, так или иначе, нельзя не согласиться с утверждением Д.Ю. Козлова о том, что вся эта история с несостоявшимся «шведским походом» Н.О. Эссена выявила массу проблем и в организации руководства флотом, и в системе принятия стратегических решений в России в первый период войны (с. 159—160).

Примечания

¹ См., в частности: *Козлов Д.Ю.* Корабельное противолодочное оружие и его боевое применение по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914—1917). СПб., 1997; *Козлов Д.Ю.* Флот в румынской кампании 1916—1917 годов. СПб., 2003; *Козлов Д.Ю.* Британские подводные лодки в Балтийском море. 1914—1918 гг. СПб., 2006; *Козлов Д.Ю.* «Мемельская операция» флота Балтийского моря. Июнь 1915 года. М., 2007; *Козлов Д.Ю.* Сражение за Рижский залив. Лето 1915. М., 2007; *Козлов Д.Ю.* Цель — шведская руда. Действия надводных сил флота Балтийского моря на неприятельских коммуникациях в кампанию 1916 года. М., 2008; *Козлов Д.Ю.* «Странная война» в Чёрном море (август—октябрь 1914 года). М., 2009; *Козлов Д.Ю.* Нарушение морских коммуникаций по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914—1917). М., 2013; *Козлов Д.Ю.* Во главе действующего флота. Система управления морскими силами России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014.

² *Черномор (Люби К.Г.).* Волны Балтики 1914—1915 гг. Рига, 1939. С. 27.

³ *Добролюбовский С.К.* О мобилизации русской армии в 1914 г. // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Кн. 1. Белград, 1921. С. 106.

⁴ *Козлов Д.Ю.* Нарушение морских коммуникаций... С. 148.

⁵ *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне. Т. 1. М., 2014. С. 334—335.

⁶ *Меркушов В.А.* Записки подводника 1905—1915. М., 2004. С. 180.

⁷ Восточно-Прусская операция. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914—1917). М., 1939. С. 337.

Крым в годы революции и Гражданской войны: между «красными», «белыми» и «жёлто-синими»*

Oleg Romanko

(V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia)

Crimea during the revolution and Civil war: between the «red», «white» and «yellow-blue»

DOI: 10.31857/S086956870013459-5

В 2018 г. в издательстве «Политическая энциклопедия» вышла новая книга известного украинского историка, доктора исторических наук, профессора В.Ф. Солдатенко. В небольшом по объёму издании автор попытался проанализировать роль крымского фактора в политике тех национально-государственных образований, которые существовали на территориях современных России и Украины в период революции и Гражданской войны.

После событий 2014 г. крымская проблематика приобрела актуальность, к какому бы периоду истории авторы не обращались. Особенно это касается российско-украинских взаимоотношений, в которых, при всех особенностях исторической динамики развития, существовали как временные, так и постоянные факторы. Наибольший интерес представляет насыщенный и во многом переломный исторический этап — 1917—1920 гг. По справедливому замечанию автора, именно в процессах столетней давности можно увидеть «корни последующих весьма непростых, часто неоднозначных, порой даже труднодостижимых явлений» (с. 5—6).

Нельзя не отметить и то, что историография Крыма периода революции и Гражданской войны производит противоречивое впечатление. Наряду

с качественными работами (которых, к слову, не так много) в ней присутствуют публикации низкого уровня, авторы которых следуют определённой конъюнктуре или занимаются откровенным мифотворчеством, прежде всего на темы, связанные с государственным строительством и национальными отношениями в Крыму. Поэтому новая книга Солдатенко весьма своевременна: по сути, в ней проанализированы все основные тенденции, характер и сущность взаимоотношений между административно-политическими образованиями на Крымском полуострове, Советской Россией, различными националистическими правительствами на Украине и Белым движением.

Исследование предваряется историографическим обзором. Автор собрал практически всю литературу, которая выходила по указанной проблеме на русском и украинском языках, — издания советского периода и новейшие публикации. С наиболее одиозными утверждениями автор ведёт полемику.

Книга написана на строго фактологической основе. Однако стоит отметить, что основной массив фактов взят из открытых источников, а ссылок на архивные фонды не так много. Автор компенсирует их малочисленность обильным цитирова-

* Солдатенко В.Ф. Россия — Крым — Украина. Опыт взаимоотношений в годы революции и Гражданской войны. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 167 с.

нием из сборников опубликованных документов, мемуаристики и прессы 1917—1920 г.

Глубокое знание историографии проблемы и, как следствие, отчётливое понимание того, что уже изучено, а что ещё нуждается в изучении, разнообразная источниковая база и ясная цель позволили Солдатенко разработать последовательную и логичную структуру монографии. Она разделена на пять глав, каждая из которых посвящена определённому этапу в истории революционного Крыма. Перед читателем последовательно проходят две крымские советские республики, два краевых правительства, «белые» режимы генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля и т.п. Правда, Солдатенко немного нарушает общепринятую хронологию событий. Его книга начинается свержением самодержавия в марте 1917 г., но не заканчивается, как у большинства историков, ноябрём 1920 г. — временем окончательного установления советской власти на полуострове. Верхний хронологический рубеж — октябрь 1921 г., когда была провозглашена Крымская АССР. Именно в этом событии автор видит завершение процессов и тенденций, определявших роль крымского фактора в российско-украинских взаимоотношениях революционной эпохи.

Первая глава монографии посвящена событиям с марта 1917 по апрель 1918 г., когда после отречения императора Николая II на полуострове складывалась новая общественно-политическая ситуация. Во многом она типична для того времени, однако проявилось и то, что сделало Крым непохожим на другие регионы бывшей Российской империи. Как и в ряде других мест, на полуострове наиболее влиятельными стали кадеты, эсеры и меньшевики, а партия большевиков оказалась маргинальной. Однако пассивность центра и просчё-

ты местных сторонников Временного правительства, их разобщённость сделали её самой влиятельной политической силой, которая в декабре 1917 — январе 1918 г. захватила власть в Крыму (с. 21—26, 28).

Особняком стояло крымско-татарское национальное движение, которое с определённого момента стало претендовать на полноту власти на полуострове в форме восстановления национальной государственности. В декабре 1917 г. I курултай провозгласил в Бахчисарае Крымскую народную республику. Однако эта инициатива не нашла отклика у большинства политических сил, так как крымские татары составляли не более 30% населения. С одной стороны, это движение значительно облегчило приход большевиков к власти — воевать за «татарскую республику» желающих нашлось немного. С другой — такая ситуация показала лидерам крымско-татарского движения, что самостоятельно прийти к власти они не смогут и поэтому необходимо искать поддержку извне (с. 24—25).

В марте 1918 г. большевики провозгласили в Крыму ССР Тавриды. Солдатенко уделяет её политической истории много внимания, не соглашаясь с утверждением украинской историографии, что она была полностью «московским проектом»: якобы большевики намеренно создали её, чтобы отрезать Украинскую народную республику от Чёрного моря. Во-первых, автор вполне убедительно доказывает, что главную роль в этом процессе играла инициатива местных партийных органов, о чём свидетельствуют многочисленные переговоры лидеров крымских большевиков А.И. Слущкого и Ж.А. Миллера и наркома по делам национальностей И.В. Сталина (с. 28—33). Во-вторых, он обоснованно утверждает, что претензии Украины на Крым имели ил-

люзорный характер. Никаких серьёзных проукраинских настроений на полуострове или «широкой украинизации» Черноморского флота, о чём постоянно пишут современные украинские историки, не существовало. Более того, факт отсутствия претензий на Крым зафиксирован в документах УНР, а именно в III универсале и проекте Конституции, где перечислены территории этого государства (с. 18—19, 28).

Первый «красный» эксперимент на территории Крыма окончился трагически. Из-за непродуманной социально-экономической политики, «красного террора» и неблагоприятной международной обстановки Республика Тавриды пала в апреле 1918 г. В истории полуострова начался новый этап: немецкая оккупация и Первое краевое правительство. Об этих событиях идёт речь во второй главе монографии. Исследовав суть и характер крымской политики того времени, автор отметил новые тенденции: попытку создать на территории Крыма независимое государство и претензии Украины на полуостров.

Первая тенденция связана с образованием правительства генерала М.А.(С.) Сулькевича. Именно он впервые в истории Крыма поставил вопрос о государственной независимости. Разрабатывались планы введения гражданства, финансовой системы, вооружённых сил, создан Таврический университет, приняты флаг и герб. В правовом плане возвращались дореволюционные порядки, отменялись выборы и т.п. Вследствие этого многие современные историки определяют режим Сулькевича как авторитарный, признавая, тем не менее, что такого порядка и спокойствия в Крыму больше достичь не удавалось. В международном аспекте правительство провозгласило полный нейтралитет ко всем сторонам Первой мировой вой-

ны. Однако следует констатировать, что эта бурная деятельность произошла в условиях немецкой оккупации Крыма, делавшей режим Сулькевича марионеточным образованием (с. 67, 69—70). Советское правительство даже в условиях «похабного» Брестского мира не признало ни оккупацию, ни режим Сулькевича, настаивая, что полуостров — часть РСФСР. Немцы имели на это свою точку зрения: вопрос о Крыме предлагалось сделать частью мирного договора между Россией и Украинской державой гетмана П.П. Скоропадского. Солдатенко довольно подробно останавливается на переговорах, которые вела в Киеве делегация Х.Г. Раковского и Д.З. Мануильского (май 1918 г.). По их итогам советские дипломаты констатировали, что «украинские политики совершенно поработаны немцами», и это делало «крымский вопрос» в принципе нерешаемым (с. 76—79).

Тем не менее именно Украинская держава попыталась решить этот вопрос раз и навсегда, сделав полуостров частью своей территории. С одной стороны, это был отход от традиционной политики украинских националистов того времени, которые не считали Крым своим. С другой — конфликт, развернувшийся осенью 1918 г. между режимами Скоропадского и Сулькевича, явился типичным проявлением немецкой «восточной политики». В пользу этого свидетельствует то, что в ноябре 1918 г. после капитуляции Германии оба режима пали (с. 83—89).

К этому этапу истории Крыма относится последняя попытка крымско-татарского национального движения «встроиться» во власть. В начале оккупации некоторые представители германского военно-политического руководства серьёзно рассматривали вариант опоры на него, вплоть до того, чтобы поставить во главе местной власти одного из его лидеров — Д. Сей-

дамета. Однако план не осуществился из-за малочисленности движения, его явных протурецких симпатий и недовольства других политических сил. Оккупационная администрация установилась в итоге на «вненациональном» правительстве. Затем начался постепенный дрейф крымско-татарского движения в сторону советского проекта (с. 66—67).

Эвакуация немецких войск, падение режима Сулькевича и создание Второго краевого правительства С.С. Крыма знаменовало собой новый и самый длительный этап, который продолжался до ноября 1920 г. Анализ его событий дан в третьей, четвёртой и частично пятой главах монографии. Солдатенко правильно определил основную тенденцию периода — решающую роль в общественно-политической жизни на полуострове Белого движения. Во-первых, это отразилось на военной обстановке. После ухода немцев Крым заняли войска Добровольческой армии. Во-вторых, вновь созданное правительство сразу же встало на позиции «единой и неделимой России», заявив, что является всего лишь временной властью — до полной победы над большевиками. В-третьих, для Деникина и его соратников не существовало «украинского вопроса». Украина представлялась им такой же частью России, что и Крым (с. 92—97).

Безусловно, такие настроения делали невозможным союз с Директорией, которая пришла к власти после свержения Скоропадского. Впоследствии разница в оценках будущего России и Украины привела эти силы на путь вооружённой конфронтации. Одновременно пресекались всяческие поползновения украинских правительств на Крым: «вектор Крым — Украина был, по существу, заблокирован». Интересно, что современные украинские историки утверждают об-

ратное: глава Директории С.В. Петлюра и его соратники якобы ставили вопрос о претензиях на полуостров. Солдатенко же, используя официальные украинские документы того времени, убедительно доказывает, что деятели Директории вернулись на позиции III университета, а проектами о присоединении Крыма занимались частные лица. Более того, новая власть Украины так и не решила, нужна ли ей вся территория полуострова или только Черноморский флот с Севастополем (с. 113—116).

Кратковременная история Крымской ССР лишней раз показала: в условиях полного доминирования Белого движения на Юге России любой «красный эксперимент» обречён на неудачу. В апреле 1919 г. большевики вынудили бежать Второе краевое правительство. Тем не менее уже в июне белые вернули Крым, который стал частью воссозданной Таврической губ. Солдатенко отмечает: несмотря на краткий период существования обеих советских республик, они представляют собой пример трансформации взглядов руководства РСФСР на проблему статуса полуострова. Если ССР Тавриды создавалась исключительно по инициативе снизу, то Крымская ССР действительно являлась «проектом Москвы». Первая советская республика имела крайне неопределённый статус: от автономии до независимого государства. Руководство второй также, в целом, не успело решить, чем быть: частью советских России или Украины или равноправным членом будущего союза советских республик. Наконец, крымские большевики образца 1918 г. полностью игнорировали национальный вопрос, что вылилось в крымско-татарское восстание накануне прихода немецких войск. В 1919 г. они стали более осмотрительными и начали активно перетягивать нацио-

нальные движения на свою сторону (с. 122—128).

Разгром деникинских сил на Юге России и Левобережной Украине не поставил точку на «белой» тенденции в политической истории Крыма. С января по ноябрь 1920 г. она существовала в виде режима Врангеля, который попытался провести на полуострове эксперимент по созданию «другой России». Генерал понимал, что победить большевиков военной силой уже не получится, поэтому попытался коренным образом пересмотреть социально-экономическую политику, а также внести коррективы в решение национального вопроса. В данном случае речь идёт о сотрудничестве с украинскими националистическими силами, которое ни к чему не привело, — большевики разгромили и Врангеля, и Петлюру. А в ноябре 1920 г. полуостров в третий раз и окончательно стал советским (с. 133—143).

В заключительной части пятой главы рассматривается история создания Крымской АССР. Нельзя не согласиться с утверждением, что основой конституирования этой республики стал опыт предыдущих советских проектов. Это и местная инициатива, и очень корректное по отношению к ней поведение центра, и учёт полиэтнической ситуации. В этой связи представляет несомненный интерес мнение Солдатенко о дискуссии (которую он называет надуманной) о характере советской республики образца 1921 г. Какой автономией она стала: территориальной или национальной крымско-татарской? По мнению автора, «совокупность документов, обусловивших и сопровождавших процесс рождения и становления Крымской

АССР, реальное положение дел даёт все основания для их однозначного толкования: воплощение территориального принципа» (с. 155), оспаривание которого является не чем иным, как следованием политической конъюнктуре (с. 145—162).

Автономия в итоге стала частью РСФСР. Солдатенко отмечает, что если между российскими и украинскими антикоммунистическими силами существовал перманентный конфликт по поводу принадлежности полуострова, то УССР даже не поднимала такой вопрос. Эта тенденция прослеживается с 1919 г., та же ситуация имела место и в 1921 г. В период конституирования автономии прозвучало несколько предложений о целесообразности подчинения полуострова (исключительно в хозяйственном отношении) Украине. Однако такая постановка вопроса отпала практически сразу, поскольку эти предложения были робкими и не мотивировались ничем, кроме фактора географической близости Крыма к Украине (с. 151).

Монография написана интересно, хорошим литературным языком. Также необходимо отметить, что в небольшом по объёму тексте автор прояснил ряд вопросов истории Крыма, которые долгое время создавали недопонимание между российскими и украинскими исследователями. Вне всякого сомнения, это исследование станет существенным вкладом в историографию революционной эпохи 1917—1920 гг., а также окажется полезным всем тем, кто интересуется историей Крыма и его связями с Украиной и Россией.

Сергей Манышев

Миражи грузинской независимости*

Sergey Manyshev

(Makhachkala, Russia)

Mirages of Georgian independence

DOI: 10.31857/S086956870013460-7

В центре Тбилиси на проспекте Шота Руставели стоит относительно небольшой двухэтажный особняк — бывший дворец кавказского наместника, в котором в конце мая 1918 г. Национальный совет Грузии принял Акт о независимости. В этом можно увидеть своеобразный символизм: новая государственность утверждалась на имперском фундаменте. Для создателей «кавказских суверенитетов», оказавшихся в эмиграции, «независимость... была естественным завершением тех исторических процессов, которые пришлось претерпеть Кавказу с начала XVIII столетия»¹. Они понимали её как освобождение от российской власти, но ведь у этого процесса можно усмотреть и иную логику: только благодаря империи удалось создать то, что сегодня называется единой Грузией. Именно империя собрала разрозненные княжества в российские губернии, завершив этот процесс присоединением Аджарии в 1878 г. Империя же вольно или невольно стала своеобразным катализатором грузинского национального движения.

В академических трудах, написанных в СССР, весь период после 1917 г. описывался исключительно как триумфальное шествие советской власти. Любые силы, противостоявшие большевикам, объявлялись «контрреволюционными бандами» и «иностранными наймитами». сторонники

независимости изображались «агентами внутренней и международной контрреволюции», которые «укрепляли в Грузии капитализм и обрекали народные массы на угнетение и эксплуатацию», хотя их государственный проект не имел никаких шансов на успех². В 1990-х гг. интерес российских учёных к судьбам государств Закавказья существенно снизился, и, по сути, данный регион остаётся в отечественной историографии *terra incognita*. Между тем даже в преамбуле к действующей конституции Грузии содержится отсылка к «историко-правовому наследию» первой республики.

Книга В.М. Муханова, представляющая собой сильно переработанное и дополненное издание его первой монографии³, — пока единственное в России исследование, где детально рассматриваются самые разнообразные стороны жизни Кавказа в период между крушением Российской империи и созданием СССР. В ней сказана суровая правда об обретении и потере свободы со всеми её достоинствами и трагизмом. В своих выводах автор опирается на материалы РГАСПИ, ГА РФ, РГВИА, ЦГА Республики Дагестан, а также Центрального исторического архива Грузии. Им использованы почти две сотни опубликованных источников, а также чуть менее четырёхсот советских, российских, эмигрантских, европейских и амери-

* Муханов В.М. «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики: 1917—1921. М.: Кучково поле, 2019. 928 с.

канских работ. К сожалению, не учтены лишь тенденции современной грузинской науки.

Монография состоит из пяти равноценных частей, в которых освещены особенности обретения Грузией независимости, её внутри- и внешнеполитическое положение, а также специфика происходившей в ней советизации.

В первой части («На пути к независимости») охарактеризованы события, происходившие в Грузии в 1917 — начале 1918 г., а также попытки создания единого государственного образования в Закавказье. Особый Закавказский комитет, являвшийся органом Временного правительства в крае, сменил Закавказский комиссариат, а спустя два месяца была провозглашена Закавказская Демократическая Федеративная Республика. При этом политические элиты Грузии, Азербайджана и Армении не обладали реальной силой для объединения и не смогли выработать программу, отвечающую коллективным интересам. Более того, стоявшие перед ними очень разные социальные, экономические и национальные проблемы не имели единого решения в рамках общего государства: Азербайджану остро не хватало администраторов, способных выстроить эффективную систему управления, Армения испытывала трудности со снабжением продовольствием, а над меньшевистской Грузией нависала большевистская угроза. К тому же политические лидеры этих регионов пользовались популярностью далеко не у всего населения. Сказывались и религиозные различия, рано или поздно они должны были привести к росту напряжённости. Все эти факторы не позволили закавказской федерации просуществовать больше месяца. В авангарде же образования независимых государств оказались именно представители Грузии. Как отмечает

Муханов, «несмотря на яркие и запоминающиеся декларации о поддержке единого Закавказья и необходимости его защиты до последней капли крови, грузинская политическая элита почти за месяц до объявления независимости, то есть фактически сразу после создания Закавказской Федеративной Республики, начала активно обсуждать собственные конституцию и республику и заниматься их созданием» (с. 84).

Вторая часть монографии («Время независимости: иллюзия свободы... Внутриполитическое положение Грузии») передаёт пёструю картину жизни страны, которая всё-таки добилась суверенитета. Её нельзя назвать светлой и радостной, поскольку экономика находилась в упадке с начала Первой мировой войны: сократились посевные площади и обороты внешней торговли, шедшей через Потю и Батум, интервенты занимались вывозом продукции горнорудной промышленности, табака, чая. «Англичане достаточно быстро взяли под контроль Грузию, — пишет Муханов, — где первоочередной целью их внимания стал Батум как конечная точка нефтепровода из Баку. Портовый город очутился под британским управлением, фактически диктатом» (с. 145).

Немецкая, турецкая и британская оккупация отнюдь не способствовала налаживанию внутренней жизни страны. Заняв наиболее важные стратегические объекты, оккупационные войска распоряжались в ней по своему усмотрению и пользовались бессилием республиканских властей. Немцы разоружали население, совершали карательные экспедиции, взяли под контроль порт в Потю. По словам Муханова, «несмотря на массовое недовольство сельского населения немецкими отрядами, грузинское правительство безропотно наблюдало за передвижениями воинских команд по

территории республики» (с. 115). Наиболее жёстко вели себя турки, устраивавшие в Батуме (как и в других частях Кавказа) показательные экзекуции на площади и грабившие местных жителей. Кризис в промышленности и сельском хозяйстве, а также массовое уклонение от уплаты налогов привели к тому, что дефицит бюджета Грузинской Демократической Республики в 1919—1920 гг. составлял 79% (с. 165).

Одновременно, как ни странно, расцветала культура: начал работу Тифлисский университет, у истоков которого стоял И.А. Джавахишвили, правительство открыло Национальную художественную галерею. На улицах Тифлиса тогда можно было встретить И.Г. Эренбурга и О.Э. Мандельштама, М.А. Ковалёва (Рюрика Ивнева) и С.М. Городецкого, С.Ю. Судейкина и Е.Е. Лансере. На театральных подмостках играли В.И. Качалов и О.Л. Книппер-Чехова. Как полагает автор монографии, «в основном успехи и позитивное развитие было достигнуто за счёт сочетания трёх ключевых факторов: богатого имперского наследия, значительных личных усилий деятелей культуры и науки и большой русской творческой волны, накрывшей Тифлис в период Гражданской войны в России» (с. 229).

Третья часть работы («На дальних берегах... Внешняя политика Грузинской Республики») раскрывает взаимоотношения Грузии с европейскими странами и Турцией. Все возникавшие в это время на Кавказе правительства, не жалея сил, старались добиться международного признания. На Парижской мирной конференции их делегации «фактически топили друг друга и собственную мечту на скорое признание со стороны ведущих мировых игроков». Однако противоречия, связанные с установлением границ между новыми государствами, интересы великих держав в регионе, а также

поддержка Антантой Белого движения с его лозунгом единой и неделимой России обрекали закавказских дипломатов на провал. И лишь в начале 1920 г., когда войска А.И. Деникина были окончательно разгромлены, Антанта признала Грузинскую Демократическую Республику.

Четвёртая часть («Время независимости: удавка национализма... Грузия и её ближайшие соседи») рассказывает о взаимоотношениях республики с Арменией и Азербайджаном, а также Южной Осетией и Абхазией (входившими ранее в состав Тифлисской и Кутаисской губерний), государственными образованиями Северного Кавказа и белыми генералами. Автор подробно излагает историю провозглашения автономии Абхазии в марте 1919 г., прослеживает попытки конституционного оформления, которое постоянно откладывалось и затягивалось. В конституции же Грузинской Демократической Республики «Сухумская область» упоминалась лишь наряду и наравне с другими окраинами. Противостояние сохранялось вплоть до марта 1921 г., когда в Абхазии утвердилась советская власть, после чего абхазы приняли самое деятельное участие в советизации Грузии.

Муханов, по сути, впервые в отечественной историографии уделяет внимание тому, как летом 1918 г. грузинские войска, решив присоединить полосу черноморского побережья, захватили Сочи, что вызвало прямой конфликт не только с горцами и представителями Кубано-Черноморской советской республики, но и с Добровольческой армией. Военные столкновения завершились вытеснением грузин из района Сочи и решением Деникина ввести экономическую блокаду Грузии (с. 521—536). Впрочем, уже «в 1920 г. началась своеобразная дружба» между белыми и Тифлисом «против большевиков, при содействии

англичан, точнее говоря, их настойчивым подталкиванием одной стороны к другой». В итоге главнокомандующий Вооружёнными силами Юга России, «фактически уже находясь на полпути к собственному краху, и вынужден был признать Грузию в качестве равноправной стороны, что и произошло в начале 1920 г.» (с. 551).

Завершает работу пятая часть, посвящённая советизации Грузии и Закавказья в целом. Автор скрупулёзно описывает установление советской власти в Азербайджане и Армении, анализирует предпосылки заключения Московского договора 1920 г., гарантировавшего Грузии фактическую независимость, но очень скоро обернувшегося «ни к чему не обязывающей бумажкой» (с. 620). Стремительное наступление 11-й армии РККА похорило мечты о суверенитете, теплившиеся в сердцах грузинских интеллектуалов. Осип Мандельштам, побывавший в те дни в Батуме, впоследствии вспоминал: «Маленькое “независимое” государство, выросшее на чужой крови, хотело быть бескровным. Оно надеялось чистеньким и благополучным войти в историю, сжатое грозными силами, стать чем-то вроде новой Швейцарии, нейтральным и от рождения “невинным” клочком земли»⁴. Вероятно, отцы-основатели закавказской республики руководствовались наилучшими для своей страны намерениями, однако в результате они проиграли большевикам. 18 марта 1921 г. грузинское правительство на пароходе отправилось из Батума в Константинополь, чем и закончилась почти трёхлетняя история независимой Грузии.

По не совсем понятной причине автор монографии существенно сократил её научно-справочный аппарат, что заметно обеднило работу.

Но это с лихвой компенсируется документальным приложением, занимающим 250 страниц. Пожалуй, оно могло бы составить отдельную книгу. В него включены 162 текста, среди которых и материалы из фондов ГА РФ и РГАСПИ, впервые введённые в научный оборот, и уже публиковавшиеся, но исключительно важные для понимания темы источники (например, фрагмент из вышедших в Париже в 1985 г. воспоминаний командовавшего грузинскими войсками генерал-майора Г.И. Квинитадзе).

Книга В.М. Муханова — редкий пример вдумчивого, неспешного и детального разговора о сложной исторической проблеме. В России издания такого уровня, посвящённые истории Кавказа, большая редкость. Поэтому хочется надеяться, что продолжением работ автора по истории Азербайджана⁵ и Грузии станет труд о Демократической Республике Армении.

Примечания

¹ *Билатти Б.* Кавказ в борьбе за независимость (доклад, читанный в Варшаве на торжественном собрании в память 20-летия провозглашения независимости кавказских республик) // *Призыв* (Варшава). 1938. № 1—2. С. 18.

² *Хачануридзе Г.В.* Борьба грузинского народа за установление Советской власти. М., 1956. С. 120, 127.

³ *Муханов В.М.* Грузинская Демократическая республика: от первых дней независимости до советизации. М., 2018. Некоторые части работы выходили ранее отдельным изданием: *Муханов В.М.* Кавказ в революционную пору... К истории Закавказья в 1917 — первой половине 1918 г. М., 2017; *Муханов В.М.* Кавказ в переломную эпоху (1917—1921). М., 2019.

⁴ *Мандельштам О.Э.* Меншевики в Грузии // *Мандельштам О.Э.* Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 319.

⁵ *Волхонский М.А., Муханов В.М.* По следам Азербайджанской Демократической Республики. М., 2007.

Владимир Новиков

Очень своевременная книга. Грузинская Демократическая Республика 1918—1921 гг. в современной российской историографии*

Vladimir Novikov

(Institute of the CIS countries, Moscow, Russia)

A very timely book. Georgian Democratic Republic 1918—1921 in modern Russian historiography

DOI: 10.31857/S086956870013461-8

Новая монография В.М. Муханова о Грузинской Демократической Республике 1918—1921 гг. продолжает его исследования по истории Закавказья в период революции и Гражданской войны¹. В современной Грузии и на Западе данной теме посвящено огромное количество как политико-публицистических, так и вполне академических трудов. В советской и российской историографии аналога книги Муханова нет.

В центре внимания автора — многочисленные политические, дипломатические и военные противоречия и конфликты. В первой части убедительно показано, что все попытки выстроить на обломках Российской империи в Закавказье единое государственное образование были изначально обречены на провал из-за разных устремлений ведущих национальных (грузинских, армянских, азербайджанских) партий и этноконфессиональных противоречий. Армяне стремились к включению в общее государство Турецкой Армении и предпочли бы статус автономии в составе меньшевистской России, что со временем становилось всё более проблематичным. Азербайджанские политики тяготели к своим турецким собратьям. Грузинская же часть Закавказского

сейма, ориентировавшаяся на Германию, уже в начале 1918 г. ставила вопрос о создании независимой Грузии. И это было отнюдь не случайно, поскольку именно грузины располагали к тому времени в Закавказье наиболее подготовленной и влиятельной политической элитой, игравшей значительную роль в делах не только Грузии и Кавказа, но и всей России. Как указывает Муханов, центром её локализации являлась Кутаисская губ., откуда вышли местные социал-демократы (как меньшевики Н. Жордания, Н. Рамишвили и др., так и большевики И.В. Сталин, Г.К. Орджоникидзе), во многом определявшие политику в регионе после революции. Сказывалось и то, что в 1918 г. меньшевики уже не могли влиять на общероссийские политические процессы, тогда как Грузия казалась удобной площадкой для применения их талантов.

Постепенно в регионе шло формирование двух полюсов сил: с одной стороны находились грузинские меньшевики и азербайджанские мусавиты и возглавляемые ими национальные советы, желавшие максимально отдалить Закавказье от России, а с другой — вожди большевистски настроенной солдатской массы, признававшей власть Совнаркома и волей-неволей

* Муханов В.М. «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики: 1917—1921. М.: Кучково поле, 2019. 928 с.

проводившей центростремительные тенденции. В книге детально освещены споры из-за раздела имущества Кавказской армии и особенно события 9—12 января 1918 г., известные как «Шамхорская резня». Тогда в ходе организованного нападения азербайджанских и грузинских формирований, решивших отобрать оружие и боеприпасы у возвращавшихся с турецкого фронта воинских частей, на станции Шамхор погибло более 2 тыс. российских солдат. При этом в Тифлисе не испытывали проблем с вооружением собственных отрядов — для этого было вполне достаточно запасов, хранившихся в местных арсеналах. Однако для грузинских меньшевиков представляла угрозу большевистская солдатская масса, которая неминуемо пришла бы в Тифлис. Опасались её и азербайджанские (или татарские, как говорили в те годы) лидеры, остро нуждавшиеся к тому же в оружии. Разумеется, в советское время шамхорская история, имевшая не только политический и военный, но и ярко выраженный этнический оттенок, строго табуировалась, поскольку не вписывалась в рамки официального интернационализма. А в постсоветский период в грузинской и азербайджанской историографии эти события начали изображать как защиту мирного населения от грозивших ему большевиков.

Не менее любопытен и анализ попыток создания в независимой Грузии политической системы, а также осуществления мер, направленных на улучшение социально-экономического положения, развитие вооружённых сил, образования и культуры. Все эти действия автор обоснованно рассматривает в контексте взаимоотношений грузинских властей с германскими, турецкими, а затем и британскими и даже итальянскими оккупантами, использовавшими страну как свою ре-

сурсную базу, что иногда напоминало обычный грабёж.

Вместе с тем в 1918—1921 гг. лишь иностранное присутствие ограничивало монополию грузинских меньшевиков на управление республикой. Уже в конце мая 1918 г. они оказались в авангарде движения за обособление Грузии не только от России, но и от Закавказья, хотя первоначально некоторые их представители поддерживали проект федеративного объединения государств в Закавказье, учитывая, как, например, председатель общезакавказской конституционной комиссии П. Джапаридзе, малочисленность грузин и отсутствие у них доступа к бакинской нефти. Впрочем, лидеры других партий — национал-демократы, социал-федералисты и др. — также требовали полной самостоятельности.

Рассматривая работу над проектами конституции 1921 г., Муханов показывает, как интересы меньшевиков повлияли на выбор между президентской или парламентской формой правления. Не имея признанного лидера и представляя собой плеяду амбициозных фигур, они не сумели бы выставить единого кандидата на президентских выборах и, в отличие от правых (тех же национал-демократов), естественно, предпочитали парламентаризм.

В целом, при формальной многопартийности Грузия оказалась государством, построенным по лекалам меньшевиков и в соответствии с их представлениями о прогрессе и демократии. При этом принцип партийности давал о себе знать даже в армии, где существовал конфликт между профессиональными военными, бывшими офицерами царской армии, и меньшевистскими парамилитарными формированиями («Народная гвардия»).

Разумеется, всё это не могло не сказываться на внешней политике. Грузия опасалась агрессивной актив-

ности Турции, которую удалось нейтрализовать лишь с помощью сделки с Германией. Страны Антанты подходили к судьбе независимой Грузии сугубо прагматически, исходя из собственных приоритетов при переделе сфер влияния на Ближнем Востоке и экономической целесообразности пребывания на данной территории, которая была не столь привлекательна, как богатый ресурсами Азербайджан. Не случайно британцы подумывали о замене своего военного контингента в Грузии на итальянский. Связывало союзников и их покровительство Белому движению, выступавшему под лозунгом единой и неделимой России. Лишь после его поражения во второй половине 1919 г. началось фактическое признание Грузинской республики.

Впервые в отечественной историографии Муханов освещает обстоятельства грузино-армянской войны, вспыхнувшей в декабре 1918 г. из-за спорных территорий — Ахалкалакского и Борчалинского уездов бывшей Тифлисской губ., и Сочинского конфликта 1918—1919 гг. между Грузинской Демократической Республикой, изгнавшей войска Кубано-Черноморской советской республики из Сочи, Адлера и Туапсе, и Добровольческой армией. Все эти сюжеты не только малоизучены, но зачастую и вовсе неизвестны как в академической среде, так

и в более широком кругу читателей. В советские годы они жёстко табуировались, как и «Шамхорская резня» или грузино-абхазские трения 1918—1921 гг. Однако, как показал последующий опыт, замалчивание «опасных тем» не привело к нивелированию проблем, но лишь способствовало их обострению. В постсоветское время грузино-абхазские и грузино-осетинские противоречия практически не изучались в России и были, по сути, отданы на откуп грузинским историкам, которые изображали их исключительно как часть российско-грузинских отношений, что, конечно же, существенно искажало картину.

Говоря о «советизации Закавказья» и советско-грузинской войне 1920 г., автор учитывает события, происходившие не только в Грузии, но и в Азербайджане и Армении, позицию Кавбюро ЦК РКП(б) и разногласия в большевистской верхушке.

В целом, книга В.М. Муханова является целостным новаторским и профессиональным исследованием, способным заинтересовать как историков, так и дипломатов, работающих на кавказском направлении.

Примечание

¹ Волхонский М.А., Муханов В.М. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М., 2007.

Рец. на: Д.А. Аманжолова. Советский проект в Казахстане: власть и этничность. 1920—1930-е гг. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2019. 480 с.

Svetlana Kovalskaya

(L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan)

Rec. ad op.: D.A. Amanzholova. Sovetskiy proyekt v Kazakhstane: vlast' i etnichnost'. 1920—1930-ye gg. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870013462-9

Научная актуальность и практическая необходимость изучения процесса взаимовлияния власти и этничности в Казахстане давно назрели. Теория нациестроительства выросла из политической и социальной практики конца XIX—XX в., в это же время казахская степь прямо или опосредованно также оказалась втянутой в общемировые процессы и мировой рынок. Поиск собственного пути на этапе распада Российской империи и выработка национальной модели государственного развития, приход к власти большевиков и упрочение советского государства — вот основные вехи данного хронологического отрезка. Идея автономизма, к которой пришли казахские политические лидеры, оказалась «наивысшим и самым радикальным пунктом в эволюции политических приоритетов казахского образованного слоя в условиях революции и Гражданской войны» (с. 29). Однако обстоятельства сложились так, что реализовать проект до конца они не смогли. Им пришлось признать советскую власть, которая не просто предложила, но и помогла реализовать задуманное, правда уже в большевистском формате.

В исторической науке Казахстана одной из ведущих тем исследований является анализ состояния общества в самых разных контекстах: общественно-политическом, этнодемографическом,

этносоциальном, этнокультурном, религиозном, что прямо или опосредованно связано с поиском национальной идентичности и выработки самостоятельного пути развития. При этом основное внимание сосредоточено на изучении рубежа XIX—XX вв., формировании и судьбах казахской интеллигенции, истории партии «Алаш» и правительства Алаш-Орды, репрессий в отношении национальной элиты в 1930—1940-х гг., голоде 1932—1933 гг. Происходит активное возвращение вычеркнутых, забытых или утраченных имён, что существенно расширяет галерею исторических портретов. Но на этом изучение истории казахской политической элиты, как правило, и заканчивается. При этом отношение к казахским советским и партийным деятелям, таким как С. Сейфуллин, Т. Рыскулов, А. Джангильдин и др., во многом остаётся неизменным, хотя анализ их деятельности также требует новых подходов. Имена антигероев, в свою очередь, в основном из числа тех, кто приехал извне, — Ф.И. Голощёкин, Л.И. Мирзоян, Г.В. Колбин и др. К сожалению, это лишь подтверждает этническую избирательность, а также изначально негативную позицию по отношению ко всему советскому в ущерб аналитике и зачастую в угоду сиюминутной политической конъюнктуре. Простая замена «плюса» на «минус» в исключи-

тельно оценочных суждениях сейчас уже не может удовлетворить взыскательную научную публику.

Монография Д.А. Аманжоловой «Советский проект в Казахстане: власть и этничность. 1920—1930-е гг.» — яркий пример научного, неангажированного подхода. Такова, впрочем, вся предыдущая деятельность автора, связанная со скрупулёзным изучением этнического и религиозного факторов в формировании и эволюции Российского государства, национальной политики, становления представителей казахской интеллигенции рубежа XIX—XX вв., их судеб и общественно-политической деятельности. Научная библиография автора включает в себя ряд монографий, значение которых для понимания перипетий общественно-политической жизни казахской степи указанного периода трудно переоценить¹.

Рассматриваемая монография — фундаментальный труд, основанный на документах, хранящихся в ГА РФ, РГАСПИ, РГВА. Привлечены также материалы Архива Президента Республики Казахстан, Центрального государственного архива Республики Казахстан, Центра документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области, Государственного архива Актюбинской области, Государственного архива Жамбылской области. Использование этих источников позволило проследить формирование советской и партийной элиты из числа казахов, выявить результаты реализации большевистского и затем советского проекта. Аманжолова пришла к выводу, что, несмотря на все усилия, «власти в целом не удалось разрушить многовековые практики внутриэтнических взаимоотношений, прежде всего нормативного и регулятивного свойства, в том числе внутриэлитного взаимодействия по вертикали и горизонтали» (с. 88). Эта идея проходит «красной линией» через всю монографию.

Определены теоретико-методологические ориентиры казахстанской историографии, посвящённой изучаемой проблематике. Подчёркивается, что значительная её часть сформировалась «под сильным влиянием “тоталитарной школы” советологов» (с. 14). Это, на мой взгляд, многие исследователи как бы стесняются признать открыто (Б.Г. Аяган, М.К. Койгельдиев, Ж.У. Кыдыралина, Ж.З. Марданова, М.Б. Татимов и др.). Вторым методологическим ориентиром справедливо названа теория модернизации (Ж.Б. Абылхожин, А.У. Джандосов, Б.О. Жангуттин, М.Т. Лаумулин и др.).

В названиях разделов монографии активно используются лексика или фразы из архивных документов или текстов изучаемого периода, что сразу привлекает внимание. Невозможно пройти мимо «попыток “обкиргизить” Оренбург» или не разобраться в том, как занять «командную должность по ответственной ставке». А название раздела «Этот аппарат для тощего бюджета Казакстана дороговат» переадресует нас в современную эпоху, заставляя задуматься о происходящем.

Монография состоит из десяти разделов, в которых раскрывается процесс реализации в Казахстане советского проекта. Аманжолова изучает его сложнейшие перипетии через призму формирования партийных кадров, передислокации столицы, политики коренизации и проблемы употребления казахского языка управленческой верхушкой новой советской республики. Попутно она вносит существенные коррективы в иконографию первых политических лидеров, во многом опираясь на характеристики, данные их современниками. Многим будет удивительно прочесть про «политическое жульничество» А. Байтурсынова и М. Тунганчина, «политический карьеризм» А. Джангильдина и Б. Каратаева, а также про обвинения во взяточничестве и злоупотреблениях

властью последнего и, напротив, о личной честности С. Мендешева. Вообще наличие неоднозначных характеристик личностей и событий вызывает огромное уважение к автору, которая не боится называть вещи своими именами. К сожалению, возможно, что из-за этого монография вызовет негативные отклики отдельных представителей казахстанской исторической науки, настроенных достаточно националистически. Однако выверенность и отточенность научных аргументов, источниковая и историографическая основа исследования говорят сами за себя.

Очень подробно проанализированы противоречия между так называемыми русской и казахской частями ревкома и последующих структур власти, которые существенно мешали работе. Прослежены сложности существования тогдашнего Казахстана в трёх административных единицах — Сибири, Туркестане и Киргизском ВРК. Особенное внимание уделено процессу внутриэтнической консолидации: его незавершённость проявлялась в поведении политической элиты. Национально-территориальное размежевание 1924 г. и переезд столиц повлекли за собой активные процессы смены элит и т.д. Номенклатурные возможности и личное корыстолюбие превращали любой пост в синекуру. Административный ресурс подкреплялся прежними социальными связями, выстроенными на родовых и жузовых основах, поэтому борьба за власть не прекращалась ни на минуту. Уже начиная с 1919 г. центральное советское руководство вызывало «на ковёр» представителей новой казахской элиты, а те, в свою очередь, пытались снять с себя персональную ответственность за очевидные сложности националстроительства и групповые дрязги. Это стало веской причиной направления в советский Казах-

стан «европейских» руководителей: С.С. Пестковского, И.А. Акулова, Г.А. Коростелёва, В.И. Нанейшвили, Л.И. Мирзояна, Ф.И. Голощёкина. Внутренние противоречия, которые раздирали тамошнюю партийную и советскую элиту, привели к тому, что советский Казахстан стал своего рода «импровизационным полигоном в истории столичной географии». Именно со сложнейшим процессом националстроительства и советизации КАССР связывает автор «перекочёвки» её столицы, добавляя, что «сам кочевой характер организации общества с его перманентной мобильностью как будто “оправдывал” перемещения столицы вплоть до окончательного и экстремального, трагического для народа перехода к оседанию вследствие коллективизации» (с. 412).

Крайне интересен и важен анализ языковой политики, в которой совместились «ликвидация безграмотности, расширение сферы коммуникации национальных языков и обеспечение равенства народов» (с. 332). Отмечена роль Т. Жургенева, особенно в составлении набора международных терминов, которые предлагалось не переводить. Подчёркивается, что «языковая и культурная социализация новых поколений управленцев происходила при отсутствии личной памяти о предшествующей письменности», а «функционально более слабый язык вытеснялся в менее важные и престижные сферы общения» (с. 344). Прослеживается, как карьерные интересы стимулировали изучение русского языка, и т.д. Многие из того, что было актуально в языковой сфере в начале XX в., спустя сто лет снова обрело значение. Только уже не в соотношении казахский—русский, а казахский—английский; политика полиязычия, активное внедрение английского языка и перевод казахского на латиницу и т.д.

Замечаний к монографии немного. На мой взгляд, стоило бы уделить больше внимания характеристике источников, которые разнообразны и во многом уникальны. Например, особый интерес вызывает ф. 17 РГАСПИ. Хочу порекомендовать автору подготовить книгу по повседневности советских и партийных деятелей Казахстана.

В заключение ещё раз подчеркну своевременность и значимость монографии Аманжоловой с позиции новейших теоретико-методологических подходов, позволяющих по-новому раскрыть сложнейшие вопросы нашей истории начала XX в. Она предлагает новую исследовательскую «оптику», существенно расширяет горизонты анализа формирования советской и партийной номенклатуры, осуществления коренизации и языковой политики, собирания территории и

передислокации столицы Казахстана — всего того, что составляет суть политики нациестроительства. Работа знакомит с уникальными архивными документами, обширной российской, казахстанской и зарубежной историографией, демонстрирует авторский взгляд. Это фундаментальный труд, который вносит весомый вклад в изучение такой многогранной темы.

Примечание

¹ Аманжолова Д.А. Партия Алаш: история и историография. Семипалатинск, 1993; Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М., 1994; Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009; Аманжолова Д.А. Форматирование советскости. Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР. 1920—1930-е гг. М., 2010; Аманжолова Д.А. Алаш: исторический смысл демократического выбора. Алматы, 2013.

Владимир Владимиров

Рубежи междисциплинарного исторического направления*

Vladimir Vladimirov

(Altai State University, Barnaul, Russia)

Frontiers of interdisciplinary historical direction

DOI: 10.31857/S086956870013463-0

Изменения в наукометрических подходах последних лет обусловили некоторое уменьшение интереса исследователей к написанию монографий. Между тем именно они в гуманитарных науках позволяют не только поставить и решить научную проблему, но и выявить траекторию движения того или иного исследовательского направления, показать итоги и значение определённого периода развития, наметить перспективы дальнейших изысканий. Всё это в полной мере от-

носится к книге И.М. Гарсковой, посвящённой осмыслению роли и места исторической информатики в современной исторической науке, её достижениям и проблемам, а также итогам развития за более чем 25-летний период существования.

Отмечу, что автор представляет исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова — «колыбель» российской исторической информатики. Здесь публикуются научные труды,

* Гарскова И.М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. СПб.: Алетейя, 2018. 408 с., ил. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 130. Сер. II. Исторические исследования, 75).

проводятся конференции и семинары, связанные с данным междисциплинарным направлением, и впервые в России создана линейка соответствующих образовательных программ на кафедре исторической информатики (бакалавриат — магистратура — аспирантура)¹.

В XXI в. вопрос о границах предметного поля исторической информатики как междисциплинарной области дополняется вызовами, обусловленными «цифровым поворотом»², который привёл, например, к статуйрованию такого неоднозначного явления, как «цифровая гуманитаристика» (Digital Humanities)³ и его структурной части — «цифровой истории» (Digital History). Именно поэтому Гарскова подробно рассматривает сущность цифрового поворота и его влияние на историческую науку (с. 119).

В наши дни удивить кого-то использованием математических методов и компьютерных технологий в истории сложно. Хотя историческая информатика является сравнительно молодым научным направлением, всё же результаты его развития позволяют перейти к обобщениям, установлению ряда трендов и прочим моментам, которые в современном академическом языке часто называют «поиск идентичности». Это сегодня крайне важно, поскольку спектр теоретико-методологических оснований исторических исследований стал, как никогда, широким и разнообразным.

Актуальность и новизну исследования Гарсковой трудно переоценить — оно вносит весомую лепту в современные дискуссии о месте исторической информатики, её соотношении с некоторыми вновь появившимися направлениями исторических дисциплин. При этом акцентируется внимание на создании нового знания как ведущей цели изучаемого научного направления.

Логика монографии выражена в её структуре. В первой части работы последовательно прослеживаются истоки исторической информатики, к которым автор относит возникшую в начале 1960-х гг. количественную историю и появление архивов машиночитаемых данных, особо подчёркивая роль советской школы во главе с академиком И.Д. Ковальченко (с. 39).

Далее отмечается, что на Западе «исторический компьютеринг» вырос из компьютеринга гуманитарного — более широкого научного направления, связанного с применением компьютерной обработки данных в гуманитарных исследованиях. Несколько позже «первую волну» специалистов по количественной истории сменила «вторая», ориентированная в большей степени на информационные технологии, нежели на аналитику. В отечественной же исторической информатике ядро специалистов в это время составляли учёные, которые решали, скорее содержательные, нежели чисто информационные задачи. Видимо, это во многом и объясняет ведущую роль в рассматриваемом направлении аналитической компоненты, ориентированной на приращение исторического знания.

Гарскова справедливо отмечает важность учреждения Ассоциации «История и компьютер» (1992), которая фактически стала организационным руслом развития исторической информатики в России и продолжает выполнять эту роль сегодня (с. 69—70). При организации данного научного сообщества изначально был осуществлён «горизонтальный» принцип, при реализации которого возникли многочисленные «точки роста» данного междисциплинарного направления (региональные научные центры и интенсивные контакты между ними), что обеспечило более или менее равномерное развитие его различных трендов и

общее поступательное движение вперёд.

Во второй части книги рассматриваются методологические проблемы развития исторической информатики в конце XX — начале XXI в. В частности отмечается, что тогда она испытывала сильное влияние сетевых технологий: с развитием интернета увеличивался интерес к разработкам электронных исторических ресурсов. Затем в условиях «цифрового поворота», появления «цифровой гуманитаристики» и «цифровой истории» наступил кризис западной модели «исторического компьютеринга». Российская же историческая информатика сумела сохранить свою идентичность, которая укрепилась в результате дискуссий и новейших методологических изысканий последнего десятилетия. Гарскова придаёт особое значение сциентизму как мировоззренческой позиции, связанной с доминантой рационального знания в сегодняшней методологической разноголосице, позиции, проявившей себя ещё в рамках квантитативной истории и органически вошедшей в историческую информатику на начальной стадии её существования (с. 33). Эту традицию подтверждает ведущая роль аналитической компоненты, которая сохранялась в процессе развития рассматриваемого научного направления при наличии его второй составляющей — ресурсной компоненты.

Автор подробно излагает содержательную структуру и основные технологии исторической информатики, а также сложившиеся внутри неё научные школы. Изучение этих важнейших моментов развития ведётся с применением современных методов и технологий. Так, проведённый автором книги сетевой анализ показал, что в сложившейся системе региональных научных школ высок уровень коммуникации и развиваются совместные научные проекты. В области современных информацион-

ных технологий Гарскова справедливо придаёт большое значение одной из них — баз данных, которая фактически является фундаментом исследований в области исторической информатики (с. 210—231). Показано также, что традиционно одним из центров внимания последней являются тематические информационные ресурсы. Из сравнительно новых направлений, популярность которых сегодня в научных исследованиях неуклонно растёт, рассмотрены применение геоинформационных систем и технологий, а также трёхмерные реконструкции объектов историко-культурного наследия. Завершается основная часть работы Гарсковой обзором и характеристикой современных аналитических методов исследования в рамках исторической информатики.

Монография содержит внушительный библиографический список (994 названия) и снабжена очень интересными в информационном плане приложениями, посвящёнными тематике конференций ассоциаций: «История и компьютер» и «History & Computing» (международная) (с. 392—405). Изучение данных материалов позволяет, с одной стороны, проследить становление российской исторической информатики, с другой — сравнить отечественный и зарубежный варианты развития сообществ, использующих новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании.

Отмечу ещё очень важный момент. Развитие рассматриваемого междисциплинарного направления достигло такого уровня, который позволяет говорить о нём как о полноценной составной части методологии научного исторического исследования. Это выражается в особой структурированности работ с применением математических методов и компьютерных технологий, а также в повышении внимания

к традиционному источниковедческому анализу, без которого невозможно говорить о высокой достоверности результатов, полученных даже с применением сложных технологий. Наконец историческая информатика даёт заметный методологический импульс другим направлениям, таким, например, как историческая демография⁴. О зрелости изучаемого научного направления говорит и издание с 2012 г. специализированного журнала «Историческая информатика», входящего в список ВАК.

Широта и глубина сделанного Гарсковой анализа истории и современного состояния исторической информатики поражают. Проведённый на широком теоретико-методологическом и историографическом поле анализ снимает многие дискуссионные вопросы и главное — определяет перспективу дальнейшего развития этой междисциплинарной области исторических исследований. Считаю, что выводы автора об её успешном развитии в качестве составной части российской исторической науки являются абсолютно правильными (проверены временем и глубоким анализом значительного исторического, методологического и методического материала исследований последних десятилетий). Фактически монография может использоваться не только как обычное научное издание, но и как своеобразная энциклопедия по вопросам применения в исследованиях историков математических методов и компьютерных технологий.

Важно, что хотя проблемы цифрового поворота и массового внедрения в изыскания учёных цифровых технологий пока ещё находятся на периферии традиционного исторического сознания, ситуация стремительно меняется: «цифровизация» общества сопровождается новыми постановками вопросов для всех сфер его жизни, в том числе науки. Постепенно наби-

рает силу «ресурсный» взрыв, выражающийся в повышенном интересе к оцифровке исторических источников и всё большей ориентации учёных на уже готовые цифровые ресурсы. В этом смысле книга является надёжным инструментом подготовки к возможным изменениям в методике и технике исторического исследования.

Искать недостатки в «рубежных» научных трудах — дело неблагодарное. Они, безусловно, есть и в рецензируемой работе. Например, автор могла бы уделить больше внимания терминологической стороне исследования. Пожалуй, не все акценты расставлены в изучении соотношения исторической информатики и относительно новых направлений — «цифровой гуманитаристики» и «цифровой истории» (но относящиеся к ним многие моменты ещё не устоялись). Однако данные замечания не умаляют ценности исследования И.М. Гарсковой. Совокупность полученных ею новых знаний и представлений, несомненно, внесёт весомый вклад в развитие не только исторической информатики, но и истории как науки в целом.

Примечания

¹ *Бородкин Л.И.* Бакалавр, магистр, аспирант: опыт реализации образовательных программ по исторической информатике в Московском университете // Историческая информатика. 2018. № 2. С. 115—125 (URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26947; дата обращения: 02.04.2020).

² *Бородкин Л.И.* «Цифровой поворот» в дискуссиях на XXII международном конгрессе исторических наук (Китай, 2015 г.) // Историческая информатика. 2015. № 3—4. С. 62.

³ См.: *Defining Digital Humanities: A Reader* / Eds. M. Terras, J. Nyhan, E. Vanhoutte. Farnham, 2013.

⁴ Подробнее см.: *Владимиров В.Н., Сарфанов Д.Е., Щетинина А.С.* «Новая историческая демография» в России: эволюция или скачок в развитии? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3(154). С. 29—53.

Виталий Тихонов

Рец. на: В.С. Груздинская, А.И. Ключев, О.В. Метель. Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920—1930-х гг. Омск: Издательский центр КАН, 2018. 171 с.

Vitaly Tikhonov

*(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences;
Russian State University for Humanities, Moscow)*

Rec. ad op.: V.S. Gruzdinskaya, A.I. Klyuyev, O.V. Metel'. Ocherki istorii institutsional'noy struktury sovetsskoy istoricheskoy nauki 1920—1930-kh gg. Omsk, 2018

DOI: 10.31857/S086956870013890-0

Институциональная история советской исторической науки может показаться темой далеко не новой и даже скучной. Многочисленные юбилейные истории научно-исследовательских институтов и исторических факультетов высших учебных заведений уже набили оскомину и вызывают интерес разве что как справочные издания. Тем острее ощущается потребность в полноценном, непарадном и высококачественном исследовании, в особенности первых послереволюционных десятилетий, наполненных экспериментами и драматическими событиями. Новая книга авторского трио В.С. Груздинской, А.И. Ключева и О.В. Метель поставила цель хотя бы частично исправить сложившуюся ситуацию¹. Стоит отметить, что она уже привлекла внимание специалистов и вызвала в целом положительный отклик².

Издание состоит из шести очерков и двух приложений. Очерки подготовлены с учётом новейшей литературы и архивных находок. Авторы признают, что внутренняя структура очерков неоднородна, поэтому не следует ждать от них единообразной архитектоники. Книга не даёт исчерпывающее описание становления и развития институтов советской исторической науки, она сосредоточена на концептуальных

проблемах, выявлении спорных вопросов и анализе отдельных (но показательных) случаев.

Концептуально исследование построено на классическом институциональном подходе. Термин «институт» (институция) используется для «обозначения преимущественно формализованных научно-исследовательских и образовательных структур, преследующих конкретные, документально закреплённые цели и задачи» (с. 13). Авторы сознательно отказались от изучения институтов как неформальных объединений учёных (под которыми они, похоже, понимают только научные школы и «незримые колледжи») и как социально-культурных установок, определяющих взаимодействие акторов в какой-либо сфере. Насколько это правомерно? Безусловно, выбранный подход имеет право на существование, хотя истораживает узостью. Но мне кажется, что продуктивнее смотреть на советские научные и образовательные учреждения, в особенности 1920—1930-х гг., как на своеобразную «институциональную матрёшку», в которой неформальное встраивается в официальное. Эту особенность нужно учитывать обязательно. Исследование самоорганизующихся сообществ необходимо ещё и потому, что именно они оказываются наи-

более живучими в «эпоху катастроф» (а революционное и постреволюционное время, несомненно, относится к таковым), когда происходит ломка старых официальных институтов, выступают каркасом и ключевым фактором сохранения науки и её существования в новых условиях³.

Первое послереволюционное десятилетие породило или активизировало в академической среде множество форм объединений (кружки, журфиксы и т.д.). В свою очередь советская реальность также способствовала появлению многочисленных институций, встраивавшихся в структуру научных и образовательных учреждений. Например, партийные организации делили учёных по признаку принадлежности к РКП(б), а партия обладала реальным влиянием на развитие факультета или НИИ. Историки разбивались на «кланы», выстраивали патронажные сети⁴, формировали ситуационные коалиции и т.д. Внимательное изучение этого процесса ещё впереди, но без него понять логику развития науки вряд ли возможно.

Особенность подхода авторов — отказ от взгляда на сообщество учёных как пассивный объект политики большевиков. Наоборот, подчёркивается, что развитие сети институций происходило в том числе и благодаря инициативе самих историков, воспользовавшихся окном возможностей, открывшимся благодаря отмене дореволюционных ограничений (с. 20). Таким образом, работа вписывается в отчётливо наметившийся в историографических исследованиях вектор отказа от виктимизации учёных в их взаимодействии с властью. В этой связи интересно, что историографические (и, шире, науковедческие) штудии проходят тот же путь, что и исследования советского общества. Напомню, что в 1960-х гг. отказ части

историков от тоталитарной модели породил появление «ревизионистской» историографии, делавшей акцент на субъектность общества и конкретного человека в его взаимодействии с «красным левиафаном». Интересно, перерастёт ли мода на субъектность в моду на «советскую субъективность»? Появятся ли исследования не только того, как историки жили по-советски, но и того, как начинали думать по-советски? Такие попытки можно усмотреть в ряде недавних работ⁵, но проблема и подход к ней требуют основательной методологической проработки.

Специальный очерк посвящён проблеме периодизации развития научно-исторических институтов. Первый период (с конца 1910-х до середины 1930-х гг.) был, по мнению авторов, «связан с поиском новых, советских форм организации исторической науки». Второй начался в середине 1930-х гг. и закончился незадолго до Великой Отечественной войны (с. 44, 73). Насколько удачно данное членение? В рецензии С.Б. Криха уже высказано сомнение в том, что институциональная структура исторической науки приобрела устойчивые черты к началу войны. Он относит завершение этого процесса к послевоенному времени или даже к началу 1950-х гг.⁶ Не буду спорить по поводу верхней границы, хотелось бы усомниться в правомерности ведения отсчёта с конца 1910-х гг. Сразу возникает вопрос: а что подразумевается под «советскими формами»? Если имеется в виду идеологическая составляющая, то это скорее не форма, а содержание. Если же речь идёт о системе научно-исследовательских институтов как основе развития науки, то её появление (в том числе и учреждений исторического профиля) следует отнести к концу XIX в. Например, ещё в 1894 г. в Константинополе открылся Русский

археологический институт. В 1917 г. появился Кавказский историко-археологический институт⁷. Стоит подумать над тем, чтобы отказаться от прямолинейного рассмотрения 1917 г. (или конца 1910-х гг. как более осторожной формулировки) как начала институциональной перестройки отечественной исторической науки. Безусловно, Первая мировая война и революция резко ускорили процесс, но начался он задолго до этого.

Ещё одно соображение, напрямую касающееся проблемы периодизации и вообще развития советской исторической науки: как быть с массовыми историческими проектами, сочетавшими формы общественного движения и научно-исследовательской институции? Имеются в виду истпарты (1920-е — конец 1930-х гг.), редакции «Истории фабрик и заводов» (1931—1938) и «Истории гражданской войны» (1931—1947), Комиссия по истории Великой Отечественной войны (1941—1945) и др. Именно в них и реализовывалась авангардная установка советского проекта на вовлечение в историю простого человека. Они несколько выбиваются из предложенной периодизации, да и вообще не отражены в рецензируемом труде. Но можно ли исследовать институциональную историю советской исторической науки без них — большой вопрос.

Интересны соображения авторов о роли Института красной профессуры (ИКП). Они (во многом вслед за Е.А. Долговой⁸, комплексно изучающей это учреждение) высказывают сомнение в «государственном» характере этого проекта. Кроме того, подчёркивается, что ИКП нельзя рассматривать как традиционное высшее образовательное учреждение. Здесь делался акцент на практической подготовке, что приводило к низкому качеству научных компетенций его выпускников. Одновременно учреждение выполня-

ло функцию адаптации бывших участников Гражданской войны к мирной жизни.

Любопытен очерк об Обществе историков-марксистов. Официально оно просуществовало с 1925 по 1936 г., однако авторы выяснили, что фактически его работа прекратилась в 1932 г., более того, оно столкнулось с проблемами уже в конце 1920-х гг., в ходе свёртывания работы общественных организаций. Получается, что «спайки» между государством и Обществом не произошло, ему на смену пришли официальные учреждения.

Анализ кадрового состава Института истории Коммунистической академии (1929—1935) привёл авторов к выводу, что кадровая политика носила во многом ситуативный характер, разве что всё же сохранялось внимание к партийности сотрудников.

Рассмотрены способы контроля над историками. Отмечается, что главным «подконтрольным элементом» являлся не индивид, а коллектив, что позволяло отдельным учёным сохранять известную степень свободы. Авторы пришли к выводу, что практики контроля «фактически носили лишь внешний характер, диктуя темп научной работы или её общий стиль, но никак не содержание излагаемого материала» (с. 140—141). Мне кажется, это очень смелое заявление, хотя оно и нередко встречается в историографических трудах. Не отрицая существования известной (где-то даже значительной) доли свободы историков, всё же хочу напомнить, что многочисленные идеологические кампании и идеологические повороты напрямую отражались на научном творчестве. Во всяком случае, они давали понять, что одобряемо, а что признаётся идеологически вредным. И хотя механизм восприятия и воспроизводства идеологием в исторических трудах нельзя рассматривать прямолинейно, всё же

большинство следовало актуальным установкам или вынуждено было их учитывать.

В качестве приложений опубликованы словарь советских институций научно-исторического профиля, снабжённый актуальной библиографией, и документы по кадровому составу Института истории Коммунистической академии и Института истории АН СССР во второй половине 1930-х гг. Они, несомненно, пригодятся в образовательной и исследовательской работе. Вообще книга в силу информативности и компактности может использоваться как учебное пособие. В завершение подчеркну: монография не только фиксирует актуальные достижения исследователей советской исторической науки, но и выводит изучение её институциональной истории на новый уровень.

Примечания

¹ См. серию их публикаций: *Метель О.В.* Социалистическая академия общественных наук: очерк истории (1918—1919 гг.) // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2017. № 1. С. 184—191; *Клюев А.И., Метель О.В.* Проблемы институционального строительства советской исторической науки 1920-х гг.: Ленинградский институт марксизма // Клио. 2017. № 12. С. 13—19; *Метель О.В.* Институт истории Коммунистической академии

в отражении документальных свидетельств // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2017. С. 419—430; *Метель О.В.* Создание сети региональных отделений Общества историков-марксистов в 1930—1932 гг. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 1. С. 213—219; *Груздинская В.С., Метель О.В.* Институт красной профессуры: проблемы институционального строительства (1921—1923 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 82—87; и др.

² *Крих С.Б.* Институциональная историография советского периода: начало // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 405—410.

³ *Бурдье П.* Поле науки // *Бурдье П.* Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2014. С. 473—517.

⁴ *Kaplan V.* Historians and historical societies in the public life of Imperial Russia. Bloomington (Ind.), 2017.

⁵ Например: *Крих С.Б., Метель О.В.* Советская историография древности в контексте мировой исторической мысли. М., 2014; *Дубровский А.М.* Историки в 1930-х гг.: судьбы и восприятие жизни. М., 2018.

⁶ *Крих С.Б.* Институциональная историография советского периода: начало. С. 410.

⁷ Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 289, 323.

⁸ См.: *Долгова Е.А.* Институт красной профессуры как «государственный» проект: 1921—1938 гг. // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2018. № 2. С. 39—52; *Долгова Е.А.* Институт красной профессуры (1921—1938): от революционной идеи к практике воплощения // Уроки Октября и практики советской системы. 1920—1950-е гг. Материалы X международной научной конференции. М., 2018. С. 216—225; и др.

Ирина Ханова

Рец. на: Постигая историю: к 70-летию члена-корреспондента РАН, президента РГГУ Ефима Иосифовича Пивовара. Сборник статей. М.: РГГУ, 2019. 433 с.

Irina Khanova

(Russian State University for Humanities, Moscow)

Rec. ad op.: Postigaya istoriyu: k 70-letiyu chlena-korrespondenta RAN, prezidenta RGGU Efima Iosifovicha Pivovara. Sbornik statey. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870013889-8

В рецензируемом сборнике представлены статьи известных учёных, коллег и учеников юбиляра — док-

тора исторических наук, профессора, члена-корреспондента РАН Е.И. Пивовара, посвящённые проблематике

теории и методологии исторической науки, истории международных отношений, интеграционных процессов на евразийском пространстве. Авторы не останавливаются на изучаемых ими проблемах, а связывают их с другими аспектами истории.

Юбилейный труд открывает вводная статья о жизненном пути Ефима Иосифовича. В ней авторы отмечают основные направления его научного поиска: «массовые источники и математические методы их анализа, история государственного аппарата страны 20-х годов XX в., социальные проявления научно-технической революции и её влияние на облик рабочих кадров страны в 60—70-е годы XX в., история российского зарубежья XX—XXI в., постсоветское пространство и др.» (с. 11). Отмечаются заслуги юбиляра как основателя и руководителя значимого научного направления по изучению истории стран постсоветского зарубежья и современных международных отношений на евразийском пространстве. В должности ректора РГГУ Пивовар укрепил значение университета в качестве одного из лидеров гуманитарного знания в России. Представлен достаточно внушительный библиографический указатель трудов юбиляра, что даёт возможность читателям более подробно ознакомиться с его творчеством (с. 372—431).

Статьи сборника систематизированы по четырём тематическим разделам: «Теория и методология исторической науки», «История России», «Евразийское пространство: трансформационные процессы XX—XXI вв.», «Российское зарубежье как культурно-исторический феномен». В рамках каждой темы, находящейся в поле научных интересов Пивовара, вышли несколько его значимых трудов¹. Данная проблематика неоднократно обсуждалась на различных симпозиумах, международных конференциях,

семинарах и т.п. Кроме того, по ней опубликованы монографии, защищены диссертации, написаны учебные пособия и т.д.

В первом разделе авторы (В.Ю. Афиани, О.В. Павленко, Л.П. Репина, А.Т. Сабилов, Е.Н. Цимбаева) рассматривают теоретические проблемы и методологические аспекты в истории и международных отношениях, излагают новые подходы в оценке устной истории как междисциплинарного метода исследований в гуманитарных науках. Особого внимания заслуживает статья Афиани «Разработка методологии и истории науки в России: В.И. Вернадский и А.С. Лаппо-Данилевский» (с. 19—36). Автор проводит подробный сравнительный анализ биографий и научного творчества учёных, выявляет любопытные факты совпадения их интересов во многих жизненных сферах. Выбор Вернадского и Лаппо-Данилевского не случаен, поскольку именно они были «одними из наиболее подготовленных в России учёных к разработке теоретических, методологических вопросов научного познания, изучения истории отечественной и зарубежной науки» (с. 22).

Весьма познавательна статья Л.П. Репиной «“Парадигма памяти” в контексте пространственного поворота», речь в которой идёт о феномене изучения «исторической памяти», диалектики «формирования и деконструкции образов прошлого в индивидуальной и культурной памяти, мифологизации и демифологизации событий, героев и явлений прошлого» (с. 52).

Второй раздел посвящён исторической тематике. Его авторы (А.Б. Безбородов, С.В. Журавлёв, Ю. Гронов, Г.Н. Ланской, М.Ю. Мухин, Ю.А. Петров, Н.И. Харитоновна) освещают такие исторические сюжеты, как роль российского оборонно-промышленного комплекса, потребление

в СССР в 1950—1980-х гг., типологические репрезентации образа России в североамериканской и западноевропейской историографии, советская стратегия в области модельного ряда оборонной продукции в годы Великой Отечественной войны, экономический рост, правительственная политика и внешнеэкономические обязательства России в конце XIX — начале XX в., проблемы фальсификации истории.

В статье Безбородова «Российский оборонно-промышленный комплекс как фактор современной геополитики» подчёркиваются стратегический характер военной промышленности и её влияние на отношения между странами. Исследователь отмечает, что «военно-политический (стратегический) подход России к проблеме войны и мира нацелен на сохранение стабильности в отдельных, геополитически важных для Российской Федерации регионах, в первую очередь в Крыму, республиках Донбасса, Сирии, Арктике, на постсоветском пространстве в целом» (с. 84). Интересны рассуждения автора об актуальных процессах — соперничество великих держав (США, Китая и России), гибридные войны и т.д. «И КНР, и США, как и Россия, — отмечает Безбородов, — сосредоточены на разработке и производстве гиперзвукового оружия. Эти три страны занимают лидирующие позиции в области военного строительства и совершенствования военных технологий... Сегодня в мире идёт непрерывный революционный процесс технологических преобразований в военном деле. Происходит расширение географии военно-технологической активности великих держав в киберпространстве, космосе, под водой» (с. 87).

Мухин («Советская стратегия в области модельного ряда оборонной продукции в годы Великой Отечественной войны») анализирует раз-

витие советской «оборонки» в 1941—1945 гг. и вычленяет основные тенденции, имевшие ведущее значение для всего оборонно-промышленного комплекса СССР тех лет, главной из которых было «всемерное удешевление и повышение технологичности производимой военной продукции», сосредоточение «на разработке и выпуске образцов вооружения, в наибольшей степени пригодных к массовому, крупносерийному производству» (с. 142).

Петров («Экономический рост, правительственная политика и внешнеэкономические обязательства России, конец XIX — начало XX в.») исследует вопросы зарождения и роста отечественной промышленности, доли России, США, Великобритании, Германии и Франции в мировом промышленном производстве и экономической политике российского правительства. Здесь же представлен анализ финансово-экономической системы министра финансов В.Н. Коковцова, одним из основных векторов которой стала «ориентация на бездефицитный бюджет и усиление притока иностранных капиталов в займовой и инвестиционной форме для стимулирования экономического роста» (с. 154). Перед Первой мировой войной, констатирует автор, страна «вышла на траекторию здорового экономического роста, которая, не случись войны и революции, могла бы вывести империю в число ведущих индустриальных держав мира и обеспечить ей мирную, эволюционную модель экономического развития» (с. 168).

Неслучайно наиболее объёмным (семь статей) является третий раздел книги: проблемы евразийской интеграции являются одними из ключевых в научно-исследовательской деятельности Пивовара². В 2019 г. данное направление получило продолжение в подготовке и выпуске его очередной

работы³. В статье Н.П. Калашниковой («Новые тренды гуманитарного сотрудничества на евразийском пространстве») акцентируется, что сотрудничество в гуманитарной сфере для евразийского региона становится объектом более пристального внимания правительств и превращается в важный инструмент внешней политики, придающий внутрирегиональным контактам в высокой степени конструктивную, созидательную направленность. Отмечается также, что «положительное отношение к сотрудничеству стран в рамках ЕАЭС демонстрируют большинство опрошенных: 77% казахстанских студентов и 81% российских обучающихся... такие высокие показатели обусловлены тем, что студенты в основном правильно понимают задачу данного регионального союза, который призван повысить конкурентоспособность входящих в него стран благодаря их кооперации». Однако сегодня «практически отсутствуют принятые индикаторы для оценки состояния гуманитарного взаимодействия между странами ЕАЭС, наибольшее внимание сосредоточено на мониторинге экономического и военно-политического сотрудничества» (с. 283—284).

Непосредственно теме евразийской интеграции посвящены статьи Ю.В. Шевцова («Евразийская интеграция и Восточная Европа: проблема внутреннего российского выбора») и А.В. Фененко («Итоги евразийской интеграции»). Анализируя геополитические тенденции развития России, постсоветского пространства, Европы, Китая, культурную интеграцию на пространстве Большой Евразии, а также «ниспадающий тренд развития Восточной Европы» (с. 290), Шевцов приходит к выводу: евразийская интеграция «зависит от внутреннего выбора пути своего развития российским государством и обществом» (с. 300).

В весьма концептуальной и целостно выстроенной статье Фененко делается исторический экскурс в данную проблематику, анализируются понятие «Евразия» на постсоветском пространстве, а также попытки интеграции в рамках СНГ; рассматриваются основные этапы становления Евразийского союза с момента подписания в 2000 г. договора об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) до юридического оформления ЕАЭС в 2015 г.

Несомненный интерес читателей вызовут работы В.Ф. Ершова («Финансовые институты БРИКС на евразийском пространстве: формирование и деятельность (2006—2018)»), Е.А. Косован («Концептуальное осмысление украинского сценария топониимической декоммунизации (на примере Коминтерна)»), А.С. Левченкова («Вишеградская группа и проблема урегулирования украинского кризиса в 2014 — начале 2019 г.») и А.В. Гущина («Пять лет постмайданной Украины: промежуточные итоги ключевых социально значимых реформ»).

По утверждению Ершова, «деятельность финансовых институтов БРИКС и их конструктивное взаимодействие с банковскими структурами ЕАЭС имеет большое позитивное значение для экономико-технологического развития Евразийского региона, способствует институционализации банковской сферы Евразийского союза, дальнейшей интенсификации интеграционных процессов, объединяющих в том числе финансово-экономическое пространство ЕАЭС и БРИКС в рамках новой глобальной экономики XXI в.» (с. 228—229).

Следует отметить мнение Гущина по поводу существования постмайданной Украины: это время не только «трагических геополитических трансформаций, но и период глубинных

экономических и социальных потрясений. Страна стоит на распутье, решая вопросы — сохранит ли она своё единство, сумеет ли выйти на путь устойчивого развития без радикального национализма и социальной деградации» (с. 189).

Левченков же подчёркивает, что конфликт на юго-востоке Украины «обладает рядом отличительных особенностей, выделяющих его на фоне других конфликтов на постсоветском пространстве. Кризис, ставший индикатором и катализатором ухудшения отношений между Россией и Западом, представляет собой пример самой масштабной за последние десятилетия гуманитарной катастрофы в Европе с миллионами беженцев. При этом данный кризис имеет очевидные черты гражданского внутриукраинского конфликта, оппозиции политического выбора и регионального самоопределения, противостояния между курсом на унификацию и автономизацию» (с. 265).

Действительно, в решение вопроса об урегулировании кризиса на юго-востоке Украины оказались вовлечены почти все ключевые международные игроки Европы и США. Усталость от затяжного украинского кризиса и заинтересованность большинства стран Вишеградской группы в его урегулировании стали одной из причин отсутствия реальной поддержки П. Порошенко на президентских выборах весной 2019 г. Порошенко и его команда, потерявшие популярность в украинском обществе, уступили политическую арену В. Зеленскому, с приходом которого многие связывали надежду на позитивные перемены.

Четвёртый раздел представлен исследованиями необычного опыта образовательного пространства зарубежной России 1920—1930-х гг. (З.С. Бочарова), феномена частного коллекционирования в глобальном пространстве Русского мира XX — начала XXI в. (М.В. Катагощина), источников изучения адаптации русской военной эмиграции в странах Латинской Америки в 1920—1930-х гг. (М.Н. Мосейкина), а также выявленных в архивах Франции, Великобритании, России, Финляндии и Норвегии документов об участии казахов в итальянском и французском движениях Сопротивления во время Второй мировой войны (Г.М. Мендикулова).

Темы, представленные в сборнике, достаточно актуальны. Несомненно, продолжая свою исследовательскую и преподавательскую деятельность, юбиляр и его ученики будут развивать эти направления научных изысканий. Труд заинтересует специалистов по истории России, а также международных отношений, российского зарубежья, внешней политики РФ и других стран постсоветского пространства.

Примечания

¹ См.: *Пивовар Е.И.* Наше Отечество: опыт политической истории. В 2 т. М., 1991; *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008; *Пивовар Е.И.* Мир российского зарубежья в конце XX — начале XXI века. М., 2019.

² *Пивовар Е.И.* Евразийский интеграционный проект на постсоветском пространстве: 1991—2015 гг. (Предпосылки, становление, развитие). СПб., 2016.

³ *Пивовар Е.И.* Евразийский интеграционный проект: предпосылки, становление, развитие. Глобальные процессы на постсоветском пространстве. СПб., 2019.

Игорь Яковлевич Фроянов
(1936—2020)

5 декабря 2020 г. скоропостижно скончался известный российский учёный, доктор исторических наук профессор И.Я. Фроянов. Сын репрессированного в 1937 г. командира Красной армии, он в 1963 г. окончил исторический факультет Ставропольского педагогического института, где учился у профессора В.А. Романовского, выпускника киевского Университета святого Владимира, прививавшего своим ученикам вкус к дореволюционной историографии. В том же году Игорь Яковлевич поступил в аспирантуру исторического факультета Ленинградского государственного университета и там же в 1966 г. защитил под руководством В.В. Мавродина кандидатскую диссертацию «Зависимое население на Руси IX — начала XII вв. (челядь, холопы, данники, смерды)». В последующие десятилетия И.Я. Фроянов выпустил целый ряд монографий, освещавших ключевые аспекты социального устройства и политической жизни древнерусских земель (*Фроянов И.Я.* Киевская Русь: очерки социально-экономической истории. Л., 1974; *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: очерки социально-политической истории. Л., 1980; *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988; *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород: очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992; *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995; *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999), а также их отражение в былинах и научных исследованиях (*Фроянов И.Я.* Киевская Русь: очерки отечественной историографии. Л., 1990; *Фроянов И.Я., Юдин Ю.И.* Былинная история. СПб., 1997). Помимо авторских находок и наблюдений в них получили развитие многие идеи его учителя — профессора Мавродина и традиции петербургской исторической школы. Итогом многолетней работы стали «Лекции по русской истории. Киевская Русь» (СПб., 2015) и обобщающий труд «Древняя Русь IX—XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть» (М., 2014). Концепции И.Я. Фроянова находили как горячих сторонников и последователей, так и авторитетных критиков и противников. Они неизменно вызвали острые дискуссии, которые становились заметным событием в отечественной научной жизни. Дискуссионный характер носила и его книга о политической и духовной борьбе в Российском государстве первой половины XVI в. «Драма русской истории. На путях к Опричнине» (М., 2007).

С 1966 г. всю свою жизнь И.Я. Фроянов связал с Ленинградским (Санкт-Петербургским) университетом, пройдя в нём путь от ассистента до заведующего кафедрой истории СССР, затем — России (1983—2003) и декана исторического факультета (1982—2001), председателя научных и диссертационных советов. За эти годы он подготовил десятки учеников и сформировал собственную исследовательскую школу, представители которой ныне трудятся во многих научных центрах от Москвы и Санкт-Петербурга до Сибири.

Смерть Игоря Яковлевича Фроянова стала тяжёлым ударом и большой потерей для его учеников и коллег.

А.Х. Даудов, А.Ю. Дворниченко

«Russian ulus» of the Golden Horde

Vadim Trepavlov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870014169-6

After the Mongol invasion in 1237–1241, most of the Russian principalities were forced to submit to the invaders. Rus' became part of the Yeke Mongol Ulus — the Mongol Empire. Visits of the princes to bow to the new overlords — to the Volga headquarters of the rulers of Jochi Ulus (the future Golden Horde) and the imperial capital Karakorum, the conduct of a general imperial census in the Russian lands, the introduction of taxation there clearly demonstrated this new status of Rus'. After the empire had broken up into independent ulus khanates in the second half of the 1260s, the supreme power over the Slavic subjects passed to the Jochids — the khans of the Golden Horde. So, if the belonging of the conquered Rus' to the Mongol Empire does not seem to cause noticeable disputes and doubts in historiography, then its position in the “post-imperial” situation remains controversial.

The very fact of the conquest did not seem to Russian and Soviet researchers to be a sufficient basis for regarding the Russian lands as part of the Golden Horde. Krivosheev rightly noted: “Most of the Russian historians believed and still believe that Rus' as a territory and society did not become the territory of the ‘Jochi Ulus’”¹. It is no coincidence that the author of the only monographic study of the historical geography of the Golden Horde, Egorov did not consider Russian lands among the Horde possessions².

If to take recent studies, then, as an example of a concentrated presentation of such an approach, one can refer to Gorskii: after the campaigns of Batu and the administrative measures of the government of the Yeke Mongol Ulus in the 1240s — 1250s, “The Russian lands *fell into dependence* on the Mongol khans (hereinafter, the author’s italics are in quotes — *the author’s note*)”. When the Golden Horde had become a separate state, “the Russian principalities remained *in vassal dependence* only on it”; this “vassal dependence” was expressed in the right of the Horde khans to establish princes on the thrones and receive tribute (“Horde vykhod”) and other taxes from them³.

The concept of “dependence” concerning the Russian-Horde relations has recently been actively introduced into the Russian scientific discourse, displacing (but not completely replacing) the former established “Mongol-Tatar yoke”, and was even

© 2021 V.V. Trepavlov

This article is a translation of: V.V. Trepavlov. «Russian ulus» of the Golden Horde. Rossiiskaia Istorია. 2021. № 1. P. 3–15. DOI: 10.31857/S086956870013438-2.

¹ Krivosheev Yu.V. Rus' i mongoly. Issledovanie po istorii Severo-Vostochnoi Rusi XIII–XIV vv. [Rus' and Mongols. Research on the History of North-Eastern Rus' of the 13th–14th centuries]. Sankt-Peterburg, 2003. P. 117. (In Russ.)

² Egorov V.L. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv. [Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries]. Moskva, 1985. (In Russ.)

³ Gorskii A.A. Rus': ot slavianskogo rasseleniia do Moskovskogo tsarstva [Russia: from Slavic Settlement to Muscovite Tsardom]. Moskva, 2004. P. 190–191. (In Russ.)

legalised in the Federal State Educational Standard of Basic General Education⁴. Thus, there is no question of considering the enslaved Rus' part of the Golden Horde state. "Russia was clearly not part of the Ulus, and the Tatars allowed the Russian princes to preserve their thrones," Halperin⁵ writes, implying by the Ulus, obviously, the territory of the Horde, directly controlled by the khan, his officials, and governors.

The definition of Rus's dependence on the Horde is often accompanied by the epithet "vassal" (as in the above quote from Gorskii's work). However, a careful analysis of the Russian-Horde relations of domination-subordination reveals significant differences from their Western European feudal and later prototypes — vassalage, protectorate, ministeriality, etc.⁶ Therefore, from time to time in the literature, it has been assumed about a closer interaction of these two historical subjects. Thus, Gumilev saw in the period of the 13th-15th centuries a mutually beneficial alliance and even a "symbiosis" of Rus' and the Horde⁷ borrowed from biology, i.e. also perceived them as two mismatched — albeit supposedly mutually loyal — system elements. Vernadsky believed that "Rus' was a part of the Mongol empire and a regional khanate", and "while Western and Eastern Rus' were under the khan's control, both were *parts of the same political entity, the Golden Horde*"⁸. However, for a long time, such points of view were not shared by almost any historian, remaining essentially marginal.

In recent years, due to the growing interest and intensification of research on the history of the Golden Horde, an alternative view is increasingly penetrating the pages of scientific reports, articles, and monographs (but not textbooks — this is still a long way off). Seleznev's works are devoted to the examination of the degree and signs of the subordination of Rus' to the Horde through the analysis of the relationship between princes and khans. He concluded that the rulers of the Rurik's house held "in fact, administrative positions" in the Horde state system, were included "in the system of interaction between the elite of the Jochi Ulus", which meant "their inclusion in the ruling layer of the Horde"⁹. The Russian-Horde relations are largely presented in a new way in the third volume of the "History of the Tatars" and the generalizing fundamental monograph "The Golden Horde in World History"¹⁰.

Probably, so far one can only talk about the first steps, the emerging tendency to rethink this problem. However, these steps already allowed Galimov to claim that recent studies have shown "quite convincingly" that "the ancient Russian principalities

⁴ See: Programma osnovnogo obshchego obrazovaniia po istorii. 5—9 klassy (bazovyi uroven') [Basic General Education Program in History. 5—9 grades (basic level)]. (In Russ.) Available at: https://prsgim.edu.yar.ru/annotatsii_k_rabochim_programmam/2017_2018/programma_po_istorii_5_9_kl_fgos.pdf (access date 21.07.2020).

⁵ Halperin Ch.J. Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Rus' n History. Bloomington, 1985. P. 63.

⁶ See: Seleznev Yu.V. Kartiny ordynskogo iga [Pictures of the Horde Yoke]. Voronezh, 2017. P. 33, 34. (In Russ.)

⁷ Gumilev L.N. Drevniaia Rus' i Velikaia Step' [Ancient Russia and the Great Steppe]. Moskva, 1989. P. 543. (In Russ.); Gumilev L.N. Ot Rusi k Rossii. Ocherki etnicheskoi istorii [From Rus' to Russia. Essays on Ethnic History]. Moskva, 1992. P. 155. (In Russ.)

⁸ Vernadskii G.V. Mongoly i Rus' [Mongols and Russia]. Tver'; Moskva, 1997. P. 6, 240. (In Russ.)

⁹ Seleznev Yu.V. Russkie kniaz'ia v sostave praviasheci elity Dzhuchieva Ulusa v XIII—XV vekakh [Russian Princes in the Ruling Elite of the Jochi Ulus in the 13th—15th Centuries]. Voronezh, 2013. P. 304. (In Russ.); Seleznev Yu.V. Kartiny ordynskogo iga [Pictures of the Horde Yoke]. P. 34. (In Russ.)

¹⁰ Istoriia tatar s drevneishikh vremen. T. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v. [History of the Tatars from Ancient Times. Vol. III. Jochi Ulus (Golden Horde). 13th—mid-15th Century]. Kazan', 2009. (In Russ.); Zolotaia Orda v mirovoi istorii [The Golden Horde in World History]. Kazan', 2016. (In Russ.)

were not just dependent on the Horde, but were part of the Golden Horde space”. With that, “the totality of Russian principalities became a kind of separate ‘Russian Ulus’”¹¹. In 2019, within the framework of the VI International Golden Horde Forum in Kazan’, a roundtable discussion was held on “Russian Ulus: issues of subordination of the Ancient Russian lands to the Golden Horde”.

Thus, the concept of “Russian Ulus” as an integral and independent object of study is gradually penetrating modern historiography¹². At one time, the author decided to define the Russian principalities, imposed by the “Horde vykhod”, as an integral part of the Golden Horde¹³. One of the reasons for this was the naming of the principalities in the Russian chronicles as “Tsarev Ulus” (see below). This interpretation, many years later, drew criticism from the researcher of the Mongol conquest of Rus’ Krivosheev. In his opinion, Trepavlov’s approach does not take into account the ambiguity of the term “ulus”, which initially meant “a socio-potestary community of a heterogeneous nature” (according to Skrynnikova), and later acquired a “state-territorial accent”. Between the Horde and Rus, there was a relationship of “tributary exploitation” based on “tributary” with accompanying raids and plunders. Consequently, “the Russian chronicles make it possible to interpret the “ulus” not as the lands subordinated to the Horde and ruled by the khan, but as a territory, the population of which pays tribute”; ulus, like *tumen*, are “tributary units that have nothing to do with the territorial-state structure of the Golden Horde, directly ruled by the khans”¹⁴.

There is something to object to here. First, somewhat scholastic arguments about changes in the meaning of the term “ulus” do not refute the author’s understanding of a part of Russia as part of the Horde, whether it is a “socio-potestary community” (in other words, a people) or a territorial possession. However, from the context of the rare mentions of the ulus in the chronicles concerning the Russian lands, nevertheless, first of all, the territorial meaning of this concept appears, although sometimes the primordially Mongolian understanding as a “subject people” or a “people transferred to government” is possible. In the 17th century, the ulus entered the Russian language so much that when translating Turkic letters in the Ambassadorial Prikaz, it replaced the concepts “people”, “subjects”, “servants” that appeared in the originals¹⁵. Be that as it may, this does not in any way refute the thesis that the conquered part of Rus’ belonged to the Golden Horde state.

¹¹ Galimov T.R. O vkhozhdenii drevnerusskoi znati v sostav elit Zolotoi Ordy (postanovka voprosa) [On the Entry of the Ancient Russian Nobility into the Elites of the Golden Horde (Formulation of the Question)]. Zolotoordynskaia tsivilizatsiia [Golden Horde Civilization]. 2017. No. 10. P. 261, 263. (In Russ.)

¹² The Turkish researcher Kemalolu (Kamalov) wrote the book *The Golden Horde and Russia. Turkic-Tatar Impact on Russia*, which in Russian translation was issued under the name *Golden Horde and Russian Ulus*. However, it still uses traditional and largely abstract characteristics: “vassals”, “vassalage”, “submission to the Golden Horde”, etc. (Kamalov I. Altın Orda ve Rusya: Rusya Üzerindeki Türk-Tatar Etkisi. İstanbul, 2009; İstanbul, 2015; Kamalov I. Zolotaia Orda i russkii ulus (tatarskoe vliianie na Rossiui) [Golden Horde and Russian Ulus (Tatar Impact on Russia)]. Kazan’, 2016. (In Russ.)). The author does not give a clear answer to the question whether the Russian principalities were part of the Jochi Ulus.

¹³ Trepavlov V.V. Status “Belogo tsaria”: Moskva i tatarskie khanstva v XV—XVI vv. [Status of the “White Tsar”: Moscow and the Tatar Khanates in the 15th—16th Centuries]. Rossiia i Vostok: problemy vzaimodeistviia [Russia and the East: Problems of Interaction]. Moskva, 1992. P. 59—62. (In Russ.)

¹⁴ Krivosheev Yu.V. Rus’ i mongoly... [Russia and Mongols...]. P. 246—248 (In Russ.); Krivosheev Yu.V. Srednevekovaiia Rus’ i Dzhuchiev Ulus: formirovanie i razvitie sistemy otnoshenii [Medieval Rus’ and Jochi Ulus: Formation and Development of the System of Relations] // Mongol’skaia imperiia i kочеvoi mir [Mongol Empire and the Nomadic World]. Ulan-Ude, 2004. P. 194—196. (In Russ.)

¹⁵ Trepavlov V.V. Istoriiia Nogaiskoi Ordy [History of the Nogai Horde]. Moskva, 2020. P. 739, 740. (In Russ.)

Second, the ambiguous Ancient Russian concept of “tribute” seems to be interpreted by the author’s respected opponent too one-dimensionally, according to the modern meaning — as the withdrawal of resources by the conquerors from the unfortunate victims of the conquest. Meanwhile, the Horde tribute — “vykhod” (*chyqysh, kharaj*) — was an ordinary tax imposed on the entire sedentary population of the Jochi Ulus, and not only the Russians. Moreover, in Medieval Rus’ the word “tribute” meant not only payments to the victorious enemy, but also “duty”, and even “gift, offering”¹⁶.

Third, it is strange to assert that the principalities, which the Russians themselves called the “tsarev (i.e. khan’s) ulus”, were not related to the “territorial-state structure” of the state, which was divided into uluses. It is another matter that the Slavic regions of Eastern Europe, of course, were not like the uluses in the nomadic steppe — this is indisputable. As Fedorov-Davydov noted, the term “ulus” was applied to the Russian principalities “with a tinge denoting their vassal position to the khan”¹⁷.

Let us turn to the references to the ulus in Russian sources describing the events of the 13th—15th centuries. As expected, this concept appears, first of all, in the words of the Tatars transmitted by medieval chroniclers. At the same time, it is necessary to take into account the likelihood of the authors’ conjecturing the quoted texts of these speeches — if not their general content, then individual details, including terminology. In particular, Russian historians are traditionally skeptical about the information of the late “Nikon Chronicle” (16th century) regarding that era.

One can read in it about how in September 1383 Tokhtamysh, “Tsar Volozhsky and the highest tsar of all the hordes”, bestowed Prince Mikhail Alexandrovich with the great reign of Tver’ with the words: “I know *my uluses* myself, and every prince of Russia *in my ulus, but in his own homeland* lives in the old way, and serves me with the truth...but what is not true for me of *my ulusnik* (i.e. ulus servant) prince Dmitry of Moscow, I frightened him”¹⁸. The “Tver’ Collection” (end of the 15th century) conveys the words of the same Tokhtamysh to the Muscovites besieged by him in 1382: “I did not come to destroy *my ulus*, but to observe it”¹⁹.

It is worth noting that the Russian lands do not appear in the above fragments as a single “Russian Ulus”. It follows from the chronicle quotes that the Grand Duchy of Tver’ and Vladimir (then actually Moscow), and other regions ruled by princes subject to the Horde (“*every prince in my ulus*”) were special uluses. On the whole, the idea of a principality as a khan’s ulus is clearly seen here and has been repeatedly noted in historiography. The speeches of Russian visitors to the khan’s headquarters with the mention of the ulus were much more frequently cited in the literature. The “Simeon Chronicle” (end of the 15th century) and the “Voskresenskaia Chronicle” (16th century) under 1348/49: “And the Tsar (Janibek — *the author’s note*) has heard

¹⁶ *Sreznevskii I.I. Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikam*. T. I. [Materials for the dictionary of the Ancient Russian Language on Written Monuments, vol. I]. Sankt-Peterburg, 1893. Columns 627—629. (In Russ.); *Slovar' drevnerusskogo iazyka (XI—XIV vv.)*. T. II [Dictionary of the Ancient Russian Language (11th—14th Centuries), vol. II]. Moskva, 1989. P. 426, 427. (In Russ.)

¹⁷ *Fedorov-Davydov G.A. Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy* [The Social System of the Golden Horde]. Moskva, 1973. P. 117. (In Russ.)

¹⁸ *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 11. Sankt-Peterburg, 1897. P. 84. (In Russ.)

¹⁹ *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 15. Moskva, 2000. P. 442. (In Russ.)

the complaint of the Great Prince (Semyon Ivanovich of Moscow — *the author's note*) that Olgerd with his brothers devastated the *tsarev ulus*, but the *Great Prince's patrimony*"; "The Tsar has heard from the Great Prince's ambassadors that Olgerd with his brothers devastated *his ulus*, the *Great Prince's patrimony*"²⁰. "The Nikon Chronicle" under 1399: Ivan Mikhailovich of Tver' sent a deputation to the khan with a request "to grand him with his patrimony and the estate inherited from his grandfather, but with *the khan's ulus*, the *Grand Duchy of Tver*", and that "gave *his ulus*, the *Grand Duchy of Tver*, to Prince Ivan Mikhailovich according to his patrimony and the estate inherited from his grandfather"²¹. Much better known and more often cited is information about the dispute around the grand prince's throne (and the corresponding *yarlyk*) between Vasily Vasilyevich of Moscow and Yuri Dmitrievich of Zvenigorod at the headquarters of Khan Ulug Muhammad in 1431–1432. In a monologue addressed to the khan, Vasily's confidant convinced him of the strict observance by his patron of the orders established by the Horde, in contrast to Yuri, an adherent of the inheritance right to reign: "Our ruler, the Grand Duke Vasily, is looking for the table of his great reign, and your *ulus*, according to your *tsar's wish* and according to your register and letter of the khans... And you are free in your *ulus* to grant whoever you want at your will"²².

It is noteworthy that the chroniclers have never commented on this dual status of the principalities as hereditary possessions and the Horde *Ulus*s. This omission could be accidental and required explanations from historians. In general, they concluded that this was a consequence of reconciliation with the fact of the conquest and the fate of the Tatar tributaries as a manifestation of the divine will. Indeed, as stated in the "Hagiography of Mikhail of Chernigov" (mid-16th century), after the invasion, Rus' found itself in the position of "the land of the Kan and Baty" (that is, the Mongolian emperor — *Kaan* and *Batu*), therefore, "those who do not worship them... should not live on it"²³. Consequently, it was ascertained that Rus' entered not only into the Chinggisid Empire headed by the *Kaan* but also into the number of *Batu's* possessions — "the land of *Batu*", i.e. *Jochi Ulus*. In any case, this was the case from the Mongols' point of view (in the "Hagiography", their appeal to the princes who survived after the invasion is retold). The Khan of the Horde acted as an instrument of God's wrath

²⁰ Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 7. Sankt-Peterburg, 1856. P. 215; Vol. 18. Moskva, 2007. P. 96. (In Russ.)

²¹ Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 11. P. 183. (In Russ.)

²² Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 27. Moskva, Leningrad, 1962. P. 103; Vol. 25. Moskva, Leningrad, 1949. P. 249; Vol. 26. Moskva, Leningrad, 1959. P. 188. (In Russ.). On this situation, see: *Arapov D.Yu.* Russkie kniaz'ia v Orde v 1432 g.: istoriia odnogo epizoda moskovskoi "zamiatni" XV v. [Russian Princes in the Horde in 1432: the Story of one Episode of the Moscow "zamyatnya" (period of troubles of the 15th century) // *Russkoe srednevekov'e. Istochniki. 2000—2001* [Russian Middle Ages. Sources. 2000—2001]. Moskva, 2002. P. 98—100. (In Russ.); *Zimin A.A.* Vitiaz' na rasput'e. Feodal'naia voina v Rossii XV v. [A Knight at the Crossroads: Feudal War in Russia of the 15th Century]. Moskva, 1991. P. 45—47. (In Russ.)

²³ *Serebryanskii N.I.* Drevnerusskie kniazheskie zhitia. Obzor redaktsii i teksty [Ancient Russian Princely Hagiographies. Review of Editions and Texts]. Moskva, 1915. P. 55. (In Russ.); *Nasonov A.N.* "Russkaia zemlia" i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva. Istoriko-geograficheskoe issledovanie. Mongoly i Rus'. Istorii tatarskoi politiki na Rusi ["Russian Land" and the Formation of the Territory of the Ancient Russian State. Historical and Geographical Research. Mongols and Russia. History of Tatar Politics in Russia]. Sankt-Peterburg, 2002. P. 221. (In Russ.)

against Rus', which is why he got the opportunity to completely control the fate of the Russian lands²⁴.

Besides, the demonstration of loyalty during visits to the Horde and an outwardly neutral attitude towards the “yoke” could be dictated by the fear that the Horde rulers were able to at any time go over to direct control of the Russian tributaries, without the mediation of local princes — just like in the rest of the Golden Horde²⁵.

In general, as Halperin puts it, Russian intellectuals of the 13th-14th centuries “bypassed the dangerous comprehension of Mongol rule by refusing to interpret Russian-Tatar relations in terms of sovereignty, that is, refusal from explicit recognition that Rus' was conquered”²⁶. It is this American researcher who has a very sound idea, from the author’s point of view, about a kind of “*ideology of silence*”, “avoiding [articulating] the idea of Tatar suzerainty”²⁷. In his opinion, the Russian authors of medieval texts organized in fact a “conspiracy of silence”, just avoiding touching upon the problems associated with the conquest, and between hatred of the enemy and ignoring him, they chose the latter. Halperin even sees an “incredible feat” in the fact that the ideologists of Rus' glorified the khans and at the same time did not recognize that they were its rulers²⁸, that is, did not recognize this obvious, although unfortunate for the Orthodox Slavs fact.

Nevertheless, Laushkin considered this interpretation of the mentality of Russian scribes “largely artificial”. In fact, in his opinion, their constant comparison of the Horde dominion over Rus' with the Old Testament “Babylonian captivity” of the Jews was permeated with “historical optimism” — confidence in the inevitable future deliverance from this heavenly punishment. The decrease in the negative characteristics of the Mongols in the texts, starting from the second half of the 13th century, “does not so much indicate a certain political prudence of the chroniclers, but generally corresponds to the manner that their earlier predecessors developed when telling about the Polovtsy, Bulgars, and Lithuania”²⁹.

Rudakov, considering the infrequent presence of the Tatar khans on the pages of ancient Russian writings, focuses on the conviction of their authors in the divine source of any state power, which resulted in unquestioning submission to the power of the Horde “tsar”, which was to be “obeyed to the extent that it concerns earthly affairs”³⁰. Rudakov approached the problem from a slightly different angle, but the

²⁴ *Seleznev Yu.V.* Polemicheskie zametki ob obraze tatar v russkoi srednevekovoi knizhnosti [Polemical Notes about the /image of the Tatars in the Russian Medieval Book Culture] // *Peterburgskie slavianskie i balkanskije issledovaniia* [Petersburg Slavic and Balkan Studies]. 2011. No. 1(9). January—June. P. 220. (In Russ.)

²⁵ *Gorskii A.A.* Utverzhenie vlasti Mongol'skoi imperii nad Rus'iu: regional'nye osobennosti imperii [The assertion of the Power of the Mongol Empire over Russia: Regional Features of the Empire] // *Istoricheski vestnik* [Historical Bulletin]. 2014. Vol. 10(157). P. 59. (In Russ.)

²⁶ *Halperin Ch.J.* Russia and the Golden Horde... P. 63.

²⁷ *Halperin Ch.J.* Tatarskoe igo. Obraz mongolov v srednevekovoi Rossii [The Tatar yoke. The Image of the Mongols in Medieval Rus']. Voronezh, 2012. P. 14, 30, 202. (In Russ.); *Halperin Ch.J.* Russia and the Golden Horde... P. 74; *Halperin Ch.J.* The Tatar Yoke. The Image of the Mongols in Medieval Rus' . Columbus (Ohio), 1986. P. 5, 20, 192.

²⁸ *Halperin Ch.J.* The Tatar Yoke... P. 203, 205, 206, 209.

²⁹ *Laushkin A.V.* Rus' i sosedi: istoriia etnokofessional'nykh predstavlenii v drevnerusskoi knizhnosti XI—XIII vv. [Russia and Neighbors: History of Ethno-confessional Representations in Ancient Russian Book Literature of the 11th—13th Centuries]. Moskva, 2019. P. 181—193, 228. (In Russ.)

³⁰ *Rudakov V.N.* Mongolo-tatarskie glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII—XV vv. [Mongol-Tatars through the Eyes of Ancient Russian Scribes of the Middle of the 13th—15th Centuries]. Moskva, 2009. P. 111, 121. (In Russ.)

certainly he noted for the Russian scribes of the prerogatives of the “power of Caesar” also explains their silence regarding the position of Rus' in the system of the Horde statehood.

Thus, Russian sources — with their dry statements of the ulus status of principalities and princes as khan ulusniks — do not help much in determining the position of the “Russian Ulus” in the Golden Horde. Therefore, let us turn to the texts originating from the countries adjacent to Rus'.

Russian-Horde relations of the era of the “Mongol-Tatar yoke” were reflected in the Books of Records of the Lithuanian metric of the late 15th — early 16th centuries. In these documents, from time to time, there is a memory of the former tributary obligations of Rus'. When communicating with the Grand Duke Ivan III, the Tatars did not dare to even mention this. In the initial protocol of the khan's letters from the Krym, the formula “(so-and-so khan's) word to Ivan” was used, i.e. simply with the designation of different ranks of rulers — khan (“tsar”) and the grand duke, already without the former imperative construction of *sözüm* — “my word”³¹. However, in their correspondence with Vilna and Krakow, the Krymns gave vent to nostalgia, accompanying the mention of the Moscow sovereign with the indispensable addition of “our kholop” (‘servant’, or even ‘slave’)³². Sheikh Ahmad, the last Khan of the Great Horde, also called Ivan III kholop³³.

The Polish-Lithuanian side willingly supported these moods, reinforcing the anti-Moscow sentiment in their Tatar interlocutors. The authorities of the Polish-Lithuanian state, which had once contributed to the accession of the Gireys, adhered to a similar interpretation when communicating with the Krymns: “The ancestors of the Muscovite (Grand Duke — *the author's note*) were serfs; your ancestors were always given tribute to the royal table, at which you, our brother, sit”³⁴.

With that, the Polish-Lithuanian rulers were outraged by the ambitions of the Moscow princes for hierarchical equality with the khans: “And whoever wrote himself as a serf before that ancestor of yours is now already called your brother. And he is the enemy of our lord, the Grand Duke of Moscow”³⁵. They considered the difference in the ranks of the rulers to be significant also because Moscow once paid the Horde a tribute — “vykhod”, while Lithuania was limited to voluntary (albeit rather ruinous) gifts — upominki: “Our ancestors and our father, with their great ambassadors, visited your ancestors and your father with upominki, and your Moscow serf gave tribute every year”³⁶.

The same attitude is seen in the story of “The Nikon Chronicle” about the appeal of the Grand Duke of Lithuania Jagiello to the “Tsar” Mamai on the eve of the Battle of Kulikovo: “I hear, sir, as if you want to frighten *your ulus*, your official, the Moscow Prince Dmitry... Prince Dmitry of Moscow is giving a great offence against *your ulusnik* Oleg Prince of Ryazan”. Mamai allegedly answered: “As much as you want

³¹ *Gorskii A.A.* Moskva i Orda [Moscow and the Horde]. Moskva, 2000. P. 179, 180. (In Russ.)

³² Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5 (1427—1506). Vilnius, 1994. P. 172, 173, 175, 179, 181, 235.

³³ Lietuvos Metrika. Knyga Nr 6 (1494—1506). Vilnius, 2007. P. 80.

³⁴ Lietuvos Metrika. Knyga Nr 7 (1506—1539). Vilnius, 2011. P. 337 (order to the ambassador of the King and the Grand Duke Sigismund I to the Krym Khan Mengli Girey, March 29, 1516).

³⁵ Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5 (1427—1506). P. 276 (order to the ambassador of the Grand Duke Alexander Jagiellon to Mengli Girey, November 7, 1500).

³⁶ Lietuvos Metrika. Knyga Nr 7 (1506—1539). P. 84.

my ulus, the land of Rus', I grant you all, my oathbounds and *ulusniks*"³⁷. One can also observe here the difference between the "ulusniks" of the Moscow and Ryazan principalities and the "oathbounds" of the principality of Lithuania (at the beginning of the letter, Jagiello is presented as "pro your grace oathbound"). Besides, "non-Lithuanian" Rus' appears in the eyes of Mamai as "my ulus, the Russian land", i.e. subservient to the khan, the Russian Ulus of the Golden Horde (it does not matter that the "royal" title was attributed to this bek by the chronicler, most likely, undeservedly).

So, in the documents related to the Grand Duchy of Lithuania, one can see a clear impression of contemporaries about North-Eastern Rus' as the same "tsarev ulus" that is mentioned in the Russian chronicles — a property subordinate to the khan, ruled by princes — khan "ulusniks".

Contemporaries and observers from the more distant West assessed the position of Rus' to the Horde rather unequivocally: it is a tributary and, therefore, part of the "Tartars'" state. Allsen drew attention to the fact that the French ambassador Rubruk, when listing the regions of the Jochi Ulus, which paid tribute to the Mongols with furs in the mid-1250s, calls the Russian principalities³⁸. They had a reputation as land subject to the Horde rulers. One hundred years after Rubruk, the anonymous "Chronicle of Steiermark" told about the invasion of Polish troops into Galicia in 1340, to which the reaction of Khan Uzbek followed: "The Tartar king, hearing about this, claimed that *the kingdom* (Galician — *the author's note*) *was his, paid the quitrent to him and his ancestors*. He came with an infinite number of Tartars to the borders of Cracovia"³⁹. Let us note that there is a reference to the opinion of the Horde side about the citizenship of Western Rus. Although the Austrian author could conjecture it.

The younger contemporary of the Steier anonymous author, an unknown Castilian, who composed the "Book of Acquaintance with All Kingdoms", did not visit those kingdoms himself and described his fictional journey through them. Among the cities that "are in the Sarai Empire," he, along with several unidentifiable toponyms, calls "Tyfer"⁴⁰. It would be tempting to assume that this is the name of the city of Tver', but only written down by someone by ear from a certain Turkic-speaking informant.

In 1394, the Turks captured the Bavarian soldier Johann Schiltberger. Over the next 33 years, he, along with his masters, visited many countries, including the Golden Horde, and in 1427 fled to his homeland, where he described his wanderings. He called one of the chapters "Countries subject to Tartary, in which I was", i.e. it seems that this is about countries subordinate to the Golden Horde, but not part of it. However, as such, he calls the undoubted Horde provinces of Khorezm, "Beshtamak" with the main city of Dzhulat (i.e. the North Caucasus), Kipchak (i.e. Dasht-i Qipchak), and among them "the kingdom of Russia, which pays tribute to the Tatar king"⁴¹.

³⁷ Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 12. Sankt-Peterburg, 1901. P. 47–48. (In Russ.)

³⁸ Allsen Th.T. Mongol Imperialism. The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley, 1987. P. 183.

³⁹ Hautala R. V zemliakh "Severnoi Tartarii". Svedeniia latinskikh istochnikov o Zolotoi Orde v pravlenie khana Uzbeka (1313–1341) [In the Lands of "Northern Tartary". Information from Latin Sources about the Golden Horde during the Reign of Uzbek Khan (1313–1341)]. Kazan', 2019. P. 734. (In Russ.)

⁴⁰ Idem. P. 556.

⁴¹ Schiltberger, J. Puteshestvie po Evrope, Azii i Afrike s 1394 goda po 1427 god [Travel in Europe, Asia and Africa from 1394 to 1427]. Baku, 1984. P. 44, 45. (In Russ.)

The concentrated attitude of Europeans to the position of Rus' under the “yoke” was expressed by the Austrian (imperial) diplomat Herberstein. In his “Notes on Muscovite Affairs”, first published in 1549, he noted that after the invasion of Batu “[almost] all the sovereigns of Russia were supplied by the Tatars and obeyed them up to Vitold, the Grand Duke of Lithuania, who bravely defended against the Tatar troops [his] lands [and the ones] that he occupied in Russia... But the great dukes of Vladimir and Moscow, up to the current Prince Vasily, have always been in loyalty and obedience, once promised to the Tatars”⁴². As it can be seen, the author does not give a definite answer to the question of interest, whether Rus' was a part of the Golden Horde? However, the “loyalty and obedience” of the princes, along with the payment of tribute, obviously, were supposed to give the readers an impression that Rus' was integrated — except for its part liberated by the Lithuanian prince Vitovt — into the state space of the Horde. Moreover, not into the steppe nomadic “Tartary” of Schiltberger, but into the vast “empire of Sarai” of the Castilian anonymous author.

Let us turn to sources originating from the Mongolian, Golden Horde, post-Horde, and, in general, Muslim medieval environment. The author notes right away that in the stories about the conquest of Eastern Europe, the authors of these texts ignored the division of Rus' into actually independent states-principalities. For Eastern contemporaries, all of them were the area of residence of the Russian people (*Rus*, *Urus*, *Orusut*). Genghis Khan aimed the famous commander Subedei at the conquest of the Russians as a whole, as a kind of a single community, and his successor, Kaan Ogedei, sent his sons and nephews headed by Batu, who “captured the Orusuts”⁴³. Obviously, the primary and archaic idea of the territory, the country, not as a geographical space, but as, first of all, the place of settlement of the people — according to the original meaning of the Mongolian concept of “ulus”, has affected here.

The authors, who reflected the official doctrines of the Yeke Mongol Ulus, also saw in the people subject to the princes of Rurik's house, the Russians in general, the “country of the Rus”⁴⁴. When describing the population of the Golden Horde, those were listed along with the Circassians and Yases, who “are not able to resist the sultan of these countries and therefore (treat) him as his subjects, although they have (their) kings”⁴⁵. The mobilization of Russian warriors by the Horde Khan did not evoke any emotions and comments, when, for example, to fight Timur on Tokhtamysh's order “from the *Russians*, the Circassians, the Bulgars, the Qipchaks, the Alans, (residents) of Krym with Kafa and Azak, the Bashkirs and M.k.s. (the Moksha? — *the author's note*) a fairly large army has gathered”⁴⁶. The chronicler of Tamerlane regarded the

⁴² Herberstein, S. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]. Moskva, 1988. P. 165. (In Russ.)

⁴³ Kozin S.A. Sokrovennoe skazanie mongolov. Mongol'skaia khronika 1240 goda [The Secret Legend of the Mongols. Mongolian Chronicle of 1240]. Moskva, Leningrad, 1941. P. 189, 192, 194. (In Russ.)

⁴⁴ Rashid ad-Din. Sbornik letopisei [Collection of Chronicles]. Vol. 2. Moskva, Leningrad, 1960. P. 36, 38, 45, 121. (In Russ.); Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. Izvlecheniia iz persidskikh sochinenii, sobrannye V.G. Tizengauzenom [Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde. Extracts from Persian Works Collected by V.G. Tiesenhausen] (Istoriia Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. T. IV [History of Kazakhstan in Persian Sources. Vol. IV]). Almaty, 2006. P. 56. (In Russ.) (Juvaini, mid-13th century).

⁴⁵ Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. Izvlecheniia iz arabskikh sochinenii, sobrannye V.G. Tizengauzenom [Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde. Extracts from Arabic Works Collected by V.G. Tiesenhausen] (Istoriia Kazakhstana v arabskikh istochnikakh. T. I [History of Kazakhstan in Arabic Sources. Vol. I]). Almaty, 2005. P. 171. (In Russ.) (al-Omari, first half of the 14th century).

⁴⁶ Idem. P. 303. (Yazdi, first half of the 15th century).

invasion of Jochi Ulus as “a raid on the regions and places of that area — (lands) of Ukek, Madjar, *the Russians*, the Circassians, the Bashkirs, Mikes, Balchimkin, Krym, Azak, Kuban and the Alans with everything belonging to them and related to them”⁴⁷.

A single and, in a sense, an abstract “region of Rus”, the “country of Rus” over time, in the 14th century, was clearly divided into “Vladimir (Moscow)” and “Lithuanian” parts. If the latter was called “Libka” by the Tatars (again, without distinction between the Baltic and Slavic population), then for North-Eastern Rus' in the Eastern texts of that time and later, the concept of “Moscow vilayet” (*Moskov vilayeti*)⁴⁸ was established. Although sometimes the traditional “Russian vilayet” (*Rus' vilayeti*)⁴⁹ was also used. How was this “vilayet” perceived in several other Horde possessions?

Arab and Persian authors, far from the Jochi Ulus, saw in the conquered Rus' one of the districts of this state (“the tenth district of the country of Rus” — Al-Kalkashandi, early 15th century). They did not know about the political division of the Russian lands and understood by the country/district of Rus' the entire territory of the former Ancient Russian state⁵⁰. However, when describing the limits of the Golden Horde, they unanimously included Rus' in its composition. Batu “owned the following lands: Khifchak, *Rus*, Cherkas, the country of As, Bulgar, Ukaka, Jand, Barkchand, Jurjania, Khwarazm and other territories up to the ar-Rum strait”⁵¹; “From the Iron Gates, *ar-Rus*, al-Kifjak, Khwarezm and Sudak to the borders of al-Kustantiniyya, this is the possession of King Berke”⁵²; “In 738 AH ... the king (from) the “Iron Gates”, the lands of *ar-Rus'* and al-Kifjak (up to) al-Kustantiniyya was Yuzbak”⁵³. The same limits of the Horde are outlined by the late Turkic chronicler: the power of Khan Timur-Kutlug and Beklerbek Edigü at the beginning of the 15th century “spread, on the one hand, to Khwarezm, on the other, to Kazan' and *Rus*, and went to the borders of the vilayat Krym, Sarai, Saraichuk, Hadji Tarkhan... *Their great state included* the vilayet Khorezm, Sarachyk, Krym, Qazaq, Kazan', Bashkurt, Alatyry, Hadji Tarkhan, *Russian* and Bulgar vilayets”⁵⁴.

Thus, wherever Eastern authors talk about the territory of the Jochid state, Rus' is mentioned along with other Horde provinces: Dasht-i Qipchak, Khorezm, Krym (Sudak, Kafa), Lower (Sarai-Berke), and Middle (Bulgar, Ukek, Alatyry, the Burtases/Furtases) Volga region, South Ural (Bashkurt), North Caucasus and North-Western

⁴⁷ Idem. P. 344. (Yazdi).

⁴⁸ *Uemish Haji*. Kara Tavarikh. Kazan', 2017. P. 31, 63, 72, 73 (mid-16th century); *Kyrymi Abdulgaffar*. Umdet al-Akhbar. Book 1. Transcription, facsimile. Kazan', 2014. P. 62, 104 (mid-18th century); *Kyrymi Abdulgaffar*. Umdet al-Akhbar. Book 2. Translation. Kazan', 2018. P. 43, 78.

⁴⁹ *Uemish Haji*. Kara Tavarikh. P. 30, 104; *Kyrymi Abdulgaffar* Umdet al-Akhbar. Book 1. P. 93; Book 2. P. 69.

⁵⁰ *Grigoriev A.P., Frolova O.B.* Geograficheskoe opisanie Zolotoi Ordy v entsiklopedii al-Kalkashandi [Geographical Description of the Golden Horde in the Encyclopedia of Al-Kalkashandi] // *Tiurkologicheskii sbornik* [Turkological Collection]. 2001. Moskva, 2002. P. 267, 273. (In Russ.)

⁵¹ *Jamal al-Karshi*. Al-Mulhakat bi-s-Surah. Almaty, 2005 (Istoriia Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. T. I [History of Kazakhstan in Persian Sources. Vol. I]). P. 120 (beginning of the 14th Century).

⁵² *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. Izvlecheniia iz arabskikh sochinenii, sobrannye V.G. Tizengauzenom* [Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde. Extracts from Arabic Works Collected by V.G. Tiesenhausen]. P. 161 (Al-Mufaddal, first half of the 14th century).

⁵³ *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. Izvlecheniia iz persidskikh sochinenii, sobrannye V.G. Tizengauzenom* [Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Extracts from Persian works collected by V.G. Tiesenhausen]. P. 200 (anonymous author of the 14th century).

⁵⁴ *Kyrymi Abdulgaffar*. Umdet al-Akhbar. Book 2. P. 63, 69.

Black Sea region (Cherkas, As country, Alan region), Syrdarya oases (Jand, Barkchend), Western Siberia (Ibir-Sibir).

Apparently, regular payment of taxes to the state treasury served as a criterion for joining the “Rus’ vilayat” to their number. The conquest of the Russian lands ended, according to Utemish Haji, with the organization of taxation immediately after the invasion (although in reality this process was drawn out in time): Batu and his brother Shiban “came to the Moskau vilayat. They stayed there for several months, arranged the affairs of the vilayat, exacted cattle (property) and kharaj, appointed hakims and returned to their vilayat with victory and prevailing”⁵⁵.

Those who are called *hakims* by the Khorezm chronicler in the sources of the 13th—15th centuries are called *darugas* (*darugachi*). These were officials appointed to manage certain regions of the Mongol Empire, including Jochi Ulus. In the Horde of the 14th century, they were subordinate to the vizier and were responsible for regular payments of various taxes, the census of the taxable population, and the maintenance of the corresponding registers⁵⁶ (*devter's*, as the Russians called them). According to Maslova, the darugas were at the khan’s court, in contrast to the Basqaks, who were directly present in the principalities in the first decades after the conquest⁵⁷.

Since the Mongol rulers at first perceived the “country of Rus’”, obviously, as a kind of unified province, then one daruga was appointed for the whole Rus. The sources contain only sporadic information on this matter. According to the Chinese dynastic history *Yuan shi* (the 1360s), in 1257 Kaan Mōngke appointed Kitai (Kitat of Russian chronicles), the son of his son-in-law, “darugachi for pacifying and maintaining order among the Russians, in connection with which he granted him 300 horses and 5,000 sheep”; “Kitai... was made darugachi to bring into obedience and rule [the lands] of the Russians and Alans”⁵⁸. It is known from the chronicles that in that year the inhabitants of North-Eastern Rus’ underwent a census, which was led by this very Kitai/Kitat. Apparently, he supervised the general course of affairs of the Orthodox tributaries, was responsible for collecting taxes and delivering them to the court⁵⁹. At that time, during the period of the unity of the Yeke Mongol Ulus, the office of this daruga, presumably, was based in the imperial capital Karakorum.

When the Golden Horde separated from the Central Asian metropolis, the “Russian” daruga began to be based in Sarai⁶⁰. In the sources known to the author, there is the only mention of him before the 15th century — in the biographical dictionary of the Egyptian historian Taqi ad-Din al-Makrizi “Kitab al-muqaffa al-kabir” (Big Rhymed Book), written around the first half of the century. The story about the scientist Mawlana-zade as-Sarai says: “His father was a venerable, ascetic and generous scholar. He was the manager of the waqf property in Sarai, and was also *responsible*

⁵⁵ *Utemish Haji*. Kara Tavarikh. P. 31.

⁵⁶ *Fedorov-Davydov G.A.* Op. cit. P. 30; *Pochekaev R.Yu.* Pravo Zolotoi Ordy [Right of the Golden Horde]. Kazan’, 2009. P. 106, 118, 120. (In Russ.)

⁵⁷ *Maslova S.A.* Instituty ordynskoi vlasti nad Rus’iu (baskaki, darugi, posly). Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Institutions of Horde Power over Russia (Basqaks, Darugas, Ambassadors). Author’s abstract of Ph.D. Thesis]. Moskva, 2015. P. 17. (In Russ.)

⁵⁸ *Zolotaia Orda v istochnikakh. T. III. Kitaiskie i mongol’skie istochniki* [The Golden Horde in the Sources. Vol. III. Chinese and Mongolian Sources]. Moskva, 2009. P. 195, 208. (In Russ.)

⁵⁹ *Nasonov A.N.* Op. cit. P. 224.

⁶⁰ B. Spuler admitted that darugas were mainly located in Russian cities, and came to the Horde capital as needed, for example, for a report (*Spuler B.* *Zolotaia Orda. Mongoly v Rossii. 1223—1502 gg.* [Golden Horde. Mongols in Russia. 1223—1502]. Kazan’, 2016. P. 330. (In Russ.)).

for collecting taxes from the waqfs and the poll taxes in the Russian lands⁶¹. From this property, he did not take a single dirham for himself or his family and did not feed his cattle at the expense of [the public treasury]⁶². It must be understood that the predecessors of the “generous learned man” in this position did not disdain embezzlement, appropriating part of the “vykhod”. The proximity of waqf fees and taxes from Rus’ in the competence of one department may indicate the specialization of this “department” of the government office (*divan*) in control over the receipt of income from the settled areas into the treasury.

The political development of North-Eastern Rus’ — the emergence, in addition to the town of Vladimir one, of several more “great tables” made adjustments to the apparatus of the Horde administration of the “Russian Ulus”. For the 15th century, there are mentions of darugas of individual great principalities. In the above-mentioned dispute over the yarlyq between Vasily of Moscow and Yuri of Zvenigorod at the headquarters of Khan Ulug Muhammad in 1432, the “daruga of Moscow Min-bulat” (doroga Moskovskoi Minbulat) took the side of the Moscow prince. In the bureaucratic hierarchy, he held a high position, as he is titled in many chronicles as the “Grand Duke of the Tartary”, “the Grand Duke of the Horde”. Near the residence of Ulug Muhammad, he had his own headquarters, in which both princes who arrived at the khan’s court were accommodated⁶³. Perhaps it was a “symmetrical” analog of the Horde courtyard, equipped in the Moscow Kremlin for visitors from Sarai.

In the “Simeon Chronicle” (15th century), the “daruga of Ryazan” (doroga Ryazanskoi) appears who, along with other Horde nobles, persuaded Khan Akhmad to go on a military campaign against the Moscow principality of Ivan III⁶⁴. He was clearly responsible for matters related to the Grand Duchy of Ryazan. It seems that one can agree with Vernadskii’s hypothesis that, most likely, darugas of other great principalities — Tver’ and Nizhny Novgorod, also existed in the Horde⁶⁵.

Thus, originally a single “Russian Ulus”, “Russian vilayet” in the 14th century, began to be perceived in the Horde as a combination of several independent reignsuluses (plus the Russian lands of the Grand Duchy of Lithuania with an unclear status). The princes-rulers of these uluses, the khan’s “ulusniks”, due to the recognition of the supreme power of the Horde padishah, receiving from him yarlyqs for reigning, paying taxes, and participating in military campaigns on the side (and in the composition) of the Horde troops were included “in the system of interactions of the elite of the Jochi Ulus on the rights of ulus rulers”, as Seleznev rightly pointed out⁶⁶. However, his assignment of princes to the category of temniks and thousanders seems doubtful. Rather, they should be likened to a similar rank of the Horde non-dynastic

⁶¹ Translation by S.Z. Akhmadullin, kindly made by him at the author’s request: “He was instructed to bear (responsibility) for the property of waqfs and the poll taxes in the country of Russians”.

⁶² *Zaynuddinov D.R. Uchenyi iz Saraia — Mawlana Zada as-Sarai (754/1353—791/1389) — v biograficheskom slovare al Makrizi Taki ad-dina (766/1365—845/1441) “Kitab al-mukaffa al-kabir” (Bol’shaia rifmovannaia kniga) [Scientist from Sarai — Mawlana-zade as-Sarai (754/1353—791/1389) — in the Biographical Dictionary of al-Maqrizi, Taqi ad-Din (766/1365—845/1441) “Kitab al-muqaffa al-kabir” (Big Rhymed Book)] // Zolotoordynskoe obozrenie [Golden Horde Review]. 2017. Vol. 5, No. 1. P. 128. (In Russ.)*

⁶³ *Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 8. Sankt-Peterburg, 1856. P. 96; Vol. 12. P. 15; Vol. 33. L., 1977. P. 97.*

⁶⁴ *Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 18. P. 224.*

⁶⁵ *Vernadskii G.V. Op. cit. P. 235.*

⁶⁶ *Seleznev Yu.V. Russkie kniaz’ia v sostave praviashchei elity Dzhuchieva Ulusa v XIII—XV vekakh [Russian Princes in the Ruling Elite of the Jochi Ulus in the 13th—15th centuries]. P. 304.*

aristocracy — *noyons* (Mong.), they are also *beks* (Turkic), they are also *emirs* (Arab-Pers.). In particular, to such a category as *ulus-beks*, called in Russian translations of *yarlyqs*, “ulus princes” and, possibly, also “human princes”⁶⁷. Theoretically, it would be possible to admit the correlation of the Russian Grand Duke with the Tatar *ulus bek* (*beklerbek*). However, the highest position in the state of this nobleman — the supreme military leader and the actual head of the class of *beks* — hardly allows him to be put on a par with the leaders of the Christian tributaries.

An important argument in favor of the presence of Russian princes in the Horde elite is the indication that they belonged to one of the wings of the Jochi Ulus — similar to the “wing” distribution of the Tatar *beks*. During hostilities, the princes with their detachments certainly had to occupy a certain place in the formation of the Horde army in campaigns and battles. Indeed, when describing the military-administrative division of the Golden Horde into right and left wings (although sometimes getting confused between them), Persian chroniclers attributed Rus' to one of them: “The right wing, which includes Ibir-Sibir, *Rus*, Libka⁶⁸, Ukek, Majar, Bulgar, Bashgurd and Sarai-Berke, was appointed to the descendants of Toktai”⁶⁹; “The area of the left hand (from) Ulug-tag to the Furtases and *Rus'* was in their (Horde khans — *the author's note*) possession”⁷⁰. With the silence of other texts, it is permissible to allow Rus' to remain in the *on-sol* Horde's wing structure — but so far with an unknown and incomprehensible status.

Like almost any empire, the Yeke Mongol Ulus had a complex structure. Along with the inheritance of Genghis Khan's sons (including Jochi Ulus — the Golden Horde), the gigantic Mongol kingdom included vicegerencies and autonomous possessions of various status and rank. Rus' as part of the empire was in the same position as Uyguria, Rum (Seljuk Asia Minor), Georgia, the country of the Yenisei Kyrgyz, etc. All these states retained (at least, in the first time after the conquest) their own rulers and the pre-Mongol internal structure. With the weakening of the empire, during the second half of the 13th century, the Golden Horde gradually separated from it. Rus' turned out to be the only sedentary country inherited from the empire, subject to the Horde, with obedient sovereigns left in power. Therefore, the Russians were then part of the subjects of the Jochid khans. At the same time, they were not subject to many of the norms of state life that were practiced in the nomadic steppe and in those settled regions where the local pre-Mongol elites were deprived of power — Volga Bulgaria and Khorezm.

⁶⁷ *Berezin I.N.* Vnutrennee ustroistvo Zolotoi Ordy (po khanskim iarlykam) [The Internal Structure of the Golden Horde (according to Khan's Yarlyqs)]. Kazan', 1850. P. 7. (In Russ.); *Fedorov-Davydov G.A.* Op. cit. P. 91, 92.

⁶⁸ Here Lithuania is already separated from Rus'.

⁶⁹ *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. Izvlecheniia iz persidskikh sochinenii, sobrannye V.G. Tizengauzenom* [Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde. Extracts from Persian Works Collected by V.G. Tiesenhausen]. P. 252 (Natanzi, early 15th century).

⁷⁰ *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. Izvlecheniia iz persidskikh sochinenii, sobrannye V.G. Tizengauzenom* [Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde. Extracts from Persian Works Collected by V.G. Tiesenhausen]. P. 409 (Haydar Razi, early 17th century).

The Debate on Faith with the Greeks by Arseny Sukhanov in a historical context

Andrey Bogdanov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870014170-8

One of the brightest Russian publicistic works of the 17th century, relevant to this day, was not conceived as a pamphlet regarding the primacy of the Russian Church in world Orthodoxy. *The Debate on Faith with the Greeks* was part of the ambassadorial report of the Russian diplomat Arseny Sukhanov, written and edited by him in Wallachia in the summer of 1650¹. Sukhanov's duty was to give grave responses to every insult made by foreigners against Russia. This work is shown in the references. The reason was serious: the Greek monks burned the books of the Moscow press, published on behalf of the tsar with the blessing of the patriarch, as containing heresy. Russian Orthodoxy regarded this as an insult, which was punishable by Article 1 of the Council Code of 1649; the perpetrators should have been "strictly found by all sorts of investigations" and burnt². Sukhanov conducted an investigation into the burning of the books. During the discussions, he persuaded the Greek clergy to abandon the accusation of heresy on Russian books and rituals and liberated his opponents from this article. At the same time, he clearly formulated the official view of Moscow on the opinion of the Greeks that Eastern patriarchs can be "teachers of faith" for Russians.

The draft autograph of the church part of Sukhanov's report to the Ambassadorial prikaz was preserved³. It was written on a paper taken by a diplomat on a trip in 1649—1650⁴ and intended for the most important documents. Subsequently, the manuscript was attached to one of the hand-written books, which Arseny enthusiastically collected, rewrote, edited, and supplemented. This is one of the two *Russian Chronographs* of the author's edition: a list with abundant notes and comments, but without an extensive text

© 2021 A.P. Bogdanov

This article is a translation of: A.P. Bogdanov. «The Debate on Faith with the Greeks» by Arseny Sukhanov in a historical context. *Rossiiskaia Istoria*. 2021. № 1. P. 16–25. DOI: 10.31857/S086956870013439-3.

¹ The *Debate* was edited from June 6 (the last date of the final, then repeatedly corrected text) to September 23, 1650 (the author's departure on another, very difficult diplomatic task).

² *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* [Council Code of 1649]. Moskva, 1961. P. 70. (In Russ.)

³ Russian State Archive of Ancient Acts, Fonds 181, File 659, Items 348–360. The Chronograph of Sukhanov preceding the draft *Debate* dates back on paper to the 1650s. (Bogdanov A.P. Avtograf "Prenii s grekami o vere" Arseniia Sukhanova [Autograph «Debate on Faith with the Greeks» by Arseny Sukhanov] // *Istochnikovovedenie otechestvennoi istorii* [Source study of Russian history]. Moskva, 1989. P. 175–205. (In Russ.))

⁴ On paper identical in the design of the watermark and in the intervals between the pontusos, he wrote a petition, satisfied by the tsar on May 9, 1649; a reply to the Ambassadorial prikaz from a trip not earlier than February 11, 1650; a translation from the Greek language of *Prophecies over the Coffin of Constantine the Great*, filed in the order «in the evening» on December 9, 1650 and glued into the column after the political part of the article list, before *Debate* (Russian State Archive of Ancient Acts, f. 52, inv. 1, d. 22 (1649), l. 1, 76; d. 8, l. 35–36).

based on the Trinity edition of the Nikon Chronicle, which made famous his second *Chronograph*, edited in the early 1660s⁵.

The autograph preserved the first two editions of the church part of the report, which Sukhanov clarified and supplemented during the summer of 1650, before he again plunged himself into political affairs in the autumn. The third, final version was submitted by him to the Ambassadorial prikaz on December 9, 1650 “in the evening”, the day after his return to Moscow, as part of a complete report on the diplomatic mission of 1649—1650. This is a manuscript of the clerks’ scribes, fluently corrected by Arseny. Similar to the draft autograph, the authorized list has no title, beginning (as was customary in the ambassadorial reports) with a description of the circumstances of this part of his diplomatic mission. The general purpose of the mission is indicated at the beginning of the 1649—1650 Article List. Placed after the political report at the end of the scroll written on the columns, the third edition needed to restore part of the text that had been lost due to dilapidation⁶. At the same time, it became the basis of a rich Old Believer manuscript tradition after Nikon’s reforms, when it was officially believed that the Greeks, whom Sukhanov had discussions with, were right, and his position in the dispute reflected Russian ignorance⁷.

Arseny did not participate in the disputes, during which the scribes called his text the *Debate on Faith with the Greeks*; in science, this name was fixed by Metropolitan Makarius (Bulgakov). However, it is noteworthy that the handwritten tradition is based not on the list submitted by Sukhanov to the Ambassadorial prikaz, but on the author’s list, so far not discovered, which did not contain clerical errors of the ambassadorial manuscript. This suggests that, staying away from the disputes between the Nikonians and the Old Believers, Arseny himself put the manuscript into circulation. However, this did not happen in the course of Nikon’s reforms, when the *Debate* sounded like an uncharacteristic call for rebellion for Sukhanov, and even before his departure for the new embassy in 1651, Arseny never challenged the will of the tsar, whom he presented in the *Debate* as the supreme guarantor of the right faith. It is the Russian tsar who “shines with his piety in the universe, like the sun shines in the middle of the earth, and in everything is jealous of the first pious tsar Constantine the Great, the Church of Christ supplies cleanly, and protects from all heresies”⁸. It is obvious that the state ideas that Sukhanov defended as the representative of Russia

⁵ Russian National Library, F. XVII.17. Code as amended by Sukhanov 1661—1663. About it see: *Nasonov A.N.* Istoriiia russkogo letopisaniia XI — nachala XVIII v.: Ocherki i issledovaniia [History of Russian chronicle writing of 11th — early 18th century: Essays and research]. Moskva, 1969. P. 486—487. (In Russ.); *Kagan-Tarkovskaya M.D.* Mladshie redaktsii “Povesti o dvukh posol’stvakh” [Junior editions of «A Tale of Two Embassies»] // *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury AN SSSR (Pushkinskii Dom)*. T. XXX [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature of the USSR Academy of Sciences (Pushkin House). V. 30]. Leningrad, 1976. P. 304—306. (In Russ.); *Kloss B.M.* Nikonovskii svod i russkie letopisi XVI—XVII vekov [Nikon’s chronicle and Russian chronicles of the 16th — 17th centuries]. Moskva, 1980. P. 274—280. (In Russ.)

⁶ Russian State Archive of Ancient Acts, Fonds 52, Inventory 1, File 8 (1649), Items 37—71.

⁷ The results of the study of the handwritten tradition of the *Debate*, numbering 54 lists, are summarized in the monograph: *Bogdanov A.P.* “Preniia s grekami o vere” 1650 g.: Otnosheniia Russkoi i Grecheskoi tserkvei v XI—XVII vv. [«Debate on Faith with the Greeks», 1650: Relations between the Russian and Greek churches in the 11th—13th centuries]. Moskva, 2020. (In Russ.)

⁸ Russian State Archive of Ancient Acts, Fonds 181, File 659, Item 358. This was said, among other things, at the wedding ceremony of Alexei Mikhailovich in 1645, where Arseny was obliged to be present. Two lists of the rite of the wedding: Russian State Archive of Ancient Acts, Fonds 135, Section IV, Subject 1, File 12. The third list, following the ceremony: *Drevniaia rossiiskaia vivliofika*. Ch. VII [Ancient Russian vivliofika. Part 7]. Moskva, 1788. P. 234—303. (In Russ.)

in the debate with the Greeks were also his ideas. This follows from the study of his work on the *Debate* and all the compositions written during the service, which the educated monk rarely left.

The Debate on Faith with the Greeks was not conceived as publicism — it stated the position of the Moscow government, set forth by its official representative. Sukhanov was not engaged in publicism, his personal hobby was collecting books, service — monasticism, public activities — church administration and state diplomacy. His father's estate not far from Starodub suffered greatly during the Time of Troubles and was transferred to the Polish—Lithuanian Commonwealth under the Truce of Deulino of 1618. Anton Putilovich Sukhanov and his brother were almost beggars. Anton, as the remark says on one of his manuscripts, managed to get a job as a clerk deacon in the Kolomna Golutvin monastery. With the support of Bishop Raphael of Kolomna, he took monastic vows under the name of Arseny and was ordained a deacon⁹.

At the end of 1632, the young man who loved books was among the brethren of the Chudovsky Monastery in the Moscow Kremlin. Already on August 23, 1633, he became the archdeacon — chief clerk of the affairs of Patriarch Filaret. For a month and one week, Arseny was, in the words of Adam Olearius, “the chancellor and right hand” of the tsar's father and the first person in the state¹⁰, and after his death for more than a year — the archdeacon of Patriarch Joasaph. Then for two years, he immersed himself in books, participating only in court ceremonies, obligatory for the Chudov's brethren. A new turn in the life of the book lover was the trip in 1637—1639 to Kakheta “to correct and establish the holy Orthodox Christian faith”. A group of enlightened monks, led by the cathedral elder of the Trinity-Sergius Monastery, the former Ipatiev Archimandrite Joseph, had, according to Sukhanov, to figure out how the Kakhetians “believe, and whether they have any foreign articles of other faiths, may they have something wrong, and we are ordered to speak to them about that, so that they will correct themselves in that”. In the ambassadorial mandate, the demand to “examine and reconnoitre” sounded even stricter; in Moscow, they suspected the deviation of the Kakhetians from the rules of the apostles and holy fathers and, most terrible, the presence of Catholic influence in their Church¹¹.

Secular ambassadors headed by knyaz Volkonsky-Sherikha settled political affairs with tsar Teimuraz. However, without the correction of their faith, the conversion of the Kakhetians to Russian citizenship seemed doubtful. Gentiles were accepted into citizenship, allowing them to maintain their faith¹². Deviations from Orthodox truth

⁹ All important facts of Arseny's biography have been established: *Belokurov S.A.* Arsenii Sukhanov. Issledovanie. Ch. I. Biografiia Arseniia Sukhanova [Arseny Sukhanov. Study. Part I. Biography of Arseny Sukhanov]. Moskva, 1891. (In Russ.); *Kagan M.D.* Arsenii (v miru Anton Sukhanov) [Arseny (secular name Anton Sukhanov)] // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Russia]. Issue 3 (17th century). Part 1. Sankt-Peterburg, 1992. P. 98—103. (In Russ.)

¹⁰ *Bogdanov A.P.* Patriarkh Filaret. Ten' za tronom [Patriarch Filaret. The shadow behind the throne]. Moskva, 2014. (In Russ.)

¹¹ Article lists of secular and ecclesiastical embassies: Russian State Archive of Ancient Acts, Fonds 110, Inventory 1, File 3 (1635—1641), Part IV; File 4 (1637—1640). On the mission see: *Belokurov S.A.* Poezdka startsa Arseniia Sukhanova v Gruziiu (1637—1640 gg.) [The trip of the elder Arseny Sukhanov to Georgia (1637—1640)] // Khristianskoe chtenie [Christian reading]. 1884. No. 3—4. (In Russ.); *Belokurov S.A.* Arsenii Sukhanov. Issledovanie. Ch. I. Biografiia Arseniia Sukhanova [Arseny Sukhanov. Study. Part I. Biography of Arseny Sukhanov]. Moskva, 1891. P. 123 et seq., XVII—XXX. (In Russ.)

¹² Attempts to christianize, for example, the peoples of the Volga region, were undertaken both under Mikhail and under Alexei Mikhailovich, but the mass christianization of the nobility of gentile subjects became a reality only under tsar Feodor (*Bogdanov A.P.* Tsar'-reformator Fedor Alekseevich: starshii brat

were treated with apprehension, identifying and “correcting” them among all Christians who wanted to live in Russia, including the “Greeks”, as the representatives of the Orthodox East were generally called¹³. The differences between Georgian and Russian worship were recorded in the Article list of the ecclesiastical embassy, separately from the report of secular ambassadors. Belokurov rightly believed that the text was drawn up and submitted to the Ambassadorial prikaz by Arseny, the second person in the church delegation, since its head Joseph went almost blind during the trip¹⁴. However, the work with the Kakhetians, as described in the document, was joint.

The members of the delegation saw deviations from the blessing with two fingers, desecration of the faith by “German” frescoes, churches without crosses, altars not fenced off from the church, etc. They asked the local clergy about everything, inquiring where the malfunctions came from, and expressing doubts about the veracity of the answers. Subsequently, Sukhanov began to record even more clearly the differences between the Greek service and the Russian one and no less inquisitively inquire about the reasons for the “non-corrections” in the possessions of the Jerusalem Patriarch.

The reasons for the deviations from the right ritual were the destruction of the Kakhetian churches and the death of almost all the priests. This is recorded in the Article list and in the letters by tsar Teimuraz to Moscow. At the same time, Teimuraz referred to the antiquity of the Kakhetian Church in comparison with the Russian one and the “testimony” of the truth of its Orthodoxy from four Eastern Patriarchs: Constantinople, Antioch, Alexandria, and Jerusalem, who came to Georgia and did not reproach the local clergy in any way, since Georgians “keep the law” as they do¹⁵.

The Russians did not accept these arguments. “That the Georgian land received baptism a long time ago is known to everyone from the chronicles,” the ambassadors answered, “and now we see that you hold the Christian faith in your hearts. But in church deanery and decoration, and in the divine liturgy, and other things, you have a great disagreement with the holy catholic and apostolic church, and you do not hold the rank and approval of the church according to the tradition of the holy apostles and holy fathers”. The Russians, as the conciliar elder Joseph stated in a tough dispute, have every right to judge this, since “the great lord, His Holiness Joasaph, by God’s mercy the patriarch of the reigning city of Moscow and the entire great Russian kingdom, blessed us for that”¹⁶.

There is no doubt that this is true. The clergymen, sent to Kakheti with the tsar’s order, could not act without the blessing of Patriarch Joasaph, to whom Archdeacon Sukhanov, shortly after returning to Moscow, administered the last sacraments. Patriarch Joasaph was considered “not audacious” towards the tsar, but within the limits

Petra I [Tsar-reformer Feodor Alekseevich: elder brother of Peter I]. Moskva, 2018. P. 354–356. (In Russ.).

¹³ *Oparina T.A.* “Ispravlenie very grekov” v russkoi tserkvi pervoi poloviny XVII v. [«Correction of the Faith of the Greeks» in the Russian Church in the first half of the 17th century] // *Rossiiia i Khristianskii Vostok* [Russia and the Christian East]. Issue II—III. Moskva, 2004. P. 288–325. (In Russ.)

¹⁴ Russian State Archive of Ancient Acts, Fonds 110, Inventory 1, File 2 (1640); *Belokurov S.A.* Arsenii Sukhanov. Issledovanie. Ch. I. Biografiia Arseniia Sukhanova [Arseny Sukhanov. Study. Part I. Biography of Arseny Sukhanov]. Moskva, 1891. P. 153.

¹⁵ Cf.: *Perepiska na inostrannykh iazykakh gruzinskikh tsarei s rossiiskimi gosudariami* [Correspondence in foreign languages of Georgian kings with Russian sovereigns]. Sankt-Peterburg, 1861. P. 7–9, 37–38. (In Russ.) (original and translation).

¹⁶ *Belokurov S.A.* Arsenii Sukhanov. Issledovanie. Ch. I. Biografiia Arseniia Sukhanova [Arseny Sukhanov. Study. Part I. Biography of Arseny Sukhanov]. Moskva, 1891. P. 142, 144–145. (In Russ.)

of his power, he acted firmly, like his successor Joseph¹⁷. Both were “humble” only in comparison with Philaret, Nikon, and Joachim. Under Joseph Sukhanov, he became a hieromonk of the Trinity-Sergius Monastery and the builder of its courtyard — the Epiphany Monastery in Kitay-Gorod. In this position, Arseny received the blessing of the patriarch in 1649 to study ranks and rituals in the Holy Land. He sent the Ambassadorial prikaz to Sukhanov, in which he then reported.

Arseny's new trip, like the mission to Kakheti, had a secular and ecclesiastical meaning. It was also reflected in two reports. However, this time Sukhanov was the only ambassador, with a small team¹⁸, without the comrades indicated in the report. The purpose of the mission, according to the case of the Ambassadorial prikaz on the trip and Arseny's Article list, was only “the description of holy places and Greek church ranks” by the decree of the tsar and the blessing of the patriarch¹⁹. In fact, the political part of the mission is reflected in the first report placed before the church one. In Moscow, where they were suspicious of the Greeks who came to Russia more and more often²⁰, the Patriarch of Jerusalem Paisius unexpectedly appeared²¹. Wandering around the world in search of alms, he ended up in the Kiev Metropolis, which united the Orthodox of the Polish-Lithuanian Commonwealth and was formally subordinate to his enemy, the Patriarch of Constantinople. Patriarch Paisius was used by Bohdan Khmelnytsky to convey to Moscow another request for military assistance²². The hetman sought to drag Russia into the war with the Polish-Lithuanian Commonwealth without commitments on his part. He counted on the youth of Alexei Mikhailovich, who, having assumed the throne at the age of 15, was overwhelmed by a passion for great achievements, especially in matters of piety. In general, the calculation turned out to be correct, but the moment was unfortunate.

When Sukhanov set off with Patriarch Paisius to the East in June 1649, having an unspoken, but the first priority task — to understand Khmelnytsky's intentions, a wave

¹⁷ *Bogdanov A.P.* Russkie patriarkhi ot Iova do Iosifa [Russian patriarchs from Job to Joseph]. Moskva, 2015. P. 376—400. (In Russ.)

¹⁸ Companions of Sukhanov in 1649—1650 were the Chudov Hieromonk Pachomius, who returned to Moscow at the beginning of 1650, and the Trinity Deacon Iona the Little, who completed the journey and left the *Tale and Legend of the Journey to Jerusalem and Tsargrad*.

¹⁹ *Belokurov S.A.* Startsa Arseniia Sukhanova “Stateinyi spisok” i “Preniia s grekami o vere” [Elder Arseny Sukhanov «Article list» and «Debate on Faith with the Greeks»]. Sankt-Peterburg, 1883. (In Russ.); *Belokurov S.A.* Arsenii Sukhanov. Issledovanie. Ch. II. Sochineniia Arseniia Sukhanova [Arseny Sukhanov. Study. Part II. Works by Arseny Sukhanov]. Issue 1. Moskva, 1894. P. 1—22, 216—218, 103—114 (the order of the texts in scroll No. 8 is confused by the publisher), 213—216, 218—220 (from d. 22). (In Russ.)

²⁰ Since the 16th century until Sukhanov's mission: Russian State Archive of Ancient Acts, Fonds 52, Inventory 1, Book 1, 2, 3, 5; Columns from 1525, the number of which increased greatly in the first half of the 17th century (Inventory 1, Register 2); 326 letters of 1557—1648 in Inventory 2, without which the arrivals and departures of the «Greeks» were indispensable.

²¹ Documents of Paisius's «arrival» and relations with him: Russian State Archive of Ancient Acts, Fonds 52, Inventory 1, File 7 (1649), p. 1—2. See also: *Kapterev N.F.* Priezd v Moskvu ierusalimskogo patriarkha Paisiia v 1649 g. [Arrival to Moscow of the Jerusalem Patriarch Paisius in 1649] // *Pribovleniia k izdaniiu Tvorenii sv. otsev v russkom perevode za 1891 g.* [Additions to the publication of the Creations of St. fathers in Russian translation for 1891] Book 1. Moskva, 1891. (In Russ.); *Kapterev N.F.* Snosheniia ierusalimskikh patriarkhov s russkim pravitel'stvom s poloviny XVI do kontsa XVIII stoletia [Relations between Jerusalem patriarchs and the Russian government from the middle of the 16th century to the end of the 18th century] // *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik* [Orthodox Palestinian Collection]. V. 15. Iss. 1 (43). Sankt-Peterburg, 1895. (In Russ.)

²² Cf. Khmelnytsky's «lists» to the tsar 1648—1651: *Vossoedinenie Ukrainy s Rossiei. Dokumenty i materialy.* V 3 t. T. 2. [Reunification of Ukraine with Russia. Documents and materials. In 3 volumes. Vol. 2. Moskva, 1953. (In Russ.)

of urban uprisings (1648—1650) spread across Russia. To save the country, the Zemsky Sobor drew up and, before Arseny's departure, approved the Code of 1649. In it, the main goal of the sovereign was declared to be the defense of Orthodoxy. Intercession for Orthodoxy was motivated for the Russians at subsequent councils (1651, 1653) to suffer for the “brothers” oppressed by the Polish-Lithuanian Commonwealth in the lands of Little and White Russia. The war stopped Russia's movement to the Far East and led to an economic disaster. It ended before the death of Sukhanov, who became disillusioned with the idea of “brotherly love” with the Little Russians, just like the Moscow government²³.

Arseny's mission eloquently predicted such an outcome. The diplomat vividly conveyed the character of Khmel'nitsky and his assistants, who easily passed from demands for military assistance to threats to ravage Moscow by uniting with any of its enemies. However, the messages of Sukhanov and his fellow diplomats only provoked the tsar, who imagined himself to be omnipotent²⁴. Arseny's mission did not immediately take on a political character. Sukhanov, before leaving Moscow, asked for the state support from the sovereign: “According to your sovereign's decree, the great lord Joseph, Patriarch of Moscow and All Russia, sends me to Jerusalem with the Patriarch of Jerusalem, to inspect the holy places and their Greek church ranks, and nothing is said to me about your sovereign's salary and assistance.”

According to the report of the Duma clerk of the Ambassadorial prikaz Volosheninov, the tsar on May 9, 1649 ordered to give the envoy to the East money and supplies, as “for the Georgian service” of Joseph's delegation²⁵. From that day on, Arseny began his mission in the Article list, although he actually left Moscow with Patriarch Paisius only on June 10. The same document opens the case of the Ambassadorial prikaz on his trip²⁶. Using the petition, Sukhanov turned the pilgrimage to the Holy places planned by the patriarch into an embassy associated with Khmel'nitsky's initiative.

The next document in the case of Arseny's mission contains detailed instructions that he received along with the sovereign's salary and fully complied with. In July 1649, having passed the Little Russian cities of Konotop and Kiev, Sukhanov clearly reported on the military forces of the Cossacks, their victory at Zbarazh, and the campaign in Lithuania with the Tatars, as well as on the patriotic sentiments of the Little Russians. In February 1650, Sukhanov sent to Moscow the acquired text of the treaty with the Cossacks that was ratified by the Polish king and the Sejm²⁷. The trip turned out to

²³ *Bogdanov A.P.* Ukraina i motivatsiia voim Rossii (1653—1700) [Ukraine and the motivation of Russia's wars (1653—1700)] // *Istoriia russko-ukrainskikh otnoshenii v XVII—XVIII vekakh* (K 350-letiiu Pereiaslavskoi Rady). Biulleten' Nauchnogo soveta RAN “Istoriia mezhdunarodnykh otnoshenii i vneshnei politiki Rossii”. Vyp. 2 (2004—2005 gg.) [History of Russian-Ukrainian relations in the 17th—18th centuries (To the 350th anniversary of the Pereiaslav Council). Bulletin of the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences «History of International Relations and Russian Foreign Policy». Issue 2 (2004—2005). Moskva, 2006. P. 51—70. (In Russ.); *Bogdanov A.P.* Ukraina v politike Rossii XVII veka [Ukraine in the politics of Russia of the 17th century] // *Problemy russkoi istorii* [Problems of Russian history]. Issue 6. Magnitogorsk, 2006. P. 235—269. (In Russ.)

²⁴ *Talina G.V.* Tsar' Aleksei Mikhailovich: lichnost', myslitel', gosudarstvennyi deiatel' [Tsar Alexei Mikhailovich: personality, thinker, and statesman]. Moskva, 1996. (In Russ.); *Talina G.V.* Vseia Velikiia, i Malyia, i Belyia Rossii samodержavie [All the Great, and Small, and White autocracy of Russia]. Moskva, 2005. (In Russ.)

²⁵ *Belokurov S.A.* Arsenii Sukhanov. Issledovanie. Ch. II. Sochineniia Arseniia Sukhanova [Arseny Sukhanov. Study. Part II. Works by Arseny Sukhanov]. Issue 1. Moskva, 1894. P. 213. (In Russ.)

²⁶ Russian State Archive of Ancient Acts, Fonds 52, Inventory 1, File 22 (1649), Item 1; File 8, Item 1.

²⁷ *Belokurov S.A.* Arsenii Sukhanov. Issledovanie. Ch. II. Sochineniia Arseniia Sukhanova [Arseny Sukhanov. Study. Part II. Works by Arseny Sukhanov]. Issue 1. Moskva, 1894. P. 214—216. (In Russ.)

be successful precisely for the political part of the mission. In the capital of Moldavia, Iasi, Arseny, strictly according to the embassy protocol, presented the tsar's letter to the hospodar Vasile Lupu²⁸. The patriarchal letter, with which the pilgrims traveled, were not awarded in this way. Sukhanov was dissatisfied with Patriarch Paisius, because of whom he could not continue his journey to Jerusalem. He refused to follow to his diocese, because he was afraid that by order of the Patriarch of Constantinople Parthenius, whose possessions lay on the way, he would be killed²⁹. Arseny calmly collected political information until the end of October when he received evidence of the appearance of the self-proclaimed "son" of the tsar Vasily Shuisky.

Thus, the case began on the capture of the dangerous adventurer Timofey Akidinnov, who was trying to gather military forces in Little Russia³⁰. Khmelnytsky, having concluded a favorable treaty of Zboriv with the Polish-Lithuanian Commonwealth and having established power over the Hetmanate, was not averse to using the impostor's card in relations with Moscow. He provided "Thief Timoshka" with security and food. The wave of uprisings, which began with the Salt Riot in Moscow, rolled unceasingly through the cities of Russia until the next spring it reached Pskov and Veliky Novgorod. Sukhanov realized that the party of False Dmitry I was being played: he, too, was initially supported by small private forces of the interventionists. On November 10, having bought horses and hired a guide, he "rode hastily" with this news to Moscow, carrying also Polish and Cossack documents obtained in Iasi. On December 11, 1649, in the first hour of the day, Sukhanov already "told" Volosheninov the news. The orders to catch the "thief" were given. On January 26, 1650, the Duma clerk sent Arseny on his way back, according to the tsar's decree, with the task of "checking out" the content of the peace treaty between the king and the Sejm with the Cossacks, the quality of the reception of Russian ambassadors by the king, "and to learn about the thief Timoshka, and about the Tatars, and write about that to the sovereign."³¹

The head of the Ambassadorial prikaz ordered Arseny to "write" and not "report", because he hoped for his successful journey to the Holy places. In February 1650 in Kiev, Sukhanov collected information about the Polish Sejm and sent it to Moscow. On April 9, he handed over to Patriarch Paisius new tsar's gifts in the Wallachian capital of Targovishte, in a monastery, where he then conducted an investigation about the insult to the sovereign's honor by the Athos monks and a debate on faith with the Greeks. On April 10, Arseny presented the sovereign's letter to the Wallachian ruler Matei I Basarab (Vodeh), who received it according to the protocol³². On May 5, Sukhanov

²⁸ Russian State Archive of Ancient Acts, Fonds 52, Inventory 1, File 8 (1649), Item 2.

²⁹ In the Article list of 1651–1653, Sukhanov told how Patriarch Paisius in 1651 himself liquidated Parthenius with the help of hired assassins. The Jerusalem Patriarch became the main negative character of the entire book about the journey (*Belokurov S.A. Arsenii Sukhanov. Issledovanie. Ch. I. Biografiia Arseniia Sukhanova* [Arseny Sukhanov. Study. Part I. Biography of Arseny Sukhanov]. Moskva, 1891. P. 255. (In Russ.); *Zharova I.Yu. "Proskinitarii" Arseniia Sukhanova: istoriko-literaturnaia osnova i zhanrovo-poeticheskoe svoebrazie teksta. Dis. ... kand. filol. Nauk* [«Proskinitarii» by Arseniy Sukhanov: the historical and literary basis and genre-poetic originality of the text. Ph.D. Thesis in Philological Sciences]. Moskva, 2013. (In Russ.)).

³⁰ See about him: *Panchenko A.M. Akundinov* (Akidinov, Ankidinov, Ankudinov) *Timofei Demidovich* [Akundinov (Akidinov, Ankidinov, Ankudinov) Timofey Demidovich] // *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Russia]. Issue 3. Part 1. Sankt-Peterburg, 1992. P. 53–55. (In Russ.)

³¹ *Belokurov S.A. Arsenii Sukhanov. Issledovanie. Ch. II. Sochineniia Arseniia Sukhanova* [Arseny Sukhanov. Study. Part II. Works by Arseny Sukhanov]. Issue 1. Moskva, 1894. P. 6. (In Russ.)

³² Russian State Archive of Ancient Acts, Fonds 52, Inventory 1, File 8 (1649), Items 6–8.

questioned the monks who had arrived from Poland about the “thief Timoshka”. On August 1, he was convinced that the impostor was living at Khmelnitsky’s place. Finally, on September 23, the hetman’s ambassador to Wallachia confirmed that Khmelnitsky “ordered to give the thief fodder,” although the Cossacks forbade him to gather an army against Moscow. Arseny, who frightened Patriarch Paisius with an investigation into the burning of Moscow books, demanded a letter from him to Khmelnitsky about the extradition of the “thief” to Russia. The patriarch agreed and even asked Arseny to write the text of this letter. With it, Sukhanov left Paisius on September 30, who conveyed greetings to the tsar’s family in Moscow strictly according to protocol³³.

The journey through Moldavia and the epidemic-ridden Polish lands was difficult. On the way, Arseny collected information about the moods of the Cossacks, some of whom wanted to fight against Russia with the Poles, others — to go into Russian citizenship. On November 4, he arrived in the hetman capital Chigirin and began negotiations, to which a significant part of his Article list is devoted. The general scribe and the hetman himself made many claims to Sukhanov that the tsar did not accept them in citizenship and did not send troops to protect them. If the tsar did not do this, the Cossacks threatened to unite with the Turks, Tatars, Wallachians, Romanians, and Hungarians for a campaign against Russia. Khmelnitsky, as if secretly, told Arseny (but did not confirm in writing) that the king, who had peace with the tsar, incited the Crimean Khan to fight against him. The hetman asked to secretly convey his request regarding citizenship to the tsar, promising that “for him, sir, the whole Greek country and all ... piety” the peoples of the Balkans will stand, “so that we all may be united.”³⁴

A farce with promises to tsars Alexei Mikhailovich, Feodor Alexeevich, Ivan Alexeevich, and Peter Alexeevich of assistance in restoring the cross over Sophia of Constantinople was later played out many times. Arseny showed in the Article list the absurdity of the promises of loyalty from the Cossacks, who, asking for help from Russia, did not betray “the thief Timoshka”. The general clerk and the hetman insist in vain that they, as on the Don, “will not betray any fugitive people,” even the murderer of the king “will not be handed over here.” Sukhanov stood his ground, debunking the legend of the impostor and using the passionate desire of the Cossacks to receive military assistance from the tsar, without binding themselves to any obligations. They did not even want to send ambassadors or write to the tsar, hoping that Arseny would convey their secret desire to become subjects of Russia. Finally, on November 11, 1650, the general scribe showed Arseny the letter to the sovereign about the expulsion of the “thief Timoshka” from the “Cossack towns”³⁵. Sukhanov checked its reliability and made sure that Khmelnitsky really sent the impostor to Hungary, however, giving him an escort, carts, and fodder³⁶. Arseny’s mission was completed.

On November 13, Sukhanov left Chigirin and on December 8 arrived in Moscow. On the evening of December 9, he outlined, in addition to what was said, Khmelnitsky’s speeches about his lifelong alliance with the Crimean Khan, who would not go to Moscow without the hetman; that the sultan is against the alliance of the Crimea and the Cossacks, but cannot interfere, fearing their strength in the conditions of the war between Turkey and Venice. Arseny collected information about the exchange of the

³³ Ibid, Items 9—11.

³⁴ Ibid, Items 12—28 (cit. Items 19, 22).

³⁵ *Belokurov S.A. Arsenii Sukhanov. Issledovanie. Ch. II. Sochineniia Arseniia Sukhanova [Arseny Sukhanov. Study. Part II. Works by Arseny Sukhanov]. Issue 1. Moskva, 1894. P. VI—IX. (In Russ.)*

³⁶ Russian diplomacy then pursued the False Shuisky in the Baltic States, Sweden and East Prussia, achieving his extradition in 1653 from Holstein. He was exposed and quartered in Moscow.

hetman's embassies with the Doge of Venice and the Turkish sultan; about the sudden attack of the Cossacks and Tatars on Moldavia under the guise of rumors about their march to Moscow, when the hospodar barely saved his family in the forests; about the negotiations of the hospodar with the sultan and the hetman, to whose son (Yuri) the hospodar promised his daughter; regarding the situation on the border of the Hetmanate with the Poles and preparations for a new war³⁷.

Sukhanov set off to the East again in the winter of 1651. From the case regarding the trip, opened by his petition for salary, satisfied by the tsar on May 9, 1649, it follows that his second stay in Moscow (December 8, 1650 — February 24, 1651) was as short-lived as the first one (December 11, 1649 — January 26, 1650). The title ecclesiastical mission continued and ended on July 26, 1653, when Sukhanov submitted to the Ambassadorial prikaz the Article list of 1651—1653³⁸. He crowned his trip to the Holy Land with the creation of a fundamental book for the tsar and the new Patriarch Nikon — *Proskinitary*³⁹.

Arseny's business qualities, shown in Georgia, Moldavia, Wallachia, and Right-Bank Ukraine, refute the notions of a book polemicist that have developed in historiography. The very task of the trip "to describe holy places and Greek church ranks" does not look favorable when comparing the *Dispute on Faith* of 1650, the Article list of 1651—1653, and *Proskinitary*. The latter describes the church life of Orthodox Christians in the East so frankly that Sukhanov, when finalizing the author's lists into a presentational copy, smoothed out its naturalism⁴⁰. The political life of the Greek clergy looked especially obscene — with mutual conspiracies, murders, and a change of power by bribing the Turks. Compared to the Article list submitted to the prikaz, many terrible details in "Proskinitary" were reduced.

In the spring of 1651, Sukhanov again joined Patriarch Paisius in Wallachia and finally went with him to the Holy Land. Having overcome many dangers, the diplomat explored the Holy Land, visited Cairo and Alexandria, looked around the Mediterranean, and returned home in 1653, submitting a new report to the Ambassadorial prikaz. It is not known how he would have behaved if he had not been in Palestine when the Greek making of the sign of the cross with three fingers was announced in Moscow, which he denounced as a novelty, the only correct one and when the reprisals began against the Old Believers in February 1653. Having returned in the summer, Arseny was almost immediately sent by the new Patriarch Nikon back to the Greeks: unofficially,

³⁷ Russian State Archive of Ancient Acts, Fonds 52, Inventory 1, File 8 (1649), Items 29—34.

³⁸ As part of «Proskinitary»: Russian National Library, Collection of Saint Petersburg Theological Academy, File 317.

³⁹ The Guide to the Orthodox East, used until the early 19th century, includes an abridged version of the Article list, a Historical Description of Jerusalem ("Collected from the writings on the City of Jerusalem"), and an Overview of the Palestinian Church Service ("Taktikon"). The author's lists with editing, by seniority: State Historical Museum, Synod. collection No. 575 and 574; No. 573 (derivative clean copy). The censored edition with the appendix of the full edition of the Article list, *Debate* and petitions: Proskinitarii Arseniia Sukhanova s risunkami i planom: 1649—1653 gg. [Proskinitary by Arseny Sukhanov with drawings and plan: 1649—1653] // Pravoslavnyi Palestinskii sbornik [Orthodox Palestinian collection]. V. 7. Iss. 3 (21). Sankt-Petersburg, 1889. (In Russ.)

⁴⁰ His appeal to the Greeks of the Bethlehem monastery: "All of you *shit* in the church and you made it a stable", Arseny softened that the Greeks "defecate" in the church, and then wrote the word in Greek. In the edition of the text: «you made a stable out of the church.» Arseny left the phrase "the shah sends ... to choose good guys *for bed*", but the publishers threw out the highlighted words (Proskinitary by Arseny Sukhanov with drawings and plan: 1649—1653] // Pravoslavnyi Palestinskii sbornik [Orthodox Palestinian collection]. V. 7. Iss. 3 (21). Sankt-Petersburg, 1889. P. 55—58, 108. (In Russ.)); see State Historical Museum, Synod. collection No. 574, 573, and 575.

without the tsar's letters to the Turkish authorities and reporting to the Ambassadorial prikaz. In 1655, Sukhanov returned to Russia as a simple pilgrim, but with a whole library of ancient books bought in the Athonite monasteries⁴¹, and he did not hesitate to add the note to the Proskinitary, which was accusatory for the Greeks "On the Greek ranks in brief": a formal list of striking deviations of the Eastern clergy from the Right faith. Just before the Schism of the Russian Church at the Local Council of 1656, which anathematized the "heretics" who were baptized with two fingers, as Arseny demanded in the *Debate*.

By that time, Bishop Paul of Kolomna was burned to death in a log house, and Avvakum Petrov was freezing to death in Siberia, although he had not yet written anything like the *Debate*. Sukhanov, on the other hand, lived quietly in the Trinity-Sergius Monastery, if the position of the cellarer can be called tranquil, since he was responsible for the vast economy of the monastery (1655–1660). The reasons for this are clear: Arseny did not show disobedience to the tsar and the patriarch. In addition, in the summer of 1655, he was declared the "godfather" of the Nikonian correction of church books. This was done by Epiphanius Slavinetsky in the Preface to the *Church Book* in 1655, where Nikonian corrections of ancient Russian rituals were consistently made until 1658 according to Little Russian books based on new Western editions of Greek books (everything as described in the *Debate*)⁴². Epiphanius assured the reader that the editing was being done according to the oldest Greek manuscripts brought by Sukhanov. In reality, these invaluable books were never used. They remained unused in Nikon's basement, and were lifted from there and rewritten when he was removed from Moscow in 1658, and sent after him to the Resurrection New Jerusalem Monastery, with the exception of 48 books taken to the Print Yard for belletristic purposes⁴³.

When Nikon went to New Jerusalem in 1658, Sukhanov moved to Moscow, to his long-beloved Epiphany Monastery, and became the head of the sovereign's Print Yard (1661–1664). The position required a lot of economic work, but Sukhanov found time for his favorite pastime — reading and editing books. In addition to numerous marks on manuscripts, there are two lists of the *Russian Chronograph*, edited and supplemented by him. Arseny began Russian history with the recently appeared Legend of Slovene and Ruse, emphasizing that Russian history is not inferior to the antiquity and glory of world history. To clarify the story about the history of Russia, the scribe used the largest Nikonian chronicle of the Trinity edition. However, even this did not completely satisfy him, forcing him to attract a lot of other sources. Arseny managed to quietly leave a difficult position associated with many disputes and accusations in order to live out his last years in the Trinity (he died on August 14, 1668). Epiphany's fate and intercession kept him alive when, from the mid-1660s, the *Debate* was spread by the Old Believers in Moscow, and the Solovetsky uprising, the banner of which was also the *Debate*, broke out only a month and a half before the death of the scientist, diplomat and book publisher.

After Sukhanov's death, the official Church declared the *Debate* a malicious production of the "schismatics." Indeed, the work had many Old Believer versions and

⁴¹ Russian State Archive of Ancient Acts, Fonds 52, Inventory 1, File 6 (1655).

⁴² *Dmitrievsky A.A.* Ispravlenie knig pri patriarkhe Nikone i posleduiushchikh patriarkhakh [Correction of books under Patriarch Nikon and subsequent patriarchs]. Moskva, 2004. (In Russ.)

⁴³ *Belyaev I. [D].* Perepisnaia kniga domovoi kazny patriarkha Nikona [Census book of the household treasury of Patriarch Nikon] // Vremennik Obshchestva istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete [Chronicle of the Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. Book 15. Section II. Moskva, 1852. P. 1–136. (In Russ.)

editions. Even without additions, they can be easily distinguished from the original. For the scribes, Arseny's clear business language seemed too easy for such an important topic, it was complicated and burdened. Only Metropolitan Makarius (Bulgakov), referring to the documents of the Ambassadorial prikaz, returned the authorship to Sukhanov⁴⁴. Kapterev placed the ideas of the *Debate* at the center of a fundamental study of Russia's relations with the Orthodox East⁴⁵, but he was also wrong in the conclusion that these ideas were rejected by Nikon's reforms. The changes made under Nikon to the Russian church rite have survived to this day. However, a study of the sources available today showed that the ideas, formulated by Sukhanov on the basis of a deep Russian tradition, developed during Arseny's life and after him as if Nikon did not exist. After Sukhanov, the authors of major historical works developed and improved the ideas of his *Debate* and the *Chronograph*, and the compilers and scribes of short chronicles and chronographers available to all the people without a doubt expressed the same thoughts as Arseny. If Sukhanov deemed it necessary to emphasize the sanctity of the tsardom in the *Debate*, then the enlightened Tsar Feodor Alekseevich, during the coronation in 1676, made this idea the main one in the changes in his coronation rite, and it was only strengthened in 1682 by tsars Ivan and Peter⁴⁶.

There is nothing surprising. Sukhanov, during his state service, formulated the essential features of the sovereign ideology. It was not his fault that the tsar and the patriarch for some time deviated from the ideas that united subjects in the Russian autocratic Orthodox tsardom. Arseny's official report became a banner of protest against this particular case in publicism, which gave rise to the Schism.

⁴⁴ *Macarius (Bulgakov), Met. Istoriia Russkoi tserkvi* [History of the Russian Church]. V. IX. Moskva, 1882. P. 148—158. (In Russ.)

⁴⁵ *Kapterev N.F. Kharakter otnoshenii Rossii k pravoslavnomu Vostoku v XVI i XVII stoletiiakh* [The nature of Russia's relationship to the Orthodox East in the 16th and 17th centuries]. Sergiev Posad, 1914. (In Russ.)

⁴⁶ *Bogdanov A.P. Tsar'-reformer Fedor Alekseevich: starshii brat Petra I* [Tsar-reformer Feodor Alekseevich: elder brother of Peter I]. Moskva, 2018. P. 294—352. (In Russ.)

“How Good People Live” (source studies of private life in Russia based on the materials of “spiritual affairs” of the 1660s–1670s)

Vyacheslav Kozlyakov
(Ryazan State University named for S.A. Yesenin, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870014171-9

The anthropological turn of research in the humanities has caused historians to switch their attention to the plots of the history of private and everyday life, which remained unstudied for a long time in the shadow of the problems of power and society, revolutions, social and economic history. Attention to the private sphere of social life requires the study of features of the interaction of individuals and entire communities, social life, the relationship between rule and reality in secular and canon law.

The study of the history of private life in Russian science began in the 1990s under the influence of Bessmertnyi, which resulted in the establishment of the Center “History of Private and Everyday Life” of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. In researchers’ articles published in the almanacs *Casus. The Individual and Unique in History* and *Odysseus. Man in History*, the methodological potential of the concept of private life was considered, the historiographic tradition in works on the European history of the Middle Ages and Modern Times was studied¹. However, the initial optimism associated with the possibilities of cultural anthropology has already passed, the problem of studying “private” and “everyday” life is becoming a subject for discussion, historians see possible limitations due to the nature and completeness of sources: “After all, the *description* of a certain story, especially a *single* case, cannot yet be called a full-fledged study of the history of everyday life”².

The theme of the history of private life in Russia in the 17th century is insufficiently studied, especially in comparison with similar materials on Western European history, and published works are usually not directly related to cultural anthropology.

© 2021, V.N. Kozlyakov

This article is a translation of: V.N. Kozlyakov. «How good people live» (source studies of private life in Russia based on the materials of the «spiritual affairs» of the 1660–1670s). Rossiiskaia Istorii. 2021. № 1. P. 26–36. DOI: 10.31857/S086956870013440-5.

¹ *Bessmertnyi Yu.L.* Chastnaia zhizn’: stereotipnoe i individual’noe [Private life: the stereotypical and the individual] // *Chelovek v krugu sem’i. Ocherki po istorii chastnoi zhizni v Evrope do nachala Novogo vremeni* [Man in the family circle. Essays on the history of private life in Europe before the modern times]. Moskva, 1996. P. 110–119. (In Russ.); *Repina L.P.* Vydelenie sfery chastnoi zhizni kak istoriograficheskaia i metodologicheskai problema [Allocation of the sphere of private life as a historiographic and methodological problem] // *Chelovek v krugu sem’i. Ocherki po istorii chastnoi zhizni v Evrope do nachala Novogo vremeni* [Man in the family circle. Essays on the history of private life in Europe before the modern times]. Moskva, 1996. P. 20–34. (In Russ.); *Repina L.P.* “Novaia istoricheskai nauka” i sotsial’naia istoriia [“New historical science” and social history]. Moskva, 2009. (In Russ.)

² *Togoeva O.I.* Istoriia prava i istoriia povsednevnosti: tochki peresecheniia [History of law and history of everyday life: intersection points] // *Odisei. Chelovek v istorii* [Odysseus. Man in history]. 2014. Issue 25. P. 360. (In Russ.)

Pushkareva's works are created within the framework of a gender approach; she studied the history of women from the time of Ancient Rus, based on narrative sources: literary and folklore artifacts, collections of sermons, texts of questionnaires for confessions, penances, and family correspondence. The main emphasis in Pushkareva's works is placed on various aspects of women's emotional experiences, and the private is opposed to the social³. Kosheleva drew attention to "casus" examples of Russian history, allowing them to be interpreted in the context of the study of private history⁴. Selin explored the everyday life of Novgorod society during the Time of Troubles using the well-preserved "Novgorod Occupation Archive" in Sweden⁵. Private archives and correspondence of the 17th century are traditionally studied, which also indirectly affect the concept of "everyday life"⁶. There is only one area where researchers have been able to move a little further in the study of private life — wedding "behavior", marriage rites, "church regulation" and the prehistory of metric accounting⁷. The historical experience of canon law, "housebuilding traditions", problems of marriage and divorce in Orthodoxy since the time of Ancient Rus and in Russia in the 16th—17th centuries were considered by Belyakova, Naydenova, Tsaturova⁸.

³ *Pushkareva N.L.* Chastnaia zhizn' russkoi zhenshchiny: nevesta, zhena, liubovnitsa [The private life of Russian woman: bride, wife, mistress]. Moskva, 1997. (In Russ.); *Pushkareva N.L.* Zhenshchiny Drevnei Rusi i Moskovskogo tsarstva X—XVII vv. [Women of Ancient Russia and Muscovy of the 10th-17th centuries]. Sankt-Peterburg, 2017. (In Russ.)

⁴ *Kosheleva O.E.* Pobeg voina [Escape of the warrior] // Kazus [Casus]. 1996. Moskva, 1997. P. 55—86. (In Russ.); *Kosheleva O.E.* Leto 1645 goda: smena lits na rossiiskom prestole [The summer of 1645: a change of persons on the Russian throne] // Kazus [Casus]. 1999. Moskva, 1999. P. 148—170. (In Russ.)

⁵ *Selin A.A.* Smuta na Severo-Zapade v nachale XVII veka. Ocherki iz zhizni novgorodskogo obshchestva [Troubles in the Northwest at the beginning of the 17th century. Essays from the life of Novgorod society]. Sankt-Peterburg, 2017. (In Russ.)

⁶ *Morozov B.N., Novokhatko O.V., Timoshina L.A.* Arkhiv gostei Pankrat'evykh XVII — nachala XVIII v. T. 1—2 [Archive of the Pankratyevs' guests of the 17th — early 18th centuries. Vol. 1—2]. Moskva, 2001—2007. (In Russ.); *Morozov B.N., Novokhatko O.V., Timoshina L.A.* Arkhiv stol'nika Andreia Il'icha Bezobrazova. Ch. 1—2 [Archive of stolnik Andrey Ilyich Bezobrazov. Parts 1—2]. Moskva, 2012—2013. (In Russ.); *Morozov B.N.* Chastnye arkhivy XVII v. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Private archives of the 17th century. Author's abstract of the Ph.D. thesis in History]. Moskva, 1984. (In Russ.); *Morozov B.N.* Iz istorii chastnykh arkhivov kuptsov i gorozhan XVII v. [From the history of private archives of merchants and townspeople of the 17th century]. // *Morozov B.N., Stefanovich P.S.* Roman Vilimovich v gostiakh u Petra Ignat'evicha: pskovskii arkhiv angliiskogo kuptsa 1680-kh godov [Roman Vilimovich visiting Pyotr Ignatievich: the Pskov archive of an English merchant of the 1680s]. Moskva, 2009. P. 153—164. (In Russ.); *Novokhatko O.V.* Rossiia. Chastnaia perepiska XVII veka [Russia. Private correspondence of the 17th century]. Moskva, 2018. (In Russ.)

⁷ *Bushnell J.* Bor'ba za nevestu. Krest'ianskie svad'by v Riazanskom uезде 1690-kh gg. [Struggle for the bride. Peasant weddings in the Ryazan district of the 1690s] // Russkii sbornik. Issledovaniia po istorii Rossii [Russian collection. Research on the history of Russia]. 2006. Issue II. P. 81—98. (In Russ.); *Pshenitsyn D.A., Cherkasova M.S.* Venechnye pamiati, poshliny i zapisnye knigi XVI—XVIII vv. [Wedding letters, fees and registration books of the 16th — 18th centuries] // Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii [Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary], 2018, 3(23). P. 44—95. (In Russ.); *Pshenitsyn D.A., Cherkasova M.S.* O predystorii metriceskogo ucheta v Rossii (XVII — pervaiia polovina XVIII v.) [About the prehistory of metric accounting in Russia (17th — first half of the 18th century)] // Rossiiskaia istoriia [Russian History], 2019, no. 1. P. 86—102. (In Russ.); *Cherkasova M.S.* Severnaia Rus': istoriia surovogo kraia XIII—XVII vv. [Northern Rus: the history of the harsh land in the 13th-17th centuries]. Moskva, 2017. (In Russ.)

⁸ *Belyakova E.V., Belyakova N.A., Emchenko E.B.* Zhenshchina v pravoslavii. Tserkovnoe pravo i rossiiskaia praktika [Woman in Orthodoxy. Church law and Russian practice]. Moskva, 2011. P. 93—134. (In Russ.); *Naydenova L.P.* Mir russkogo cheloveka XVI—XVII vv. (Po Domostroiu i pamiatnikam prava) [The world of Russian man in the 16th-17th centuries (Domestic rules and monuments of law)]. Moskva,

This article is devoted to studying source problems of research on the private life based on the materials of the church court in Russia in the second half of the 17th century⁹. The registration books of the Judicial Prikaz of the Ryazan Bishop's House for the periods of 1665—1668 and 1675—1679 make it possible to refer to this topic. Manuscripts No. 13115 (hereinafter referred to as “I”) and 13105 (hereinafter referred to as “II”) entitled “Copies of petitions to the Ryazan Bishop. 18th century” are kept in the library of the State Archives of the Ryazan Region (SA RR). The books of the bishop's Judicial Prikaz were “hidden” from researchers for a long time due to the lack of a scientific description and incorrect titles in the inventory of the manuscript collection of the archive¹⁰. Meanwhile, at the end of the 18th — beginning of the 19th century, these manuscripts were used by Archimandrite Jerome (Alyakrinsky) when compiling the “Ryazan Memorials”, which is a collection of information on the history of the Russian Church and the Ryazan Eparchy from the acts, manuscripts, and printed sources, the work on which began after the well-known Synod's decree on sending chronicles in 1791.¹¹ In the early 20th century, registration books of the bishop's Judicial Prikaz became the subject of research of the Voronezh church historian Vvedenskii. He correctly assessed the significance and unique nature of the “three voluminous manuscripts (a total of more than 2,500 pages)” then kept in the collection of the Ryazan Theological Seminary, studied the history of their appearance in the seminary library from the collection of its teacher in the mid-19th century. Vvedenskii published a number of interesting documents in “Voronezh Antiquity” and “Proceedings of the Vladimir Provincial Scientific Archive Commission”¹².

2003. (In Russ.); *Tsaturova M.K.* Tri veka russkogo razvoda (XVI—XVIII veka) [Three centuries of Russian divorce (16th-18th centuries)]. Moskva, 2011. (In Russ.)

⁹ See: *Nikolai (Yarushevich), hieromonk.* Tserkovnyi sud v Rossii do izdaniia Sobornogo Ulozheniia Alekseia Mikhailovicha (1649 g.). (Opyt izucheniia vselenskikh i mestnykh nachal i ikh vzaimootnoshenii v drevne-russkom tserkovnom sude). Istoriko-kanonicheskoe issledovanie [Church court in Russia before the publication of the Cathedral Code of Alexei Mikhailovich (1649). (The experience of studying ecumenical and local principles and their relationship in the ancient Russian church court). Historical and canonical research]. Petrograd, 1917. (In Russ.); *Poloznev D.F.* Tserkovnyi sud v Rossii XVII veka [Church court in Russia of the 17th century // *Istoricheskii vestnik: nauchnyi zhurnal* [Historical Bulletin: Scientific Journal], 2002, 1(16). P. 117—133. (In Russ.) The entire issue of this edition of the Voronezh-Lipetsk Eparchy was devoted to modern research on the topic: “Church Court in the History of Russia” (see also the articles by Ya.N. Shchapov, E.V. Belyakova, E.B. Emchenko, L.P. Naydenova, S.L. Firov et al.), as well as the reprint of chapters of the classic work by Hieromonk Nikolai (Yarushevich). See also: *Ospennikov Yu.V., Gaydenko P.I.* Tserkovnyi sud na Rusi XI—XIV vekov. Istoricheskii i pravovoi aspekty [Church court in Russia in the 11th-14th centuries. Historical and legal aspects]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)

¹⁰ SA RR, Library, No. 13115; No. 13105. See: *Sevastyanova, A.A.* Redkie rukopisnye knigi XVII—XIX vekov v Gosudarstvennom arkhive Riazanskoj oblasti [Rare handwritten books of the 17th — 19th centuries in the State Archive of the Ryazan Region] // *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina* [Bulletin of the Ryazan State University named for S. Yesenin], 2018, 3(60). P. 7—12. (In Russ.)

¹¹ *Jerome (Alyakrinsky), archimandrite.* Riazanskiye dostopamiatnosti, sobrannyye arhimandritom Ieronimom [Ryazan memorials collected by Archimandrite Jerome]. Ryazan, 1889. P. 91, 96. (In Russ.) For more details on the surviving sources on the history of the Ryazan and Murom eparchies, see: *Golovina N.V.* Istochniki po istorii Riazansko-Muromskoi episkopii XIV—XVII vv. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Sources on the history of the Ryazan-Murom episcopate of the 14th-17th centuries. Author's abstract of Ph.D. thesis in History]. Nizhny Novgorod, 2012. (In Russ.)

¹² *Vvedenskii S.N.* Materialy dlia istorii Voronezhskoi eparkhii (iz rukopisei Riazanskoj dukhovnoi seminarii) [Materials for the history of the Voronezh eparchy (from the manuscripts of the Ryazan Theological Seminary)] // *Voronezhskaiia starina* [Voronezh Antiquity]. Issue 5. Voronezh, 1905. P. 126—135. (In Russ.); *Vvedenskii S.N.* Iz tserkovnoi stariny Muromskogo kraia (Materialy dlia istorii monasteyrei i prikhodov v gor. Murome i ego uезде, izvlechennyye iz rukopisei biblioteki Riazanskoj dukhovnoi semina-

Vvedenskii was going to write a separate work on the history of spiritual prikazes, based on the materials of the Ryazan manuscripts he discovered (the latest of them, written in the 1690s, has not yet been found). However, in the post-revolutionary period, he had to switch to the study of local history plots, and the “Academic Trial” of 1929—1930 made it impossible to continue his scientific activities¹³.

The problem of studying canon law of the 16th—17th centuries is associated with the well-known difficulties of source study. The canonical side and sources of Byzantine and Old Russian law, materials of church cathedrals were studied in detail in the historical-church literature of the 19th century. The works of Barsov on the spiritual court, connected with the attempt to carry out a “spiritual-judicial reform” in the 1870s, were of particular importance. However, the analysis of specific incidents of the church court is based primarily on materials from the Synodal period of the Russian Church in the 18th — early 20th centuries¹⁴. Good preservation of records in the bishops’ houses until the 17th century is rather an exception to the rule, while the materials of the church court are presented in the archives only by scattered sources¹⁵. Studying the funds of patriarchal prikazes and episcopal houses, researchers primarily turn to the sources on the history of the internal structure of church institutions¹⁶.

rii) [From church antiquity of the Murom region (Materials for the history of monasteries and parishes in the city of Murom and its district, extracted from the manuscripts of the library of the Ryazan Theological Seminary)] // Trudy Vladimirskoi uchenoi arkhivnoi komissii [Proceedings of the Vladimir Scientific Archive Commission]. Book 11. Vladimir, 1910. P. 3—22. (In Russ.)

¹³ Sergeĭ Nikolaevich Vvedenskii (1867—1940): Biobibliograficheskii ukazatel’ [Sergeĭ Nikolaevich Vvedenskii (1867—1940): Bibliographic index]. Voronezh, 1997. (In Russ.)

¹⁴ Barsov T.V. O dukhovnom sude [On the spiritual court] // Khristianskoe chtenie [Christian Reading]. 1870. No. 9. P. 462—510; No. 10. P. 587—626. (In Russ.); Barsov T.V. O svetskikh fiskalakh i dukhovnykh inkvizitorakh [On secular fiscals and spiritual inquisitors] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia [Journal of the Ministry of Public Education]. 1878. February. Part CXC. P. 350—400. (In Russ.); Berdnikov I.S. Kratkii kurs tserkovnogo prava pravoslavnoi tserkvi [A short course in canon law of the Orthodox Church]. Kazan, 1903. P. 178—294. (In Russ.); Pavlov A.S. 50-ia glava Kormchei knigi kak istoricheskii i prakticheskii istochnik russkogo brachnogo prava [Chapter 50 of the Kormchaya Book as a historical and practical source of Russian marriage law]. Moskva, 1887. (In Russ.); Pavlov A.S. Kurs tserkovnogo prava [Canon law course]. Sergiev Posad, 1902. P. 394—440. (In Russ.); Suvorov N.S. Kurs tserkovnogo prava. T. 1 [Church law course. Vol. 1]. Yaroslavl, 1889. P. 303—369. (In Russ.); Sbornik pamiatnikov po istorii tserkovnogo prava, preimushchestvenno russkoi Tserkvi do epokhi Petra Velikogo [A collection of monuments on the history of canon law, mainly of the Russian Church before the era of Peter the Great]. Issue 2. Petrograd, 1914. (In Russ.)

¹⁵ Veryuzhskii V. Afanasii, arkhiepiskop Kholmogorskii: Ego zhizn’ i trudy v sviazi s istoriei Kholmogorskoj eparkhii [Afanasy, Archbishop of Kholmogory: his life and essays on the history of the Kholmogory eparchy]. Sankt-Peterburg, 1908. (In Russ.); Grekov B.D. Novgorodskii dom Sviatoi Sofii (opyt izucheniiia organizatsii i vnutrennikh otnoshenii krupnoi tserkovnoi votchiny) [Novgorod House of St. Sophia (experience of studying the organization and internal relations of a large church estate)]. Part I. Sankt-Peterburg, 1914. (In Russ.); Pokrovskii I.M. Kazanskii arkhieiereiskii dom, ego sredstva i shtaty preimushchestvenno do 1764 g. [Kazan bishop’s house, its funds and staff, mainly until 1764]. Kazan, 1906. (In Russ.); Soloviev N.A. Saraiskaia i Krutitskaia eparkhiiia [Sarai and Krutitskaya eparchies] // Chteniia v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. Book 3. 1894. (In Russ.)

¹⁶ Ustinova I.A. Knigi patriarskhikh prikazov 1620—1649 gg. kak istoricheskii istochnik [Books of patriarchal prikazes of 1620—1649 as a historical source]. Moskva, 2011. (In Russ.); Ustinova I.A. Arkhivy russkikh arkhieiereiskikh domov XVII v.: K probleme izucheniiia [Archives of Russian episcopal houses of the 17th century: On the problem of studying] // Vspomogatel’nye i spetsial’nye nauki istorii v XX — nachale XXI v.: prizvanie, tvorchestvo, obshchestvennoe sluzhenie istorika. Moskva, 14—15 apreliia 2014 g. [Auxiliary and special sciences of history in the 20th — early 21st century: vocation, creativity, public service of a historian. Moscow, 14-15 April 2014]. Moskva, 2014. P. 385—387. (In Russ.); Bashnin N.V. “Biudzhēt” Vologodskogo arkhieiereiskogo doma sv. Sofii v pervoi treti XVII v. [“Budget” of the Vologda bishop’s

There are also known source study limitations concerning studying the parish life in the 16th — 17th centuries¹⁷.

No purposeful study of “spiritual affairs” of church court prikazes has been carried out so far. Although in the archival complexes of the bishops’ houses and in monastery archives, there are documents directly related to such court proceedings: petitions with requests to consider spiritual affairs, bishops’ instructions to conduct an investigation and confrontation, letters about resolved cases. Obviously, researchers are faced with the problem of representativeness of such materials: based on a few documents, it is very difficult to determine what it is: some kind of incident or a common situation?

Church life standards, the list of spiritual affairs, and the order of their consideration were determined by Stoglav of 1551¹⁸. It contained requirements for bishops to judge on their own, without entrusting the trial to other bishopric officials or abbots of monasteries, to conduct an investigation and confrontations, not to bring the consideration of cases to court and, if possible, not to base their judgment on the parties’ oath-taking. The prerogatives of church authorities to hold a court and rule in the church were also confirmed in the letters given to the bishops. For example, the letter of gratitude to the Ryazan Archbishop Anthony on 05 March 1623 read as follows:

house of St. Sofia in the first third of the 17th century] // Rossiiskaia istoriia [Russian History]. 2017. No. 5. P. 114—126. (In Russ.); *Gnevashev D.E.* Dvor Vologodskogo arkhiepiskopa v XVII v. [Courtyard of the Vologda Archbishop in the 17th century] // Regional’nye aspekty istoricheskogo puti pravoslavia: arkhivy, istochniki, metodologiya issledovani. Materialy mezhhregional’noi nauchnoi konferentsii. Vyp. 7: Istoricheskoe kraevedenie i arkhivy [Regional aspects of the historical path of Orthodoxy: archives, sources, research methodology. Materials of the interregional scientific conference. Issue 7: Regional studies through history and archives]. Vologda, 2001. P. 139-149. (In Russ.); *Matison A.V.* Prikaznaia elita Tverskogo arkhieiskogo doma (1675—1742) [Prikaz elite of the Tver bishop’s house (1675—1742)] // Vestnik PSTGU. Ser. II. Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [Bulletin of PSTSU. Series II. History. History of the Russian Orthodox Church]. Issue 92. 2020. P. 61—64. (In Russ.); *Melnik A.G.* Rostovskii mitropolitichii dvor v XVII v. [Rostov Metropolitan Court in the 17th century] // Soobshcheniia Rostovskogo muzeia [Messages from the Rostov Museum]. Issue 1. 1991. P. 132—144. (In Russ.); *Nikulin I.*, priest. Struktura Tobol’skogo arkhieiskogo doma v 90-e gody XVII v. [The structure of the bishop’s house in Tobolsk in the 1890s] // Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii [Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary]. Issue 2 (8). 2014. P. 120—138. (In Russ.); *Ustinova I.A.* Sluzhebnaia biografiia arkhieiskogo d’iaka Danily Ignat’eva: k voprosu o svetskom elemente v russkom tserkovnom upravlenii XVII v. [Official biography of bishop clerk Danila Ignatiev: on the secular element in the Russian church administration of the 17th century] // Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN [Proceedings of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences]. Issue 12. Moscow, 2014. P. 83—92. (In Russ.); *Ustinova I.A., Shamina I.N.* Istoriia Vologodskogo arkhieiskogo doma: novye istochniki [History of the Vologda bishop’s house: new sources] // Rossiiskaia istoriia [Russian History]. 2019. No. 4. P. 223—231. (In Russ.); *Khariina N.S.* Tobol’skii arkhieiskii dom v XVII — 60-e gg. XVIII v. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Tobolsk bishop’s house in the 17th — 1760s. Author’s abstract of Ph.D. thesis in History]. Barnaul, 2012. (In Russ.); *Cherkasova M.S.* Arkhivy vologodskikh monastirei i tserkvei XV—XVII vv.: issledovanie i opyt rekonstruktsii [Archives of Vologda monasteries and churches of the 15th—17th centuries: research and reconstruction experience]. Vologda, 2012. P. 86—100. (In Russ.)

¹⁷ *Stefanovich P.S.* Prikhod i prikhodskoe dukhovenstvo v Rossii XVI—XVII vekakh [Parish and parish clergy in Russia in the 16th — 17th centuries]. Moskva, 2002. (In Russ.); *Shveikovskaya E.N.* Russkii krest’ianin v dome i mire: Severnaia derevnia kontsa XVI — nachala XVIII veka [Russian peasant at home and in the world: Northern village of the late 16th — early 18th century]. Moskva, 2012. (In Russ.)

¹⁸ Spiritual affairs were listed in Chapter 36 of Stoglav, repeating the “Charter of Church Judges” by Prince Vladimir (Stoglav [Stoglav] // Rossiiskoe zakonodatel’stvo X—XX vekov. V 9 t. T. 2. Zakonodatel’stvo perioda obrazovaniia i ukrepleniia Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva [Russian legislation of the 10th—20th centuries. In 9 volumes. Vol. 2. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state]. Moskva, 1985. P. 336—337. (In Russ.) See also: *Emchenko, E.B.* Stoglav. Issledovanie i tekst [Stoglav. Research and text]. Moskva, 2000. (In Russ.)

“Archbishop Anthony was entrusted to keep records of archimandrites, abbots, monastery elders, servants, peasants, archpriests, priests, deacons *on all spiritual affairs* in the Ryazan archdiocese and all worldly people in towns, settlements, counties, and volosts, to judge *on spiritual cases* and in case of unrests or to transfer the right to judge to his clerks, *and except for spiritual cases, not to judge anybody* (italics supplied. — V.K.)”¹⁹. In all other cases, the hierarchical clerks and peasants were judged in the Grand Palace Prikaz.

With the creation of the Monasterial Prikaz according to the Council Code of 1649, the rules of the general court for clergy affairs changed (the subordination of clergy to the secular court provoked opposition from Patriarch Nikon), while the court for spiritual affairs remained under the jurisdiction of the patriarch and bishops²⁰. However, historically, there was a system, in which secular clerks in the bishops’ houses also participated in the consideration of spiritual affairs. The issue was resolved only under Patriarch Joachim at the church council in 1674/75, when the church court on spiritual affairs was transferred from the former tithetakers, bishop nobles, and boyars’ children to the church authorities: “Common people know nothing about spiritual matters”. In all bishops’ houses, “in prikazes”, a unified system was established “to have... judges of a spiritual rank”²¹.

The author of the article considered the surviving registration books of the Judicial Prikaz of the Ryazan Bishop’s Court of the 1660s—1670s. It should be emphasized that their peculiarity (noted by Vvedenskii) consists in conveying only a brief summary of the court materials. Most of the originals of the cases have been lost (with the exception of a few storage units deposited as part of the Murom Metropolitan Court in the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA) — the documents are included in the fund of the Ryazan Solotchinsky Monastery stored in the RGADA)²².

¹⁹ Russkaia istoricheskaia biblioteka, izdavaemaia Arkheograficheskoiu komissieiu. T. II [Russian Historical Library, published by the Archaeographic Commission. Vol. II]. St. Petersburg, 1875. Clm. 423—424. (In Russ.)

²⁰ However, some common features of jurisdictions with the episcopal court were found after the inclusion in Chapter XXII of the Council Code (regulating the use of the death penalty) of Articles 25 and 26 on punishment for procuring and killing children born out of wedlock, borrowed from the Lithuanian Statute of 1588 (Sobornoe ulozhenie 1649 g. [Council Code of 1649]. Leningrad, 1987. P. 131, 391—392. (In Russ.)).

²¹ Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoiu ekspeditsieiu imperatorskoi Akademii nauk. T. IV [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences. Vol. IV]. Sankt-Peterburg, 1836. No. 204. P. 261. (In Russ.); *Kaptere v N.F.* Svetskie arkhiereiskie chinovniki v Drevnei Rusi [Secular bishop’s clerks in Ancient Rus]. Moskva, 1874. (In Russ.); *Lokhvitskii A.V.* Ocherk tserkovnoi administratsii v drevnei Rossii [Essay on church administration in Ancient Russia] // Russkii vestnik [Russian Bulletin]. Vol. 7. Book 2. 1857. P. 222—224. (In Russ.); *Nikolaevskii P.F.* Patriarshaia oblast’ i russkie eparkhii v XVII veke [Patriarchal region and Russian eparchies in the 17th century]. Sankt-Peterburg, 1888; *Perov I.F.* Eparkhial’nye uchrezhdeniia v russkoi tserkvi v XVI—XVII vv. [Eparchial institutions in the Russian church in the 16th — 17th centuries]. Ryazan, 1882. (In Russ.)

²² Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA), Fund 1433, Series 1, File 89. See: Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. Putevoditel’. T. 3. Ch. 2 [Russian State Archive of Ancient Acts. Guide. Vol. 3. Part 2]. Moskva, 1997. P. 729—730. (In Russ.). See also: *Dobroklonsky, A.P.* Opisanie dokumentov Solotchinskogo monastiria [Description of the documents of the Solotchinsky Monastery] // Trudy Riazanskoi uchenoi arkhivnoi komissii [Materials of the Ryazan Scientific Archive Commission]. Ryazan, 1888. Vol. 3. No. 1—7. P. 51—60, 84—91, 110—116, 137—143. (In Russ.)

Ryazan and Murom eparchy in the second half of the 17th century included two main centers — Pereslavl-Ryazansky and Murom — and had a vast territory²³. Among the petitioners, there are residents of many southeastern and southern counties of the Russian state — from Kashira and Kasimov to Voronezh and Tula²⁴. Especially many cases were considered with the participation of various categories of service people — boyars' children, reiters, dragoons, archers and regimental Cossacks in Pereslavl-Ryazansky, Shatsk, Ryazhsk, Tambov, Kozlov, Lebedyan, and Yelets. The correspondence between the bishop and the priest's elders, who solved simple cases locally and, if necessary, applied to the Judicial Prikaz of the Ryazan Bishop's House.

The circumstances of the place and time of the creation of registration books of the Judicial Prikaz of the Ryazan Bishop's House certainly have a direct impact on the content of the cases. The social structure of the population in these places differed from the rest of the Russian counties. In the territory of the Ryazan county, there were many possessions of the nobility and the monarchic court, Ryazan nobles and boyars' children, while in other counties, employed servants prevailed, there were many newcomers and recently resettled population: dragoons, Cossacks, fugitive peasants, "Lithuanian prisoners". Pereslavl-Ryazansky, Voronezh, and Tambov had direct routes of communication with the Don, therefore, a number of spiritual affairs are associated with the Don Cossacks. Besides, in the Ryazan and Murom eparchy there was the Shatsk Cherneev Monastery given to the Cossacks and the sergeant major of the Don Army "for constructing and being an eternal refuge", where the old and crippled Don Cossacks could be tonsured without contributions²⁵.

Most of the court and investigation materials on spiritual affairs are missing; many circumstances of certain incidents remain unknown. It is difficult to correctly assess the impact on the case consideration on the part of judges, the accused, or witnesses. Sometimes even the decision on the considered spiritual affairs remains unknown. Therefore, it becomes more important to fix in documents the various phenomena that disrupted the ordinary way of life, to study the attitude towards them in families, peasant and township communities, church parishes.

The admonition of the Ryazan Archbishop Hilarion, found in one of the "spiritual matters" and included in the title of the article — to live "as good people live"²⁶ — shows the "ideal" rules of that time. The court of the bishop's Spiritual Prikaz, on the contrary, dealt with distortions of the usual way of life, which, however, is also an important characteristic of private life in Russia in the 17th century. The purpose of the church court was both punishment and correction, the registration books have the following examples: when the calotte was given back to priests due to offenses performed, the bishop used to admonish — "Deserve the dignity of a priest, God will forgive you" (I, sheet 126). It is no coincidence that even in his "sacred writing", Metropolitan Hilarion recalled the following unresolved spiritual matters: "If a priest

²³ Istoriko-statisticheskoe opisaniye tserkvei i monastyrei Riazanskoj eparkhii, nyne sushchestvuiushchikh i uprazhdenennykh... T. 1—4 [Historical-statistical description of the churches and monasteries of the Ryazan eparchy, now existing and abolished... Vol. 1—4]. Zaraysk, 1884—1891. (In Russ.)

²⁴ In 1682, separate Tambov, Kozlovsk and Voronezh eparchies were created, therefore, "spiritual affairs" of the local population were brought to court by the new, first-appointed bishops (*Komolova, E.V.* Voronezhskaja eparkhiia v kontse XVII—XVIII vv.: obrazovanie, tserkovnaia organizatsiia, sotsial'no-politicheskie otnosheniia [Voronezh eparchy at the end of the 17th — 18th centuries: education, church organization, socio-political relations]. Voronezh, 2007. (In Russ.)).

²⁵ *Jerome (Alyakrinsky), archimandrite*. Op. cit. P. 83.

²⁶ SA RR, Library, No. 13115, sheet 293.

or deacon in our eparchy is banned from the service of God, according to the rules of the holy apostles and God-bearing father, and if common people are banned from the communion service in the name of our Lord Jesus Christ and from entering the church, since we did not forgive them, since then they are transferred to the land of eternity: and all their sins have already been forgiven and allowed”²⁷.

A spiritual case used to begin with an appeal to the Judicial Bishops’ Prikaz in Pereslavl-Ryazansky, where under Archbishop Hilarion in 1665—1668, there lived a holy man Job, clerks Lev Terekhov and Afanasy Korotnev (I, sheet 335). Since 1675, in pursuance of the decisions of the church council, the Judicial Prikaz consisted only of the clergy: the archimandrite of the Spassky Monastery Joseph and the holy man Gedeon Gundorov “with his companions” (II, sheets 23, 167). In addition to investigating “spiritual matters”, the petitioners were people interested in solving various “private” matters, for example, dower records or making a will, in the long-time absence of a husband or wife. Priests, priest’s chiefs, who acted as local intermediaries with the church clergy and parishes of a small district, both in cities and villages, also had the right to appeal to the Judicial Prikaz.

Ryazan nobles and townspeople, clerks of large estates can be found among the petitioners. The information about all such appeals to the bishop’s Judicial Prikaz was recorded in registration books. When the hearing of the case was appointed, the bishops’ children, boyars, and other bailiffs were sent to bring the participants into the court. They received an execution letter, upon arrival at the venue they were instructed to organize an investigation, take manucaptions and deliver the defendants to Pereslavl-Ryazansky. The accused were kept in a prison in the bishop’s court, sometimes those under investigation were released on bail on condition of their further appearance in the Judicial Prikaz. Fines and fees for the trial went to the bishop’s Treasury Prikaz, the archbishop imposed a ban on the priests’ service (or returned them the right to conduct liturgy). In some cases, the bishop’s order was taken into account in the consideration of cases together with other courts — the patriarchal Judicial or Thuggish Prikazes.

For example, according to a letter from the patriarchal prikaz, an investigation was carried out about the tonsure of the holy man Herman, “who was a soldier in Matthew Krovkov’s regiment” in the Preobrazhensky Monastery of the Pronsky county (I, sheet 135). According to Patriarch Joachim’s letter sent to Kasimov on 14 October 1675, the priest of the Kasimov Kazan Church was questioned. In Moscow, they considered a denunciation of Kasimov voivode Konstantin Panov, who disrespectfully accepted the tsar’s letter of carts issued to the “industrialist” Ivan Turchenin (this happened when the voivode was visiting this priest): “Konstantin read the tsar’s letter while sitting down or threw it; and said that he was not afraid of anybody” (II, sheet 215).

Some people accused by the bishop’s court were sent for further investigation or punishment to voivode and guba offices (II, sheets 432, 454). In 1665, the Kozlovets Mark Yevfimov was “beaten with a whip mercilessly” “in front of the clerk’s office” on a charge of having an extramarital relationship with a serf (the woman was later released). In addition to public punishment, the priest’s headman and cathedral priest Rodion imposed on him the strictest church penance, even forbidding him to enter the church, which prompted the Kozlovsky servant’s appeal to Archbishop Hilarion. The Ryazan bishop removed unnecessary prohibitions from him and “ordered him to

²⁷ Jerome (*Alyakrinsky*), *archimandrite*. Op. cit. P. 93.

enter his house with all relics and let him into the church, and he, Mark, told him to fast all the years and come to his spiritual father for confession” (I, sheet 87).

A significant part of the bishop’s legal proceedings is devoted to spiritual affairs related to the problems of family, deviant behavior, and violence in gender relations: “he is not married and does not pray to God”, “he could not resist dower records”, “got married with the previous wife alive”, “beat his wife mercilessly”, “fornicated”, “kissed forcibly and grabbed women”, “lives a vicious life”, “gave birth to a baby out of wedlock”, “fourth husband”, “fourth wife”, “she divorced with the husband due to her adultery”, etc. Many cases involve quarrels between priests and deacons over their places of service, church income, and property. Common cases “on mugging and robbery” or property theft, where the plaintiffs or defendants were church people, can be found in registration books of the bishop’s Judicial Prikaz. The essence of many cases was clearly written down in the order “by ear”, which gives particular importance to documents that allow the “immersion” in the everyday life of Russia in the 17th century.

The study of registration books shows that the content of some cases was stated in the books openly, while in a number of cases there is one mention of a “spiritual matter” without accusation details. The ratio of such “closed” references clearly increased after 1675 in comparison with the previous time. Sometimes one gets the impression that it was about certain protection of “personal data” or trust only to the oral evidence court of the bishop’s clerks. It is most likely that this was a consequence of decisions of the church council of 1675 to transfer the execution of justice to the clergy.

The authors tried to determine what the phrase “spiritual affair” meant in registration books of the Judicial Prikaz. Below are examples of direct references to the content of spiritual affairs of secular and church people, in particular, in the registration books of 1665–1668. Archbishop Hilarion received petitions on “major spiritual affairs” about the “fourth husband” (I, sheet 16), the landowner widow, “who lives in adultery with a house serf” (I, fol. 23), the peasant and “his married mistress, with whom he lived illegally without prayer” (I, l. 246), “in adultery” (I, sheet 257). The verbal petition on a “spiritual affair” was considered in the bishop’s prikaz after the commotion on one of the streets of Pereslavl-Ryazansky on September 8, 1667. “At three o’clock in the morning”, a janitor locked in the cage “the prisoner’s wife, young Matryonka Nazaryeva” and a cook of the Spassky Monastery Vaska Petrov, who came to “fornicate with her”. By the way, the janitor was a “freed prisoner”, he began “to call a chanter Elisei Andreanov and other neighbors”, but the cook suspected of the spiritual affair “got out of the cage through the roof”. After that, all the participants in the night affair were interrogated and forced to write an explanatory letter (“*vzyali skazki za rukami*”), while the young woman was sent with a bailiff to the voivode’s assembly house: “It was ordered to reprimand her for that” (I, sheet 296). The above example reveals the adultery mentioned in Stoglav, which is one of the first cases of the church court.

The spiritual affairs considered by priests were primarily about violations of the rules of church weddings, for example, “she got married for the third time with her previous husbands alive” (I, sheet 13). In this case, the priests acted selfishly, hiding the income from wedding ceremonies that were meant for the bishop’s treasury, and thereby violating family law. While the church court was against the groundless abandonment of spouses, the life “without a wedding ceremony” or prayer (as for the second and third marriages), entering into the fourth and even the fifth marriage (such

case happened to a peasant woman in the village of Roslyai, Tambov district, the fiefdom of the “Annunciation Cathedral of the sovereign confessor Andrei Savinovich” (II, sheet 193). Departure from the canonical rules for wedding ceremonies in the church was also considered a “spiritual affair”, as with saying childbirth prayers when children were born out of wedlock. They complained about one of the priests that “he performed wedding ceremonies in huts and said prayers to widows and maidens in childbirth” (I, sheet 116).

The priests’ crimes, which aroused the discontent of church-goers, also became the reason for appealing to the bishop’s Spiritual Prikaz. On June 10, 1667, the priest’s elder sent a petition filed by the elder and peasants of the village of Sysoevo, Tambov district, against the priests Foma and Kirik “on spiritual affairs” (I, sheet 253). The petition described the conflict at the “common gathering”, where they accused each other: one was accused of cohabitation with his own daughter, the other — of fornication with goddaughters and disclosure of confessional sins “to the whole world”²⁸. According to the note in the registration book, the case was put off for a long time, the perpetrators of the conflict were brought to Pereslavl-Ryazansky. On February 14, 1668, Archbishop Hilarion, without even understanding the details of accusations, “took off calottes” from both priests and forbade them to serve in the church.

Disputes between the priests of one church were quite common, and when the enmity went too far, the last accusations of “spiritual affairs” were used. On October 19, 1675, the priest of the Nikolskaya church of Chegoldaevo village, Ryazhskaya tithe, Mikhail informed Metropolitan Joseph against the priest Ephraim: “The spiritual affair was related to a spell against bleeding gums found in Efremov’s prayer book”. According to Stoglav, this crime could be considered as “witchery” or “sorcery”²⁹. However, the decision of the church court turned out to be opposite to Mikhail’s expectations; on November 16, 1675, the metropolitan accused him, “because it was not possible to interrogate people in exile and give them faith” (II, sheet 223—223 cover).

The tendency to call the most serious crimes that attracted general attention “spiritual affairs” is noticeable. The difference in affairs can be seen especially clearly in the petition about “swearing *and* spiritual affairs” (I, sheet 295), where the conjunction “*and*” separates a simple affair from a more complex one. Although saying “swear words” on the adopted addition to Stoglav also referred to spiritual affairs, and the decision on them was made by the church court. For example, the Spiritual Prikaz dealt with a quarrel between two synodical deacons, Moses and Maxim, which happened in the Chamber of the Chrism “at the table” on the patronal feast of the Assumption Cathedral in Pereslavl-Ryazansky on August 15, 1675. The next day, one of the deacons “verbally” complained to Metropolitan Joseph to punish the offender

²⁸ See the examples of violation of the seal of confession in the 17th century: *Borisov V.E.* Taina ispovedi, protsedura sudoproizvodstva i povsednevnaia zhizn’ gosudarevykh masterovykh v otdel’no vziatom dele o semi rubliakh (1666 g.): publikatsiia i issledovanie [The seal of confession, the procedure of legal proceedings and the daily life of tsar’s artisans in a separate case of seven rubles (1666): publication and research] // *Sbornik statei i publikatsii, posviashchennyi Andreiu Alekseevichu Bulychevu: na 60-letie so dnia rozhdeniia i 35-letie nachala nauchnoi deiatel’nosti* [Collection of articles and publications dedicated to Andrey Alekseevich Bulychev: for the 60th anniversary of his birth and 35th anniversary of the beginning of his scientific activity]. Moskva, 2020. P. 17—36. (In Russ.)

²⁹ See: *Bulychev A.A.* Dva rozyska o “zagovornyykh” pis’makh vo vtoroi chetverti — seredine XVII stoletii (po materialam Razriadnogo prikaza) [Two searches about “conspiracy” letters in the second quarter — the middle of the 17th century (based on materials of the Razryadny Prikaz)] // *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury RAN (Pushkinskii Dom)*. T. 64 [Materials of the Old Russian Literature Department of the Russian Literature Institute of the Russian Academy of Sciences (Pushkin House)]. Vol. 64]. Sankt-Peterburg, 2016. P. 111—120. (In Russ.)

for insults: “He scolded Moses with all abusive words, called him an “aborigine”. Maxim also said that Moses a companion of a thief Stenka Razin and a traitor to the great sovereign” (II, sheet 167). The case was investigated by judges of the Spiritual Prikaz at the confrontation of the quarreling synodical deacons.

The times of the Razin movement were mentioned in the collective petition of the priests of different villages of the Kadom county to Metropolitan Joseph on June 23, 1675: “The priests living in your area are engaged in riots, stealing along with Cossack thieves, and their elder, the priest of Savvatma village Philip steals along with them. The priest Philip participated in riots and was on attacks, and he took part in many battles and supplied the guns”. In addition to the priest’s elder Philip, his brother-in-law Divey, who served in the same county and also participated in the affairs of Razin’s people, was also mentioned in the petition: “At that time he was a clerk, got on with Cossack thieves as an esaul, killed many statesmen and executed innocent people of all ranks. Now he is a priest”. In addition to these accusations, the collective petition of Kadom priests said as follows: “Some of the priests smoke tobacco” (II, sheets 113—114). The aforementioned priests, accused of participating in the Razin rebellion, were summoned for questioning to Pereslavl-Ryazansky, but after interrogating, they were sent home. Whether this case had any continuation is unknown.

In registration books of the episcopal Judicial Prikaz, there are also references to the beginning of the church dissent. Among the cases extracted by Vvedenskii for publication in “Voronezh Antiquity”, there is a characteristic incident of “white priests” Vasily and Kozma, accused of drunkenness and “outrages” by Hegumen Sergius from the Voronezh Uspensky Cathedral. In 1674/75, the Hegumen managed to receive a letter from the bishop, admonishing the priests. However, the essence of the conflict was that the priest Vasily wanted to establish a new church in the monastery parish by force (“*na usilok*”, Vvedenskii cites an incorrect reading of the phrase — “*na usklone*” (on the hillside)) and refused to pay “the fourth part in the church and common income”. Further, registration books of the Judicial Prikaz described a quarrel of Voronezh priests who spoke out against the new church order (the “method” of approving a sign of cross made with two fingers is noteworthy, according to the petition filed by Hegumen Sergius): “The priest Vasily does not follow the tsar’s decree and the letter, rarely visits the church, behaves outrageously along with the Troitsky priest Hilarion — they take other priests, who sang the Divine Liturgy in those days, with two fingers by the nose, crush them to blood and take violent actions against peasants”. The mention of the church service “of those days” is also not accidental; it is connected with the desire to strengthen the accusation by desecrating church clothes and vessels. Further, the petition describes the actions of the priest Vasily and “a few” townspeople — Fedot Anikeev, Nikita and Semyon Eliseevs, who “kept in touch” with “*roskolshiks*” (the word “*raskolnik*” has not been commonly used yet) for establishing a new church. Hegumen Sergius described in detail the differences in the services of the Old Believers who were still formally subordinate to the Ryazan Metropolitan Joseph: “Those *roskolshiks* Andrey, Deiko and Zenko Anosovs do not want to have their children baptized and listen to liturgical chants according to the newly corrected books. Their children are baptized in other parishes and villages according to old prayer books, and not according to the newly corrected ones. They make the sign of the cross with two fingers and say prayers in violation of the newly corrected prayer books. They do not take part in a cross procession near the city against the sun

to the east, and they, *raskolniki*, make many Orthodox peasants do what they do” (II, sheet 111)³⁰.

In registration books, there are cases that are of particular interest, since they make it possible to look differently at the traditional and, seemingly, already completely exhausted plots of the history of Russia in the second half of the 17th century. It is about serfdom and fugitive people, when escapes were viewed exclusively as manifestations of social discord or the so-called class struggle. Until now, other problems that arose when escaping from one place to another, of one spouse or the whole family remain completely in the background. On April 4, 1665, Matvey Yakovlev, the son of the Ryazan boyar Buzheninov, filed in the Judicial Prikaz a petition to Archbishop Hilarion about the birth of a child to his servant, the wife, whose husband ran away from his owner “a year ago”. All this gave reason to accuse her of “giving birth to a baby out of wedlock”. According to the materials of the bishop’s prikaz, a Nikolsky priest of Kiselevo village was ordered to “interrogate that woman seriously, who was the father to her child”. The petitioner’s accusations of the servant’s escape were also to be checked in confession: “When did her husband run away?” Although, according to the court decision, the judges did not raise any doubts about the matter: “Ask her about the child’s father and send her to clerks of the Judicial Prikaz” (I, sheet 155).

The registration books also mention the “detectives” who were in charge of temporary prikazes to search for fugitives at the local level. In November 1667, a fugitive peasant Filka Mikhailov from Izhevsky village was brought to Afanasy Sofonievich Zabolotsky to the “prikaz” in Pecherniki village “with *zhonka*” of the stolnik Vasily Yakovlevich Golokhvastov. The mention of a “*zhonka*” (not a wife) is not accidental, since the peasant married, while on the run, to the fugitive servant belonging to the Ryazan clerk Vasily Metyushnikov. The detective sent a note about this to the Judicial Prikaz of Spiritual Affairs in Pereslavl-Ryazansky in order to punish the priest of Top-tykov village, Kozlovsky County, who performed their wedding ceremony (I, sheet 336). In the materials of the Judicial Prikaz, there are also examples when fugitives fell into both economic and personal dependence, and the new owners enjoyed their complete lack of rights.

Thus, the materials of registration books of the bishop’s court in Russia in the 1660s—1670s give an idea of the many conflicts of private life, mainly known from the articles of church law monuments. An analysis of the cases preserved in the materials about spiritual affairs makes it possible to see the deep foundations of people’s everyday life, the models of their behavior in the analysis of family life collisions. Registration books contain compelling evidence of people’s actions to protect their honor and personal integrity. At the same time, it is not only about the privileged persons who belonged to the service class, but also about the affairs of those people who constituted the “silent majority” of the people at that time: parish clergy, serfs, servants, and Cossacks.

³⁰ See the document publication: *Vvedenskii S.N. Materialy dlia istorii Voronezhskoi eparkhii (iz rukopisei Riazanskoj dukhovnoj seminarii)* [Materials for the history of the Voronezh eparchy (from the manuscripts of the Ryazan Theological Seminary)] // *Voronezhskaia starina* [Voronezh Antiquity]. Issue 5. Voronezh, 1905. P. 131—132. (In Russ.)

The experience of studying the Landrat's books of Peter the Great's time

Denis Lyapin
(*Bunin Yelets State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S086956870014173-1

Results of the last census of households in Russia carried out in 1715—1720, this is laying among the number of historical sources from the first quarter of the XVIII century, are supposed to pay attention to it.

Since a compilation of census books was entrusted to landrats (local assistants to a governor from the courtiers), this census had got name the Landrat's census in historiography, and the books containing its results were called the Landrat's books.

The aim of this article is to show the value of information content of the Landrat's books for collecting an actual data of a population and classes of objects which Russian state examined in the process of tax calculation in the period of Peter the Great. It is especially important to make a reasoned examining the cognitive significance of this source and to draw the attention of scholars to this, because the Landrat's books have not been the subject of a separate detailed study until.

Kranichfeld was a first one, who examined in the 1840s the tax policy of Peter I. Expressing his mind about the "Landrat's census", he regarded this as actual for his time, but A. I. Kranichfeld outlined also the effectiveness of the transition in Russia to poll taxation¹. A. I. Kranichfeld appreciated big significance of the poll taxation for Russian history, he considered the poll taxation as one of the fateful events of the Peter's epoch.

There is a certain tradition among scholars to pay a much attention to poll taxation regarding the last as an important advance however the uncompleted act of the Peter I's tax reforms. The Landrat's census, which preceded to a usual census, stood in the shadows and some scholars called this unsuccessful and a factor, which spurred officials to go to poll taxation. S. M. Solovyov described in details the activities of provincial officials, when he studied the process of establishing the landrats under a governors, but S. M. Solovyov did not pay attention to the Landrat's census². S. M. Solovyov proved the fiscal policy of Peter I had mainly many indirect taxes and the transition to direct poll taxation according to Decree of 1718.

M. M. Bogoslovsky's monograph about the history of local governments in the early Eighteenth century contains functioning of landrats, but M. M. Bogoslovsky did not regard the "Landrat census", although he suggested that the officials took the Landrat's books into account in the process of organization the tax reform, since it was accepted in Russian state to collect data ("tales", as people sad than) about

© Lyapin Denis

This article is a translation of: D.A. Lyapin. The experience of studying the Landrat's books of Peter the Great's time. *Rossiiskaia Istorica*. 2021. № 1. P. 37—45. DOI: 10.31857/S086956870013441-6.

¹ *Kranichfeld A.* Review of the financial system and financial institutions of Peter the Great. St. Petersburg, 1845. pp. 49—53.

² *Solovev S. M.* History of Russia since ancient times. Book 4. Vol. XVI—XX. St. Petersburg, 1877. p. 148.

the population applying questioning a households, the “tales” had main information about social and economic makeup of Russia³.

Referring to the Landrat’s census, V. O. Klyuchevsky drew attention to the fact that the landrat’s elections in 1713 were an attempt, which was undertaken by the state to attract the nobility to internal governance on a new basis. Despite the fact the landrats were abolished in 1718, a practical experience of this institute was successfully applied to organizing a new poll census, for which the nobility chose zemstvo commissars from among themselves⁴. V. O. Klyuchevsky did not touch the specifics of the census and the question of its reliability.

P. N. Milyukov believed that it was Peter I’s dissatisfaction with the veracity of the Landrat’s books this forced him to abandon the household taxes in favor of the poll tax, but P. N. Milyukov had not given any concrete evidence for this. From the point of view of Milyukov, the need for the Landrat’s books disappeared in 1718 as a result of introduction of poll taxation⁵.

Over time the opinion that the Landrat’s census was ineffective and even reflected the crisis of household taxation began to prevail within historians. Some persons confused increasingly “the Court description of 1710” with the Landrat’s census, contemporaries really left bad reviews about “the Court description of 1710”, and the government recognized the last one that this contained biased information⁶. However, according to M. V. Klochkov, the government had come to the conclusion that the total number of households could not exceed the level of 1678, this meant that the further use of the household tax system would not be a tool to finance the needs of the state in the necessary amount. This, but not the shortcomings of the Landrat’s census, was the reason for the new tax reform⁷.

B. B. Kafenhauz asserted that the results of the “Household description of 1710” reflected a clear reduction of the number of households. The government considered this as a consequence of the concealment, which population practiced, and the fact of a bad faith, which the provincial authorities demonstrated, therefore the new census, which had got name the Landrat’s census began in 1715, but this census demonstrated a reduction of a households because of decreasing population and avoiding taxes pay, which practice poor people. The urgent need for a new system of collecting direct taxes (the actual increase in the tax burden) provoked the government to abandon the further applying the household censuses⁸. According to Kafenhauz, a studying the data from the Landrath books gave to the authorities an arguments in favor to increase direct taxes with help of changing the system of collecting them as only one method to get money for a state budget quickly.

The opinions of Klochkov and Kafenhauz about the Landrat’s books as a source which is not inferior in reliability to the previous censuses, had not become a reason

³ *Bogoslovsky M. M.* Studies on the history of local governments under Peter the Great. M., 1903. Pp. 324–326.

⁴ *Klyuchevsky V. O.* History of estates in Russia. T. 6. M., 1989. P. 386; *Klyuchevsky V. O.* Poll tax and the abolition of slavery in Russia. Ibid., vol. 8. M., 1990. p. 195.

⁵ *Milyukov P. N.* State Economy of Russia in the first quarter of the XVIII century and the reform of Peter the Great. St. Petersburg, 1905. pp. 471–472.

⁶ *Lyashchenko P. I.* Russian National Economy History. M.; L., 1930. p. 206; *Strumilin S. G.* Essays on the Economic history of Russia. M., 1960. p. 322, 328.

⁷ *Klochkov M. V.* The population of Russia in the period of Peter the Great according to the censuses of that time. St. Petersburg, 1911. Pp. 420–425.

⁸ *Kafenhauz B. B.* Essays on the history of USSR. XVIII. Russia in the first quarter of the XVIII century. The Reforms of Peter I. M., 1954. Pp. 388–389.

for their deep studying. This class of fiscal documentation had remained outside the interests of the scientific circles. E. V. Anisimov did not focus on the study of the Landrat census, considering the features on the tax reform of 1719—1727, although E. V. Anisimov agreed with Klochkov that there are no grounds for recognizing the Landrat census as unreliable⁹. Ya. E. Vodarsky, who is the well-known expert in the field of historical demography, focused on two censuses — 1678 and the first revision of the poll tax in 1719 in his book about the population of Russia in the late XVII — early XVIII centuries, so the Landrat's census remained again outside the scope of research attention¹⁰.

Modern historians turn to the data of the Landrat's censuses mainly as to a source of information on genealogy, as well as to a material, which provide a study the legal features of accounting of the taxable population of Russia¹¹. There are many studies in recent years, which are devoted to the activities of landrats, we should mention especially the research fulfilled by D. A. Redin, this research contains the results from analysis of the activities of the Institute landrats in Siberia¹². D. A. Redin noted the radical independence of the provincial authorities in the time of the household census and stressed the poor knowledge about the landrats' activities in within historians.

I would like also to note the article of S. V. Fursov about the Landrat census 1716 in Dobrovskiy district. S. V. Fursov focuses on the population and its stratus within this district and he analyzes reasons for demographic and social changes in Dobrovskiy's district in the period 1710—1716¹³.

The historical conditions for the emergence of the Landrat's books as a mass source are associated with the need to reform the system of taxation¹⁴. It was 1710, when the Russian government conducted a household census for the first time after 1678, and the central power decided to start a new census immediately after finishing the census 1710, because the local authorities had demonstrated in 1710 a negligent attitude to the census and the persons which collected the information carried out their work unfair.

There was in the Moscow province, there the landrats began to conduct a census in the summer of 1715. Peter I issued a decree 10 December 1715 after the start of the census, according to this decree Russian officials had to begin collecting an information about the households and residents without “withholding and indulgence” within

⁹ *Anisimov E. V.* The tax reform of Peter I. L., 1982. p. 38.

¹⁰ *Vodarsky Ya. E.* The population of Russia at the end of the XVII — beginning of the XVIII centuries: number, classes, locality. M., 1977. p. 12.

¹¹ *Lyapin D.A., Lilp I.G.* Buhteevs: the describing of genealogy. Yelets, 2009; *Dementiev V. S.* Istoriya ucheta naseleniya Rossii do nachala XX vv. [History of accounting of the population of Russia before the beginning of the XX century] // Geographical bulletin. 2015. No. 4 (35). Pp. 11—17; *Borshchik N. D.* Censuses of the population of the Kursk region in the XVII—XIX centuries: to the historiography of the problem // Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. 2008. Issue 12 (68). pp. 285—289; *Melnikov P. Yu.* Legal bases of audit accounting of the population in the Russian Empire at the beginning of the XVIII century // Bulletin of the Saratov Law Academy. 2012. No. 2(84). Pp. 49—54.

¹² *Redin D. A.* Siberia's landratura: the place of Vyatka landrats in the structure of the provincial administration during the period of the first regional reform of Peter the Great // *Izvestiya. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts.* 2012. No. 3 (105). Pp. 31—47; *Redin D. A.* Siberian landrats. 1714—1720. (Materials for research) // *Petrovskoe vremya v litsakh-2005.* SPb., 2005. Pp. 181—194.

¹³ *Fursov V. S.* City Dobriy and district's materials of the landrat census of 1716 // *History: facts and symbols.* 2018. No. 4(17). pp. 86—94.

¹⁴ Reports and sentences held of the Government Senate in the period of the reign of Peter the Great. Vol. VI. Book 1. St. Petersburg, 1901. p. 302; *Милкоков П.Н.* Указ. соч. С. 471—472. Милуков П. Н. Edict. op. p. 471—472.

all provinces¹⁵. Total census took start in 1716. The new process of collecting data from households must have lasted 1—2 years, but it was more 2 years. Peter I decided to go to a new taxation, this based on the tax of personal income, before the finish of the census¹⁶. However, the central government fulfilled the census, which was started by landrats, in 1720, there was in this year the abolishment the institute of landrats.

The mechanism of the Landrat's census had a traditional shape: the collection of accounting information from households ("tales"), the compilation of draft versions of census books, and then officials fulfilled the final versions of census book, which reflected final results of a census.

At the moment, the Landrat's books (111 units) are in the fund of 350 of Russian State Archive of Ancient Acts, they are not separated into a special box of documents and lay together with the census books of 1710, various private censuses of 1707, 1712—1714, as well as "tales" and books, which contain information about a tax pay ("perechnevie knigi"). I selected and analyzed separately seven landrat books in order to prepare the article, every of these books contain information about one district, therefor every book has name of a district: "Yelets", "Dorogobuzh", "Meshchovsk", "Tula" and "Likhvinskoe", "Tsarevokokshaisk" and "Miropolsky". I selected the Landrat's books out of geographical characteristic of districts. According to a systematic approach, which I applied to the study of the Landrat's books, there are in the article a classical methods of source analysis: comparison, generalization and systematization of data.

Landrat books do not have a single structure, we can divide all landrat books into several conditional groups: 1) the books, which were compiled according to typical form from XVII century, this meant that books are without columns and tables); 2) the Landrat's books, which contain a texts with clearly readable columns; 3) the Landrat's books, which consist mainly of summary tables; 4) the landrat book with a combined form. My study appeals to the Landrat's books of all forms, which I mention above.

The Yeletsky's district was in the north-west of the Azov province. A commission headed by G. M. Naumov made the Landrat's book of the Yeletsky district, M. Naumov descended from "stolniki" like most part of landrats, "stolniki" were a noble servants in Tsar's court¹⁷. This book has a shape of voluminous folio of 1368 pages¹⁸. First, there is a characteristic of the city, this takes only churches and suburbs, description of the district goes after the characteristic of the city. The text with this information is divided into columns: all pages of notebooks are sewn and have a shape of book and divided into two columns — "persons which had arrived" and "persons which are out of the district", where the data of the population contains information about circumstances of how any person left the district or arrived to this, this personal data stays in comparison with the last census, there are description of circumstances: "died", "was born", "lost", "change of residence". The calculations of demographic changes stays in the book's last topic, according to several criteria: the

¹⁵ The complete Collection of Laws of the Russian Empire: The third Collection: [From March 1, 1881 to 1913] : [In 33 volumes]. - St. Petersburg.; Pg.: State type., 1885—1916. T. 3. p. 185.

¹⁶ The complete Collection of Laws of the Russian Empire: The third Collection: [From March 1, 1881 to 1913] : [In 33 volumes]. — St. Petersburg.; Pg.: State type., 1885—1916. T. 3. p. 618—620.

¹⁷ *Zakharov A.V.* "The Sovereign's Court" and the courtiers of Peter I: problems of terminology and reconstruction of the service // Ruling Elites and the Nobility of Russia during and after the Peter's Reforms (1682—1750). Moscow, 2013. P. 30.

¹⁸ Russian State Archive of Ancient Acts. Collection. 350. Register. 1. Folder. 113. P. 1.

total number of men and women, the number of person, which arrived and left the district, the population of the district has a stratification in the book.

The characteristic of the city's population reflects a social stratification, which contains the next segments: clergymen, assistants of deacons, which were local ones and ones from Ecclesiastical department, solitary men, beggars, Musketeers, gunners, guard of fortress, Cossacks, philistines of the city, knights, soldiers ' children, serfs. Knights and Cossacks prevailed within city's population, the most persons among these two stratus were city's Cossacks (499 persons), Musketeers (160 persons) and gunners (112 persons) stood after knights and Cossacks.

The population of the suburbs was 124 people. The population of Yeletsky's district was represented by landowners and patrimonial owners, "military men of all ranks", on the one hand, by peasants, solitary men, servants and business people, on the other. The Landrat's book does not contain the number of the landlords and patrimonial owners, they shaped an upper stratum of local society. As for the "military people of all ranks", this category of the population was the descendants of knights, who were obliged in 1710 to pay taxes instead military service¹⁹. The Landrat's book contains mentions about persons of stratum "military men of all ranks" as horsemen, soldiers, spearmen and municipal policemen. Military class of the district was a social base for a draft to army and other forms of military service as militia in cities and in country, the Landrat's book contains an information that 223 persons were conscripted in 1710 (9%). The word "peasants" is mentioned in the Landrat's book only in the preface, in the final part of the book this category of persons has name "laboring people", the authors of the Landrat's book understood under "laboring people" all the low stratum of society. The number of "laboring people" was 5,585 people within the district, solitary men were only in the local Yeletsky's monastery (14 persons). Authors of Landrat's book did not regard servants and business people as separate stratum, they associated them with households of service people, the number of servants and business people was not more 50 people. The book contains detailed information about the clergy of various ranks (122 persons).

Dorogobuzhsky district was one of results of the administrative reform of 1708, this lay in the center of the Smolensk province, but the district became part of the Riga Province in 1713. Colonel and descendant form a stratum of courtiers Ivan Mikhailovich Potemkin was landrat, who was responsible for the census²⁰.

The Landrat's Book of Dorogobuzhsky's district is a manuscript of 750 pages. This book has an archaic structure and resembles rather the census of the XVII century, because this does not contain a classification of persons which settled on some place in the district and left the district, this book contains also description of the population according of list of a local households, this description is separated from other string by a space; the book has comparisons with previous censuses related only to a few general characteristics, for example, the number of philistines of the city. The book has a special appendix placed at the very end of the text, this appendix the only table under name "Dorogobuzh Cities of people of all ranks". A comment to this table states that there are the names and surnames of the landowners and patrimonial

¹⁹ The complete Collection of Laws of the Russian Empire: The third Collection: [From March 1, 1881 to 1913] : [In 33 volumes]. — St. Petersburg.; Pg.: State type., 1885—1916. T. 3. Pp. 655—656.

²⁰ Russian State Archive of Ancient Acts. Collection. 350. Register. 1. Folder. 111. P. 1; *Zakharov A.V.* "The Sovereign's Court" and the courtiers of Peter I: problems of terminology and reconstruction of the service / / Ruling Elites and the Nobility of Russia during and after the Peter's Reforms (1682—1750). Moscow, 2013. P. 30.

owners, which are mentioned in the book, the comment has indicating the page and title. The first column of this table has title “Names”, this contains various letters, the second column includes the names and surnames of landowners and patrimony holders, the third column contains the numbers of pages with information of peasants which were in the state of dependence on the landowners and patrimony holders of the district²¹. So, the Landrat’s book of Dorogobuzh has an information about local noble families, this is a seldom case for sources of this type.

The social gradation of Dorogobuzh mirrors in the Landrat’s book as follows: clergymen, minor officials, which have also name “serving persons”, wives and children of dragoons and soldiers, which stood in regiments, coachmen, gunners, which were not on duty, philistines of the city, blacksmiths, beggars, monks, laity, which reside monastery, monastery clerks and grooms. The largest population group was the philistines of the city — 782 person distributed in 157 households. At the same time, there were in the census book of 1678 232 households and in the book of 1710 — 170 households. 63 houses stood without residents, and next to them were the households of “poor widows, which children and relatives serve as soldiers and dragoons,” a total number of 15 people²².

Residents of Dorogobuzhsky’s district consisted of landowners, patrimonial owners, centurions, peasants, monks and monastery workers. The census represents an information that landowners and patrimonial owners had control of 2 578 households of persons, which had different labour duties and tax pay in 1678, there were in 1710 only 1 803 “residential households, and now 2 315 residential households and households of landowners 58 units”, as in the Landrat’s book mentioned. The total number of peasants was 15185 and number of landowners was 293 persons according to the landrat book of Dorogobuzhsky’s district²³. The local landowners had a good enough number of laboring persons.

Meshchovsky’s district was part of the Smolensk Province at the time of the census, being its eastern periphery. The total volume of the Landrat’s book has 177 pages. This is handwritten folio, which has two neat handwriting, and the folio is well preserved. The comparative data in the book is summarized in tables, but the results of the work are presented as usual text. The structure of this census has combined shape. The population of the city of Meshchovsk was mainly represented by philistines of the city (177 persons), as well as beggars (11 persons) and soldiers (9 persons); all soldiers were on duty, and women and children lived in their homes (16 persons)²⁴.

The land in this district was in ownership of landowners and patrimonial masters (their number is indicated). Along with landowners and patrimonial masters residences, “barnyards” are also mentioned. The total number of the residences was 350, “and there were 3 205 servants, business people and breeders within these residences”. We can say that this number also includes landowners and patrimonial owners, otherwise the number of dependent persons looks too significant, there were 10 people per residence on average. Landlords and landowners had control over 17 502 peasants and solitary men. The indication of the number of grooms is a requirement typical to many instructions to the Landrat’s books, but only in this Landrat’s book we see the specific mention of grooms. The author of this Landrat’s book considers separately

²¹ Russian State Archive of Ancient Acts. Collection. 350. Register. 1. Folder. 111. P. 715.

²² Russian State Archive of Ancient Acts. Collection. 350. Register. 1. Folder. 111. Pp. 22—38.

²³ Russian State Archive of Ancient Acts. Collection. 350. Register. 1. Folder. 111. Pp. 738 (back).

²⁴ Russian State Archive of Ancient Acts. Collection. 350. Register. 1. Folder. 238, p. 176, 177 (back).

monastic peasants, solitary men, cattle-breeders, bread-makers and other employees. The number of employees in the Meshchovsky district was 1 514, there are in the end of the census papers lists of “church and soldiers beggars” of number 18 persons²⁵.

Tula’s district was located in the southern part of the Moscow province. The Landrat’s Book of Tula’s district, consisting of 900 pages, started to be forming already in 1715, landrat Gavril Zhuravlev managed the census²⁶.

The peculiarity of the Landrat’s book of the Tula’s district consists in detailed description the reasons why the number of population decreased (transferred, died out, fled, drafted), this book contains indicating the number of persons for each case. The census records of Tula have an information about clerics, household people, nobles, horsemen, soldiers, gunners and guard of fortress, assistants of deacons, representatives of the local merchant guild, philistines of the city, manufacturers of bricks, potters, coachmen, beggars²⁷. There were in 1715 many archaic social groups as representatives of the local merchant guild (13 persons), gunners and guard of fortress (15 persons), horsemen and soldiers (150 persons), clerics of different ranks (623 persons).

The presence of a military contingent indicates that the city was an important strategic stronghold, which needed a guard and protection. Cavalry and the soldiers could perform police functions. The philistines of the city made up the main part of the city’s population, their number was 1 350. It is not clear enough which category of the population of Tula was “nobles”, most likely this category was Moscow officials (courtiers). Local residents are represented by landowners and patrimonial owners (1 697 persons), as well as peasants and solitary men (4 675 persons). There were about 3 peasants for every landowner on average in the district. This ratio has old roots in the past, there was insufficient number of peasants in the southern territories of the Tula Region, and the Azov province had even minima number of peasants²⁸.

Likhvin lays between Kaluga and Tula (today this has name Chekalin), Likhvin became part of the Smolensk Province in 1708, but Likhvin was included in Moscow’s province in 1713. Landrat Ilya Bryantsev created the census book of 660 pages. The book with a neat handwriting resembles the Tula census book, both books have a similar structure, which lacks tables and contains a detailed list of the decreasing population. According to the census, there were 9 828 people except monks in Likhvin. Philistines of the city (140 persons) and militaries (47 persons) lived in Likhvin, officials and clergymen do not have place in the book. The another part of the book reflects information about soldiers (35 persons), gunners and messengers (4 persons). There is a clear predominance of the philistines (60%), and the military importance of Likhvin, which located on the western border of the Russia, had become minimal. Comparisons with the data of 1710 demonstrate that after 1710 the local garrison was not replenished. The composition of the population of Likhvinsky’s district was quite homogeneous and typical for the region, the population of the region consisted mainly of landowners, patrimony holders, soldiers and peasants²⁹. Unfortunately, the source

²⁵ Russian State Archive of Ancient Acts. Collection. 350. Register. 1. Folder. 238, p. 176 (back).

²⁶ Russian State Archive of Ancient Acts. Collection. 350. Register. 1. Folder. 427.

²⁷ Russian State Archive of Ancient Acts. Collection. 350. Register. 1. Folder. 427, p. 844.

²⁸ Chernikov S. V. The nobility and serfdom of the Yeletsky’s district at the end of the XVII-mid-XVIII century // Milestones of the Past: Academic Notes of the Faculty of History. Issue 3. Lipetsk, 2003. p. 42; Lyapin D. A. From landowners to peasants: on the origin of the estate of state peasants, owning one home // History in detail. 2010. No. 6. Pp. 11-16.

²⁹ Russian State Archive of Ancient Acts. Collection. 350. Register. 1. Folder. 226. P. 645, 656.

does not contain the number of peasants, however this has number of households (1096 units), there were in the district also 119 landowners, patrimony holders. The Landrat's book has an information about begging peasants (90 persons), they could not pay taxes.

Tsarevokokshaysk (today Yoshkar-Ola) became a part of the Kazan province in 1708. The Landrat's Book of 362 pages was compiled together with the description of Yaransk and Urzhum, this fact makes it somewhat difficult to work with it. Such descriptions of three cities are typical for the Landrat's books of several small districts of the Azov, Kiev, or Kazan provinces. The peculiarity of the census materials of Tsarevokokshaysk is that they have numerous tables with all possible comparisons. There are in the final data of the book no clear generalizing conclusions, however, only the reasons for the population decline are reported. The social shape of the residents of Tsarevokokshaysk is represented by clergymen, philistines and "migrants from Azov". Judging by the surnames, the residents of the city were Russian. The same situation was observed in Yaransk and Urzhum, where it was even specifically noted in 1710 that there were no dragoons and soldiers "and did not arrive³⁰". The total population of the city is not indicated. The census reports only on "lost households" with a detailed description of the composition of families and the reasons for the loss. Judging by this information, the losses amounted to 17 persons since 1710, which means that the total number of local residents was hardly large.

City Myropillya located in the center of Kiev province. This region began to be actively settled only in the second half of the XVII century, when several Cossack regiments were formed here, these regiments had a certain autonomy. This was done to protect the central Russian territories from possible attacks by the Crimean Tatars and Turks who claim the lands of Ukraine. Myropillya became part of the Sumy Sloboda Cossack regiment in 1651-1655. The Landrat's book of Miropolya of 148 pages was created in 1720 later than the other Landrat's books. This Landrat book with a neat handwriting and good detailed does not have tables. The peculiarity of the manuscript consists in absence of comparison with the data of the censuses of 1678 and 1710. This may be due to the fact that censuses were not held in Miropolya's district. The another distinguishing feature of this Landrat's book is the detailed information about the land holdings, apiaries, fishing and bathhouses, everything of these objects consisted in a tax base with an indication of the amount of payment. According to the Landrat's book of the Miropolye, the city and the district (both ones are a same administrative unit) were inhabited by priests (112 persons), clerks (4 persons), captain, ensign of the soldiers ' order, representatives of the regimental hundred service (8 persons), persons of the "penny rank" (13 persons), soldiers (1 020 persons), policemen (702 persons), servants in households (151 persons)³¹.

It is remarkable, there are in the general summary of the results mentions about knights of a lowest rank ("odnodvoretzes"), however there is no detailed information about them in the calculations of censuses' results. The demographic and social data in this Landrat's books contains similarities with the Yeletsky's district. However, Miropolye does not mention the philistines of the city, it is not surprising, since the territories of the Cossack regiments had purely military people and their families.

³⁰ Russian State Archive of Ancient Acts. Collection. 350. Register. 1. Folder. 136. P. 357 (back), 365 (back), 370.

³¹ Russian State Archive of Ancient Acts. Collection. 350. Register. 1. Folder. 240. P. 140.

Summarizing the examples given above, I should say that the bureaucrats, which carried out the census, had with rare exceptions to compare their results with the data from previous censuses. However, a target to get the maximum as possible verification of the information, of course, did not mean that the landrats received absolutely accurate data. Nevertheless, the Landrat's books contain valuable information about the number of men and women, as well as about the process of migration. It is important to note that the Landrat's books was taken as a basis for the organization of the new per capita census, "tales" named also "audit stories" were collected and the data was compared with previous censuses. In this regard, the Landrat's books should be considered not as a mark of a crisis period in the forming of fiscal censuses, but as a certain transitional stage in the development of the population accounting system in Russia. The disadvantage of the Landrat's books is the lack of a single clear structure. Some of the Landrat's books are very detailed and informative (Tula, Yelets) and can be the subject of a special study and a publication, others do not contain much information, the handwriting of scribes is not always legible, and summary data is given only for separate population groups. Sometimes an information in one book includes aggregate data for several districts and cities, this makes it difficult to study.

Despite the fact that the Landrat's books like other household censuses do not reflect a general social and demographic picture of good reliability, they can be an additional source for studying the social history of Russia. A composition of a city and a district society is presented quite clearly in all discussed manuscripts. We find references to archaic groups of the population in the Landrat's books, and here we trace a formation of a new social gradation. It is obvious that the multiplicity of ranks of the Moscow state was gradually replaced by generalized social groups in the context of tax reforms, Russian state abolished a traditional social gradation according to type of occupation. We can see only in Tula the gradation of citizens saved old multiplicity of ranks. The most diverse and archaic was the social structure of the Yeletsky and Miropolsky districts, where we meet horsemen, soldiers, spearmen and policemen. These categories of population are the result of the historical development of these regions in the XVII century, when the children of boyars (Yelets) and regimental Cossacks (Miropolye), who had almost no serfs, but had large land possessions, made up the bulk of the inhabitants, this was a stratum of small landowners. It is also important that the Landrat's books record not only the part of population, which had to pay taxes, the books mention landowners and patrimonial owners.

Another important process reflects in the Landrat's books is a formation of a new layer of the district elite, they are "landowners and patrimonial owners". This definition refers us to the previous century, in which the ownership of land was the privilege of "serving for the fatherland". Probably, this circumstance forced the authors of the Landrat's books to use this term. The process of formation of the new nobility during the Peter's period largely depended on the regional specifics. In the Yeletsky's district, for example, about 10% of the total number of landowners of the XVII century were part of the district's nobility of the Peter's period, they were knights³².

It was Miropolye, there the central government retained the land for representatives of the Cossack Sloboda regiments, but districts closer to the historical center of Russia had another trait, there were in these districts a group of people who belonged to the highest stratum of society during several generations become landowners and

³² The nobility and its serfs in the XVII—XVIII centuries. Moscow, 1989. Pp. 38—92.

patrimony holders. Recently, the question of the formation of classes of gentry and generals in Peter's I period is recognized by scholars as particularly important³³.

Despite the shortcomings of the Landrat's books of Peter's I period as a mass source, their study as a whole seems promising in several directions. First, censuses of districts can serve as evidence of the development of a concrete territories and will be interesting in the context of regional studies. Secondly, the most books contain a lot of detailed demographic data that reflect the historical and demographic processes in society. Third, a comparative analysis of the data on the social composition of different districts of Russia has a scientific perspective. We should not forget about the importance of Landrat's censuses for a genealogical researchs. I hope that the scholars will pay proper attention to these historical evidences of the era of Russian modernization, because the informative value of the Landrat's books consists in reflection of transformation a population accounting according to fiscal aims.

³³ *Zakharov A.V.* The project of the information system "Tales of the General review of the gentry 1721—1722" in the context of the study of mass sources and regests // *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2015. № 16(371). Issue 65. Pp. 130—139; *Polonsky D. G.* Self-identification of the Russian nobility and the Peter's reform of epistolary etiquette (the end of the XVII-beginning of the XVIII centuries) // *Ruling elites and the nobility of Russia during and after the Peter's reforms ...* Pp. 234—255; *Chernikov S.V.* The ruling elite of Russia 1725—1762: mass sources of biographical character and methods of their analysis // *Humanitarian Bulletin*. 2016. No. 12 (50). P. 2.

Political parties of Russia in the early 20th century as a historiographical problem

Valentin Shelokhaev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow),

Kirill Solovyov (National Research University Higher School of Economics; Institute of Russian History; Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870014174-2

The history of political parties in Russia during the beginning of the XX century is a key problem of native and foreign historiography, this is quite naturally. The emergence of new actors on the political scene in this period is evidence that an age-old drama of the relationship between power and society was approaching culmination¹.

Researches, which were discussing Russian political parties, went to analyzing literature mostly from the Soviet periods and before October revolution². We focus in

© V.V. Shelokhaev, K.A. Solovyov

This article is a translation of: V.V. Shelokhaev, K.A. Solovyov. Political parties of Russia in the early 20th century as a historiographical problem. Rossiiskaia Istoria. 2021. № 1. P. 139—150. DOI: 10.31857/S086956870013450-6.

The article was prepared with the support of the RFBR, project No. 20-09-00105.

¹ *Shelokhaev V. V., Solovyov K. A.* Political parties of Russia during the beginning of the XX century. Features of the phenomenon and prospects of study // *Russia XXI*. 2019. No. 5. Pp. 10—27.

² *Shelokhaev V. V.* Results and tasks of studying Russian bourgeois parties in modern Soviet literature // Non-proletarian parties of Russia in the years of the Bourgeois-democratic revolution and in the period of the going up of the Socialist Revolution. Moscow, 1982. Pp. 74—81; *Volobuev O. V., Leonov M. I., Utkin A. I., Shelokhaev V. V.* History of political parties of the period of the First Russian Revolution in the newest Soviet literature // *Voprosy istorii*. 1985. No. 7. pp. 52—67; *Kanishcheva N. I., Pridvorova T. P., Shelokhaev V. V.* The Party of the Bolsheviks in the years of the First Russian Revolution. Criticism of the latest bourgeois historiography // *Questions of the History of the CPSU*. 1985. No. 12. pp. 87—100; *Kanishcheva N. I., Pridvorova T. P., Shelokhaev V. V.* The Bolshevik Party in the years of reaction and the new Revolutionary upsurge // *Questions of the history of the CPSU*. 1988. No. 7. pp. 82—98; *Volobuev O. V., Leonov M. I., Utkin A. I., Shelokhaev V. V.* History of political parties in Russia 1907—1914 in Soviet historiography // *Questions of history*. 1989. No. 4. pp. 147—160; *Kanishcheva N. I., Leonov M. I., Pavlov D. B., Stepanov S. A., Shelokhaev V. V.* Political parties in 1905—1907 (Review of the latest non-Marxist historiography) // *History of the USSR*. 1989. No. 6. Pp. 180—195; *Volobuev O. V., Miller V. I., Shelokhaev V. V.* Non-Proletarian parties of Russia: results of the study and unsolved problems // Non-proletarian parties of Russia in three revolutions. M., 1989. pp. 5—20; *Agafonov O. V., Kanishcheva N. I., Morozova E. G.* Western non-Marxist historiography of the RSDLP. Main directions, research centers, archives. M., 1989; *Shelokhaev V. V.* *Mnogopartiynost v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Multiparty System in Russia: history and modernity]. The difficult search for a solution. Issue 1. Moscow, 1992. pp. 141—159; *Gusev K. V., Miller V. I.* The system of political parties in Russia. To the formulation of the question // *Centaur*. 1992. November—December; *Political history of Russia in parties and persons*. Moscow, 1993; *Shelokhaev V. V.* *Mnogopartiynost', vyshevshaya v vozdukh* [Multiparty system, hanging in the air]. 1993. No. 6. pp. 166—171; *Shelokhaev V. V.* Political parties of domestic entrepreneurs: history and modernity // *Renewal of Russia: a difficult search for solutions*. Issue 2. M., 1994. pp. 182—188; *Kokonenko A.* The Party of Socialist Revolutionaries in 1901—1922. The problem of historiography. Tyumen, 2004; *Shelokhaev V. V.* Political parties in the First Russian Revolution: problems of further study // *Russian history*. 2016. No. 4. pp. 101—109; *Shelokhaev V. V.* Discussion about the type of political party in the Russian intellectual sphere // *Russian multiparty system and Russian Crises of the XX—XXI centuries*. Collection of scientific articles and materials of round tables. Issue 6. Moscow, 2016. pp. 344—350; *Shelok-*

the present paper on a tracing main tendencies of modern native historiography, we take in account in this discussion that it was no easy matter for scholars to leave old dogmas in order that to get understanding this political and social phenomenon as Russian political parties. First of all, writing of the history of the parties changed in the way of main changes of the historiography. Parties, including just the small ones, and best of all party systems reflected the political situation in Russia during the beginning XX centuries, we could say parties mirrored asynchronous and heterogeneous development of Russia. A historian had to assess the overall situation in the country and he did not want maybe to do this as he was characterizing a life of political parties. Secondly, taking in account many studies, which have appeared in the last three decades (monographs, articles, theses), we concentrate on innovative approaches in this case. We can understand the qualitative changes in the understanding the political history of this period summarizing achievements of Russian researchers from the mid-1980s to now days.

There were tendencies to revise the ideological conceptual ideas of the “Short Course” CPSU’s history in the 1960s and 1970s. The Twentieth congress of the Communist Party of the Soviet Union (1956) became an undoubted milestone after which the emergence of a “new course” in historical science became possible. Scholars, which followed the “new course”, expanded the scope of research. The Scholars discussed the diversity in the Russian economy in the beginning of the XX century, the heterogeneity of the post-reform society; they stroke the question of the proletariat’s hegemony and its allies on the democratic stage of the revolution in Russia. It is obvious, there was a need to expand the circle of subject within the study of political parties. There were at the turn of the 1970s and 1980s researches which contained studies of “landlord”, “bourgeois”, “petty-bourgeois” parties, as well as various anarchist groups, although the studies stood within Marxist approaches which used the appropriate terminology. Despite the fact of Marxism’s domination in a vast majority of cases of statements about political associations, the appeal to new archival sources in the way of the expansion of the circle of subjects (this had a high significance) allowed to the scholars, which met this goal, to present the activities of the parties from a different perspective. As a result, there were in the shadow of accepted ideological names, for example, “The Struggle of the Bolsheviks against...”, findings which lay far beyond the usual Soviet historiographical frames. The scholars came to conclusion that the political process in the Russian Empire of the early XX century was not linear and this process did not contain obvious activity of political parties, this conclusion became in opposition to previous views on the subject.

Scientists pushed forward an idea of improvement the study of political parties in Russian Empire, scholars outlined this conceptual idea during the late 1970s and early 1980s by numerous All-Union scientific conferences held by the Scientific Council on the History of the Great October Socialist Revolution, headed by Academician I. I. Mints. The group of researchers of V. V. Komin, K. V. Gusev, L. M. Spirin, V. I. Miller, G. Z. Ioffe, N. G. Dumova, O. V. Volobuev, S. V. Tyutyukin, V. P. Buldakov, and V. V. Shelokhaev proposed to start preparing a collective generalizing monograph

haev V. V. Reforming of the party political space in Russia in 1917. 2017. No. 2. pp. 22—41; *Shelokhaev V. V.* Political parties in 1917 (Results of study and research tasks) // 1917. State. Power. Territory. Reports of the international scientific conference on October 25, 2017. Moscow, 2017. pp. 379—387; *Egorov A. N.* Essays on the historiography of Russian Liberalism at the end of the XIX — first quarter of the XX century (pre-revolutionary and Soviet periods). Cherepovets, 2007; *Egorov A. N.* Russian Liberals of the Early Twentieth century and Power: historiographical discussions. Cherepovets, 2007.

on the history of Russian non-proletarian parties at a scientific conference held in 1982 in Kalinin. The scholars stroke a plan of this book and formed a collective of authors.

The preparation of the monograph turned out to be a difficult task. At first, this was supposed to be published in two volumes. The manuscript was submitted by the Publishing house “Thought”, with which K. V. Gusev had a preliminary agreement. The editors of “Thought” red the manuscript and decided to take no chances and sent the text of the book to the Department of Science of the Central Committee of the CPSU. As Gusev sad, the publication of the two-volume book on the history of non-proletarian parties met objections of the Department of Science of the Central Committee of the CPSU. To save the project of the book, Gusev had to resort to a help of persons close to the leadership of the Central Committee of the party. Although the authors had not got approval to publish the book, officials recommended to issue only one volume.

The group of the authors had to make a new text working in urge as people sad “handing by scissors and glue”. Of course, it was possible for the authors to refuse the publication because of the reduction of this, but the authors took a decision to issue the book as they were doing others projects. As a result, scholars gave the book, this was published in 1984³, a favorable review. Of course, the monograph, which contains the history of none-proletarian parties from the origins of these parties to the disappearance of these ones during the Russian emigration, has many statements in the spirit of the time the domination of the Communist ideology.

The process of carrying out the text of the book reflected the fact that the Soviet science needed a revision of all stored historical material and formation new research tasks. This revision on one hand allowed a critical consideration of results of researches of several generation of Russian, Soviet and foreign historians, the scope of which were political processes of the beginning of the XX century, on another hand this revision became basis for a new ways of discovering this rank of problems.

At first, researchers had to pay more attention to study of a theory and methods. This, in particular, was reflected in the understanding of the heritage of A. Tocqueville, B. N. Chicherin, M. Ya. Ostrogorsky, M. Weber, R. Michels, M. Duverger, J. Brice, etc⁴. Secondly, scientists had to take in account features of the forming of political parties in Russia, this process was out of the Western European political tradition.

In the same time a group of scientists started to work out almost undiscovered problem as number, structure, geographical location of political parties in Russia Specialists from the Institute of the USSR history published special collection of papers in 1987⁵, a group of historians prepared an article and a report at a scientific conference in the United States on the base of this collection of papers⁶. Researchers almost immediately began to apply active quantitative methods for the study of the Russian

³ Non-proletarian parties in Russia. History Lesson. Moscow, 1984.

⁴ Malov Yu. K. Introduction to the Theory of Political parties (Review of Ideas and concepts). Moscow, 2005.

⁵ Kiselev I. N., Korelin A. P., Shelokhaev V. V. Political parties in 1905—1907: number, composition, placement (Quantitative analysis) // Istoriya SSSR. 1990. No. 4. pp. 71—87.

⁶ Kiselev I. N., Korelin A. P., Shelokhaev V. V. Political map of Russia in 1905—1907. Quantitative analysis // Russia and the USA at the turn of the XIX—XX centuries. Mathematical methods in historical research. Moscow, 1992. pp. 114—142.

political parties⁷. The discovering of this subject allowed to clear up a dependence a party organization on economic, social, national and confessional specifics of the country's regions and to identify channels through which parties influenced on different stratum, this research allowed also to determine methods of influencing public and mass consciousness.

Important role for a promotion the study of the Russian parties in the beginning of XX century had the all-USSR Conference in the city Orel, the reports were published⁸. The number of reports made on the Conference in Orel contained results of the study of the political parties in Russia, but O. V. Volobuev, V. I. Miller, V. V. Shelokhaev had outlined undiscussed problems, K. N. Tarnovsky had pushed forward first a subject of features of formation of proletarian parties. O. A. Harus, I. V. Narsky, N. D. Erofeev, M. I. Leonov, A. L. Afanasyev paid much attention to locality, number of members and composition of the political parties, Stepanyuk, A. D., V. I. Startsev, A. D. Kourakin, S. A. Stepanov, M. V. Smirnova discussed political programs of the parties. So the reports of the Conference reflected facts that only new ideas and approaches, which were outlined in the monograph and the collection of papers, had an approval of scientists and were put by scholars in a row of books and articles⁹.

One of the stimulating factors for the spread of new approaches to the study of political parties in Russia was the decision of the Politburo of the Central Committee of the party to prepare "Essays on the History of the CPSU". They were supposed to correct statements about the RSDLP—RSDLP(b)—RKP(b)—VKP(b)—CPSU that took place in the multi-volume history of the CPSU. Officials organized a serious group of historians academic institutes and universities, this group had got almost unlimited access to archival documents at least about the pre-October period of the RSDLP, many boxes of these archives had secret status before. The member of the Politburo A. N. Yakovlev ran this project. Researchers from the second half of the 1980s set quite solid base for theoretical, methodological, historiographical and source studies, which contributed to the transition to a new stage of development of history science, which began in the 1990s.

Academic interest to the history of political parties in the Russian Empire sharply increased during the beginning 1990s in connection with the collapse of the USSR and the collapse of the CPSU because of a need to form national and modern parties. Scholars constantly raised questions during very many round table discussion about a genesis, forms, and methods of functioning of Russian political associations, their interaction with the Empire's government and society, and the significance of their experience for the "new" conditions. A real "boom" of publications of program documents, reissues of monographic studies of both domestic and foreign historians, memoirs of leaders of political parties took start.

⁷ *Narsky I. V.* Russian Provincial Partisanship: political Associations in the Urals before 1917. (On the question of the democratic tradition in Russia) Ch. 1—2. Chelyabinsk, 1995; *Postnikov N. D.* Political Parties of Russia 1907—1917. (Quantitative analysis) M., 2001; *Postnikov N. D.* Territorial distribution and number of political parties in Russia (1907 — February 1917). M., 2013.

⁸ The non-proletarian parties of Russia in the three revolutions.

⁹ See: *Erofeev N. D.* Narodnye socialists during the First Russian revolution. M., 1979; *Leonov M. I.* Leftist narodnichestvo v nachala proletarskogo segodnya liberativnogo dvizheniya v Rossii. Kuibyshev, 1987; *Leonov M. I.* Social Revolutionaries in the Revolution of 1905—1907. Samara, 1992; *Spirina M. V.* The collapse of the petty-bourgeois concepts of socialism of the Socialist Revolutionaries. M., 1987; *Dumova N. G.* The Cadet Party during the First World War and the February Revolution. M., 1988; *Pavlov D. B.* The Socialist Revolutionaries-maximalists in the First Russian Revolution. M., 1989.

There was a state of a new special scientific department of The Russian Independent Institute social and national problems (RNISiNP) in this period, this department urgent took the study of Russian multiparty system in the period of the end XIX — beginning XX centuries. Specialists from RNISiNP published the collection of political programs of the parties¹⁰, provided an international scientific conference on the history of national political parties in Russia¹¹, one of results of this conference were 14 papers about political parties including the poor discovered parties and 20 political leaders¹².

By the initiative of V. V. Shelokhaev, a big group of researchers (about 100 people) was formed, this group began to prepare a special encyclopedia. This work allowed us to introduce a large picture of the genesis, formation and functioning of political parties in Russia by the turn of the XIX—XX centuries¹³. The scientific group cleared up 280 political parties which were in the beginning of the XX century, the group investigated share of members of political parties of the Russian population during brake points of Russian history 1906 and 1917, the share was 0,5% in 1906 and 1,2–1,5% in 1917. At the same time, working on the publication, V. V. Krivenky prepared a list of all-Russian (57) and national (223) political parties¹⁴.

The authors of the encyclopedia denied to follow the old classification of political associations, this classification bases on the class theory of Marxism, and this deny was an innovative approach. According to this new approach, the researches classified the Russian parties in line with party views on native ways of a development and a reforming. According to this method, the scientists classified all Russian political parties as several main groups, they are conservative, liberal, socialist ones, every class of the political parties introduced one of three possible an objective alternative to the country's reforms and transformation of the beginning of XX century¹⁵.

The introductory article of the encyclopedia reveals the historical features of the formation and functioning of political parties, not only all-Russian, but also national¹⁶. The articles give a comprehensive description of the activities of each party for the entire period of their existence in Russia and the emigration. At the same time, the authors payed special attention to the number, social, national and religious characteristics of the political parties, analysis of program documents, strategy and tactics. For the first time, the publication describes the leading press bodies of political parties, the forms and methods of their influence on public and mass consciousness, interaction with government structures and mass organizations (The Soviets, All-Russian and regional unions, professional and cooperative societies), and describes the activities of many party leaders. The process of creating this work contributed not only to the establishment and expansion of scientific relations with domestic and foreign scientists, which developed the history of Russian political parties, but also allowed us to outline further prospects for their study.

¹⁰ Programs of political parties of Russia, the end of the XIX — beginning of the XX centuries. / ed. V. V. Krivenky, N. N. Tarasova. M., 1995.

¹¹ Political History of Russia in Parties and Individuals.

¹² History of the National Parties of Russia. Proceedings of the International conference. Moscow, 1997.

¹³ Political parties of Russia. The end of the XIX — the first third of the XX century. Encyclopedia / Ed. by V. V. Shelokhaev. M., 1996.

¹⁴ Ibid. pp. 725–743.

¹⁵ See: Models of Social Reconstruction in Russia. XX century / Ed. V. V. Shelokhaev. M., 2004.

¹⁶ Political parties of Russia. The end of the XIX — the first third of the XX century ... p. 5–12.

One of the primary tasks of a comprehensive study of this issue was an input of the documentary complex of political associations into scientific use. At the same time, scholars discussed an examination not only Russian, but also foreign archives and how to base international research groups. It was the early 1990s, when two parallel projects took start the “Menshevik” and the “Liberal”. The first of these projects was provided by the Department of historical Sciences, the second one was in hands of specialists of Institute of public opinion, which was founded on the initiative of a number of Russian researchers and the Publishing house “Russian political encyclopedia”. Soon both projects merged into one — “Political Parties of Russia. Documentary heritage”. Researchers from Russia, the United States, Israel and Italy participated in the implementation of this fundamental publication, which has no analogues in the World history. The American magazine “Criticism” published in 2004 a series of articles devoted to the analysis of the published books¹⁷.

We can say about 60 volumes, which contain materials about liberal, socialists and conservative political parties for all periods of existence of these parties¹⁸. There

¹⁷ *Emmons T.* Liberation or Liberalism? // *Kritika*. Vol. 5. 2004. № 1. P. 107—112; *Becker S.* A Conservative Lobby: The United Nobility in 1905—10 // *Ibid.* P. 112—116; *Korros A.* The Kadet Party and the Elusive Ideal of Internal Democracy // *Ibid.* P. 117—136; *Galai Sh.* The True Nature of Octobriism // *Ibid.* P. 137—148; *Budnitskii O.* Russian Liberalism in War and Revolution // *Ibid.* P. 149—168; *Lyandres S.* Documents and Politics in 1917 // *Ibid.* P. 169—178; *Narskii I.* The Right-Wing Parties: Historiographical Limitations and Perspectives // *Ibid.* P. 179—184; *Boniece S.* «Don Quixotes of the Revolution»? The Left SRs as a Mass Political Movement // *Ibid.* P. 185—194; *Melancon M.* The Neo-Populist Experience: Default Interpretations and New Approaches // *Ibid.* P. 195—206; *Corney F.C.* Party History — What It Is and Is Not // *Ibid.* P. 207—219; *Weiss C.* Russian Political Parties in Exile // *Ibid.* P. 219—232.

¹⁸ *The Mensheviks in 1917* / Under the general editorship of Z. Galili, A. Nenarokov, L. Heimson. In 3 vols., Vol. 1. From January to July Events, Moscow, 1994; Vol. 2. From July Events to the Kornilov Rebellion, Moscow, 1995; Vol. 3. From the Kornilov Rebellion to the end of December. Ch. 1. From the Kornilov Rebellion to the Provisional Democratic Council of the Russian Republic (August — first Decade of October), Moscow, 1996; Ch. 2. From the Provisional Democratic Council of the Russian Republic to the end of December (First Decade of October — end of December), Moscow, 1997; *Anarchists. Documents and materials. 1883—1935.* / Ed. Shelokhaev, comp., author of the preface, introduction. and comment. V. V. Krivenky. In 2 t. M., 1998—1999; *Liberal movement in Russia, 1902—1905* / Ed. V. V. Shelokhaev, comp. D. B. Pavlov, authors of notes O. N. Lezhneva, D. B. Pavlov. M., 2001; *Right parties. Documents and materials.* In 2 vols. / Ed. V. V. Shelokhaev, comp., author of the preface, introduction. I. Kiryanov, M., 1998; *Protocols of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party* / Ed. by V. V. Shelokhaev, comp., authors of the commentary by N. I. Kanishcheva, D. B. Pavlov. In 6 t. M., 1994—1999; *Congresses and conferences of the Constitutional Democratic Party* / Ed. by V. V. Shelokhaev, comp., author of the preface and note by N. I. Kanishchev. In 3 t. M., 1997—2000; *The party “Union of October 17”.* Minutes of congresses and meetings of the Central Committee / Ed. by V. V. Shelokhaev, comp., author of the preface, introduction. and comment. D. B. Pavlov. In 2 vols., 1996—2000; *Party of Socialist Revolutionaries. Documents and materials* / Ed. by V. V. Shelokhaev, comp., author of the preface, introduction. and comment. N. D. Erofeev. In 3 vols., 1996—2000; *Party of Left Socialist Revolutionaries. Documents and materials. 1917—1925.* In 3 vols., 2000—2015; *United Nobility. Congresses of authorized provincial noble societies.* In 3 t. M., 2001—2002; *Labor People’s Socialist Party. Documents and materials* / Ed. by V. V. Shelokhaev, comp., author of the preface, introduction. and comment. A.V. Sypchenko, K. N. Morozov. M., 2003; *Party of Democratic Reforms, Peaceful Renewal, Progressives. Documents and materials, 1906—1916* / Ed. by V. V. Shelokhaev, comp., author of the preface, introduction. and comment. N. B. Khailova. M., 2002; *Union of Socialist-Revolutionaries-maximalists. 1906—1924.* Documents, journalism / Ed. V. V. Shelokhaev, comp., author of the preface, comment. D. B. Pavlov. M., 2002; *Parties of Russian Industrialists and Entrepreneurs. Documents and materials, 1905—1906* / Ed. by V. V. Shelokhaev, comp. and the author of the comment. V. Yu. Karnishin. M., 2004; *Conferences of the RSDLP of 1912: documents and materials* / Comp., auth. comment. Yu. N. Amiantov, K. G. Lyashenko, I. S. Rosenthal, Z. I. Peregudova, Z. N. Tikhonova; trans. from the German S. A. Gavrilchenko. M., 2008; *Bund: documents and materials, 1894—1921* / Comp. and author’s

are very important materials of party congresses and conferences, meetings of the Central Committee, Duma factions, correspondence with local committees and departments. Publication of the encyclopedia and a “general project” of documentary materials became a good motive to issue new books¹⁹ and also textbooks for students.

We can hardly name a significant political party, history of which was not mirrored in a famous book or article. Significant results have been achieved in the study of the history of Russian conservatism and right-wing parties²⁰. The characteristic features of the genesis of the conservative ideology in Russia are revealed today, its continuity of the intellectual concepts of the XIX century is proved, all new ideas introduced by the generation of conservatives of the early XX century became clear. At the same time, scientists discussed in detail the interaction between elite conservative circles and salons of the late XIX — early XX century and political associations, showing their territorial distribution, population dynamics and composition, participation in election campaigns, activities in the State Duma, the Council of State and various types of mass public organizations.

Significant progress was made in the study of liberal ideology and the various types of parties that propagated it (Cadets, Octobrists, progressives, the Party of Peaceful Renewal, the Party of Democratic Reforms, etc.). The RNISiNP provided conferences during 1990s, which were two international conferences²¹ and one all-Russian in

comment. Yu. N. Amiantov, K. G. Lyashenko, I. S. Rosenthal, Z. I. Peregodova, Z. Tikhonova. M., 2010; Zionist parties and organizations in the USSR. 1920s. In 2 books, Moscow, 2019; Social-Democratic factions of the First and Second State Dumas: minutes of factional meetings and materials. 1906—1907 / Ed. by P. Yu. Savelyev; comp. by R. M. Gainullina, A. P. Nenarokov, Z. I. Peregodova, P. Yu. Savelyev, G. N. Simakov, A.V. Stemalkhova, M. D. Trukhin. M., 2020.

¹⁹ For a detailed analysis of the first 28 volumes of this publication, see: *Zhuravlev V. V., Nenarokov A. P., Pavlov D. B., Shelokhaev V. V.* Documentary heritage of Russian parties (Some results of serial publication) // Archeographic yearbook for 1999. Moscow, 2000. pp. 3—18; *Pavlov D. B.* Domestic and foreign publications of documents of Russian parties. Autoref. thesis. PhD of historical science. M., 1998.

²⁰ See: *Stepanov S. A.* Chernaya sotnya v Rossii (1905—1914) M., 1992; *Raskin D. I.* Ideologiya russkogo pravogo radikalizma v kontsa XIX — nachalo XX vv. [The Russian Right-wing Radical Ideology in the Late nineteenth and Early twentieth Centuries]. / Edited by O. Vite, V. Voronkov, R. Ganelin, B. Firsov. Ch. 1. Russia and the Russian Abroad. St. Petersburg, 1992. pp. 5—46; *Narsky I. V.* “Revolutionaries on the right”: Black Hundreds in the Urals in 1905—1916. Materials for the study of “Russianness”. Yekaterinburg, 1994; *Abushik V. V.* Activity of monarchical organizations of Central Russia in the period of bourgeois-democratic revolutions (1905—1907). M., 1995; *Tolochko A. P.* Chernosotentsy v Sibiri (1905—February 1917). Omsk, 1999; *Repnikov A.V.* Conservative concept of Russian statehood. M., 1999; *Repnikov A.V.* Conservative concepts of perestroika of Russia. M., 2007; *Mikhailova E. M.* Black-hundred organizations of the Middle Volga Region in 1905—1917. Cheboksary, 2000; *Strelkov A.* Black Hundred in the Central Chernozem Region. Kursk, 2000; Conservatism in Russia and the World: Past and Present. Collection of scientific papers of the Voronezh State University. Issue 1. Voronezh, 2001; *Lukyanov M. N.* Russian conservatism and reform. 1907—1914. Perm, 2001; *Kiryakov Yu. I.* Right Parties in Russia. 1911—1917. M., 2001; *Kiryakov Yu. I.* Russian Assembly 1900—1917. M., 2003; *Doroshenko A. A.* Right in the State Duma of the Russian Empire. Samara, 2004; *Sankova S. M.* The Russian Party in Russia. Formation and activity of the National Union (1908—1917). Orel, 2006; *Omelyanchuk I. V.* The Black Hundred Movement in the Russian Empire (1901—1914). Russian Russian ideas and the Russian Cause: Kiev, 2006; *Stogov, D. I.* Pravomonarchicheskie salony Peterburg—Petrograd (Late XIX — early XX century). St. Petersburg, 2007; *Lebedev, S. V.* Russkie idei i russkoe delo. National-patriotic movement in Russia in the past and present. St. Petersburg, 2007; *Ivanov A. A.* Pravye v Russian parliament: from the crisis to the collapse of 1914—1917. Moscow; St. Petersburg, 2013; *Ivanov A. A.* “The Matter of Honor”. Deputies of the State Duma and dueling scandals of 1906—1917. St. Petersburg, 2018.

²¹ Russian liberalism. Historical destinies and prospects. Materials of the international scientific conference. Moscow, May 27—19, 1998, Moscow, 1999; P. N. Milyukov: historian, politician, diplomat. Materials of the international scientific conference. Moscow, May 26—27, 1999, Moscow, 2000.

Rostov-on-Don²². Scholars discussed a wide range of theoretical and methodological, historiographical and source studies problems of the Russian liberalism's history at forums, ideas of these scientists mirrored in the reports done on the conferences. The conferences had a significant role in raising new scientific questions. For example, the problems of adaptation Western European experience (ideas, parliamentary practice) and continuity between different generations of Russian liberalism began to be actively discussed. The scientists did introduction of new sources into scientific circulation making it possible to significantly correct the ideas about the formation of liberal proto-party and party structures, which to a certain extent contributed to the answer to the question: why did the Russian liberals (like the conservatives and socialists) fail to create a single party? There are in these detailed studies the content of liberal models of the transformation of Russia, the channels of interaction of parties with government institutions and public associations²³.

The political situation of 1990s provoked an obvious interest in the history of Russian liberalism. This situation was what determined the emergence of new research aimed at understanding the processes of a genesis and evolution of liberal ideology, the development of party programs, and attempts to establish constructive (though ultimately unsuccessful) interaction with the government and society. Relatively recently, encyclopedias have been prepared on the development of liberalism and conservatism in Russia, there were publishing monographs, reissued memoirs and biographies of party leaders from these spheres. An important role in the formation of the historiographical tradition of studying Russian liberalism had the public organization "Liberal Mission", which initiated many scientific actions, prepared several issues of collections of documents which lighted the life of prominent Russian liberals, "Liberal Mission" installed memorial plaques devoted to famous liberals in many regions of the country. In this regard, it is necessary to emphasize the great organization role of two initiators of many scientific conferences and symposiums on the history of liberalism, they are Doctor of Philosophy A. A. Kara-Murza²⁴ and Doctor of History D.V. Aronov²⁵.

²² Liberal Conservatism: History and Modernity. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Rostov n/A, May 25—26, 2000, Moscow, 2001.

²³ See: *Shelokhaev V. V.* Ideology and political organization of the Liberal bourgeoisie. Russian Russian Federation, 1907—1917, Moscow, 1991; *Shelokhaev V. V.* The Liberal Model of the Transformation of Russia, Moscow, 1996; *Shelokhaev V. V.* The Constitutional Democratic Party in Russia and Emigration, Moscow, 2015; *Shelokhaev V. V.* Liberalism in Russia at the beginning of the Twentieth Century, Moscow, 2019; *Vishnevsky E.* The Liberal Opposition in Russia on the Eve of the First World War, Moscow, 1994; *Seletsky V. N.* Progressivism as a political party and Ideological direction in Russian Society, Moscow, 1996; *Gogolevsky A.V.* Essays on the History of Russian liberalism of the XIX-early XX Century. XX century. St. Petersburg, 1996; *Seleznev F.A.* Nizhny Novgorod Cadets: regional experience of a political party (1905—1917). N. Novgorod, 1997; *Seleznev F. A.* Constitutional Democrats and the bourgeoisie (1905—1917). N. Novgorod, 2006; *Harus O. A.* Liberalism in Siberia at the beginning of the twentieth century: Ideology and Politics. Tomsk, 1996; *Sekirinsky, S. S., Shelokhaev, V. V.* Liberalism in Russia: essays on history (mid-XIX — early XX centuries). M., 1995; *Gaida, F. A.* Liberal Opposition on the way to power (1914 — Spring 1917). M., 2003; *Gaida, F. A.* Power and the public in Russia: a dialogue on the path of political development (1910—1917). M., 2016; *Soloviev, K. A.* Circle "Conversation". In search of a new political reality 1899—1905. Moscow, 2009.

²⁴ Russian Liberalism: Ideas and People. Ed. 2 / Under the general editorship of A. A. Kara-Murza. M., 2007; Russian liberalism: ideas and people / Under the general editorship of A. A. Kara-Murza. In 2 vols., 2018.

²⁵ See: *Aronov D. V.* "Life given to the struggle for the right": scientific conference "Muromtsev Readings, 2009—2018" // History: facts and Symbols. 2019. No. 1 (18). pp. 165—168. See also: Russian Libe-

Scholars paid much attention to the study of socialist parties during 1990s²⁶. Researchers changed priorities in this period when historians of the Soviet period favored history of CPSU mainly after the October Revolution. The scientific attention was focused on the study of other socialist parties — Mensheviks, Social Revolutionaries, left Social Revolutionaries, People's Socialists, social Revolutionaries-maximal-

ism: Theory, Programmatic, Practice, Personalities. Collection of scientific articles. Orel, 2009; Orel Liberals: people, Events, epoch. Collection of scientific articles. Orel, 2010; Sergey Andreevich Muromtsev-Chairman of the First State Duma: scientist, politician, teacher. Orel, 2010; Orel Sage, ahead of time. Collection of scientific articles. Orel, 2011. "Time has chosen us." The intellectual's path to politics. IV Muromtsev readings. Collection of materials of the scientific conference. October 25—26, 2012 Orel, 2012; "The Constitution of 1993 and Russian Liberalism: to the 20th anniversary of the Russian Constitution". V. Muromtsev readings. Collection of materials of the scientific conference. September 27—28, 2013 Orel, 2013; "The Imperial and monarchical component of liberal ideology". Muromtsev readings. Collection of materials of the All-Russian Scientific Conference. Orel, 2014; Muromtsev Readings. Works. 2009—2013. Collection of scientific articles. Orel, 2014; Ethnoconfessional and national problems of the development of Russian statehood in the theory, programmatic and political and legal practice of Russian liberalism. Collection of materials of the All-Russian Scientific Conference. October 1—3, 2015 Orel, Prioksky State University. Orel, 2015; Moral Aspects of Political Activity in the Theory, Programmatic, Party Practice and Law-making of Russian liberalism. Collection of materials of the scientific conference. VIII Muromtsev readings. 8—9 October 2016 Orel, 2016; Liberals and Revolution. Collection of materials of the All-Russian Scientific Conference. October 13—14, 2017 Orel, 2017; History of the State and Law. 2017. № 19. Special issue dedicated to the 100th anniversary of the Revolution of 1917; Russian Liberalism: results and Prospects of Study. Collection of materials of the international scientific Conference. September 28—29, 2018 Orel, 2018; Russian Liberalism and the State Duma. 1906—1917. Materials of the international scientific conference. October 11—12, 2019 At 3 Orel / Under the general editorship of D. V. Aronov. Eagle, 2019.

²⁶ See: *Orlov B. S.* Social-democratic theory: a view from Russia. Collection of articles. M., 1993; *Orlov B. S.* Political culture and the formation of democracy in Russia. M., 1994; *Orlov B. S.* Russian social-democracy: history and modernity (To the 100th anniversary of the RSDLP). Scientific and analytical review. M., 1998; *Orlov B. S.* Social-democracy as an object of scientific research in Russia. Scientific and political review. M., 2000; *Tyutyukin S. V., Shelokhaev V. V.* Marxists and the Russian Revolution. M., 1996; History of terrorism in Russia in doctrines, biographies, studies / Comp. O. V. Budnitsky. Rostov n/A, 1996; *Leonov M. I.* The Party of Socialist Revolutionaries in 1905—1907, Moscow, 1997; *Shevtsov A. V.* Publishing activities of Russian non-socialist parties of the early twentieth century. St. Petersburg, 1997; *Ermakov V. D.* Anarchist movement in Russia: History and Modernity. St. Petersburg, 1997; *Morozov K. N.* The Party of Socialist Revolutionaries in 1907—1914, M., 1998; *Gorodnitsky R. A.* The Combat Organization of the Party of Socialist Revolutionaries (1901—1911). M., 1998; Mensheviks and Menshevism. Collection of articles. M., 1998; Historical experience of interaction between Russian and German social-democracy. To the 100th anniversary of the RSDLP. Proceedings of the Russian-German Bilateral Symposium 5—7 March 1998, Moscow, 1998; *Sypchenko A. V.* The People's Socialist Party in 1907—1917, Moscow, 1999; *Sypchenko A. V.* The Labor People's Socialist Party: Theory and Practice. Samara, 2004; *Pavlov D. B.* The Bolshevik Dictatorship against the Socialists and Anarchists 1917-Mid-1950s Moscow, 1999; Political Parties and Society in Russia 1914—1917. Collection of articles and documents. M., 1999; *Sherstyankov I. S.* History of the Menshevik faction of the RSDLP (1903-February 1917). M., 2003; *Shubin A. V.* Anarchy-the mother of order. Between red and white. M., 2005; *Urilov I. H.* History of Russian social-democracy (Menshevism). Part 1. Source studies. M., 2000; Part 2. Historiography. M., 2001; Part 3. Origin of Menshevism. M., 2005; Part 4. Formation of the party. M., 2008; *Shtyrbul A. A.* Anarchist movement in Siberia in the 1st quarter of the twentieth century: anti-state revolt and non-state self-organization of workers: theory and practice. Part 1. Omsk, 1996; *Leontiev Ya. V.* "Scythians" The Russian Revolution: the Party of the Left Social Revolutionaries and its literary companions. M., 2007; *Galili Z., Heimson L., Miller V., Nenarokov A.* RSDLP(b) in 1917: Documentary and historical essays. Moscow, 2007; *Rublev D. I.* The Dictatorship of intellectuals? The problem of "intelligentsia and revolution" in Russian anarchist journalism of the late XIX — early XX centuries. Moscow, 2010; *Nenarokov A. P.* Rightist Menshevism: insights of Russian Social-democracy. Moscow, 2012; *Pryzman L.* The Third Way in the Civil War. The Democratic Revolution of 1918 on the Volga. St. Petersburg, 2015; *Krivenky V. V.* Anarchist movement in Russia in the first quarter of the twentieth century. Theory, organization, practice. Moscow, 2018.

ists. Now days the activities of the socialist parties during the First Russian Revolution, the period of the First World War, as well as after the February Revolution have been most thoroughly studied.

Many significant scientific papers about history of national parties were issued²⁷. The problem field of the researches has also significantly expanded, the wide field contains now the formation of parties, their social and organizational structures, programs, strategies and tactics; participation in election campaigns for the State Duma and the Constituent Assembly; the activities of Duma factions, as well as deputy associations in Councils. Much attention was paid to the party press, and methods of comparative analysis were more actively used.

So good proceedings in the Study of party history allowed to prepare manuals for the Russian High School²⁸.

In the relevant chapters, the theoretical and methodological, historiographical and archaeographic problems of studying Russian political parties are thoroughly considered. In particular, the authors described typology and definition of the concept of “party”. Each political association had its own intellectual credo and this depended in many ways on regional characteristics. However, there is also a human factor in politics, and researchers actively studied during 1990s biographies of major party leaders²⁹.

Innovative research developments became often the subject of discussions within international and all-Russian scientific forums, in which not only famous scientists,

²⁷ See: *Seidzade D. B.* Azerbaijani deputies in the State Duma of Russia. Baku, 1991; Political parties and Movements of Ukraine of the XIX—XX centuries. Collection of scientific papers. Dnepropetrovsk, 1993; *Bagirova I. S.* Political parties and Organizations of Azerbaijan in the early twentieth century. 1900—1917. Baku, 1997; *Iskhakov S. M.* Russian Muslims in the Revolution (Spring 1917—Summer 1918). Moscow, 2004; *Karapetyan L. A.* At the origins of the Russian multiparty System: the North Caucasus region (the end of the 90s of the XIX century. February 1917). Krasnodar, 2001; *Tsiunchuk R. A.* Presentation of ethno-confessional and regional interests in political programs and election platforms of parties and socio-political associations of the Russian Empire 1905—1912 // Space of power: the historical experience of Russia and the challenges of modernity. Moscow, 2001. pp. 288—316; *Soldatenko V. F.* Gromadsko-politichna diyalnist Volodimir Vinnichenka: (up to 125-rychcha vid den narodzhennya). Kiev, 2006; *Soldatenko V. F.* Ukraine: 1917 rik. Kiev, 2012; The Great Russian Revolution of 1917 and the Muslim Movement. Collection of documents and materials / Comp., preface and note. Iskhakov, M., 2019.

²⁸ See: The History of Political Parties in Russia / Ed. by A. I. Zevelev, M., 1994; Political Parties: History and Modernity. Textbook for history and humanities departments of higher educational institutions / Edited by A. I. Zevelev, Yu. P. Sviridenko, V. V. Shelohaeva, M., 2000.

²⁹ See: Political figures of Russia, 1917: biographical dictionary. M., 1993; Dumova N. G. Liberal in Russia: the tragedy of incompatibility. Historical portrait of P. N. Milyukov. M., 1993; *Volkogonov D. A.* In 2 t. M., 1994; *Vandalkovskaya M. G.* Milyukov P. N., Kizeveter A. A.: history and politics. M., 1992; *Tumarinson V. H.* Mensheviks and Bolsheviks: a failed consensus. Experience of historical reconstruction. M., 1994; *Aleksandrov S. A.* Leader of the Russian Cadets P. N. Milyukov in emigration. M., 1996; *Senin A. S.* Alexander Ivanovich Guchkov. M., 1996; *Tyutyukin S. V. G. V.* Plekhanov. The fate of the Russian Marxist. Moscow, 1997; *Tyutyukin S. V.* Menshevism: pages of history. M., 2002; *Tyutyukin S. V.* Alexander Kerensky: pages of political biography (1905—1917). Moscow, 2012; *Gusev K. V. V. M.* Chernov. Strokes to a political portrait. M., 1999; *Loginov V. T.* Vladimir Lenin. Choosing a path. Biografiya. M., 2005; *Loginov V. T.* Neizvestny Lenin. M., 2010; *Fedorenko A. A.* Politicheskaya kontseptsiya V. M. Chernova. M., 1999; *Kazarova N. A.* Yu. O. Martov. Touches to the political portrait. Rostov n/A, 1998; Russian Liberals. Collection of articles / Edited by B. S. Itenberga, V. V. Shelohaeva. M., 2001; *Konovalova O. V. V. M.* Chernov about the ways of development of Russia. Moscow, 2009; *Ivanov A. A.* Vladimir Purishkevich. Experience of the biography of a right-wing politician. M.; St. Petersburg, 2011; *Rosenthal, I. S. N.* Valentinov and others. XX century through the eyes of contemporaries. M., 2015; *Kolonitsky B. I.* “Comrade Kerensky»: anti-monarchist revolution and the formation of the cult of the “leader of the people” (March-June 1917). Moscow, 2017; *Aronov D. V.* Sergey Andreevich Muromtsev. A life devoted to the struggle for the right. Eagle, 2019.

but also young specialists actively participated. The scientific conference “Political Parties in Russian revolutions at the beginning of the twentieth century” was held in 2003, this conference was initiated by the Scientific Council of the History of Social Reforms, Movements and Revolutions 40 reports by this conference were about various problems of the life of Russian parties in 1905—1917³⁰.

As often happens, three important commemorative events as the 100th anniversary of the First World War, the Russian Revolution of 1917 and the Civil War had a stimulating role in the further development of the Study of party history, during the preparation of which collective monographs³¹ were fulfilled on the basis of the IRI RAS and international conferences, which were held in this period³².

This kind of data compilation an sources as same as special research activity allow us to outline not only findings which have been done, but also what remains to be studied. It is worth to pay attention to the need for further development of the history of national parties, as well as regional associations. The study of the first problem was complicated with the collapse of the USSR (1991), this had deleted the unified archival system and the stopped a growing of a new generation of historians in the former Soviet republics. Some of historians, unfortunately, adopted a nationalist ideology, which is today the basis for research, including political parties which got roots and operated in national regions, this is a common trend, but this is not only one. Many of these historians continue to participate in international conferences, adhering to completely scientific approaches, which gives them the opportunity to find not just “points of contact” with their Russian colleagues, but to successfully cooperate in the preparation of joint fundamental scientific works. This allows us to maintain hope for the strengthening contacts between historians, for their joint participation in the preparation of generalizing studies, without which it is impossible to imagine the unity and peculiarities of the genesis and functioning of political parties in the multinational Russian Empire.

We should mention also about new opportunities to cooperate with foreign and native colleagues for joint papers about Russian political parties during the functioning of these parties home and abroad. Above this, we can wait innovative works about history of local political organizations is a way of comparative study as we take in account a big amount of proceeding in the field of the study of the archives and the past periodical press³³ in different regions. However, political parties are not only their central committees and executive bodies, political parties special social organism, every such organism functioned within the total Russian territory, but this activity had

³⁰ Political parties in Russian revolutions at the beginning of the twentieth century. Moscow, 2005.

³¹ See: Russia in the years of the First World War: economic situation, social processes, political crisis / Ed. by Yu. A. Petrov. M., 2014; The Russian Revolution of 1917: power, society, culture. In 2 t. / Ed. Yu. A. Petrov. M., 1917; The First World War and the end of the Russian Empire. T. I. February Revolution. St. Petersburg, 2013.

³² See: Russia during the First World War, 1914—1918. Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, September 30 — October 3, 2014) / Ed. by A. N. Artizov, A. K. Levykin, Yu. A. Petrov. M., 2014; The Great Russian Revolution, 1917: One hundred years of study. Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, October 9—11, 2017) / Ed. by Yu. A. Petrov. M., 2017 (see: section “Political Parties and Public Organizations”); Russia during the Civil War, 1917—1922: power and Society on both sides of the front. Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, September 1—3, 2018). Moscow, 2018.

³³ See, for example: *Belov A.M.* Political parties and workers of the Central Industrial Region in the Revolution of 1905—1907. Kostroma, 1997; *Shilovsky M. V.* Socio-political movement in Siberia in the second half of the XIX-early XX century. Novosibirsk, 2013.

its own diverse features in different regions. We should mention in this sense example of the publication activity of Ja V Leontiev who has found very informative sources when he was exploring the materials of the Party of Left Socialist Revolutionaries, some of these materials were in regional archives³⁴.

Finally, in addition to the expansion of theoretical and methodological issues as the development of the concept of “political party” in Russia as same as root connection of the political parties of the Early Twentieth century with the previous proto-party’s period, composite nature of the ideological, programmatic, strategic, and tactical units; the stages of the “bifurcation” of political structures, etc. it is necessary to intensify research on the special study parties “transition” and “centrist” types, mechanisms of reformatting them in crisis situations, especially in the periods of revolutions of 1905—1907 and 1917, Civil war and immigration. All this will allow us to start creating a fundamental generalizing work on the history of Russian political parties for the entire period of their existence in Russia and abroad.

³⁴ The Party of Left-wing Socialist-Revolutionaries. Documents and materials. 1917—1925. In 3 t. M., 2000—2015.

Наши авторы

Абдуллаев Ясын Сахиб оглы, лаборант-исследователь Санкт-Петербургского государственного университета

Авдашкин Андрей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории миграционных исследований Южно-Уральского государственного университета (Челябинск), доцент Челябинского государственного университета

Айрапетов Олег Рудольфович, кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Аманжолова Дина Ахметжановна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Белоусов Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Богданов Андрей Петрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Виртшафтер Элис Кимерлинг, доктор исторических наук, профессор Политехнического университета штата Калифорния в Помоне (США)

Владимиров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения, архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета (Барнаул)

Гордеев Пётр Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Даудов Абдулла Хамидович, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Дворниченко Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России с древнейших времён до XX века Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Каменский Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Кирильчик Денис Викторович, аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Ковальская Светлана Ивановна, доктор исторических наук, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва (Нур-Султан, Казахстан)

Козляков Вячеслав Николаевич, доктор исторических наук, профессор Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина

Красильников Сергей Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН

Круглов Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Лисейцев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Ляпин Денис Александрович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия Института истории и культуры Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Маньшев Сергей Борисович, кандидат исторических наук (Махачкала)

Муханов Вадим Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Московского государственного института международных отношений МИД России

Новиков Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий отдела Кавказа Института стран СНГ

Омельянчук Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор Владимирского государственного университета

Орешин Сергей Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Полунов Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Романько Олег Валентинович, доктор исторических наук, профессор Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Соловьёв Кирилл Андреевич, доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Тихонов Виталий Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Трепавлов Вадим Винцерович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Ханова Ирина Евгеньевна, кандидат философских наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета

Шелухаев Валентин Валентинович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Народы и пространства

- В.В. Трепавлов*
«Русский улус» Золотой Орды 3

Идеи и образы

- А.П. Богданов*
«Прения с греками о вере» Арсения Суханова в историческом контексте 16

Историк и источник

- В.Н. Козляков*
«Как живут добрые люди» (источниковедческие проблемы изучения частной жизни в России по материалам «духовных дел» 1660—1670-х гг.) 26
- Д.А. Ляпин*
Опыт изучения ландратских книг петровского времени 37

Россия и мир

- Белоусов М.С., Абдуллаев Я.С.*
Первые испанские революции и правящие круги Российской империи 46

Институты и общности

- Д.В. Кирильчик*
Самооборона русских переселенцев в период Среднеазиатского восстания 1916 года 58
- Д.А. Аманжолова*
Казахский автономизм в 1918 г.: конкуренция проектов и динамика альянсов 63
- С.А. Орешин*
Политика белогвардейцев в Дагестане в 1919 — начале 1920 г. 79
- А.А. Авдашкин*
Судьбы китайцев на Урале в 1920—1930-х гг. 91

Политика и политики начала XX века

- П.Н. Гордеев*
Ф.А. Головин: либеральный политик революционной эпохи 106
- И.В. Омелянчук*
«Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа 123

Профессия и сообщество

- В.В. Шелохаев, К.А. Соловьёв*
Политические партии России в начале XX в. как историографическая проблема 139

Четыре столетия общественной эволюции: размышления о структуре российского социума XVII—XX вв.	151
<i>А.Б. Каменский: Предмет изучения будущих историков</i>	151
<i>Д.В. Лисейцев: Люди и чины: сложные вопросы социальной стратификации России XVI—XVII вв.</i>	157
<i>С.А. Красильников: Размышления о социальной стратификации России/СССР в XX в.</i>	163
<i>В.Н. Круглов: Социальная стратификация советского: в лабиринтах явлений, трактовок, терминов</i>	169
<i>Э.К. Виртшафтер: Новая социальная история России</i>	174

Обзоры и рецензии

<i>В.М. Муханов — П.И. Тахнаева. Гуниб, август 1859 г. «Последние дни джихада в Дагестане...»</i>	181
<i>А.Ю. Полунов — А.А. Иванов. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич</i>	183
<i>О.Р. Айрапетов — Поход, которого не было</i>	188
<i>О.В. Романько — Крым в годы революции и Гражданской войны: между «красными», «белыми» и «жёлто-синими»</i>	192
<i>С.Б. Маньшев — Миражи грузинской независимости</i>	197
<i>В.В. Новиков — Очень своевременная книга. Грузинская Демократическая Республика 1918—1921 гг. в современной российской историографии...</i>	201
<i>С.И. Ковальская — Д.А. Аманжолова. Советский проект в Казахстане: власть и этничность. 1920—1930-е гг.</i>	204
<i>В.Н. Владимиров — Рубежи междисциплинарного исторического направления</i>	207
<i>В.В. Тихонов — В.С. Груздинская, А.И. Ключев, О.В. Метель. Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920—1930-х гг.</i>	211
<i>И.Е. Ханова — Постигая историю: к 70-летию члена-корреспондента РАН, президента РГГУ Ефима Иосифовича Пивовара. Сборник статей</i>	214

Pro memoria

<i>И.Я. Фроянов (1936—2020)</i>	219
<i>Наши авторы</i>	220

CONTENTS

Peoples and spaces

- V.V. Trepavlov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
«Russian ulus» of the Golden Horde 3

Ideas and images

- A.P. Bogdanov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
«The Debate on Faith with the Greeks» by Arseny Sukhanov in a historical context . . . 16

The historian and the source

- V.N. Kozlyakov (Ryazan State University named for S.A. Yesenin, Russia)*
«How good people live» (source studies of private life in Russia based on the materials of the «spiritual affairs» of the 1660—1670s) 26
- D.A. Lyapin (Bunin Yelets State University, Russia)*
The experience of studying the Landrat's books of Peter the Great's time 37

Russia and the world

- M.S. Belousov, Ya.S. Abdullaev (both — Saint Petersburg State University, Russia)*
First Spanish Revolutions and the governing elites of the Russian Empire 46

Institutions and communities

- D.V. Kirilchik (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)*
Self-defence of Russian settlers during the Central Asian uprising of 1916 58
- D.A. Amanzholova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Kazakh autonomism in 1918: competition of projects and dynamics of alliances 63
- S.A. Oreshin (N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
The policy of the White Guard in Dagestan during 1919 — early 1920 79
- A.A. Avdashkin (South Ural State University, Chelyabinsk; Chelyabinsk State University, Russia)*
The fate of the chinese in the Urals during the 1920—1930s 91

Policy and politics of the early 20th century

- P.N. Gordeev (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg)*
F.A. Golovin: the liberal politician of the revolutionary era 106
- I.V. Omelyanchuk (Vladimir State University, Russia)*
«The house divided against itself»: split of The Union of the Russian People 123

Profession and the community

- V.V. Shelokhaev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow),
K.A. Solovyov (National Research University Higher School of Economics; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Political parties of Russia in the early 20th century as a historiographical problem 139

Discussing recent books

Four centuries of social evolution: reflections on the structure of Russian society in the 17—20 centuries	151
<i>A.B. Kamenskii (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia): The subject of study for future historians</i>	151
<i>D.V. Lyseitsev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): People and ranks: the complex issues of social stratification in Russia of 16—17 centuries</i> . . .	157
<i>S.A. Krasilnikov (Institute of History, Siberian branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk): Reflections on the social stratification of Russia/USSR in the 20th century</i>	163
<i>V.N. Kruglov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Social stratification of the Soviet: in the labyrinth of phenomena, interpretations, terms</i>	169
<i>E.K. Wirtschafter (California State Polytechnic University in Pomona, USA): Russia's New Social History</i>	174

Reviews

<i>V.M. Mukhanov (Moscow State Institute of International Relations, Russia)</i> Rec. ad op.: P.I. Takhnayeva. Gunib, avgust 1859 g. «Posledniye dni dzhikhada v Dagestane...»	181
<i>A.Yu. Polunov (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i> Rec. ad op.: A.A. Ivanov. Plamennyi reaktioner Vladimir Mitrofanovich Purishkevich	183
<i>O.R. Airapetov (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i> The campaign that never happened	188
<i>O.V. Romanko (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia)</i> Crimea during the revolution and Civil war: between the «red», «white» and «yellow-blue»	192
<i>S.B. Manyshv (Makhachkala, Russia)</i> Mirages of Georgian independence	197
<i>V.V. Novikov (Institute of the CIS countries, Moscow, Russia)</i> A very timely book. Georgian Democratic Republic 1918—1921 in modern Russian historiography	201
<i>S.I. Kovalskaya (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan)</i> Rec. ad op.: D.A. Amanzholova. Sovetskiy proyekt v Kazakhstane: vlast' i etnichnost'. 1920—1930-ye gg.	204
<i>V.N. Vladimirov (Altai State University, Barnaul, Russia)</i> Frontiers of interdisciplinary historical direction	207
<i>V.V. Tikhonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; Russian State University for Humanities, Moscow)</i> Rec. ad op.: V.S. Gruzdinskaya, A.I. Klyuyev, O.V. Metel'. Ocherki istorii institutsional'noy struktury sovetskoy istoricheskoy nauki 1920—1930-kh gg.	211
<i>I.E. Khanova (Russian State University for Humanities, Moscow)</i> Rec. ad op.: Postigaya istoriyu: k 70-letiyu chlena-korrespondenta RAN, prezidenta RGGU Efima Iosifovicha Pivovara. Sbornik statey	214

Pro memoria

I.Ya. Froyanov (1936—2020)	219
Contributors to this issue	220

РЕДАКЦИЯ

Круглов В.Н., к.и.н.	— Отдел Новейшей истории
Мамонов А.В., к.и.н.	— Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н.	— Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В.	— Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н.	— Литературный редактор
Мац А.Г.	— Младший редактор

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей
в журналы Российской академии наук
воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье, а также оставить комментарий редактору;
- 3) статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций

АСПИРАНТУРА

История
Культурология

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).